

№ 3 (27) ▪ 2021

▪ September

Russian Linguistic Bulletin

ISSN 2227-6017 ONLINE

Yekaterinburg
2021

Theoretical and scientific journal.
Published 4 times a year.
Founder: Sokolova M.V.
Editor in chief: Smirnova N.L., PhD
Publisher and editorial address: Yekaterinburg, Akademicheskaya
St., Bldg. 11A, office 4, 620137, Russian Federation
Email: editors@rulb.org
Website: www.rulb.org
16+

№ 3 (27) 2021
September

Publication date 20.09.2021
Price: free.
Impact factor RSCI (2018) – 0,123
https://www.elibrary.ru/title_profile.asp?id=50831

Russian Linguistic Bulletin is a peer-reviewed scholarly journal dedicated to the questions of linguistics, which provides an opportunity to publish scientific achievements to graduate students, university professors, persons with a scientific degree, public figures, figures of culture, education and politicians from the CIS countries and around the world.

The journal is an open access journal which means that everybody can read, download, copy, distribute, print, search, or link to the full texts of these articles in accordance with CC Licence type: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

Certificate number of registration in the Federal Supervision Service in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications: **ПН № ФС 77 – 58339 (terminated 07.04.2021), ЭЛ № ФС 77 – 73011**

Editorial board:

Rastjagaev A.V. PhD in Philology, Moscow City University (Moscow, Russia)
Slozenikina Ju.V. PhD in Philology, Moscow City University (Moscow, Russia)
Shtreker N.Ju. PhD in Pedagogy, PhD in Philology, Kaluga State Pedagogical University (Kaluga, Russia)
Levickij A.Je. PhD in Philology, Moscow State University (Moscow, Russia)
Alikaeiev R.S. PhD in Philology, Kabardino-Balkarian State University (Nalchik, Russia)
Erofeeva E.V. PhD in Philology, Perm State University (Perm, Russia)
Ivanov A.V. PhD in Philology, State Linguistic University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia)
Magirovskaja O.V. PhD in Philology, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)
Kyuchukov H. PhD in Philology, Magdeburg-Stendal University of Applied Sciences (Stendal, Germany)
Umnyashkin A.A. MD, professor, PhD in Philology, Director of the Center for Study of Ancient and Modern Languages of Azerbaijan (Baku, Azerbaijan)
Moradi H. PhD, Lecturer, Shahid Chamran University of Ahvaz, (Ahvaz, Iran)
Iseni B.A., professor, PhD in Philology, State University of Tetovo (Tetovo, North Macedonia)
Jurkovič V. PhD, Associate Professor, University of Ljubljana (Ljubljana, Slovenia)
Ma Daoshan, PhD, Professor, Tianjin Polytechnic University (Tianjin, China)
Gutovskaya G.S., PhD in Philology, Associate Professor, Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus)
Medvedeva O., PhD in Humanities, Vilnius University (Vilnius, Republic of Lithuania)
Korostenskienė J., PhD in Linguistics, Professor, Vilnius University (Vilnius, Republic of Lithuania)
Alimi D., PhD in Linguistics, Assoc.Prof., State University of Tetovo (Tetovo, North Macedonia)
Pllana Gani, Doctor, PhD in Linguistics, University of Prishtina "Hasan Prishtina" (Prishtina, Republic of Kosovo)
Kulesh H.I., Professor, Doctor of Pedagogy, PhD in Philology, Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus)

Table of Contents

LINGUISTICS AND LANGUAGES (UDC 81)

Gavrilova J.V. PERCEPTION OF THE NOTIONS PART OF SPEECH, WORD AND LOCATIVE CONSTRUCTION IN BRITISH LINGUISTIC TRADITION OF THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY	6
Zaykova I.V., Kazantseva E.M., Kazantseva A.A., Pribylova N.G. TEXT SELECTION IN TEACHING TECHNICAL TRANSLATION	9
Падерина Т.С., Сюэ Б. ЭТНИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ КОНЦЕПТА «СВОЙ-ЧУЖОЙ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКИХ И КИТАЙЦЕВ.....	13
Баянкина Е.Г. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КОГНИТИВНЫХ СТРУКТУР В ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АТТРИБУТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В ТЕКСТЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПАТЕНТА).....	18
Жданова Т.А. ТЕХНИКА КАК ФАКТ АНТРОПОЦЕНТРИЗМА.....	26
Koptelova I.E. CONVENTIONAL TOPICS IN VICTORY SPEECHES OF RUSSIAN PRESIDENTS	30
Кириллова В.Ю. ПАРНЫЕ СЛОВА С НОВОРУССКИМИ КОМПОНЕНТАМИ В ЧУВАШСКОМ И МАРИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	35
Демидова Е.В. ОСОБЕННОСТИ РУБРИКАЦИИ ИНФОРМАЦИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ТЕКСТАХ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ ДИЗАЙНУ	38
Goyushova L.M. COMPARATIVE ANALYSIS OF AMERICAN AND RUSSIAN ROCKET NAMES	46
Baldanova E.A. DISTANT LEARNING OF FOREIGN LANGUAGES	51
Кузнецова В.Ю. МЕТАФОРА КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА (НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКИХ СМИ).....	57
Shashkova V.N. TERMINOLOGICAL WORD COMBINATIONS WITH THE LEXICAL COMPONENT “FINGERPRINT”: SPECIFICS OF NOMINATION	61
Tsibernaya O.F. GENERALIZATION AND SPECIALIZATION AS BASIC PROCEDURES OF LINGUOCULTURAL KNOWLEDGE TRANSFER	65
Кузьмина Е.В. ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ИСПАНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ.....	69
Nikitina G.A., Ryzhova V.V. REALIZATION OF THE PRESENTATIONAL FUNCTION OF THE SOCIAL NETWORK DISCOURSE (SUBJECT AREA – ENGLISH LANGUAGE LEARNING).....	73
Дорошенко Н.С., Литвин М.И. ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СИНТАГМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ.....	79

Горина Е.В. ДЕФЕКТЫ КРЕОЛИЗОВАННОГО МЕДИАТЕКСТА: НЕЯСНОСТЬ, БЕССОДЕРЖАТЕЛЬНОСТЬ, КАЛАМБУР	82
Starodubtseva E.A. PHONOSTYLISTIC PECULIARITIES OF ENGLISH-LANGUAGE COMIC BOOKS	86
Лыткина О.И., Долгенко А.Н. КОНЦЕПТЫ «ЧИНОВНИК», «ГОССЛУЖАЩИЙ» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА	91
Shevchenko T.I., Romanova E.Yu. WORD STRESS MOSAIC OF GLOBAL ENGLISH: PLACEMENT AND PERCEPTION VARIANCE	96
Картавец В.Н., Кузьменко П.Б. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВОЗВРАТНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	102
Biryukova I.A. THE SEMANTICS OF HOMOSEXUAL NOMINATIONS: A DIACHRONIC STUDY	106
Ванслав М.В., Хворостова К.М., Бедарева А.В. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТРИЛОГИИ Л.Н. ТОЛСТОГО «ДЕТСТВО. ОТРОЧЕСТВО. ЮНОСТЬ».....	111
Смаков А.С. ПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИИ МУЖСКОГО РОДА В АНГЛИЙСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТА «THE JUNGLE BOOK» Р. КИПЛИНГА)	116
Егорова В.И. СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И ИХ РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ.....	123
Pavlova A.V., Goloschapova M.V. SPEECH ACT STRATEGIES IN DISCOURSE OF FOREIGN LANGUAGE LEARNERS	129
SOCIOLINGUISTICS. USAGE OF LANGUAGE (UDC 81'27)	
Пастухова О.Д., Титова Е.А. ОСОБЕННОСТИ ИНСТАГРАМ КАНАЛА ЧЕЛЯБИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА	132
LITERATURE (UDC 82)	
Шарипова А.С. ИДЕЙНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТАТАРСКОЙ СОВЕТСКОЙ ДРАМАТУРГИИ 1960-Х ГОДОВ (НА ПРИМЕРЕ ПЬЕС Ш. ХУСАИНОВА И Т. МИННУЛЛИНА).....	138

ВОСПРИЯТИЕ ПОНЯТИЙ ЧАСТЬ РЕЧИ, СЛОВО, ЛОКАТИВНАЯ КОНСТРУКЦИЯ В БРИТАНСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Научная статья

Гаврилова Ю.В. *

Московский гуманитарный университет, Москва, Россия

* Корреспондирующий автор (march1378[at]yandex.ru)

Аннотация

Статья посвящена изучению проблемы оппозиции слово – часть речи в британской лингвистической традиции, а также рассмотрению концепта локативная конструкция в современном языкознании. Если в XIX веке слово определялось с логических и семиотических позиций, то уже в XX веке появилась структурная грамматика и синтаксический критерий вышел на 1 план, чему как раз и уделяет внимание автор. Что касается локативных конструкций, то они рассматриваются с позиций нео-фирсианского подхода. Выделяются два их типа – переменные и постоянные.

Ключевые слова: грамматика, часть речи, слово, локативная конструкция, традиция, системно-функциональная грамматика.

PERCEPTION OF THE NOTIONS PART OF SPEECH, WORD AND LOCATIVE CONSTRUCTION IN BRITISH LINGUISTIC TRADITION OF THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY

Research article

Gavrilova J.V. *

Moscow University for the Humanities, Moscow, Russia

* Corresponding author (march1378[at]yandex.ru)

Abstract

The article deals with studying the problem of opposition word – part of speech in British linguistic tradition together with studying the concept of locative construction in modern linguistics. While during the 19th century word was defined from logical and semiotic approaches, in the 20th century structural grammar appeared and syntactic criterion became dominant, which is shown in the article. As far as locative constructions are concerned they are seen from the point of view of neo-Firthian approach. Two types of them are identified – alternating and non-alternating.

Keywords: grammar, part of speech, word, locative construction, tradition.

Introduction

The article examines some basic tendencies in the development of British linguistics during the second half of the 20th century taking into account several notions and phenomena that were studied at that time. It is quite possible to evaluate the development of grammar studies and linguistic theory development taking into consideration the way British linguists perceived the above mentioned notions. To be more precise, new kinds of oppositions *word/part of speech* appeared at that time and deserve carefully looking into [2].

During the 19th century the notion *word* used to be defined from logical and semiotic approaches as well as using the approach of structure and word building. While defining *word* several criteria were taken into account including phonetics, semantics, structure, etymology, syntax. But some time later, in the 20th century, structural grammar appeared and syntactic criterion became dominant. English locative constructions are described in the article within the framework of a broad neo-Firthian linguistic approach. Special attention is paid to the general lexical grammar of them [4].

Theoretical background

The first thing to do is to identify how verb and its participants are structurally integrated with each other. Both synchronic and diachronic data imply that English locative constructions also manifest a semantic extension into caused possessive relations. It is known that Halliday [6], [7] has developed Firth's systemic approach to grammar in the theory called Systemic Functional Grammar and Sinclair has continued Firth's collocational approach and has worked mostly at lexis [3].

Methods

Methods of our analysis include studying works of British scholars critically, basing primarily on examples provided in their papers. At the end of the article conclusions of research are provided and broad definitions of the terms *part of speech*, *word and locative construction* as seen by British linguists are offered.

Part of speech and word as they are interpreted

It is important to state that in British systemic grammar with its hierarchy of grammar units and exponent ranking the word is typically seen from the point of view of morphology and syntax. Morphological layer takes into account involvement into its structure of a unit lower in the rank (a morpheme), syntactic layer, on the opposite, implies involvement of the unit into higher in the rank (clause).

In contrast to systemic grammar, words and their borders and functions in descriptive-functional grammar are defined taking into account several criteria that go in line with traditional English grammar in general. Words are characterized by some kind of internal stability and external independence. Their structural integrity cannot be changed. By saying this we mean that there are indeed very rare cases in English when polysyllabic words are divided by expletives (e.g. *bloody* is changed into *abso-bloody-lutely*), as in most cases prefixes or suffixes are used.

Word independence is also denoted by phonology (there is usually a pause before or after it), spelling (by using punctuation marks), morphology (by using inflection added to root), syntax (by using a word as an utterance), semantics (by having a meaning).

The criteria described above are by no means completely safe. Thus, as we know, in some compound nouns a plural flection is added to the first element (e.g. *notaries public*), in other nouns it can be added either to the first or the final element (e.g. *mothers-in-law*, *mother-in-laws*) or to both elements (e.g. *women-teachers*). It is not always possible to identify the difference between a compound noun and a word combination (e.g. for ever/forever, ice cream/ice-cream).

While classifying English vocabulary the followers of descriptive functional grammar take into account semantic and grammar peculiarities of words. For example two types of words are defined: content words (that are 'complete' and have vocabulary meaning) and grammatical words. Content words include major word classes such as verbs, nouns, adjectives and adverbs, while grammatical words include pronouns, determiners, auxiliary verbs, prepositions, conjunctions that are minor word classes.

Moreover, three types of words are defined. They are orthographic words, grammatical words and lexemes. Some grammatical words may make one lexeme, such as *is* — *was* and *think* — *thought* actually belong to one lexeme. One may come across an even broader classification of words. Taking into account their major functions and grammar behavior words are divided into lexical words, functional words and inserts, and here the first and the second groups are included into grammatical words category. So we may see that the notion 'grammatical words' are rather broad and includes practically all classes of words except some conjunctions.

But conjunctions also have some grammar characteristics. But probably the explanation may here be as follows. So-called vocabulary class of words portrays the basic meaning in any text and are usually stressed in speech. Moreover, they are widely used in telegrams, newspaper headlines. Vocabulary class words include nouns, main verbs, adjectives and adverbs. Functional class words, on the other hand, identify the connection between vocabulary words and larger elements of the text and also contribute to understanding of the meaning of a vocabulary word and a broader lexical unit, these words may be stressed in speech. Functional words form closed systems including auxiliary verbs, conjunctions, prepositions. The third class of words is a new one and is defined as insert-word. Interjection and insert-word are not the same. Insert-words are very freely used in the text, they are stressed in speech by intonation, pauses and by punctuation marks in writing.

Insert-words have important communicative meaning and of course deserve attention. Together with interjections here are also other types of words included into the class of insert-words: greetings (*hi*, *good morning*, *bye-bye*), discourse markers (*right*, *well*, *yeah*), attention signals (*hey*, *look*), response elicitors (*alright*, *okay*), responses (*yeah*, *alright*), hesitators (*erm*, *er*), thanking words (*thanks*), expressing sorry words (*excuse*, *pardon*, *sorry*), expletives (*oh*, *Jesus*).

Of course it is evident that the distinction between open word classes and closed word classes is not really definite, as, for example, prepositions may be formed on the basis of verbs (e.g. *regarding*). But the open word class is generally 'more willing' to accept new words.

There are some problems connected to the division of words into classes. One of them is the existence in language of homophones and homographs. Such words as *round* or *like* can be given as examples here. Descriptive functional grammar in Britain developed the theory of parts of speech and it became clear that, generally speaking, vocabulary plays a more important role in building correct syntactic constructions, as it was supposed earlier. And the overall tendency is so-called lexicalization of grammar.

In Russian linguistics there are some papers studying the problem, for instance, a thesis paper written and presented by V.A. Gureev [1].

Speaking about the perception of parts of speech we would like to quote the definition of 'parts of speech' given in Oxford Dictionary of Linguistics: "a system of word classes, developed first for Ancient Greek and for Latin; thence extended, with modifications, to many other languages. The parts of speech canonical in Latin grammars were noun, pronoun, verb, participle, conjunction, preposition, interjection. The system canonical in Greek grammars included the article. The ancient term means, more precisely, parts of the sentence. A part was thus an element of syntax necessarily related to other parts, noun to verb, adverb to verb, preposition to noun and so on" [10, P. 289]. As we can see, we cannot describe and study parts of speech without looking at their functioning in sentences. And that brings us to the next part of our article, which deals with locative constructions.

English locative constructions

A locative construction is a construction that "depicts the transfer of entities to a specific location" [8, P.171]. Structural functional approach often referred to as 'neo-Firthian' is a tradition in modern British linguistics that dated back to and finds roots in the works by J.R. Firth, the first professor of general linguistics in Great Britain and founder of the London School [4], [5].

A.Laffut and K. Davidse [8], [9] identify 2 types of locative constructions: 'alternating' and 'non-alternating'.

Traditional examples of alternating locative constructions are as follows.

1. A) John sprayed paint on the wall. B) John sprayed the wall with paint.
2. A) John loaded hay on the wagon. B) John loaded the wagon with hay.

Examples of non-alternating constructions are given below.

1. A) Tamara poured water into the bowl. B) Tamara poured the bowl with water.

2. A) June covered the baby with a blanket. B) June covered the blanket over the baby.

An English locative construction presents a number of general facts relating to its grammatical structure and semantics. The ideational structure of locative constructions is factually their representational layer. The main descriptive problem while studying locative constructions is the structural status of prepositions in them. Structural analysis of locative constructions is based on systemic functional tradition by M. Halliday (Firth's follower), a multifunctional approach in which the structure is viewed as resulting from integration of separate layers of organization.

Ideational organization of the clause is concerned with representation of human experience of the world. Interpersonal organization of the clause defines a situation type based on speech exchange between speaker and listener. While textual organization is a message in situational context and can be seen in Theme- Rheme concepts.

Conclusions

As we have seen in our research both the notions of parts of speech, words and locative constructions raise interest in British linguistic science and can be seen from different perspectives. Firth's ideas have further been developed and transformed into new theories which later were applied to studies of various notions. Such theories and approaches deserve attention and further study in modern linguistics.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Гуреев В.А. Учение о частях речи в английской грамматической традиции / В.А. Гуреев: Дис. докт. филол. наук, Москва, 2001. – 411 с.
2. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения / Кубрякова Е.С. – М.: РАН, Институт языкознания, 1997. – 331 с.
3. Нелюбин Л.Л. История науки о языке: учебник / Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. – 3-е издание, испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 376 с.
4. Firth J.R. Papers in Linguistics 1934-1951 / Firth J.R. – London: Oxford University Press, 1957.
5. Firth J.R. A synopsis of linguistic theory, 1930-1955 // Selected Papers of J.R.Firth 1952-1959, ed. by F.R. Palmer. – London: Longmans. pp. 32-52.
6. Halliday M.A.K. Introduction to Functional Grammar / Halliday M.A.K. – London: Arnold, 1985. – 387 p.
7. Halliday M.A.K. Lexis as a Linguistic Level // In memory of J.R. Firth / Halliday M.A.K. ed. by C.E. Bazell: London, Longmans, 1966. – pp. 148-161.
8. Laffut A. English locative constructions. An exercise in Neo-Firthian description and dialogue with other schools / Laffut A., Davidse K. // Functions of Language, vol. 9, №2. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2002. – pp. 169-207.
9. Laffut A. Verb meaning and construction sets: the case of caused NP-PrepP relations / Laffut A., Davidse K. // LACUS forum XXVI: The lexicon, ed. by A. Melby, A. Lommel. Fullerton: LACUS. – pp. 293-304.
10. Matthews P.H. Oxford Concise Dictionary of Linguistics, Second Edition / Matthews P.H. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – 445 p.

Список литературы на английском / References in English

1. Gureev V.A. Uchenie o chastyah rechi v anglijskoj grammaticheskoy tradicii [Learning about parts of speech in the English grammatical tradition] / V.A. Gureev: Dis. PhD of Philology, Moscow, 2001. – 411 p. [in Russian]
2. Kubryakova E.S. Chasti rechi s kognitivnoj tochki zreniya [Parts of speech from a cognitive point of view] / Kubryakova E.S. – M.: RAN, Institut yazykoznanija, 1997. – 331 p. [in Russian]
3. Nelyubin L.L. Istoriya nauki o yazyke: uchebnik [History of the science of language: textbook] / Nelyubin L.L., Huhuni G.T. – 3 edit., cor. and ad. – M.: Flinta: Nauka, 2008. – 376 p. [in Russian]
4. Firth J.R. Papers in Linguistics 1934-1951 / Firth J.R. – London: Oxford University Press, 1957.
5. Firth J.R. A synopsis of linguistic theory, 1930-1955 // Selected Papers of J.R.Firth 1952-1959, ed. by F.R. Palmer. – London: Longmans. pp. 32-52.
6. Halliday M.A.K. Introduction to Functional Grammar / Halliday M.A.K. – London: Arnold, 1985. – 387 p.
7. Halliday M.A.K. Lexis as a Linguistic Level // In memory of J.R. Firth / Halliday M.A.K. ed. by C.E. Bazell: London, Longmans, 1966. – pp. 148-161.
8. Laffut A. English locative constructions. An exercise in Neo-Firthian description and dialogue with other schools / Laffut A., Davidse K. // Functions of Language, vol. 9, №2. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2002. – pp. 169-207.
9. Laffut A. Verb meaning and construction sets: the case of caused NP-PrepP relations / Laffut A., Davidse K. // LACUS forum XXVI: The lexicon, ed. by A. Melby, A. Lommel. Fullerton: LACUS. – pp. 293-304.
10. Matthews P.H. Oxford Concise Dictionary of Linguistics, Second Edition / Matthews P.H. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – 445 p.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.27.3.2>**ОТБОР ТЕКСТОВ В ПРЕПОДАВАНИИ ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА**

Научная статья

Зайкова И.В.^{1*}, Казанцева Е.М.², Казанцева А.А.³, Прибылова Н.Г.⁴¹ Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия;² Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия;^{3,4} Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

* Корреспондирующий автор (irazaykova[at]mail.ru)

Аннотация

Цель исследования – поиск эффективных методов отбора текстов для обучения студентов техническому переводу в рамках программы подготовки специалистов профессионально ориентированного перевода. На основе теоретического анализа выявлены методологически значимые требования к техническим текстам и их источникам.

Практическая часть исследования демонстрирует компьютерную программу, позволяющую точно и оперативно упорядочить текстовый материал по степени сложности с точки зрения терминологического наполнения текстов и их объема. Результаты апробации программы подтверждают целесообразность и преимущества ее применения в процессе селекции технических текстов.

Разработанная методика универсальна, поскольку может быть применена при отборе любых профессионально ориентированных текстов.

Ключевые слова: отбор текстов, преподавание технического перевода, технический текст, требования к источникам, распределение текстов.

TEXT SELECTION IN TEACHING TECHNICAL TRANSLATION

Research article

Zaykova I.V.^{1*}, Kazantseva E.M.², Kazantseva A.A.³, Pribylova N.G.⁴¹ Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia;² Irkutsk State University, Irkutsk, Russia;^{3,4} Moscow City University, Moscow, Russia

* Corresponding author (irazaykova[at]mail.ru)

Abstract

The paper deals with the key issues of text selection in teaching technical translation to university students. Theoretical analysis enables to reveal methodologically relevant requirements for the texts and their sources.

The practical part of the study demonstrates a special computer program which provides the accurate and fast arrangement of textual materials in accordance with their complexity in relation to the number of terms or text volume. The results of the program approbation confirm its feasibility and benefits in technical text selection.

The elaborated methods are universal and can be used in the selection process of any professionally oriented texts in translation training.

Keywords: text selection, teaching technical translation, technical text, requirements for sources, text arrangement.

Introduction

Scientific and technical revolution, scientific collaboration, coming population explosion and other major civilization phenomena lead to contacts between different countries and societies. In that case, the role of translation as a method supplying economic, scientific and other relations extremely increases. Obviously, specialists in the field of technical translation are in great demand [1], [2]. In this regard the search for effective technologies in translators training has become relevant.

Scholars formulate translation strategies of technical documentation [1], didactic principles and methods of teaching technical translation to the students [3], [4], study cultural component in translation practice [5], methodologically significant aspects of translation training such as educational goals, content and teaching tools [6]. At the same time, the issues related to the methods of selecting technical texts have not been sufficiently studied yet. Apart from this, it is one of the key issues in teaching practice.

The paper is devoted to the technologies that can be used in the procedure of training material selection.

In this regard we set ourselves the task of identifying scientifically based requirements for selected materials and their sources. For this purpose, we will define the features of technical text as an object of technical translation. Another objective of the study is to facilitate the selection procedure of technical texts in teaching practice.

Methods

The research methods include analysis of linguistic and pedagogical literature, observation of the educational process, computer programming, experimental testing and sociological survey.

Results and Discussion*Technical Text Particular Qualities*

In the contemporary research, technical text is approached as an autonomous object of theory and practice of translation, which is closely connected with the issue of text typology. Certain attempts to define a new textual category- technicality of a text — have been made [7], [8].

If we are to consider technical text, we must bear in mind it is rather an ambiguous concept both in Russian and Euro-Atlantic linguistic science. Meanwhile, most researchers attribute to technical texts such essential features as predominantly written form, carefully structured terminology, well-thought composition, logic, coherent, clear evidence, selected vocabulary means, grammar patterns, high degree of accuracy. It is common to associate technical text with highlighting its non-fiction character [1], [9].

At the same time, some researches tend to discriminate between the two types of texts — special and technical, thus differentiating proper technical texts from those terminologically saturated but never contributing to technical communication or channeling technical knowledge, e.g. law, banking, finances, medicine [8].

In our research, we will stick to the point that technical text as an object of theory and practice of translation should contribute to technical communication, as it is created to describe certain technological processes and ought to be professionally oriented, based on applied knowledge from technical sciences. It is possible to speak about certain genres of technical texts, such as proposals, instructions, technical documentation, user documentation etc.

A particular quality of any technical text lies in its pragmatic value and informativity. This quality can be attained due to the fact that the authors use terminology related to specific industry being described, avoid vague terms, colloquial speech, ambiguity, and emotional connotations, because, as Newmark states, “in a non-literary text the denotations of a word normally come before its connotations” [10, P. 16].

Thus, technical texts are characterized by the informative content, terminological saturation, strict style and syntactic parameters determined by technical language. Moreover, they are intended to transfer their authenticity, relevance and modernity as well as thematic diversity in the target text.

The following discussion will focus on the practical issues concerning text selection procedure.

Requirements for Training Texts and their Sources

First, we should note that all above considered peculiarities of technical text are methodologically relevant for text selection procedure. Training texts must be coherent and logic, terminologically and informatively saturated.

The methodological basis for identifying the sources of training material is the requirements elaborated for the economic text selection in teaching translation [11]. They are fairly detailed and meaningful for our research. These requirements are divided into formal and semantic.

Formal requirements include:

1. Chronological parameters: the texts must contain current information.
2. Substantial and specific components: the texts must be authentic in their structure, content and design.
3. Geographical parameters: sources of technical texts must belong to different countries. This is due to the active interaction of enterprises around the world and the exchange of information presented in various technical documents.

Within semantic parameters, training textual material must be thematically diverse and relevant to the curriculum.

The compliance analysis of the textual material presented in official electronic websites for engineers shows that these sources meet the requirements for training texts [12], [13], [14], [15]. They contain authentic articles and publications characterized by coherence, logic, technical language peculiarities (terminological, informative saturation, etc.), modernity, different thematic focus, as well as sources belonging to different countries. Due to the fact that these sources include all mentioned requirements it can be concluded that they are reliable and can be used in the selecting process of technical texts.

Another practical issue in the text selection procedure is methodologically relevant arrangement. As practice shows, in the course of translation training teachers are inevitably involved in the arrangement of textual material according to the degree of complexity. This procedure takes a significant amount of time as a teacher has to determine a number of terms that prevail in technical texts and the total number of printed characters, which undoubtedly complicates the selection process. To make it easier and effective one of us set the goal of creating a program able to accelerate selected texts in accordance with their complexity in relation to the number of terms or text volume. The further part of our research demonstrates the technical description of the program and opportunity of its methodological support.

Computer Programming in Text Selection Procedure

The program has been developed in collaboration with an IT specialist. The copyright holder of the program is Irkutsk National Research Technical University. The electronic tool gradually arranges technical texts in the form of sorted lists depending on the selected mode. The operation system is based on working with a dictionary of technical terms. It is particularly significant that if necessary, this dictionary can be replaced by any other. Thus, the program can be used in the selection of any professionally oriented texts. In the context of our analysis let us consider its functions in more detail. The program contains the following requirements:

1. Requirements for the structure of the prepared document. The document must be prepared in MS Word format. The work of the program does not depend on the font and the size of the entered text. The document must consist of the following logical blocks such as the name of the text and text itself. The title of the text should be centered, so the program distinguishes the number of articles in the document. After the title the text itself comes out.

2. Requirements for the structure of the dictionary. The dictionary contains a list of terms, each of which is located on a separate line. The document must be prepared in MS Word format. The work of the program does not depend on the font and the size of the entered text.

3. User manual. Before you start working with the program, you need to prepare a document with texts and a dictionary. The prepared document can be stored on a computer, disk, flash memory or any other medium.

The program provides a search for articles not only on the initial form of the word, but also on its various word forms. Changes in words are accounted for by adding endings / suffixes, regardless of whether they belong to any part of speech: adding endings-es or-ed, if the word ends in — s, — ss, — tch, — ch, — sh, — x, e.g. *press-presses*; change — y at the end of a word to — i and add-es or-ed, e. g. *technology – technologies*; addition — d or-s if the word ends in — e: *digitize –*

digitized; addition — s, — ed in other cases: *computer* – *computers*, *digit* – *digits*; adding the ending-ing to the basis of the word: *engineer* – *engineering*. The program works in one of three modes:

1. Calculation of the number of printed characters
2. Calculation of the number of terms
3. Calculation of the number and printed characters and terms.

The program gives the result in the form of sorted lists depending on the selected mode. The work time of the program is approximately 5.5 minutes if the volume of the text is 2474 printed characters.

Approbation Results

The created program underwent approbation in the educational process. For this purpose we invited ten university teachers in Moscow and Irkutsk to test the program. They had been selecting technical texts for two months using this program. We conducted a survey to identify the opinion of teachers about the benefits of using the program. To achieve this goal, we set the following criteria:

1. Feasibility of using the program in training
2. Training opportunities
3. Difficulties the teachers face when using the program
4. Proposals for the further use of the program.

For our empirical analysis we used the questionnaire method. In the course of our study teachers' answers showed their positive attitude to the use of the program. A large majority of respondents (90%) believed that the use of the program was appropriate.

The analysis also showed that eighty percent of respondents were satisfied with the requirements to the structure of the prepared document. Ninety percent of teachers found it convenient that the program provided a search for articles not only on the initial form of the word, but also on its various word forms.

With regard to the difficulties experienced by the teachers when working with the program, it was found that thirty percent of respondents faced difficulties due to the lack of ICT competencies required for this type of activity.

The next goal of our research was to determine further plans for the use of the program in technical translation training. We found that despite the difficulties faced by some teachers, a large majority of respondents (80%) still planned to use the program to achieve educational goals.

Achieving our final research goal we found that one of the most popular suggestions of the respondents (70%) was the need to publish instructional manual encouraging teachers to use our program.

Summarizing the data of the research, we concluded that the program had significant benefits: it would contribute to an effective organization of both educational activities and optimization of personal time spent by the teacher.

Conclusion

The theoretical and practical analysis enables to explore the key issues related to the selection of training materials. On the basis of our conclusions made in the course of analysis we determined methodologically significant requirements for texts and their sources. The use of computer program simplifies and accelerates the selection procedure. The approbation confirms its undeniable benefits in the teaching process.

Theoretical and practical conclusions made in the course of the study will serve the basis for further research in the field of teaching resources selection in universities.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Byrne J. Technical Translation: Usability Strategies for Translating Technical Documentation / J. Byrne. – Dordrecht: Springer, 2006. – 280 p.
2. Kingscott G. Technical translation and related disciplines / G. Kingscott // Perspectives: Studies in Translation Theories and Practice. – 2002. – № 10 (4). – P. 247–255.
3. Троицкий Д. И. Принципы обучения студентов-лингвистов основам технического перевода [Электронный ресурс] / Д. И. Троицкий, М. М. Степанова // Вопросы методики преподавания в вузе. – 2019. – № 28 (29). – С. 57–67. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41469243> (дата обращения: 10.05.2021).
4. Tarasova E. S. Technical Translation Teaching to the Engineering Students (On the Example of Patent Descriptions) [Электронный ресурс] / E. S. Tarasova // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2015. – Vol. 6, no. 3, pp. 350–355. – URL: <http://dx.doi.org/10.5901/mjss.2015.v6n3s1p350> (дата обращения: 12.05.2021).
5. Stolze R. Dealing with cultural elements in technical texts for translation / R. Stolze // The Journal of Specialised Translation. – 2009. – № 11. – P. 124–142.
6. Pop M. C. Technical translation teaching and learning at initiation level: Methodological considerations [Электронный ресурс] / M. C. Pop // New Trends and Issues Proceedings in Humanities and Social Sciences. – 2017. – Vol. 4(1). – P. 291–296. – URL: <https://doi.org/10.18844/prosoc.v4i1.2268> (дата обращения: 25.04.2021).
7. Alaoui A. Knowledge Transfer and the Translation of Technical Texts [Электронный ресурс] / A. Alaoui // International Journal of Humanities and Social Sciences. – 2015. – Vol. 9 (10). – P. 3380–3386. URL: <https://doi.org/10.5281/zenodo.1109129> (дата обращения: 20.04.2021).
8. Федюченко Л. Г. Технический текст как объект перевода [Электронный ресурс] / Л. Г. Федюченко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – №7. – С. 292–296. – URL:

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.7.63> (дата обращения: 15.05.2021).

9. Бурян А. Л. К вопросу об основных лингвистических характеристиках технического текста [Электронный ресурс] / А. Л. Бурян // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2012. – № 4(119). – С. 97–99. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17704534> (дата обращения: 15.03.2021).

10. Newmark P. A Textbook of Translation / P. Newmark. – New York: Prentice Hall, 1988. – 296 p.

11. Зайкова И. В. Моделирование экономического макродискурса при подготовке письменных переводчиков / И. В. Зайкова. – Иркутск: Иркутский национальный исследовательский технический университет, 2017. – 158 с.

12. Electrical engineering Portal [Электронный ресурс]. – URL: <https://electrical-engineering-portal.com/technical-articles> (дата обращения: 05.05.2021).

13. All about circuits [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.allaboutcircuits.com/technical-articles> (дата обращения: 06.05.2021).

14. Bryan Research & Engineering, LLC [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.bre.com/Support-Technical-Articles.aspx> (дата обращения: 11.05.2021).

15. Wohlers Associates [Электронный ресурс]. – URL: <https://wohlersassociates.com/wa.html> (дата обращения: 11.05.2021).

16. Optimize! Softing [Электронный ресурс]. – URL: <https://automotive.softing.com/en/> (дата обращения: 10.05.2021).

17. Science Publications [Электронный ресурс]. – URL: <https://thescipub.com/journals/ajeas> (дата обращения: 11.05.2021).

Список литературы на английском / References in English

1. Byrne J. Technical Translation: Usability Strategies for Translating Technical Documentation / J. Byrne. – Dordrecht: Springer, 2006. – 280 p.

2. Kingscott G. Technical translation and related disciplines / G. Kingscott // Perspectives: Studies in Translation Theories and Practice. – 2002. – № 10 (4). – P. 247–255.

3. Troitsky D. I. Printsipy obucheniya studentov-lingvistov osnovam tekhnicheskogo perevoda [Key Principles of Teaching Technical Translation to Linguistic Students] / D. I. Troitsky, M. M. Stepanova // Voprosy metodiki prepodavaniya v vuze [Teaching Methodology in Higher Education]. – 2019. – №28 (29). – P. 57–67. [in Russian]

4. Tarasova E. S. Technical Translation Teaching to the Engineering Students (On the Example of Patent Descriptions) [Electronic resource] / E. S. Tarasova // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2015. – Vol. 6(3). – P. 350–355. – URL: <http://dx.doi.org/10.5901/mjss.2015.v6n3s1p350> (accessed: 12.05.2021).

5. Stolze R. Dealing with cultural elements in technical texts for translation / R. Stolze // The Journal of Specialised Translation. – 2009. – № 11. – P. 124–142.

6. Pop M. C. Technical translation teaching and learning at initiation level: Methodological considerations [Electronic resource] / M. C. Pop // New Trends and Issues Proceedings in Humanities and Social Sciences. – 2017. – Vol. 4(1). – P. 291–296. – URL: <https://doi.org/10.18844/prosoc.v4i1.2268> (accessed: 25.04.2021).

7. Alaoui A. Knowledge Transfer and the Translation of Technical Texts [Electronic resource] / A. Alaoui // International Journal of Humanities and Social Sciences. – 2015. – Vol. 9 (10). – P. 3380–3386. URL: <https://doi.org/10.5281/zenodo.1109129> (accessed: 20.04.2021).

8. Fedyuchenko L. G. Tekhnicheskii tekst kak ob"ekt perevoda [Technical Text as an object of Translation] [Electronic resource] / L. G. Fedyuchenko // Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. – 2019. – №7. – С. 292–296. – URL: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.7.63> (accessed: 15.05.2021). [in Russian]

9. Buran A. L. K voprosu ob osnovnykh lingvisticheskikh kharakteristikakh tekhnicheskogo teksta [The question of the main linguistic characteristics of technical text] [Electronic resource] / A. L. Buran // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Tomsk State Pedagogical University Bulletin]. – 2012. – № 4(119). – С. 97–99. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17704534> (accessed: 15.03.2021). [in Russian]

10. Newmark P. A Textbook of Translation / P. Newmark. – New York: Prentice Hall, 1988. – 296 p.

11. Zaykova I. V. Modelirovaniye ekonomicheskogo makrodiskursa pri podgotovke pis'mennykh perevodchikov [Modeling the economic macro-discourse in teaching translation] / I. V. Zaykova. – Irkutsk: Irkutsk National Research Technical University, 2017. – 158 p. [in Russian]

12. Electrical engineering Portal [Electronic resource]. – URL: <https://electrical-engineering-portal.com/technical-articles> (accessed: 05.05.2021).

13. All about circuits [Electronic resource]. – URL: <https://www.allaboutcircuits.com/technical-articles> (accessed: 06.05.2021).

14. Bryan Research & Engineering, LLC [Electronic resource]. – URL: <https://www.bre.com/Support-Technical-Articles.aspx> (accessed: 11.05.2021).

15. Wohlers Associates [Electronic resource]. – URL: <https://wohlersassociates.com/wa.html> (accessed: 11.05.2021).

16. Optimize! Softing [Electronic resource]. – URL: <https://automotive.softing.com/en/> (accessed: 10.05.2021).

17. Science Publications [Electronic resource]. – URL: <https://thescipub.com/journals/ajeas> (accessed: 11.05.2021).

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.27.3.3>**ЭТНИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ КОНЦЕПТА «СВОЙ-ЧУЖОЙ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ
РУССКИХ И КИТАЙЦЕВ**

Научная статья

Падерина Т.С.¹*, Сюэ Б.²¹ ORCID: 0000-0002-2603-6242;^{1,2} Иркутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, Иркутск, Россия

* Корреспондирующий автор (jana-pad[at]mail.ru)

Аннотация

Вопросы эффективной межкультурной коммуникации и межъязыкового взаимодействия находятся в сфере особого внимания современного общества. Работа посвящена исследованию этнокультурного компонента оппозиции «свой-чужой» в языковом сознании носителей русского и китайского языков. В ходе исследования был проведен анализ теоретических положений, была изучена специфика реализации оппозиции «свой-чужой» в двух языках. Цель работы – обнаружить своеобразие вербализованных концептов «свой», «чужой» и описать лексико-фразеологическое поле концепта «свой-чужой» в русском и китайском языках. Результаты исследования могут быть использованы для достижения коммуникативного эффекта носителями разных языков и культур, а также в условиях контакта языков и культур в сознании билингва.

Ключевые слова: концепт, концептуальная картина мира, языковая картина мира, языковое сознание, «свой-чужой».

**ETHNIC ORIGINALITY OF THE "SVOY-CHUZHUY" CONCEPT IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF
THE RUSSIANS AND THE CHINESE**

Research article

Paderina T.S.¹*, Xue B.²¹ ORCID: 0000-0002-2603-6242;^{1,2} Irkutsk Scientific Center SB RAS, Irkutsk, Russia

* Corresponding author (jana-pad[at]mail.ru)

Abstract

In today's society, the issues of effective intercultural communication and interlinguistic interaction have been the subject of much attention. The study discusses the ethnocultural component of the "svoy-chuzhoy" (us-them, friend-foe) opposition in the linguistic consciousness of native speakers of Russian and Chinese. The author carries out an analysis of theoretical positions and explores the specifics of the implementation of the "svoy-chuzhoy" opposition in two languages. The aim of the study is to discover the originality of the verbalized concepts "svoy", "chuzhoy" and to describe the lexical and phraseological field of the concept "svoy-chuzhoy" in Russian and Chinese. The results of the study can be used to achieve a communicative effect by native speakers of different languages and cultures, as well as in the context of contact of languages and cultures in the mind of bilingual individuals.

Keywords: concept, conceptual worldview, linguistic worldview, language consciousness, "svoy-chuzhoy".

Введение в проблему

Эпоха глобальных трансформаций, происходящих в обществе, а также возрастающая роль межкультурных контактов, определяют актуальность исследований в области межкультурной коммуникации и её влияние на жизнь не только отдельного индивида, но и общества в целом.

Для достижения эффективного процесса межкультурных и межэтнических коммуникаций необходимо преодолеть ряд трудностей, связанных с тем, что представители разных культур кодируют и декодируют информацию неодинаково. Встречаясь с представителями других культур, человек интерпретирует поведение респондентов с точки зрения своей сформированной языковой картины мира, иногда это приводит к недопониманию. Представители разных стран имеют свою собственную уникальную языковую картину мира, и степень различий зависит от степени различия языковых систем. В своеобразном членении мира (аналитические и синтетические операции в процессе познания носителя языка) ключевой категорией является сознание [10]. Собственная языковая картина мира формируется в сознании носителей языка с помощью концептов. Исследование концептов своей и иной культуры помогает раскрыть их специфические и универсальные особенности, а также увидеть этнокультурные особенности в отличиях.

В настоящем научном исследовании предпринята попытка изучить способы объективизации концепта «свой» и «чужой» в русском и китайском языках. Специфика языкового выражения концепта оппозиции «свой-чужой» в языковом сознании носителей русского и китайского языков исследуется на лексическом материале Русско-китайского параллельного корпуса (в том числе фразеологизмах), на примерах из Большого китайско-русского словаря. Сравнительный анализ концептов оппозиций «свой-чужой» в русском и китайском языках в статье производится в синхроническом срезе.

В нашей работе мы рассматриваем этнокультурную специфику оппозиции «свой-чужой» опираясь на такие понятия, как концепт, концептуальная картина мира, языковая картина мира, языковое сознание.

История происхождения понятия «концепт» указывает на глубинную связь единицы картины мира с носителем культуры – представителем социума [9]. Слово «концепт» произошло от латинского слова «conceptus» – содержание

понятия. Термин «концепт» относится ещё к эпохе средневекового концептуализма, которому положили основу такие ученые, как Т.Гобс, П.Абеляр и другие. Концепт при этом рассматривался ими как некая универсалия, обобщающая признаки вещей и созданная разумом для его внутреннего употребления [15].

Отечественные лингвисты термин «концепт» стали употреблять в 1928 году. С.А. Аскольдов-Алексеев определил «концепт» как мысленное образование, замещающее в процессе мысли неопределенное количество предметов, действий, мыслительных функций одного и того же класса [1].

В 80-х годах 20 века А. Вежбицкая определяет «концепт» как «объект из мира «идеального», имеющий имя и отражающий определенные культурно-обусловленные представления человека о мире «действительность». Действительность при этом дается нам непосредственно через язык и заставляет мыслить [2].

В китайском языке концепт обозначается словом «概念» и переводится как «представление, подход, понимание, идея, мысль» [16]. Со словом концепт можно встретить такое сочетание, которое переводится как «традиционная идея». Предполагаем, что китайцы воспринимают концепт как идею, понимание человека, его мысли о каком-либо предмете или явлении. Эта идея может быть и общепринятой, традиционной, и индивидуальной.

Лингвистика рассматривает концепт, как в узком, так и в широком смысле. При первом подходе концепт приравнивают к понятийному компоненту значения слова (денотат, сигнификат, лексическое понятие). В широком смысле концепт отражает когнитивный подход в лингвистике и объясняет ментальные ресурсы сознания человека, информационную структуру знаний и опыт. Исходя из такой трактовки, концепт можно обозначить как содержательную единицу памяти человека, а также всей картины мира [3].

Наряду с понятием «концепт» в современной лингвистике встречается понятие «концептосфера», представляющее собой определенную область знаний мыслей, в отображении которой склад ума выступает в роли особого способа восприятия действительности [8]. Концептосфера и менталитет участвуют в образовании концептуальной картины мира, которая содержит информацию о познавательной и практической деятельности человека. Если концепт может быть характерен для отдельного человека, то концептуальная система отражает духовую и мыслительную деятельность целой нации. В связи с этим выделяют такой отличительный признак концепта как «этноспецифичность» [5], а В.И. Карасик выделяет в концепте ценностный компонент, определяя его в зависимости от этноспецифики, что указывает на наличие типа специализированного этнокультурного концепта [7].

Отражаясь в традициях, обычаях, культура определяет языковую картину мира представителя нации, где вербализовано пространство устойчивых концептов [9]. Культурные коннотации содержатся в семантике и стилистике, при этом концептуальная основа лексического значения и его коннотативные значения взаимосвязаны. Культурная коннотация позволяет получить информацией о мире, помогает формировать компоненты речевой ситуации и коммуникативного действия.

Как основная единица когнитивных процессов (хранение, передача знаний), концепт связан с сознанием человека. Поскольку концепты (устойчивые) вербализуются в языковой форме, то изучение концептов связано с изучением языкового сознания человека.

Сочетание человеческого сознания и языка становится важным условием для понимания мира в целом. Изучение «языкового сознания» является при этом междисциплинарным вопросом и затрагивает такие области лингвистики как психолингвистика, лингвокультурология, когнитивная лингвистика, межкультурная коммуникация.

Языковое сознание носителей языка отражает этнокультурную специфику нации и, по мнению Т.Н. Ушаковой, «является сознанием «овнешненным», то есть выраженное внешними языковыми средствами» [13]. Как отмечает Е.Ф. Тарасов, «нет одинаковых национальных культур, более того, нет, одинаковых образов сознания, отображающих одинаковые или даже один и тот же культурный предмет [12]. Иначе говоря, мы можем выявить этнокультурную специфику языка, анализируя в сопоставительном плане языковое сознание носителей разных культур. По мнению Е.Ф. Тарасова, для анализа проблем взаимопонимания в межкультурной общении необходимо проблему «общения носителей разных национальных культур» понимать, как проблему «общения носителей разных национальных сознаний» [12].

Обсуждение

Исследование оппозиции «свой-чужой» в языковом сознании представителей русской и китайской культур позволяет выявить ее этнокультурные особенности и тем самым избежать вероятное недопонимание и конфликты при межкультурной коммуникации.

При исследовании языкового сознания и этнокультурной специфики, как правило, используют метод ассоциативного эксперимента. Особенность данного метода заключается в том, что он служит для описания коллективного языкового сознания и помогает выявить коллективный образ-ассоциацию, норму, принятую в том или ином обществе. Ассоциативный эксперимент гарантирует в значительной мере получение объективных результатов, которые представлены в виде ассоциативных полей.

Лексико-фразеологическое поле рассматривается как форма объективизации языкового сознания и позволяет понять социально-историческую память носителей разных языков и культур, посмотреть, как это влияет на мышление современных носителей этих языков и культур.

Опираясь на информацию словарных статей, мы можем получить данные о структуре способа организации концепта. В словаре С.И. Ожегова слово «свой» имеет следующее значение: принадлежащий себе, имеющий отношение к себе; собственный, составляющий чье-либо личное состояние; родной или связанный близкими отношениями; своё, то, что присуще чему-либо.

Со словом «свой» в русском языке существует большое количество устойчивых словосочетаний (фразеологизмов):

сам не свой

быть не в своей тарелке
нести свой крест
всему своё время

Обращаясь к китайскому языку, отмечаем тот факт, что в системе китайского языка лексема «свой» переводится по-разному:

свой

1) 自己[的] zìjǐ[de]; (личный т.ж.) 亲自[的] qīnzi [-de], 个人的 gèrén-de;

горячо любить свою родину — 热爱 自己的祖国

своими силами — 用自己的力量; 依靠自己的力量

у них свой дом — 他们有自己的房子

2) (своеобразный) 独特的 dútè-de, 独有的 dùyǒu-de

у него свой стиль в работе — 他有独特的工作作风

3) (свойственный чему-либо, определённый) [其]一定的 [qí] yīdìng-de, [其]特定的 [qí] tèdìng-de

на всё есть свои правила — 一切都有其一定的规则

всему — своё место — 一切都有其一定的地方; 各得其所

4) (родной, близкий) 自家[的] zìjiā[de], 自己[的] zìjǐ[de]

свой человек — 自己人; 自家人

В большинстве примеров мы видим лексему 自, которая обозначает «сам, лично, родной». То есть в системе китайского языка слово «свой» трактуется в большинстве случаев теми же значениями, что и в русском языке. Но следует отметить и специфичную лексему в китайском языке для обозначения «свой» (的) в значении «своеобразный» и «свойственный чему-либо, определенному».

Китайские фразеологизмы со словом «свой» выглядят в переводе как обычные фразы:

всякая лиса свой хвост хвалит

мерить на свой аршин

на свой страх и риск

совать свой нос в чужие дела

В китайском языке есть фразеологизм «есть свой хлеб» (吃你自己的面包), то есть «использовать то, что сам заработал». В русском языке подобного фразеологизма нет, но есть выражение «есть чужой хлеб».

Что касается понятия «чужой», то в словаре С.И. Ожегова оно трактуется как «не свой, не собственный, принадлежащий другим».

В словаре В.И. Даля мы видим следующие значения для лексемы «чужой»:

1. тот, кто не состоит с кем-л. в близких отношениях; посторонний;

2. тот, кто не является родственником, неродной;

3. принадлежащий другому или другим; не собственный, не свой;

4. не являющийся для кого-л. родиной или местом, где он вырос, к которому привык, не отечественный; иноземный, незнакомый;

5. перен. далекий по духу, внутренне чуждый для кого-л., чего-л.; такой с которым нет подлинной близости (отчужденный, отрешенный; чуждый).

То есть, в системе русского языка слово «чужой» передается чаще всего в качестве антонима к слову «свой» с помощью частицы «не»:

это не родня, а так, сбоку припека.

он не нашего приходу.

Что касается отражения лексемы «чужой» во фразеологизмах, то здесь можно привести следующие примеры:

лезть в чужой огород (лезть ни в своё дело)

чужими руками жар загребать (использовать другого человека для выполнения своих дел) 坐享其成

чужое горе с хлебом есть

В русских примерах значение слова «чужой» имеет ярко выраженную негативную коннотацию (безразличное отношение к чужому горю; мешать людям; использовать в своих целях; остаться в стороне).

В системе китайского языка основное значение слова «чужой» передается следующим образом:

чужой

1) 人家的 rénjiā-de, 别人的 biérén-de

чужие вещи — 别人的东西

чужой дом — 别人的房子

входить в чужое положение — 体谅别人

2) (чуждый) 异己的 yìjǐ-de; 心情不同的 xīnqíng bùtóng-de

они чужие друг другу — 他们彼此心情不同

3) (не являющийся родиной) 异乡的 yìxiāng-de; (иностранный) 外国的 wàiguó-de

чужая страна — 外国

чужая сторона — 异乡

чужие края — 异乡; 外国

чужой язык — 异乡话

4) разг. (незнакомый) 不认识的 bùrènshide, 陌生[的] mòshēng

5) в знач. суц. с чужое 别人的东西 biéréndedōngxi

взять чужое — 拿走别人的东西

Чужим умом не проживёшь 〈 谚语 〉 靠别人的头脑活不下去

Чужое горе не болит 〈 谚语 〉 对别人的痛苦不觉得痛

Иногда мы фиксируем вербализацию обеих частей оппозиции «свой-чужой» в одном предложении, фразеологизме:

Собрались все родственники, а из чужих только близкий друг семьи. 来的都是亲属, 外人只是这家的一个亲近朋友
[直义] 不要高兴人家的不幸, 己的不幸也快到了 *не радуясь чужой беде своя на гряде*

Не в своём месте, не в чужой монастырь со своим уставом не суйся

对美军舰进行识别查证 в отношении американского судна была произведена проверка "свой-чужой"

顺便说一句, 您也要照顾一下工作, 因为自己照料比委托别人更可靠.

[变式] *Свой глаз — смотрок; Свой глаз — алмаз, а чужой стёклышко.*

Анализ показал, что значение оппозиций «свой-чужой/友敌» близки в русском и китайском языках. Они являются эквивалентными концептами «свой/мой» в значении «не другой человек/不是另一个人», то есть тот, кто связан с группой близких людей. «Чужой/外路人» означает «не свой, другой/不是你自己的, 有别», отчуждённая группа людей.

«Свой» представляет ту же социальную группу, понятный, правильный, справедливый, близкий; «чужой» является представителем другой социальной группы, для него характерны такие признаки, как неопознанный, плохой, неправильный.

Исходя из этого анализ значений оппозиций «свой-чужой» и их китайского аналога указывает на эквивалентность концептов в их активном слое, как средство общения и взаимопонимания. При контактах с другими народами каждый человек неосознанно выделяет «свое/твоё» и «чужое/иностранное».

Закключение

Внешняя словесная форма концепта имеет глубокие этимологические основы, включающие в себя отношение родства, происхождение, нация, язык, религия, пространство, общество, время. Эти ментальные и языковые компоненты составляют особенности русской и китайской картин мира и формируют национально-культурную специфику языкового сознания личности.

Перспектива исследования состоит в изучении частотности употребления компонентов оппозиции «свой-чужой» для решения проблемы стереотипизации в межкультурной коммуникации. Отдельным значимым компонентом исследования оппозиции «свой-чужой» может быть исследование особенностей концептуализации участков действительности, связанных с мыслительной категоризацией «своего-чужого» в условиях контакта языков и культур в сознании билингва.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Аскольдов С.А. Концепт и слово. Русская речь / Аскольдов С.А. Вып. 2. — М.: Наука, 1928. — С. 9-19.
2. Вежицкая А. Понимание культуры через посредство ключевых слов / Вежицкая А. — М.: Языки славянской культуры, — 288 с.
3. Верещагин, Е. М. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции [Текст] / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров — М.: Индрик, 1990. — 1040 с.
4. Новая философская энциклопедия: в 4 т. [Текст] / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В.С. Степин. — М.: Мысль, 2000—2001.
5. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / Воркачев С.Г. // Филологические науки. — 2001. — № 1. — С. 17.
6. Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке / Карасик, В. И. — Волгоград: Перемена, 1996. 93 с.
7. Карасик, В. И. Лингвокультурные концепты: подходы к изучению / Карасик, В. И. // Социолингвистики вчера и сегодня. — М., ИНИОН РАН, 2004-б. — С.132—162.
8. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка / Лихачев Д.С. / Очерки по философии художественного творчества. — СПб: Питер, 2005. — 281 с.
9. Попова Д. Интерпретационное поле национального концепта и методы его изучения / Попова Д., Стернин, И. А. // Культура общения и её формирование. Выпуск 8. — Воронеж, 2001. — С. 27 - 30.
10. Свердлова Н. А. Лингвопсихологические особенности формирования языковой личности билингва [Электронный ресурс] / Свердлова Н. А. // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 6 (797). — URL: http://libranet.linguanet.ru/prk/Vest/6_797.pdf (дата обращения: 05.06.21).
11. Стернин И. А. Концепты и невербальность мышления / Стернин И. А. // Филология и культура: матер. междунар. конференции 12-14 мая 1999 г. — Тамбов: изд-во ТГУ, — 69 с.
12. Тарасов Е. Ф. Языковое сознание и его познавательный статус / Тарасов Е. Ф. // Проблемы психолингвистики: теория и эксперимент. М., 2001. С. 301—311.
13. Ушакова Т. Н. Понятие языкового сознания и структура рече-мыслеязыковой системы / Ушакова Т. Н. //

Теоретические проблемы языкового сознания. М., 2003.

14. Ушакова Т. Н. Языковое сознание и принципы его исследования / Ушакова Т. Н. // Языковое сознание и образ мира: Сб. ст. / Под ред. Н. В. Уфимцевой. М., 2000. С. 13–23.

15. Электронная библиотека ИФ РАН «Новая философская энциклопедия» [Электронный ресурс]. – URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/page/about> (дата обращения: 02.06.2021).

16. Большой китайско-русский словарь онлайн [Электронный ресурс]. – URL: <https://bkrs.info/> (дата обращения: 02.06.2021).

Список литературы на английском / References in English

1. Askoldov S.A. Koncept i slovo. Russkaya rech' [Concept and word. Russian speech] Iss. 2. - М.: Science, 1928. – P. 9-19. [in Russian]

2. Vezhbitskaya A. Ponimanie kul'tury cherez posredstvo klyuchevykh slov [Understanding culture through keywords] / Vezhbitskaya A. - М.: Languages of Slavic culture, - 288 p. [in Russian]

3. Vereshchagin, E. M. YAzyk i kul'tura. Tri lingvostranovedcheskie koncepcii [Language and culture. Three linguistic theories] [Text] / E. M. Vereshchagin, V. G. Kostomarov - М.: Indrik, 1990. – 1040 p. [in Russian]

4. Novaya filosofskaya enciklopediya: v 4 t. [New philosophical encyclopedia: in 4 vol.] [Text] / In-t philosophy of the Russian Academy of Sciences; Nats. societies. - scient. fund; Preds. R & D Council V.S. Stepin. - М.: Thought, 2000 - 2001. [in Russian]

5. Vorkachev S.G. Lingvokul'turologiya, yazykovaya lichnost', koncept: stanovlenie antropocentricheskoj paradigmy v yazykoznanii [Linguoculturology, linguistic personality, concept: the formation of an anthropocentric paradigm in linguistics] / Vorkachev S.G. // Philological sciences. – 2001. – № 1. – P. 17. [in Russian]

6. Karasik V.I. Kul'turnye dominanty v yazyke [Cultural dominants in the language] / Karasik V.I. – Volgograd: Change, 1996. 93 p. [in Russian]

7. Karasik V.I. Lingvokul'turnye koncepty: podhody k izucheniyu [Linguistic-cultural concepts: approaches to the study] / Karasik V.I. // Sociolinguistics yesterday and today. - М., INION RAS, 2004-b. – P. 132 – 162. [in Russian]

8. Likhachev D. S. Konceptosfera russkogo yazyka [The Conceptual Atmosphere of the Russian Language] / Likhachev D. S. / Essays on the Philosophy of Artistic Creativity. St. Petersburg: Peter, 2005. – 281 p. [in Russian]

9. Popova D. Interpretacionnoe pole nacional'nogo koncepta i metody ego izucheniya [The interpretive field of the national concept and the methods of its study] / Popova D., Sternin, I.A. // Culture of communication and its formation. Issue 8. - Voronezh, 2001. - P. 27 - 30. [in Russian]

10. Sverdlova N.A. Lingvopsihologicheskie osobennosti formirovaniya yazykovoj lichnosti bilingva [Lingvopsychological features of formation of linguistic bilingual identity] [Electronic resource] / Sverdlova N.A. // Bulletin of the Moscow State University. Humanities. Vol.6(797), 2018 - URL: http://libranet.linguanet.ru/prk/Vest/6_797.pdf (accessed: 05.06.2021). [in Russian]

11. Sternin I.A. Koncepty i neverbal'nost' myshleniya [Concepts and non-verbality of thinking] / Sternin I.A. // Philology and culture: mother. international conferences May 12-14, 1999 - Tambov: publishing house of TSU, - P.69 [in Russian]

12. Tarasov E.F. YAzykovoe soznanie i ego poznavatel'nyj status [Linguistic consciousness and its cognitive status] / Tarasov E.F. // Problems of psycholinguistics: theory and experiment. М, 2001. P. 301-311. [in Russian]

13. Ushakova T.N. Ponyatie yazykovogo soznaniya i struktura reche-mysleyazykovoj sistemy [The concept of linguistic consciousness and the structure of the speech-thought-language system] / Ushakova T.N. // Theoretical problems of linguistic consciousness. М, 2003. [in Russian]

14. Ushakova T. N. YAzykovoe soznanie i principy ego issledovaniya [Linguistic consciousness and the principles of his research] / Ushakova T. N. // Linguistic consciousness and the image of the world: Sat. Art. / Ed. N.V. Ufimtseva. М, 2000. P. 13-23. [in Russian]

15. Elektronnaya biblioteka IF RAN «Novaya filosofskaya enciklopediya» [Electronic library of the IF RAS "New Philosophical Encyclopedia"] [Electronic resource]. - URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/page/about> (accessed: 02.06.2021). [in Russian]

16. Bol'shoj kitajsko-russkij slovar' onlajn [Large Chinese-Russian dictionary online] [Electronic resource]. - URL: <https://bkrs.info/> (accessed: 02.06.2021). [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.27.3.4>**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КОГНИТИВНЫХ СТРУКТУР В ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АТРИБУТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В ТЕКСТЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПАТЕНТА)**

Научная статья

Баянкина Е.Г. *

ORCID: 0000-0003-0549-9237,

Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия

* Корреспондирующий автор (elena-bayankina[at]yandex.ru)

Аннотация

В статье исследуется роль языковых структур в организации когнитивных процессов. Текст рассматривается в когнитивном аспекте как способ передачи, формирования и хранения знания. В качестве источников материала выбран патентный текст, как наиболее яркий представитель текстов, связанных с формированием нового знания. Утверждается, что формой репрезентации когнитивных структур являются языковые структуры, при этом существует реальная связь между конкретными элементами знания и конкретными языковыми средствами. Основным объектом исследования стали атрибутивные словосочетания, которые являются характерным признаком текста патента, что объясняется способностью данной языковой единицы служить удобной формой номинации элементов сложного понятия, формирование которого является основной коммуникативно-прагматической задачей автора патентного текста. В статье рассматриваются базовые когнитивные структуры и исследуются основные структурные типы атрибутивных словосочетаний, которые служат для репрезентации указанных когнитивных структур. Для анализа выбранного материала использован аргументно-предикатный аппарат, который обеспечивает простоту и удобство формы упорядочения материала. В самую большую группу выделены словосочетания, которые представляют когнитивную структуру, образованную соотношением предмета и признака, которым данный предмет проявляет себя в реальной действительности, то есть служит его атрибутом. В рамках большой группы выделяется несколько подгрупп. При анализе характерных для технических текстов конструкций с существительным в роли определения рассматривается особая роль логико-предметных отношений. Отмечается, что положение объекта в логико-предметной области влияет на то, каким образом употребляется обозначающее его словосочетание – как расчлененная номинация или цельнономинативно. При анализе словосочетаний, в состав которых входят причастия, внимание уделено объектно-субъектным отношениям. Отдельно рассматриваются словосочетания, в которых определение выражено предложным оборотом. На основе анализа базовых структур исследованы случаи усложнения конструкций. Делается вывод о том, что в словосочетании, представляющем сложную конфигурацию признаков, наблюдается иерархичность структуры, причем более высокий уровень в иерархии занимают признаки, реализующие ядро информационного потенциала.

Ключевые слова: атрибутивное словосочетание, патентный текст, когнитивная структура, семантическая структура, аргументно-предикатная рамка, смысловые отношения.

LINGUISTIC MEANS OF REPRESENTING COGNITIVE STRUCTURES IN A TEXT (BASED ON ATTRIBUTIVE PHRASES IN THE TEXT OF AN ENGLISH-LANGUAGE PATENT)

Research article

Bayankina E.G. *

ORCID: 0000-0003-0549-9237,

Southwest State University, Kursk, Russia

* Corresponding author (elena-bayankina[at]yandex.ru)

Abstract

The article examines the role of language structures in the organization of cognitive processes. The study examines text in the cognitive aspect as a way of transmitting, forming and storing knowledge. In the form of the source material, the article chooses patent text as the most prominent representative of texts related to the formation of new knowledge. It is argued that the form of representation of cognitive structures is language structures, while there is a real connection between specific elements of knowledge and specific language means. The main subject of the study is attributive phrases, which are a characteristic feature of patent texts due to the ability of this language unit to serve as a convenient form of naming the elements of a complex concept, the formation of which is the main communicative and pragmatic task of the author of the patent text. The article examines the basic cognitive structures and the main structural types of attributive phrases that serve to represent these cognitive structures. For the analysis of the selected material, an argumentative-predicate apparatus is used, which provides simplicity and convenience of the form of ordering the material. The largest group includes phrases that represent a cognitive structure formed by the correlation of an object and a feature that this object manifests itself in reality, meaning it serves as its attribute. Within this large group, several subgroups are identified. When analyzing constructions with a noun characteristic of technical texts, the special role of logical-subject relations is considered as a definition. It is noted that the position of an object in the logical-subject area affects how the word combination denoting it is used – as a segmented nomination or as a whole nominative. When analyzing phrases that include participles, attention is paid to object-subject relations. Phrases in which the definition is expressed by a prepositional turn are considered separately. Based on the analysis of the basic structures, the cases of more complex structures are investigated. The study concludes that in a phrase representing a complex configuration of features, there is a hierarchy of structure, and a higher level in the hierarchy is occupied by features that implement the core of the information potential.

Keywords: attributive phrase, patent text, cognitive structure, semantic structure, argumentative-predicate framework, semantic relations.

Введение

Известно, что языковые структуры служат не только средством, с помощью которого человек может обмениваться знаниями, приобретать новое знание, но средством обобщения, фиксации и классификации полученного знания, то есть выполняют две функции – формирования и оформления знания. Фрагменты знания, или когнитивные структуры, которые находят свое отражение в содержании той или иной языковой структуры, образуют когнитивный аспект значения последней. Взаимосвязь между когнитивными и лингвистическими структурами рассматривается, например, в [1]. Однако когнитивная структура представлена в структуре значения не непосредственно, а опосредованно – через семантическую структуру языкового выражения. Таким образом, для понимания того, как когнитивная структура отображается в некоторой языковой единице, нам необходимо проанализировать семантическую структуру данной единицы. Объектом исследования, результаты которого представлены в данной статье, стали атрибутивные словосочетания. Несмотря на то, что данные языковые структуры достаточно подробно описаны в лингвистической литературе, они продолжают привлекать к себе внимание исследователей. Примером может послужить работа Ткаченко А.В., в которой атрибутивное словосочетание рассматривается в традиционном и когнитивном аспектах и доказываемая высокая значимость атрибутивных конструкций для построения английского художественного дискурса [2]. Проблема перевода английских атрибутивных словосочетаний в специальных текстах также сохраняет свою актуальность [3], [4]. Во многом она определяется задачами устранения ошибок при машинном переводе, особенно ошибок, связанных с правильной атрибуцией при переводе цепочек атрибутивных существительных [5]. Поскольку выбор языковых единиц во многом зависит от того, в тексте какого типа (жанра) эти языковые единицы функционируют, в своем исследовании мы остановились на одном типе текстов, а именно на тексте патента, так как эти тексты имеют ярко выраженную стилистическую окраску, что позволяет проследить интересные явления более отчетливо.

Методы и принципы исследования

Исходя из того, что когнитивная структура может быть описана в терминах математической логики посредством предикатно-аргументной рамки, мы посчитали возможным применить данный способ и к описанию семантической структуры атрибутивного словосочетания. Использование аргументно-предикатного аппарата для анализа выбранного материала обусловлено также тем, что данная процедура является в лингвистике хорошо разработанной, что обеспечивает простоту и удобство формы упорядочения материала. Такое описание позволяет проследить ход речемыслительного процесса номинативной экспликации-атрибуции, то есть процесса образования атрибутивного словосочетания, что является важным моментом для понимания механизмов образования понятий, следовательно, позволяет приблизиться к пониманию путей и способов представления в языковых структурах результатов когнитивных процессов. Необходимо отметить, что в наши задачи не входило дать точную характеристику семантических ролей аргументов. Достаточно было выявить только роли «субъекта», «объекта» и имена термов отношений.

Обсуждение

Под когнитивной структурой здесь понимается некоторая совокупность познаваемых объектов, которые в языке обозначены словами, и познавательных связей, способом выражения которых выступают, прежде всего, различные грамматические средства [6]. Атрибутивные словосочетания в контексте форматирования знания неоднократно попадали в поле зрения исследователей [5], [7], [8]. Очевидно, что атрибутивная связь, которая оформляет атрибутивное словосочетание, может рассматриваться как средство выражения познавательных связей.

Анализ материала показал, что атрибутивное словосочетание является способом обозначения сложного элемента детально описываемой ситуации, поэтому в его значении находит отражение некоторая когнитивная структура, сформированная познавательными связями, на основе которых образуются объекты, а из объектов – ситуации. К таким связям можно отнести связи между частью и целым, признаком и целым, движущимся объектом и движением, связи, в основе которых лежит множество или количество и т.п. В своих предыдущих работах мы подробно рассмотрели способы отражения в значении атрибутивного словосочетания связи между частью и целым [9]. Сейчас более подробно рассмотрим словосочетания, являющиеся средством представления структуры, образованной соотношением предмета и признака, которым данный предмет проявляет себя в описываемой действительности.

В этой группе можно выделить несколько подгрупп, представленных словосочетаниями разных типов

1. Словосочетания, в семантической структуре которых признак проявляется как одноместный предикат свойства или состояния.

1.1. Словосочетания типа Adj+N, где Adj – качественное прилагательное. В патентных текстах наиболее частотными являются следующие группы прилагательных:

1.1.1 Обозначающие физические и химические свойства предметов, например, abrasive material, magnetic alloy, resistive coating, permeable layer, pure iron, acetic acid, transparent wall, etc.;

1.1.2 Указывающие на расположение в пространстве: internal field, external force, inner surface, outer core, perpendicular axis, etc.;

1.1.3 Обозначающие форму предмета: straight rod, triangle wave, square loop, rectangular cross-section, annular tube, etc.

2. Словосочетания типа N1+N2 и N1 of N2, где

2.1 Предикатным знаком является существительное – имя свойства, образованное от качественного прилагательного. В таких сочетаниях имя свойства занимает позицию определяемого, а определение обозначает предмет, который характеризуется данным признаком (свойством): core permeability – the permeability of the core; flux density – density of the flux; field intensity – the intensity of the field; color brightness – brightness of color; fiber affinity – the affinity of fiber. Словосочетания в данных подгруппах обладают одинаковой семантической структурой, отражающей конфигурацию «предмет + свойство», однако их смысл различен. Причина смыслового различия кроется в изменении фокуса познавательного интереса: если в первом случае объектом познания является вещь (в широком смысле этого понятия), то во втором случае в качестве такового выступает свойство, а вещь служит лишь для его детерминизации. Очевидно, в таком случае мы имеем дело уже с влиянием дискурсивных (коммуникативно-прагматических) факторов на выбор и образование языковой структуры. Выбор падает на тот тип, который позволяет не только точно отразить когнитивную структуру, но и наиболее полно отвечает коммуникативным целям автора текста.

2.2 Предикатным знаком является отглагольное существительное – имя процесса в позиции определяемого. Например, formation of cracks; sludge formation; saturation of stream; flux polarization; frequency modulation, cloth shrinkage; thread breakage; dyeing of yarns; washing of fibers, twisting of threads, etc. Данная подгруппа интересна тем, что имена процессов – технологических или естественных, образованные от двухвалентных переходных глаголов действия, как правило, открывают место только для одного аргумента – объекта (средства, источника) процесса или его результата, поскольку процесс понимается как некоторый самопроизвольный признак, не предполагающий активного субъекта.

2.3 Словосочетания типа N1N2, в которых и определение и определяемое выражены существительным-именем предмета (в широком смысле).

Наименование предмета в таких словосочетаниях становится наименованием признака, характеризующего другой предмет только в том случае, если в реальном мире они объединены некоторым отношением. В таких словосочетаниях синтаксический атрибут на семантическом уровне выступает не в качестве предиката, а в качестве аргумента при предикатном знаке, который в процессе трансформации исходной структуры эксплицитного выражения не получает: chuck jaws – a chuck *has* jaws; circuit diagram – the diagram *shows* the circuit. Следует, очевидно, согласиться с мнением тех авторов, которые считают, что в отличие от прилагательного существительное передает сложный ассоциативный признак, при этом наблюдается приращение значения [9, С. 59].

Атрибутивная конструкция данного типа отличается большой семантической емкостью, обусловленной богатством логико-предметных отношений, отражающих связи между предметами. Семантико-синтаксические типы сочетаний такого вида достаточно полно описаны [11], [12], [13], [14]. Среди семантико-синтаксических типов отношений различают характеристику предмета по качеству, принадлежности, материалу, назначению; отношению содержания и содержащего, уподоблению другому предмету по форме, функции; локативные, субъектно-предикатные, объектно-предикатные и другие отношения. В патентных текстах наиболее широко представлены конструкции со значением материала: silicon layer, silver terminals, NiFe alloy material; формы: strip head, sawtooth wave, zig-zag manner; назначения: dye bath, current source, guide tube, control loop, compression ring; и причинно-следственные отношения: misparabolism failure, reluctance errors.

Следует отметить, что в патентных текстах такие словосочетания употребляются только в том случае, если двойное толкование имплицитного отношения полностью исключено. Если возникает потенциальная опасность искажения смысла, отношение получает эксплицитное выражение. Так, например, регулярно эксплицируется отношение сходства предметов по форме: box-shaped frame, dome-shaped enclosure, H-shaped cross-section, T-shaped slots, wire-like element, pencil-like probe, etc. Сравним: dome-shaped enclosure – это покрытие (кожух), имеющее форму купола, а dome enclosure — это может быть и покрытие купола и купольное покрытие; wire-like element это элемент, имеющий форму проволоки, «как проволока», а wire element — это может быть и проволочный элемент, и элемент (часть, фрагмент) проволоки (провода).

Экспликация отношения сходства по форме особенно характерна для первичной номинации объекта, при вторичной номинации отношение может переходить в импликацию. Например: The core is configured to have a notch or recess in the top thereof and a **ring-shaped tip** machined or formed on the lower extremity of the core body. A coil C2 is wound...so that the **ring tip** passes through the sense coil.

Как известно, специфика атрибутивного словосочетания типа N1N2 состоит в том, что установить характер отношения можно лишь на основании контекста, знания ситуации и определенного уровня фоновых знаний. Например, словосочетание surface exploration может означать «исследование на поверхности», в таком случае между его компонентами существует локативная связь, и «исследование поверхности», тогда это отношение интерпретируется как объектно-предикатное.

Еще большую трудность для смыслового восприятия и выявления семантических связей представляют конструкции типа N1N2...Nn, в которых позиции N занимает не существительное, а атрибутивное словосочетание такого же типа. Интерпретация смысловых отношений в этом случае полностью зависит от фоновых знаний коммуникантов. Например, на основании знания логико-предметной области фразу computer tape tester следует понимать как «компьютеризированное устройство для испытания и проверки пленок», а не как «устройство для проверки компьютерных пленок» или «тестер компьютерной пленки».

Положение объекта в логико-предметной области оказывает влияние на то, каким образом употребляется обозначающее его словосочетание – как расчлененная номинация или цельнономинативно. Такое различие принципиально с точки зрения когнитивного анализа значения – словосочетание, употребленное цельнономинативно отражает результат процесса ограничения понятия и образования нового единого понятия. Таким путем часто образуются новые термины. Расчлененная номинация отражает когнитивную структуру «предмет+признак».

Например, словосочетание *river system* в области географии и гидрологии функционирует как расчлененная номинация и именуется два отдельных объекта (сравним: *lake system*, *mountain system*, *cloud system*), а в области гидроэнергетики оно функционирует как цельная номинация и обозначает единое понятие – каскад ГЭС, при этом когнитивная структура затушевывается и может быть выявлена только с учетом анализа развития самого понятия.

Теперь рассмотрим словосочетания, семантическая структура которых образована сочетанием нескольких (двух, трех и более) предметных переменных (аргументов) и связывающим их отношением. В синтаксической структуре словосочетания эксплицитное выражение могут получить не все элементы такой семантической структуры, причем в импликацию может переходить как один из аргументов, так и само отношение.

3. Словосочетания, в которых определение выражено причастным оборотом с Participle I. Participle I как форма компонента постпозитивного определения служит указанием на важную роль в семантике словосочетания семы «субъектность». «Субъект» действия выражен определением, а имя объекта входит в состав определения: *a current generator energizing Helmholtz coil*; *the symbols indicating the field*; *an output representing a logical 0*; etc.

В тексте патента достаточно часто наблюдаются случаи, когда Participle I с зависимым словом образует препозитивное определение, например, *dye dissolving agents are applied to...*; *the relative orientation of the dye printing mechanism*. Материал показывает, что атрибутивные конструкции данного типа в патентном тексте образованы, как правило, причастием от двухвалентного переходного глагола и отражают структуру, которую формирует отношение между двумя предметными переменными.

4. Словосочетания, в которых определение выражено причастным оборотом с Participle II. В отличие от Participle I, Participle II служит показателем направленности передаваемого признака на объект, то есть свидетельствует о важной роли в семантике словосочетания общей семы «объектность».

Имя «субъекта» действия может входить на правах одного из компонентов в состав определения; при этом существительное, обозначающее «субъект» действия, вводится подобно тому, как в предикатных пассивных конструкциях предложением «by». Например, *a quadrant formed by a core pair*; *the duration determined by the time constant*; *the light reflected by the mirror*; *resistors clipped by shunting diodes*.

Отметим, что в семантической конфигурации словосочетаний, отражающих ситуацию функциональной связи технических объектов (частей) семантическая роль объекта устанавливается однозначно, в то время как второй аргумент может рассматриваться как субъект или как инструмент (средство). Так, в следующем примере: *under certain conditions of service these changes in field are very small at the point sensed by the total field magnetometer* and obviously to be suitable for such an ordnance application the magnitude of the signal generated by the magnetometer when the magnetic field of the vessel is sensed... в семантической структуре первого из выделенных словосочетаний предмет, обозначенный как «magnetometer», является скорее инструментом, в то время как во втором случае семантическая роль данного предмета – это роль субъекта действия.

Следует сказать, что есть много примеров употребления словосочетаний, в которых Participle II с зависимым словом функционирует в качестве препозитивного определения: *the output of a crystal controlled generator is....*; *the helicopter carried magnetometer is compensated for...*; *the radio frequency induced currents are differentiated...*. В связи с тем, что схема синтаксической конструкции с Participle II переходного глагола в роли препозитивного определения в норме не предусматривает позиции для выражения обоих аргументов, такие конструкции представляют некоторую сложность для восприятия, а их понимание, несмотря на экспликацию всех членов отношения, требует достаточного уровня фоновых знаний.

С этой точки зрения как более «грамматичные» воспринимаются сочетания, в которых языковой формой выражения инструмента («субъекта») действия является наречие, которое у Р. Кверка названо «instrument process adjunct, т.е. наречие инструмента действия» [15, С. 202]. Например, *the preferred embodiment includes a thermostatically controlled current source*; *another patent describes acoustically scanned magnetometer transducer*.

В словосочетаниях с препозитивным определением, выраженным Participle II, ядерное существительное может обозначать объект действия, при этом «субъект» может быть переведен в импликацию: *an associated wire*; *a fixed tube*; *dyed yarn*; *preselected angle*; *sampled core*.

Если в техническом описании предполагается, что субъектом действия является изготовитель (или пользователь), то в таком случае субъект в тексте языкового выражения не получает, а восстановление имплицированного смысла происходит на основании фоновых знаний, в частности, знаний о способах обращения с предметами реального мира, знаний узкой специальной области и т.п.

Если субъектом действия является некоторый технический предмет (физическое явление), связанный с другим предметом функционально, то в таком случае субъект обычно эксплицируется. Для этого может быть использована одна из описанных выше конструкций, либо субъект получает экспликацию в предтексте (ближайшем контексте). Например: *A levitational magnetic field suspends a magnetic body in space and... The suspended body is exposed to...*. Фактически, в этом примере первое предложение является развернутой предикативной формой экспликации признака, который затем в свернутой форме выражен атрибутивной конструкцией.

Конструкции с импликацией субъекта следует отличать от тех, где форма с **-ed** причастием не является, то есть не имеет соответствующего исходного глагола: *ungrounded ends*; *multilegged valve*; *uninverted currents*. В таком случае признак является качественной характеристикой (свойством) предмета, а структура является одноактантной.

Как показывают результаты исследования материала, конструкции с эксплицитно выраженными элементами употребляются тогда, когда каждый из элементов является значимым с точки зрения когнитивной установки автора текста, например, в тексте патента это необходимо для уточнения понятия об объекте изобретения.

В патентном тексте атрибутивные словосочетания с определением — причастным оборотом с Participle II широко используются для представления семантической структуры, которая образована некоторым отношением между тремя

предметными переменными. Причастие в таком случае образуется от трехвалентного глагола. Например: data recorded by the electric pulse on a magnetic medium.

Семантическая структура редко имеет прямое соответствие с синтаксической структурой. Эксплицитное выражение обычно получают значения отношения и два из трех возможных аргументов. Для патентного текста наиболее характерны конструкции, где эксплицитно выражены объект действия, при этом имя объекта является определяемым, и один из следующих аргументов: инструмент (средство), субстанция (вещество, материал), из которого сделан объект, и пространственное расположение объекта. Имя аргумента входит в состав определения: a rod surrounded by an oscillator coil, где представлены объект — rod и средство — coil; a sleeve composed of a non-magnetic material указаны объект- sleeve и материал; the shank installed at the top end of the core — указаны объект и место его расположения.

5. Словосочетания, в которых определение выражено предложным оборотом.

Функциональным значением предлога является указание на факт отношения объектов (вещей, их свойств, ситуаций). Лексическое значение предлога показывает конкретный вид отношения [1]. В логическом смысле предлоги относятся к предикатным знакам, которые открывают место для двух аргументов. На основании наличия в языковой структуре показателя отношения — предлога, возникает импликация характера этого отношения и появляется элемент смысла, эксплицитно не выраженный. Случаи импликации отношений различного типа рассмотрим на примере следующих предложных словосочетаний: a continuous solvent dyeing process for the solvent dyeing of polyacrylic fibers is provided... В этом примере предлог *for* связывает объекты отношением предназначения, целевого применения. В следующем примере: ...a lathe has a guide bush mounted in a passage extending coaxially through a rotating tool head... Предлоги *in* и *through* указывают на наличие локальной связи между предметными частями (деталью) устройства. Лексическое значение данных предлогов придает отношению конкретный характер и позволяет дать точную пространственную характеристику описываемому объекту в целом.

Поскольку здесь мы рассматриваем функции предлога в формировании семантической структуры атрибутивного словосочетания, то возникает необходимость отметить особое положение предлога *of*. Предлог *of* считается десемантизированным и в рамках атрибутивной конструкции функционирует лишь как показатель того, что одно слово служит определением другого. Конкретное значение отношения выявляется в контексте. Например, в словосочетании the conversion of the shank... между компонентами устанавливается отношение субъектно-предикатного типа the shank moves; в сочетании the conversion of fibers — объектно-предикатные — fibers are converted; в конструкциях: the other end of the tube; yarns of polyacrilonitrile; wire of extreme length — отношение декодируется как часть/целого; материала и параметрической характеристики соответственно.

Полисемия предлогов, их способность функционировать в различных системах связей — темпоральной, локальной и логической, приводит порой к одновременной импликации различных отношений — денотативно-отражательных и логических. Так, например, в словосочетании the output voltage from the sense winding contains a proportion of even-numbers harmonics предлог *from* одновременно допускает как локативную интерпретацию — указание на направление: на выходе откуда? from the sense winding, то есть является показателем денотативно-отражательного отношения; так и интерпретацию имплицированного отношения как логического — причинно-следственного — напряжение является следствием работы катушки.

При этом восстановление смысла имплицированного логического отношения требует соответствующего уровня фоновых знаний, поэтому в таких случаях можно говорить о различной глубине импликации смысловых отношений.

Скрытое, имплицированное отношение, показателем которого является предлог, функционирует как предикат, выполняющий координирующую роль; как признак, образующий когнитивную структуру, придающий ей свойство связности и целостности.

6. Словосочетания типа Adj+N, где Adj– относительное прилагательное.

Атрибутивные конструкции с относительными прилагательными сходны по своему содержанию с атрибутивными словосочетаниями типа N1N2. Форма прилагательного указывает на наличие отношения, конкретное значение которого скрыто в семантике прилагательного. Для примера возьмем словосочетания, в которых прилагательное указывает на форму объекта: cylindrical plug; spherical member; sinusoidal current; toroidal valve; conical element.

Отдельную группу образуют атрибутивные словосочетания, служат способом представления когнитивной структуры, сформированной связью между движущимся объектом и движением.

Мы полагаем, что к данной группе следует отнести словосочетания, в которых отражена связь между действующим (функционирующим) объектом и его функцией (действием). Это сочетания типа Participle I +N, где предмет — «субъект» действия обозначен ядерным существительным, а определение указывает на характер действия. Например: energizing coil; insulating tip; differentiating current; scrambling apparatus; working spindle; rotating tool; dyeing machine; lubricating oil; leveling agent.

В словосочетаниях приведенного типа между определением и определяемым складываются отношения субъектного типа, а объект проецируется на семантическом уровне как нечто всеобщее, охватывающее весь класс предметов подобного рода [17, С. 153]. Таким образом, Participle I в данном случае, независимо от того, сколько мест может открывать исходный глагол, выступает не как предикатный знак отношения, а как одноместный предикат свойства. Например, lubricating oil — это субстанция, обладающая свойством смазки; energizing coil — это катушка, обладающая свойством (функцией) возбуждать электрический ток в цепи.

Еще одна большая группа словосочетаний образована структурами, в основе которых лежит множество и количество.

В эту группу мы включили словосочетания, в которых предикатным знаком может быть:

а) Количественное числительное, и тогда количественный признак передается определением, а определяемое обозначает предмет, о котором идет речь в данной ситуации: two antennas; ten spools; a hundred of turns.

б) Существительное с количественным значением, и тогда между членами словосочетания наблюдается обратное распределение функций и, соответственно, синтаксических позиций: значение количества передает ядерное существительное, а определение служит для обозначения предмета: a pair of cores; an amount of moisture; a plurality of coils; a number of cutting tools. Семантические (когнитивные) различия между указанными словосочетаниями заключаются в том, что первые служат для выражения определенной количественности, а вторые, как правило, — неопределенной. Исключениями могут быть сочетания типа: a pair of, a dozen of, a couple of, etc.

в) В этой подгруппе собраны словосочетания, где предикат — местоимение с кванторной функцией, причем такое местоимение может занимать синтаксическую позицию как определения: each core; each case; any solution; all elements; так и определяемого: each of the embodiments; any of the pulses.

г) Особую подгруппу образуют атрибутивные словосочетания с параметрическими определениями [2]. Благодаря указанию параметра в патентном, да и в любом техническом тексте, достигается однозначное описание тех или иных свойств предметов, делается возможным воспроизведение нужной величины этих свойств в других обстоятельствах, например, при изготовлении технического объекта.

Итак, мы рассмотрели способы представления когнитивных структур, каждая из которых образована определенным видом познавательных связей. Однако когнитивная структура может представлять собой достаточно сложное образование, сформированное на основе ряда связей, например, между частью и целым, признаком признака и самим признаком, которые «подключаются» к элементарной структуре. Очевидно, что усложнение когнитивной структуры повлечет за собой и усложнение семантической структуры атрибутивного словосочетания. Компоненты усложненных с семантической стороны словосочетаний соотносятся с членами не одного, а двух и более предикатных выражений. Рассмотрим ряд примеров:

а) external constant magnetic field — в данном случае предмет одновременно характеризуется несколькими признаками, со стороны своих физических свойств и расположения в пространстве;

б) a residual of dyestuff, alkali and leveling agent — здесь один признак одновременно соотносится с несколькими предметами;

в) a thin layer of pure iron- в этом случае связь устанавливается между двумя предметами и их признаками (свойствами);

г) the last portion of operation of parting tool — а этот случай усложненного отношения часть/целое. Члены отношения предстают как конфигурация структур «предмет + признак», причем признаком целого является его отношение с другим предметом (parting tool), который, в свою очередь, также выступает как квалифицированный, то есть имеющий собственный признак. Если проанализировать семантическую структуру рассматриваемого словосочетания, то обнаружится, что предикатная структура, образованная предикатным знаком — именем действия (parting) в этом случае имеет более низкий ранг предикации, а сам предикатный знак является включенным предикатом, то есть предметным знаком, который является аргументом вышестоящего, включающего, предиката [16, С. 77].

Очевидно, что семантическая структура атрибутивного словосочетания, в котором синтаксическому атрибуту на семантическом уровне соответствует признак — сложное отношение, должна характеризоваться разноуровневой предикацией признаков. Уровень предикации при этом свидетельствует о характере — непосредственное или опосредованное — соотношения того или иного признака (свойства, отношения) с основным предметом описания в данной ситуации. Рассмотрим этот вид усложнения на следующем примере, применив метод трансформации: *Each of the elements comprises dual coils wound on an insulated aluminium bobbin surrounding a core element of highly permeable magnetic material*. На первом уровне предикации располагаются признаки, которые непосредственно соотносятся с основным объектом — **coils**: *dual coils wound on a...bobbin* > coils are dual; coils consist of two parts; coils are wound on a bobbin. На втором уровне находятся признаки, соотношенные с объектом bobbin — аргументом вышестоящего отношения: *an insulated aluminium bobbin* > the bobbin is aluminium; the bobbin is insulated; the bobbin surrounds the coil element. Третий уровень предикации образован признаками, присущими предмету-аргументу предиката второго уровня предикации: *core element*: *a core element of...material* > the core element is made of a (certain) material. Четвертый уровень предикации образуется признаками-свойствами предмета-аргумента предиката третьего уровня: *highly permeable magnetic material* > material is magnetic; material is (highly) permeable. В структуре четвертого уровня мы также имеем усложнение: признак-предикат, выраженный прилагательным получает дополнительную характеристику; значение признака признака передает наречие. Средством связи отдельных разноуровневых ситуаций являются общие аргументы — предметные переменные последовательно развивающихся отношений:

— the coil is wound on a bobbin

— the bobbin surrounds a core element.

Вполне закономерно появляются вопросы: чем обусловлена определенная последовательность реализации признаков? Что выводит тот или иной признак на более высокий уровень предикации? Считаем, что это зависит от общей когнитивной и коммуникативно-прагматической установки автора того текста, в котором используются исследуемые словосочетания. Так, например, когнитивный анализ патентного текста [18] показал, что в патентном описании реализуется информационный потенциал объекта патентования. При этом одни из признаков попадают в область ядра информационного потенциала. Это те признаки, которые обеспечивают полноту и адекватность понятия об объекте патентования. Другие занимают область периферии и это довольно значительная часть признаков, несущественных для объекта патентования. Очевидно, что признаки, тяготеющие к ядру информационного потенциала, будут располагаться на более высоком уровне предикации, а признаки из области периферии информационного потенциала на более низком.

Заключение

Атрибутивное словосочетание является способом представления некоторой когнитивной структуры, которая выявляется через семантико-синтаксическую структуру словосочетания. Основные типы словосочетаний соотносятся с основными видами когнитивных структур – часть/целое, предмет + признак, действующий предмет + действие, предмет + количественный признак. В словосочетании, представляющем сложную конфигурацию признаков, наблюдается иерархичность структуры, причем более высокий уровень в иерархии занимают признаки, реализующие ядро информационного потенциала.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Vosgerau, G. The relation between cognitive and linguistic structure (together with W. Petersen) [Электронный ресурс] / Vosgerau, G. // EuroAsianPacific Joint Conference on Cognitive Science, Turin (Italy). EAPCogSci. – 2015. P. 542-547. – URL: <https://www.phil-fak.uni-duesseldorf.de/en/d-projects/project-d02/presentations> (дата обращения: 20.06.2021)
2. Ткаченко А. В. Атрибутивные словосочетания в контексте форматирования знания (на материале английского языка) [Электронный ресурс] / А.В. Ткаченко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. №4 URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/atributivnoye-slovosochetanie-v-traditsionnom-i-kognitivnom-aspektah-izucheniya-na-materiale-angliyskogo-yazyka> (дата обращения: 20.05.2021)
3. Potaluy V.V. On the Aspects of Translating Prepositional Attributive Phrases in the Texts on Aviation / Potaluy V.V. et. al. // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal (International Research Journal) №5 (107) Part 3, (2021):179.Sun.23.May. 2021, P. 179-181
4. Кириллова Е.Б. Атрибутивные конструкции как один из наиболее распространенных типов свободных словосочетаний в современном английском языке. Основные приемы их перевода на русский язык / Кириллова Е.Б. // Основные проблемы гуманитарных наук / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Волгоград, 2014. С. 26-29
5. Besenina A. Machine Translation of Attributive Noun Chains / Besenina A. // Актуальные проблемы языкознания. – С.-Петербург, «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина), Т.1.- 2019 – С.155-158
6. Сильдмэ, И. Я. Знания (когнитология) [Текст] / И. Я. Сильдмэ. – Таллин : Эсти раамат, 1987. – 129 с.
7. Ханаху Д. Р. Атрибутивные словосочетания в русском и английском языках (сопоставительно-типологический анализ) автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук специальность 10.02.01 <Рус. яз.> специальность 10.02.20 <Сравнит.-ист., типол. и сопоставит. Языкознание 2007 25 с.
8. Petrova, I.M. Kognitivnyj aspekt kombinitoriki sochinitel'nyh parnyh slovosochetaniy v anglijskom i russkom yazykah [Cognitive aspect of combinatorics of compositional paired phrases in English and Russian] / Petrova, I.M. //Modern science: actual problems of theory and practice, № 9. – 2018. P.151-156.
9. Баянкина Е.Г. Об одном из способов отображения когнитивной структуры часть/целое в английском языке / Баянкина Е.Г. // Научни трудове на Русенския университет – 2011, том 50, серия 6.3.Езикознание. Литературознание. Изкуствознание. – Русенски университет «Ангел Кънчев», Русе, 2011. – С. 73-76
10. Труевцева О. Н. Английский язык: особенности номинации / О. Н. Труевцева; Отв. ред. Е. А. Рейман; АН СССР, Каф. иностр. яз. - Л. : Наука : Ленингр. отд-ние, 1986. – 247 с.
11. Бурлакова В.В. Синтаксические структуры современного английского языка / В.В. Бурлакова. – М.: Просвещение, 1984. - 112с.
12. Латыпов Ч.Ю. Атрибутивные словосочетания с номинативными компонентами в современном английском языке: Дис. . канд. филол. наук / Ч.Ю. Латыпов. М., 1968. - 210 с.
13. Генералов В. А. Проблема “Stone Wall” в англистике: возможны ли новые подходы к ее решению? / Генералов В. А. // Иностранные языки: «Лингвистические и методические аспекты» -ТвГу.- Тверь.- 2017. - №39. – С.148-156
14. Fernando Suarez de Oliveira Noun Groups, Their Elements And Their Syntactic Function In The Clause: An Analysis Of Abstracts Of Scientific Texts In English ReVeLe - N° 5 - maio/2013 1-19
15. Quirk R. University Grammar of English / Quirk R. – М.: Vyshaya skola. -1982.-391 p.
16. Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения / Богданов В.В. – Ленингр. гос. ун-т им. А.А. Жданова. – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та. – 1977. – 204 с.
17. Баянкина Е.Г. Параметрические определения в тексте патента / Баянкина Е.Г. // Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. Сб. научных трудов. Курск, КГТУ. - 1996. - С. 94-101
18. Баянкина Е.Г. Когнитивный аспект патентного текста//«Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты». Материалы IV Международных Березинских чтений. Вып.14 / Баянкина Е.Г. – М.: ИНИОН РАН, МГЛУ, 2008.- С. 3-11

Список литературы на английском / References in English

1. Vosgerau, G. The relation between cognitive and linguistic structure (together with W. Petersen) [Electronic resource] / Vosgerau, G. // EuroAsianPacific Joint Conference on Cognitive Science, Turin (Italy). EAPCogSci. – 2015. P. 542-547. – URL: <https://www.phil-fak.uni-duesseldorf.de/en/d-projects/project-d02/presentations> (accessed: 20.06.2021)
2. Tkachenko A. V. Atributivnye slovosochetaniya v kontekste formatirovaniya znaniya (na materiale anglijskogo jazyka) [Attributive phrases in the context of knowledge formatting (based on the material of the English language)] [Electronic resource] / A.V. Tkachenko // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological sciences. Questions of theory and

- practice]. 2020. # 4 URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/atributivnoye-slovosochetanie-v-traditsionnom-i-kognitivnom-aspektah-izucheniya-na-materiale-angliyskogo-yazyka> (accessed: 20.05.2021) [in Russian]
3. Potaluy V.V. On the Aspects of Translating Prepositional Attributive Phrases in the Texts on Aviation / Potaluy V.V. et. al. // *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zurnal* (International Research Journal) №5 (107) Part 3, (2021):179.Sun.23.May. 2021, P. 179-181
  4. Kirillova E. B. Atributivnye konstrukcii kak odin iz naibolee rasprostranennykh tipov svobodnykh slovosochetaniij v sovremennom anglijskom jazyke. Osnovnye priemy ikh perevoda na russkij jazyk [Attributive constructions as one of the most common types of free phrases in the modern English language. The main methods of their translation into Russian] / Kirillova E. B. // *Osnovnye problemy gumanitarnykh nauk* [Basic issues of humanities] / *Sbornik nauchnykh trudov po itogam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Collection of scientific papers on the results of the international scientific and practical conference]. Volgograd, 2014, pp. 26-29 [in Russian]
  5. Besenina A. Machine Translation of Attributive Noun Chains / Besenina A. // *Aktual'nye problemy jazykoznanija* [Issues of linguistics] – St. Petersburg, "LETI" named after V. I. Ulyanova (Lenin), Vol. 1. - 2019-P. 155-158
  6. Sildmae, I. I. Znaniya (kogitologiya) [Knowledge (cogitology)] / I. I. Sildmae. - Tallinn : Eesti raamat, 1987. - 129 p. [in Russian]
  7. Khanakhu D. R. Attributive phrases in Russian and English (comparative and typological analysis): extended abstract of Candidate's thesis. Philological Sciences specialty 10.02.01, specialty 10.02.20 Comparative-Historical Typological and Comparative Linguistics D. R. Khanakhu. 2007 25 p. [in Russian]
  8. Petrova, I.M. Kognitivnyj aspekt kombinatoriki sochinitel'nyh parnyh slovosochetaniij v anglijskom i russkom yazykah [Cognitive aspect of combinatorics of compositional paired phrases in English and Russian] / Petrova, I.M. // *Modern science: actual problems of theory and practice*, № 9. – 2018. P.151-156.
  9. Bayankina E. G. Ob odnom iz sposobov otobrazheniya kognitivnoj struktury chast'/celoe v anglijskom jazyke [About one of the ways of displaying the cognitive structure of the part/whole in the English language] / Bayankina E. G. // *Nauchni trudov na Rusenskiy universitet* [Proceedings of the University of Ruse] - 2011, volume 50, series 6.3. Ezikoznanie. Literary knowledge. Izkustvoznanie. - Rusenskiy University "Angel Knchev, Ruse, 2011. - pp. 73-76 [in Russian]
  10. Truevtseva O. N. Anglijskij jazyk: osobennosti nominacii [English: features of the nomination] / O. N. Truevtseva; Ed. E. A. Reyman; USSR Academy of Sciences, Department of Foreign Languages. - L.: Nauka: Leningrad Department, 1986 – 247 p. [in Russian]
  11. Burlakova V. V. Sintaksicheskie struktury sovremennogo anglijskogo jazyka [Syntactic structures of the modern English language] / V. V. Burlakova. - M.: Prosveshchenie, 1984. - 112 p. [in Russian]
  12. Latypov Ch. Yu. Atributivnye slovosochetaniya s nominativnymi komponentami v sovremennom anglijskom jazyke [Attributive phrases with nominative components in modern English]: Candidate's thesis. Philology / Ch. Yu. Latypov. Moscow, 1968. - 210 p. [in Russian]
  13. Generalov V. A. Problema "Stone Wall" v anglistike: vozmozhny li novye podkhody k ee resheniju? [The "Stone Wall" problem in English: are new approaches to its solution possible?] / V. A. Generalov // *Inostrannye jazyki: «Lingvisticheskie i metodicheskie aspekty»* [Foreign languages: "Linguistic and methodological aspects"] - *TvSu.- Tver.- 2017. - No. 39. - pp. 148-156* [in Russian]
  14. Fernando Suarez de Oliveira Noun Groups, Their Elements And Their Syntactic Function In The Clause: An Analysis Of Abstracts Of Scientific Texts In English *ReVeLe - N° 5 - maio/2013* 1-19
  15. Quirk R. University Grammar of English / Quirk R. – M.: Vyshaya skola. -1982.-391 p.
  16. Bogdanov V. V. Semantiko-sintaksicheskaja organizacija predlozhenija [Semantic and syntactic organization of a sentence] / Bogdanov V. V.- Leningrad State University named after A. A. Zhdanov. - Leningrad: LSU Publishing House - 1977 – 204 p. [in Russian]
  17. Bayankina E. G. Parametricheskie opredeleniya v tekste patenta [Parametric definitions in the text of the patent] / Bayankina E. G. // *Voprosy lingvistiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh jazykov. Sb. nauchnykh trudov* [Questions of linguistics and methods of teaching foreign languages. Collection of scientific papers]. Kursk, KSTU. - 1996. - pp. 94-101 [in Russian]
  18. Bayankina E. G. Kognitivnyj aspekt patentnogo teksta [The cognitive aspect of the patent text] / E. G. Bayankina // «Jazykovoe bytie cheloveka i etnosa: psikholingvisticheskij i kognitivnyj aspekty». Materialy IV Mezhdunarodnykh Berezinskikh chtenij. Vyp.14 ["The linguistic existence of a person and an ethnic group: psycholinguistic and cognitive aspects". Proceedings of the IV International Berezinsky Readings. Issue 14] / M.: INION RAS, MGLU, 2008. - pp. 3-11 [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.27.3.7>**ТЕХНИКА КАК ФАКТ АНТРОПОЦЕНТРИЗМА**

Научная статья

Жданова Т.А. *

ORCID: 0000-0002-0792-3022,

Воронежский государственный технический университет, Воронеж, Россия

* Корреспондирующий автор (zhdanovsilver[at]mail.ru)

Аннотация

Статья посвящена анализу языковой репрезентации ментальных представлений о подобии человека и технических устройств. В данной работе исследуются образные переосмысления, выявляющие антропоцентрическую сущность механизмов в исторической динамике. Материал исследования составили существительные русского языка, обозначающие различные приспособления, от самых примитивных, изобретенных в древности, до сложных агрегатов наших дней. Проанализировано множество примеров их употребления в словарях, произведениях русских писателей, в материалах публицистического характера, а также в Национальном корпусе русского языка.

Ключевые слова: языковая репрезентация, ментальные представления, антропоцентрический подход, динамика изменений, орудия труда, приспособления и устройства.

TECHNOLOGY AS A FACT OF ANTHROPOCENTRISM

Research article

Zhdanova T.A. *

ORCID: 0000-0002-0792-3022,

Voronezh state technical University, Voronezh, Russia

* Corresponding author (zhdanovsilver[at]mail.ru)

Abstract

The article analyzes the linguistic forms of mental representations of the similarity between a person and technical devices. The study examines image reinterpretations that reveal the anthropocentric essence of mechanisms in historical dynamics. The research material consists of Russian language nouns that denote various devices, from the most primitive, invented in ancient times, to complex aggregates of our days. The authors also analyze various examples of their use in dictionaries, Russian literary works, and journalistic materials, as well as in the National Corpus of the Russian Language.

Keywords: language representation, mental representations, anthropocentric approach, dynamics of changes, instruments, tools and devices.

Введение

Человеку с древних времен свойственно стремление освоить окружающую его действительность, для этих целей он разрабатывал и совершенствовал множество функционально разнообразных приспособлений и устройств. Вопрос о том, чем руководствовался человек при их создании, затронут различными учеными. Осмысление техники началось с антропоцентрического толкования.

Одной из популярных гипотез зарождения примитивной техники является принцип органопроекции, положивший начало философии техники, инициатором которого считается Э. Капп. Суть его заключается в следующем. Исходя из того, что на заре цивилизации люди структурировали пространство на основании присущих им физических свойств и действий, Э. Капп высказал предположение о том, что и орудия труда человек создавал, во многом беря за основу самого себя, путем подражания собственным органам. Эта мысль опирается на прямое наблюдение.

Например, рукоятка самодельного молотка являлась продолжением руки, а сам первобытный молоток заменял кулак. Подмечено сходство лопаты, граблей и плуга с кистями рук, ладонями, пальцами с ногтями, так удобными для земляных работ. Способность зубов крепко удерживать вполне могла привести к идее создания клещей, а крошить – пилы. В конструировании орудий труда были задействованы и нижние конечности человека – ноги и т.д. [9, С. 95-104].

Этому положению есть множество примеров, если мы посмотрим на номинации простейших приспособлений, актуальных и по сей день. Обратим внимание, как человеком улавливается общность между орудиями труда и им самим благодаря их внешнему подобию или сходству выполняемых движений.

Так, среди технических терминов нетрудно найти такие номинации, как «волосок» (тонкая пружина, нить, проволока в каком-нибудь приборе), «зуб», «зубец» (выступ, обычно острый, на инструменте, орудии, части машины), «горлышко» (верхняя суженная часть устройства), «ушко», «проушина», (небольшое отверстие продолговатой формы в различных механизмах, «головка» (молотка, насаженная на рукоятку), «плечо» (часть рычага), «кулачок» (насадка на вращающийся вал), «рукоятка», «ручник» (молоток с деревянной ручкой), «бородка» (деталь топора), «язычок» (пластина рубанка), «шейка» (узкая часть устройства), «щека» (боковая часть лезвия топора), «щечки» (боковая часть щипцов или плоскогубцев) и т.п. [13].

Несмотря на наличие многочисленных примеров, до сих пор не существует единого мнения относительно философских учений Э. Каппа. Многие из его идей развиты и продолжены такими исследователями, как И. Ньютон, Р. Бойль, Э. Юр, или опровергнуты, например П. К. Энгельмайером.

С точки зрения последнего идея проектирования органов как основание для создания механизмов приложима только к некоторым доисторическим орудиям труда, которые можно рассматривать в качестве проекции наших конечностей [16, С. 120].

Мы в данной работе решили попытаться проанализировать, насколько принцип антропоцентричного толкования пригоден для объяснения создания машин более высокого уровня, может ли данная идея иметь место в современном мире. Для этих целей были изучены различные теории ученых, а также примеры из художественной литературы.

Методы

В процессе работы использовались следующие методы: методы контекстуального анализа, метод корпусной лингвистики, метод интроспекции.

Дискуссия

Общезвестно, что с развитием цивилизации орудия труда, технические примитивы усложнялись, появлялись все новые замысловатые устройства, связь которых с движениями и внешним видом человека уже не столь очевидна. Однако и в данном случае можно провести некоторые параллели. Отождествление человеком простейшего орудия с самим собой, «приписывание» ему собственных функций и анатомического «устройства» можно обнаружить и у замысловатых приспособлений.

Так, по замечанию П. А. Флоренского, и более усовершенствованные приспособления имеют с органами одну цель, призваны решать конкретную задачу в ответ на конкретную потребность, их схожесть обусловлена выполняемой функцией.

В статье приводятся примеры: «проекция ладони – это утюг, глаза имеют сходство с лупой, теплостокровность сравнивается с термостатом, а кости являются прототипом железобетонных конструкций. Подзорная труба, фортепьяно, орган представляют собой несовершенные проекции глаза, уха, горла. Человеческая нервная система проецируется телеграфными кабелями и электрическими сетями» [14, С. 152 – 161].

Более современным аналогом «органопроекции» представляется понятие «внешние расширения человека» М. Маклюэна. Важной темой его книги является мысль о том, что все технологии — суть расширения наших тел и чувств, нацеленные на увеличение энергии и повышение скорости. Главная черта как простейших орудий труда, так и замысловатых машин – экономия жеста – есть непосредственное выражение того или иного физического давления, заставляющего нас вынести наружу, или расширить самих себя. Человек может выразить это стремление как плугами, так и локомотивами.

В отличие от простых орудий труда, усиливающих жест, машина есть «овнешнение» внутренних процессов. В пример приводится электричество, которое, как и мозг, является средством вхождения в контакт со всеми гранями бытия сразу. Микрофон и телефон также видятся порождением долгих попыток воспроизвести человеческими средствами физиологию, напрямую смоделированными по образу и подобию строения рта и уха, расширяющие и усложняющие слух и голос. Ухо также можно сопоставить с радиоприемником, расшифровывающим радиомagneticкие волны и перешифровывающим их в звук, а голос сравнивается с радиопередатчиком, способным переводить звук в волны. Человек в ходе обычного применения технологии (то есть своего всевозможными способами расширенного тела) постоянно модифицируется ею, и, в свою очередь, находит все новые и новые способы ее дальнейшего совершенствования [11, С. 56].

Также существует мнение о том, что глаз человека навел его на идею создания оптических приборов, например, он аналогичен по своему устройству фотоаппарату. Стетоскоп был изобретен для усиления функции уха, насос работает по принципу сердечной деятельности.

В подтверждение данной точки зрения приведем примеры из художественной литературы, иллюстрирующие, что и в более сложных технических устройствах человек продолжает видеть самого себя.

Так, автомобиль представляется живым организмом: *Автомобиль – как лакмусовая бумажка, проявляющая истинное содержание – душевный мир ее хозяина, черты его характера и подлинный темперамент. У машины – лицо и тело ее хозяина* [1]. *Понимаешь, Глаша, этот автомобиль – личность, джентльмен, он красив, интеллигентен, престижен, наконец экономичен и романтичен одновременно* [8]. Стало классическим сравнение сердца с мотором. *Первым делом автослесарь слушает, как работает мотор – сердце автомобиля* [15]. *Броня моя – кожа, изъедена ржой. И двигатель-сердце, как будто чужой* [10]. Машина наделяется собственной жизнью через указание на ее способность к дыханию: *Мерно, медленно отдавались из глубины вздохи машины* [5]. Практически каждой ее системе можно найти аналогию в человеческом теле. Кузов «списывается» с «туловища», а колеса – это «ноги». Отмечено сходство внешнего дизайна машины с человеческим «лицом», где фары – «глаза», учитывая и расположение их, и парность, а бампер – «рот». *Вот уже сто лет, как в нашем городе ездят машины, но у них почему-то очень грустные фары—глаза* [2].

Приведем мнения о том, что самые современные компьютерные технологии являются в своей сущности «человекоподобными». Есть предположение, что профессионал своего дела изобрел компьютер, взяв за основу модель собственного сознания: долгосрочную и краткосрочную память — жесткий и мягкий диски, образы, возникающие в нашей голове — изображения монитора. *Компьютер, безусловно, обладает встроенным интеллектом. Человек и компьютер как бы составляли одно целое, один огромный мозг с интеллектом Франсуа и возможностями машины* [12].

Приведем и другие примеры из художественной литературы, в которых различные приспособления и устройства уподобляются человеку. Так, двигатель самолета сравним с головой. *Над одной шестой в небо ввинчивал с грохотом нимбы свои двухголовый святой* [4]. Микрофон похож на горло: *Он бальзамом мне горечь вливает в микрофонную глотку мою* [7].

Результаты

Безусловно, в наши дни техника создается на основе уровня развития инженерных наук и технических знаний. Форма большинства современных изобретений и фигура человеческого тела имеют мало общего между собой, и соотносить человека с вещами через жесты становится сложнее. Технические изобретения стали тоньше и совершеннее своих органических аналогов.

Не вызывает сомнения, что усложненные приспособления удаляются от мира человека. Так, обычный пользователь компьютера вряд ли усматривает аналогии в работе собственного мозга и высокотехнологичного устройства, процесс работы которого ему невидим и не понятен. По достижении определенного уровня сложности предмета человеку трудно разобраться во всех его предлагаемых функциях, тем более в устройстве, поэтому он мало ассоциирует их с собой. Современные приспособления часто превосходят запросы и познавательный уровень их пользователей. Возьмем, к примеру, бытовую технику, такую как телевизор, холодильник, телефон. Успешно пользуясь телевизором каждый день, мы не имеем ни малейшего представления о его устройстве, принципе работы. Взаимосвязь между действиями человека и машин становится неочевидной [3, С. 210 – 238].

Потребности людей выходят за пределы их простых движений. Техника уже не опирается на ранее известные жесты, навыки людей, человеческое вмешательство оказывается минимальным, кнопки, рукоятки и сами операции с вещами как таковые больше не требуют ручного труда. Ненужными оказываются многие привычные жесты, вещи стали сложнее, чем действия человека по отношению к ним. Человеческое тело теперь наделяет вещи лишь знаками своего присутствия, а в остальном они функционируют автономно [6, С. 50-61].

Тем не менее, все приведенные нами примеры могут рассматриваться как косвенное подтверждение наличия отголосков органопроекции и в современном мире. Создавая более совершенные приспособления, человек в некоторой степени продолжает смотреть на то, как устроен он сам, порождает новое по своему образу, может быть, и не задумываясь об этом.

Заключение

Можно говорить о том, что в сложных приспособлениях подражание внешней форме человека, работе его рук и ног начинает отступать назад. Если раньше на орудиях труда, на их применении и устройстве лежал четкий отпечаток человеческого образа и подобия, то на уровне сложного технического изделия такая тесная связь является не очевидной. Однако, даже если усложняющиеся машины теряют внешнее сходство с человеческим органом, функции тела сохраняют свою важность для технического развития. На автоматические изобретения проецируются уже не жесты и телесный образ человека, но его потребности, способности, результат познания и развития ума.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Багров. В. Next / В. Багров. - Олма Пресс, 2004 - 320 с.
2. Блаво Р. Притчи, приносящие здоровье и счастье / Р. Блаво. – Астрель, 2012 -112с.
3. Бодрийяр Ж. Система вещей. – М.: «Рудомино», 2001. – 93 с.
4. Бродский И. Ночной полет / И. Бродский. – ИГ Лениздат, 2016 - 288 с.
5. Бунин И. Крик / И. Бунин. – Берлин, изд-во Слово, 1912 – 272 с.
6. Быстрицкий Е.К. Заблуждающийся разум? / Многообразие венаучного знания. М.: Политиздат, 1990. - С. 210-238.
7. Высоцкий В. Песня микрофона / В. Высоцкий. – «В мире книг» № 11, 1986.
8. Данилова А. Одинокие ночи вдвоем / А. Данилова. – Эксмо, 2018 - 288 с.
9. Капп Э. Философия машины // Роль орудия в развитии человека / Э. Капп, Г. Кунов, Л. Нуаре, А. Эспинас. – Л.: 1925. – 168 с.
10. Левицкий А. Технотема [Электронный ресурс] / А. Левицкий. - URL: www.litmir.me/books_in_series (дата обращения: 27.08.2021)
11. Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева. Заключ. ст. М. Вавилова. М.; Жуковский, 2003. – 464 с.
12. Максимович Г. Фраза из дневника / Г. Максимович. – «Техника молодежи», 1977 №1.
13. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984.
14. Флоренский П.А. Соч.: в 4 т. Т. 3 / Флоренский П.А. - М.: Мысль, 1999. - 621 с.
15. Шалаева Г. Большая книга профессий / Г. Шалаева. – АСТ, 2010. – 240 с.
16. Энгельмейер П. К. Философия техники. Вып. 2 / Энгельмейер П. К. – М.: 1912. – 120 с.

Список литературы на английском / References in English

1. Bagrov. V. Next / V. Bagrov. - Olma Press, 2004-320 p. [in Russian]
2. Blavo R. Pritchi, prinosjashhie zdorov'e i schast'e [Parables that bring health and happiness] / R. Blavo. - Astrel, 2012-112 p. [in Russian]
3. Baudrillard J. Sistema veshhejj [The system of things]. - M.: "Rudomino", 2001 – 93 p. [in Russian]
4. Brodsky I. Nochnojj polet [Night flight] / I. Brodsky. - IG Lenizdat, 2016-288 p. [in Russian]
5. Bunin I. Krik [The Cry] / I. Bunin. - Berlin, Slovo, 1912-272 p. [in Russian]
6. Bystritsky E. K. Zabluzhdajushhij razum? [A deluded mind?] / Mnogoobrazie vnauchnogo znanija [The diversity

of extra-scientific knowledge]. Moscow: Politizdat, 1990. - pp. 210-238 [in Russian]

7. Vysotsky V. Pesnja mikroфона [The song of the microphone] / In. Vysotsky. - "V mire knig" No. 11, 1986. [in Russian]
8. Danilova A. Odinokie noch'i vdvoem [Lonely nights together] / A. Danilova. - Eksmo, 2018-288 p. [in Russian]
9. Kapp E. Filosofija mashiny [The philosophy of the machine] / E. Kapp // Rol' orudija v razvitii cheloveka [The role of the tool in human development] / E. Kapp, G. Kunov, L. Noiret, A. Espinas – L.: 1925 – 168 p. [in Russian]
10. Levitsky A. Tekhnotma / A. Levitsky.- URL: www.litmir.me/books_in_series [in Russian]
11. McLuhan G. M. Ponimanie Media: Vneshnie rasshirenija cheloveka [Understanding Media: External extensions of a person] / Translated from English by V. Nikolaev. Afterword by M. Vavilov. M.; Zhukovsky, 2003 – 464 p. [in Russian]
12. Maksimovich G. Fraza iz dnevnika [A phrase from the diary] / G. Maksimovich – "Tekhnika molodyozhi", 1977 No. 1. [in Russian]
13. Slovar' russkogo jazyka: V 4-kh t. [Dictionary of the Russian language: In 4 volumes] / Academy of Sciences of the Soviet Union; Edited by A. P. Evgenieva. - 2nd ed., Revised and Expanded. - M.: Russkiy yazyk, 1981-1984 [in Russian]
14. Florensky P. A. Writings: in 4 vols. Vol. 3. / P. A. Florensky - Moscow: Mysl, 1999. - 621 p. [in Russian]
15. Shalaeva G. Bol'shaja kniga professij [The Big book of professions] / G. Shalaeva. - AST, 2010. - 240 p. [in Russian]
16. Engelmeyer P. K. Filosofija tekhniki [The philosophy of technology] /P. K. Englemeyer Issue 2. - Moscow: 1912. - 120 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.27.3.8>**КОНВЕНЦИОНАЛЬНЫЕ ТЕМЫ ПОБЕДНЫХ РЕЧЕЙ РОССИЙСКИХ ПРЕЗИДЕНТОВ**

Научная статья

Коптелова И.Е. *

ORCID: 0000-0002-3739-9807,

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия

* Корреспондирующий автор (csikos[at]yandex.ru)

Аннотация

Автор анализирует традиционные темы речей-объявлений о победе на выборах. Речь о признании поражения и объявлении победы - это взаимный ритуал в политике США, в котором оба кандидата в конце выборов подтверждают результат, придают легитимность процессу и начинают новый политический цикл. Из-за глобализации политической жизни ритуал победной речи закрепился во многих странах мира. В статье проецируются традиционные темы победных выступлений, выделяемых в США, на дискурс российских президентов. Хотя такие речи носят ритуальный характер, они, тем не менее, приобрели своеобразие из-за особенностей личного характера президентов России. Автор приходит к выводу, что подобные темы носят универсальный характер и повторяются в победных выступлениях президентов России.

Ключевые слова: риторика; глобализация; коммуникация; победная речь; ритуальный дискурс; повторяемость; призыв к единству; благодарность.

CONVENTIONAL TOPICS IN VICTORY SPEECHES OF RUSSIAN PRESIDENTS

Research article

Koptelova I.E. *

ORCID: 0000-0002-3739-9807,

Diplomatic Academy of Russia's Foreign Ministry, Moscow, Russia

* Corresponding author (csikos[at]yandex.ru)

Abstract

The author analyses conventions of electoral victory speeches. The concession and victory speech is a reciprocal ritual in the US politics, in which both candidates at the end of an election agree on the outcome, lend the legitimacy of the process, and start the political transition. Because of globalization of political life the ritual of victory speech is being spread onto many countries of the world. The article projects conventional topics of American victory speeches onto the discourse of the Russian Presidents. Though of a ritual character, they nevertheless have acquired a personal touch of the Russian Presidents. The author comes to the conclusion that such topics are of universal character and recur in the Russian Presidents' victory speeches.

Keywords: rhetoric; globalization; communication; victory speech; ritual discourse; recurrence; call for unity; gratitude.

Introduction

Communication is a social process, a circular interaction comprising a sender of information, its recipient and the message *per se*. Considering its trajectory, the vertical communication has been gaining importance in modern mass society moving from top to bottom. For those seeking to take control over masses, communication is an extremely effective tool. Within a period of less than one generation political, social, and cultural life has changed dramatically, so have the style and pace of rhetoric.

When one hears the rhetoric of modern public figures, he/she may assume it is following certain patterns, while covering a particular topic. Even "spontaneous" speech, ex. campaign debates adheres to pre-set formats. It applies to the varieties of presidents' political discourse, even to those which are traditionally inconsistent with any ritual, or ritualized discourse: not only to inaugural speeches, State of the Union Address, but also to press conferences, interviews, etc. The semantic meaning of such speeches seems next to non-existent as they merely represent a set of symbols to convince the public that the situation is under the speaker's control.

Linguistic dictionaries and reference books define the general concept of speech as a type of communicative activity of a person using language means to communicate with other members of a speech community. Besides speech implies both a process of speaking (language activities, oral speech including) and its written products or outcomes stored in memory. Nowadays its genres are defined for each type of speech performance. Literary criticism describes "genre" as "a historically developing type of literary work that is novel, poem, ballad, etc.; genre as a theory concept generalizes the features of a more or less general group of pieces of work" [6].

Speaking about the classification of discourse regarding a particular genre, V.I.Karasik concludes that "genre-stylistic categories of discourse allow the addressee to attribute this or that text to a certain area of communication on the basis of prevailing ideas about the norms and rules of communication, about the conditions of relevance and types of communicative behavior" [2, P.191]. These categories establish the nature of the texts in terms of to what extent they correspond to the functional types of speech (style, genre canon, cliché, variability, degree of compression). In this paper, we base on the definition of the speech genre of V.I.Karasik: "The genre canon is a stereotype of the generation and perception of speech in specific recurring circumstances" [2, P. 192].

Speeches of politicians addressed to the public can be categorized as ritual and informative genres. In ritual genres, the phatic replaces informativity, and the form of communication, which is insignificant, subordinates the verbal components of

the text [1, P. 178]. Ritual genres cover inaugural addresses, anniversary speeches, traditional speeches of politicians, which primarily convey the ideas of integration, or unity of the people.

One of the main characteristics of the ritual is the confirmation of identity, the belonging of people to a single community. Thus ritual can be defined as “a manifestation of sign behavior observed in a whole class of self-organizing systems — from animal communities to various forms of human social life” [7]. Both at the biological and cultural level, he presents the ritual as a tool through which the exponent creates structures and maintains his or her living space.

According to V.I.Karasik, the ritual is a sequence of symbolically significant actions fixed by tradition. He points out that the communicative events, which are considered ritual, in many cases are of a cyclical pattern, e.g. New Year’s address by the president, military oath, initiation into students, etc [3, P. 157-158]. Moreover, the functions of a ritual involve, firstly, making the information about an event widely known, secondly, integrating and consolidating the participants of the event into a single group, eventually mobilizing them to perform certain actions or develop a specific attitude to something and, finally, consolidating the communicative action in a specifically defined form of a predominant character. The summative, integrative and mobilizing functions single out a certain event, but do not turn it into a ritually significant one. It is the fixing function that turns something into a ritual.

Theoretical basis of the research

The American election campaign is often perceived as a succession of rituals. Among them, for example, are the debates of competing candidates of the same party or acceptance speech of the nominee at the party congress. Therefore, both American voters and the media assess candidates mainly by how successfully they go through such rituals [9, P. 177]. The final ritual is concession and victory speeches at the election night. They are not a must, however, from the point of view of democratic tradition, they are an important moment when the participants of the just-ended election campaign “confirm the result and take the first step to overcome the confrontation that arose during the election campaign” [10].

The first comprehensive analysis of victory speech pattern (as well as concession speech pattern) was done by Ruth A. Weaver [14] on the basis of American presidential elections within the period of 1952 till 1980. She singled out six-seven recurrent topics (depending on whether it was the first or the second term of presidency). Paul Corcoran continued the research of the rhetoric of defeat and victory by extending Weaver’s work to other countries and examining the role the mass media play in the process. He admitted that he was surprised there had been almost no changes which made him treat such speeches as a subgenre of rhetoric because of so many clichés [10].

Subsequent researchers examined the reciprocal ritual of later years [11], [12] extending a list of conventional topics up to 9 or 10 of them. Researchers from different countries started to apply the pattern to their presidential campaigns [13]. Russian sociolinguists also started with the victory speeches of American presidents, either looking into rhetoric of a president [9] or comparing such speeches within a period of time [4]. Further research into this subgenre proved that the same recurring pattern can be found in many countries of the world [5].

In a victory speech we can single out the following conventional topics:

- 1) announcing victory;
- 2) mentioning contact with the losing candidate;
- 3) positively assessing the rival;
- 4) expressing gratitude to the supporters;
- 5) calling for unity;
- 6) highlighting the importance of democracy;
- 7) emphasizing the exceptional role of the USA (a country);
- 8) setting goals for the future presidency term;
- 9) mentioning the results achieved (on re-election for the next term);
- 10) God and prayer.

The procedure includes the following steps:

- The candidates refrain from making statements until all polling stations are closed;
- The losing candidate is the first to contact the winner;
- The winner publicly declares his/her victory after the losing candidate publicly confirmed the defeat.

The speech itself and the procedure form an integrated whole.

Regarding its length, a victory speech is fairly short, on average consisting of 900-1200 words — depending on a language, however it can be notably short, for example, 202 words (V.Putin, 04 March 2012) and even 168 words (V.Zelensky, 21 April 2019).

We argue that the procedural steps and conventional topics of the reciprocal ritual of victory and concession speeches having spread over all regions of the world, have become universal due to globalization, that covers the political sphere as well.

The Russian presidents’ victory speeches

The object of our study is the speeches of the Russian presidents at the moment of election victory and its declaration (victory speeches) after presidential campaigns. The subject is the substantive topic of these speeches. The speeches of V.V.Putin winning the presidential election in 2000, 2004, 2012, and 2018, and D.A.Medvedev (2008) are under survey. We excluded the elections of 1991 and 1996 as they lack the procedural part. The method of dividing the text, extracting recurrent topics and a comparative analysis of these topics was applied to analyze the texts. In our previous work [4] we indicated that the reciprocal ritual is a principle integrated into the discourse and expressed ambivalently — ontologically and procedurally.

The procedural steps in the Russian election campaign are similar to the mentioned above. Candidates also wait for the closure of polling stations. Sometimes the contact with the winner is reported by media or losing candidates confirm such a contact. For example:

2018: P.Grudinin, CPRF, press conference: *“Я абсолютно убежден, что нынешний президент победил / I am totally convinced that the incumbent president has won.”* [henceforth the translation is done by the author]

We should mention the changes in how a victory speech is delivered. The results of the 2000 election campaign announced, Vladimir Putin did not deliver a particular speech: he answered a few questions of journalists in passing at the election night, later the news conference was held. He started the news conference by announcing his victory tentatively, thanked his supporters and spoke positively about his rivals. In 2004 Vladimir Putin publicly announced his victory before the press conference which was to be held after the votes were preliminarily counted, (a gap in numbers allowed not to wait for the final results of the Central Election Commission), and it sounded highly official. The first victory speech to be delivered at a mass rally was made by D.Medvedev in 2008. The ritual was continued in the 2012 and 2018 election campaigns by V.Putin who announced his victory at mass rallies at Manezhnaya Square, Moscow, at night after the preliminary counting.

Considering the conventional topics, neither of the Russian presidents after announcing victory ever mentions any contacts of the losing candidates with him. It might be explained by the number of candidates participating in the elections: from 4 to 12 registered candidates have participated in election campaigns since 2000. The gratitude not only to his supporters, but to all voters who participated in the elections, is present in each of the presidents' speeches as well as the other topics – the call for unity and the need of teamwork.

2004: *“... хочу поблагодарить всех без исключения: и тех, кто голосовал за действующего президента, т.е. за вашего покорного слугу, и тех, кто выбрал других кандидатов. / ... I want to thank everyone, without exception: those who voted for the incumbent president, i.e. for your humble servant, and those who chose other candidates.”*

2008: *“Я хотел поблагодарить всех, кто проголосовал за меня. Я хотел поблагодарить всех, кто голосовал за других кандидатов... — I wanted to thank everyone who has voted for me. I wanted to thank everyone who voted for other candidates ...”*

2018: *“Спасибо, что у нас такая мощная, многомиллионная команда. / Thank you for being such a powerful, multi-million team.”*

A call for unity is present in all statements:

2012: *“И мы призываем всех объединиться вокруг интересов нашего народа и нашей Родины. / And we urge everyone to join in around the interests of our people and our homeland.”*

2018: *“Очень важно сохранить это единство <...>, очень важно привлечь на свою сторону и тех, кто мог голосовать и за других кандидатов. / It is imperative to maintain this unity <...>, it is essential to win over those could have voted for other candidates.”*

The importance of democracy was also mentioned:

2004: *“... все демократические завоевания нашего народа будут безусловно обеспечены и гарантированы / ... the democratic gains of our people will be, no doubt, protected and guaranteed.”*

2008: *“...Я благодарю всех граждан, которые пришли сегодня на избирательные участки. Это говорит о том, что мы живем в демократическом государстве, а наше гражданское общество становится эффективным, ответственным и активным. — I thank all the citizens who came to the polling stations today. This suggests that we live in a democratic state, and our civil society is becoming effective, responsible and active”.*

Neither president dwells on Russia's exceptionalism. They refer to “великая Россия/great Russia” in 2008, 2012, and 2018, but these words denote love of a human for his/her country rather than its superiority over other states.

These speeches being made after re-elections, V. Putin mentions the achieved:

2004: *“... небольшие, но все-таки положительные сдвиги, которые были и в экономике страны; все-таки мы обеспечили достаточно стабильный и высокий рост экономики за последние годы. Стабилизировали ситуацию в социальной сфере и без всяких сомнений укрепили наше государство / ... small but anyway positive changes achieved in the country's economy; nevertheless, we have ensured a fairly stable and high economic growth in recent years. We have stabilized the social sphere and, without any doubt, strengthened our state.”*

2018: *“Мы показали, что нам действительно никто ничего не может навязать. Никто и ничего. / We have demonstrated that nobody can actually impose anything on us. Nobody and not a thing.”*

However they speak about the goals for the future:

2004: *“... мы не остановимся на достигнутом <...> Мы сделаем все для того, чтобы обеспечить стабильный рост экономики нашей страны <...> Это только необходимое условие для того, чтобы решить главную задачу – обеспечить рост благосостояния наших граждан / <...> we won't be satisfied with what has been achieved <...> We will do everything to ensure stable economic growth of our country <...> This merely is a necessary condition to take on the major task — to ensure the growth in prosperity of our citizens.”*

2004: *“... мы на внешней арене будем стремиться к тому, чтобы гарантировать национальные интересы Российской Федерации, но, ни в коем случае не будем скатываться к агрессивным методам отстаивания наших интересов и какой бы то ни было конфронтации / ... in the external scene we will strive to ensure the national interests of the Russian Federation; but in no case will we slip into aggressive methods of upholding our interests or in any kind of confrontation.”*

2008: *“<...> двигаться вперед по тому плану, по которому мы шли эти годы. — move forward according to the plan that we have been following these years”.*

2012: *“Мы будем работать честно и напряженно. Мы добьемся успехов. / We will work hard and honestly. We will succeed.”*

2018: *“Мы не будем руководствоваться в ходе нашей работы какими-то текущими, конъюнктурными соображениями. Мы будем думать о будущем нашей великой Родины, о будущем наших детей и, действуя так, мы,*

безусловно, обречены на успех.
/ We will not be guided by any current momentary deliberations in the course of our work. We will think about the future of our great Motherland, about the future of our children, and acting in this way, we are certainly doomed to success. "

The topic "God and Prayer" is to be listed in the American genre of victory speech. However the speeches of the winners in other countries present different options. In more secular states (for example, France), a victory speech usually ends with a peroration in honor of the country, which is characteristic of the Russian presidents as well:

2012: "Слава России! / Glory to Russia!"

2018: (chanting) "Россия! Россия! / Russia! Russia!"

Table 1 – Recurrence Pattern

Year	Winner	Conventional Topics
2000	Vladimir Putin	1; 3; 4 + answers to reporters' questions
2004	Vladimir Putin	1; 4; 5; 9; 6; 8
2008	Dmitry Medvedev	8; 9; 4; 10; 1; 6; 3
2012	Vladimir Putin	1; 7; 4; 9; 5; 10
2018	Vladimir Putin	4; 9; 5; 8; 10

Speaking about some specific features, we should mention that the outgoing presidents cross-introduced their successor in office (Putin – Medvedev in 2008 and Medvedev – Putin in 2012) and announced their victory.

Another feature of the "Putin's" style is his personal address to the audience. The Russian President tends to ask the audience provoking a response: "Они не пройдут? / Shall they not come? – The crowd: Hem/No", which has become characteristic of his speeches at mass rallies.

Conclusion

The clarity of phrases and the prescriptive procedure of communication inherent in the presidential discourse are fundamental differences between institutional discourse and personal discourse. Nevertheless, admittedly that it is strongly influenced by the personality of a political leader and the specific historical situation [8].

Postelection concession speeches occur worldwide: in South America, Africa, Asia, Europe, and Australia, and they more and more frequently follow the formal courtesies and media-driven framing devices of American presidential elections though they are less frequent in nations with numerous parties or a parliamentary system where a coalition of parties often forms a governing majority.

The analysis has revealed a different degree of recurrence and universality of the conventional topics in presidential victory speeches in Russia but the reciprocal public ritual of recognizing a defeat and declaring a victory has become an indispensable part of presidential election campaign here. As in other countries it marks (at least officially) the cessation of a fierce, occasionally brutal, struggle of the candidates, their willingness to recognize the election results, and their call for unity.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Афанасьева О.Н. Среда и ее конструирование в ритуализованных коммуникативных практиках / Афанасьева О.Н. // Экология языка и коммуникативная практика. № 2. 2015. С. 177-186.
2. Карасик В.И. О категориях дискурса / Карасик В.И. // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. Перемена : Волгоград. 1998. С. 185-197.
3. Карасик В.И. Ритуальный дискурс / Карасик В.И. // Жанры речи. № 3. 2002. С. 157-171.
4. Коптелова И.Е. Риторика победы: предметно-тематический анализ объявления победы в президентской избирательной кампании в США (1996-2016) / Коптелова И.Е. // Риторические традиции и коммуникативные процессы в эпоху цифровизации. Сб. материалов XXIII международной научной конференции. МГЛУ. Москва. 2020. С. 740-748.
5. Коптелова И.Е. Конвенциональные темы в ритуализованном политическом дискурсе / Коптелова И.Е. // Политика и культура: пространство игры. Сб. научных статей. Будапешт-Киров. 2020. С. 167-172.
6. Литературный энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – URL: https://literary_encyclopedia.academic.ru/6118/ЖАНР (дата обращения: 25.06.2021)
7. Мониц Ю.В. К истокам человеческой коммуникации: ритуализованное поведение и язык / Мониц Ю.В. РАН. Институт языкознания. Москва. 2005. 443 с.
8. Худяков А.В. Современные исследования президентского дискурса: теоретические предпосылки и перспективы / Худяков А.В. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов. № 2 (44). Ч. II. С. 206-208.
9. Чантуридзе Ю.М. Победная речь будущего президента как жанр политического дискурса / Чантуридзе Ю.М. // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. № 6 (22). 2014. С. 176-186.
10. Corcoran P.E. Presidential concession speeches: The rhetoric of defeat / Corcoran P.E. // Political Communication. 11:2, 1994. P.109-131.
11. Howell B.W. Change and continuity in concession and victory speeches: Race, gender, and age in the closing statements of the 2008 presidential campaign / Howell B.W. // American Behavioral Scientist 55(6), 2011. P. 765–783.

12. Lakoff R.T. The rhetoric of the extraordinary moment: The concession and acceptance speeches of Al Gore and George W. Bush in 2000 presidential election / Lakoff R.T. // *Pragmatics* 11(3), 2001. P. 309–327.
13. Omoniyi Moses Ayeomoni, Olajoke Susan Akinkuolere. A Pragmatic Analysis of Victory and Inaugural Speeches of President Umaru Musa Yar'Adua // *Theory and Practice in Language Studies*, Vol. 2, No. 3, pp. 461–468, March 2012.
14. Weaver R.A. Acknowledgment of victory and defeat: The reciprocal ritual / Weaver R.A. // *Central States Speech Journal*. 33(3), 1982. P. 480–489.

Список литературы на английском / References in English

1. Afanaseva O.N. Sreda i ee konstruirovaniye v ritualizovannykh kommunikativnykh praktikakh [Environment and its construction in ritualized communication practices] / Afanaseva O.N. // *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. № 2, 2015. P. 177–186. [in Russian]
2. Karasik V.I. O kategoriakh diskursa [On categories of discourse] / Karasik V.I. // *Yazykovaya lichnost': sociolingvisticheskie i emotivnye aspekty*. Volgograd. Peremena. 1998. P.185–197. [in Russian]
3. Karasik V.I. Ritual'nyy diskurs [Ritual discourse] / Karasik V.I. // *Zhany rech'i*. № 3, 2002. P. 157–171. [in Russian]
4. Koptelova I.E. Ritorika pobedy: predmetno-tematicheskiy analiz ob'yavleniya pobedy v prezidentskoy izbiratel'noy kampanii v SSCHA (1996–2016) [The rhetoric of victory: a subject-matter analysis of the announcement of victory in the presidential election campaign in the United States (1996–2016)] / Koptelova I.E. // *Ritoricheskie tradicii i kommunikativnyye processy v epohu cifrovizatsii. XXIII mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya*. MGLU, 2020. P. 740–748. [in Russian]
5. Koptelova I.E. Konvencional'nye temy v ritualizovannom politicheskom diskurse [Conventional themes in ritualized political discourse] / Koptelova I.E. // *Politika i kul'tura: prostranstvo igry*. Budapest-Kirov. 2020. P. 167–172. [in Russian]
6. Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar' [Literary encyclopedic dictionary] [Electronic resource]. – URL: https://literary_encyclopedia.academic.ru/6118/ЖАHP (accessed: 25.06.2021). [in Russian]
7. Monich Yu.V. K istokam chelovecheskoy kommunikatsii: ritualizovannoe povedenie i yazyk [Towards the Origins of Human Communication: Ritualized Behavior and Language] / Monich Yu.V. // *RAN. Institut yazykoznaniya*. Moscow. 2005. 443 p. [in Russian]
8. Hudiakov A.V. Sovremennyye issledovaniya prezidentskogo diskursa: teoreticheskie predposylki i perspektivy [Contemporary studies of the presidential discourse: theoretical premises and perspectives] / Hudiakov A.V. // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov. № 2 (44), P. II, 2015. P. 206–208. [in Russian]
9. Chanturidze Yu.M. Pobednaya rech' buducsego prezidenta kak zhanr politicheskogo diskursa [The victory speech of the future president as a genre of political discourse] / Chanturidze Yu.M. // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. № 6 (22), 2014. P.176–186. [in Russian]
10. Corcoran P.E. Presidential concession speeches: The rhetoric of defeat / Corcoran P.E. // *Political Communication*. 11:2, 1994. P.109–131.
11. Howell B.W. Change and continuity in concession and victory speeches: Race, gender, and age in the closing statements of the 2008 presidential campaign / Howell B.W. // *American Behavioral Scientist* 55(6), 2011. P. 765–783.
12. Lakoff R.T. The rhetoric of the extraordinary moment: The concession and acceptance speeches of Al Gore and George W. Bush in 2000 presidential election / Lakoff R.T. // *Pragmatics* 11(3), 2001. P. 309–327.
13. Omoniyi Moses Ayeomoni, Olajoke Susan Akinkuolere. A Pragmatic Analysis of Victory and Inaugural Speeches of President Umaru Musa Yar'Adua // *Theory and Practice in Language Studies*, Vol. 2, No. 3, pp. 461–468, March 2012.
14. Weaver R.A. Acknowledgment of victory and defeat: The reciprocal ritual / Weaver R.A. // *Central States Speech Journal*. 33(3), 1982. P. 480–489.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.27.3.9>**ПАРНЫЕ СЛОВА С НОВОРУССКИМИ КОМПОНЕНТАМИ В ЧУВАШСКОМ И МАРИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

Научная статья

Кириллова В.Ю. *

ORCID: 0000-0002-4343-3610,

Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, Чебоксары, Россия

* Корреспондирующий автор (walentina_83[at]mail.ru)

Аннотация

Работа посвящена изучению парных слов в языках центральной зоны Волго-Камского языкового союза – чувашском и марийском. Цель исследования – описать пласт парных слов с новорусскими компонентами в указанных языках (например, чув. хаҫат-журнал ‘периодические издания’, мар. газет-журнал тж., восходящие к русским или опосредованным им европейским этимонам). Таких единиц в каждом из языков насчитывается менее десятка. При этом они на общем лексическом фоне выделяются особой выразительностью, нередко выражающейся в бытовании нерусского слова из двух русских основ. Результаты работы могут быть использованы при составлении сравнительной грамматики чувашского и марийского языков, а также при изучении межэтнических контактов в условиях Волго-Камского языкового союза в целом.

Ключевые слова: парные слова, словообразование, языковые контакты.

CORRELATIVE WORDS WITH NEW RUSSIAN COMPONENTS IN THE CHUVASH AND MARI LANGUAGES

Research article

Kirillova V.Yu. *

ORCID: 0000-0002-4343-3610,

Chuvash State University, Cheboksary, Russia

* Corresponding author (walentina_83[at]mail.ru)

Abstract

The article examines correlative words in the languages of the Volga-Kama region, namely the Chuvash and Mari languages. The aim of the article is to describe a layer of correlative words with new russian components in these languages (for example, Chuvash хаҫат-журнал (khasat-zhurnal) and Mari газет-журнал (gazet-zhurnal) — meaning "periodicals", dating back to Russian or European etymons mediated by it). There are less than a dozen such units in each of the languages. At the same time, they stand out against the general lexical background with a particular expressiveness often expressed in the presence of a non-Russian word from two Russian stems. The results of the study can be used in the compilation of a comparative grammar of the Chuvash and Mari languages as well as in the study of interethnic contacts in the languages of the Volga-Kama region.

Keywords: correlative words, word formation, language contacts.

Введение

Парные слова составляют особый пласт, играющий значительную роль в организации лексической системы языков Урало-Поволжья, и даже более – они имеют свойство перекликаться с их синтаксическим строем.

Интереснейшей проблемой функционирования парных слов в языках центральной зоны Волго-Камского языкового союза чувашском и марийском следует признать наличие уникальных единиц с русскими или иными европейскими компонентами. При комбинировании таких единиц получаются необычные лексические композиты по происхождению всецело или наполовину русские (европейские), однако по сути чувашские или марийские. Вовлечение слов с явными признаками иноязычного происхождения в парное словопроизводство свидетельствует об активности и востребованности данного способа деривации.

Методы и принципы исследования

Цель работы – описать пласт парных слов с новорусскими компонентами. Под новорусскими здесь необходимо понимать русские заимствования, в том числе опосредованные русской культурой европеизмы, в условиях другого языка сохраняющих идентичное звучание и написание или же подвергающиеся минимальной фонетической адаптации, например: рус. *правительство* → чув. *правительство*, мар. *правительстве*; лат. *litteratura* → рус. *литература* → чув. *литература*, мар. – *литератур*. Для ср.: старозаимствованные русизмы в чувашском и марийском языках исходно претерпели значительные изменения и обыденным языковым сознанием не воспринимаются в качестве русских заимствований: чув. *вырӑс*, мар. *руш* ← рус. *русский*; чув. *пӗрене*, мар. *пырня* ← рус. *бревно*, чув. *хунар*, мар. *по нар* ← рус. *фонарь* ← ср.-греч. *φανάρι* ‘светильник, свет, факел’, чув. *ыраш*, мар. *уржа* ← рус. *рожь*. Материалом исследования послужили парные слова с явно осознаваемыми иноязычными (русскими и европейскими) компонентами, нашедшие отражение в академических словарях сопоставляемых языков.

Основу исследования составили положения, получившие отражение в работах чувашских лингвистов Н. А. Андреева [1], И. П. Павлова [3], Г. Н. Семенов и А. М. Ивановой [4], [5], [6].

Основные результаты

Чувашский и марийский языки обладают своеобразным пластом лексики – так называемыми парными словами. Ими являются лексические единицы, состоящие главным образом из двух компонентов и связанные между собой синтаксически на основе синонимических, ассоциативных либо антонимических отношений. В состав парных слов также включаются слова с дивергентной редупликацией. Например: чув. *ӓс-хакӓл* ‘разум’ < *ӓс* ‘ум’ + *хакӓл* из араб. *لُقْع* ‘ум, разум’, мар. *уш-акыл* тж.; чув. *атте-анне* ‘родители’ < *атте* ‘отец’ + *анне* ‘мать’, мар. *ача-ава* тж. < *ача* ‘отец’ + *ава* ‘мать’; чув. *ырӓ-усал* ‘добро и зло’ < *ырӓ* ‘добрый’ + *усал* ‘злой’, мар. *поро-осал* тж.; чув. *чайтӓр-чаитӓр* подражание шуршанию, мар. *чыштыр-чоштыр* подражание мерным звукам, издаваемым режущим инструментом (подробнее см.: [5]).

Обычно парные слова производятся на этноязыковом материале, и на этом фоне весьма неожиданными представляются образования с компонентами, сохраняющими явный след иноязычного происхождения. Сказанное прежде всего относится к русизмам в чувашском и марийском языках.

В чувашском языке прочно утвердились следующие парные слова с условно русскими компонентами:

чув. *орден-медаль* собир. ‘ордена и медали, награды, регалии’ [9, С. 264] < рус. *орден* + *медаль*;

чув. *фабрика-завод* собир. ‘фабрики и заводы’ [9, С. 525] < рус. *фабрика* + *завод*;

чув. *хаçат-журнал* собир. ‘газеты и журналы, периодические издания, пресса’ [9, С. 539] < чув. *хаçат* из рус. *газета* + *журнал*.

Парное слово *сад-пахча* ‘сады, огороды’ (< рус. *сад* + чув. *пахча* ‘огород’) чувашскими словарями не фиксируется. Дело в том, что в текстах чаще всего встречается его форма, осознаваемая носителями как синтагма, построенная по схеме изафета второго типа: *сад пахчи* букв. огород сада. Между тем данное словосочетание вполне может быть осознано и в качестве парного образования *сад-пахча* в выделительной форме с показателем *-и* (*сад-пахчи* ‘его огороды и сады’). Более того, нам представляется, что именно в таком статусе оно существует в чувашском языке. Наблюдения показывают, что нетрадиционное орфографирование парного слова – слитное либо раздельное – может сформировать их упрощенное восприятие даже в среде лингвистов, ср.: чув. *хӓрарӓм* ‘женщина’ (согласно правилу орфографировать парные слова через дефис должно писаться *хӓр-арӓм* < *хӓр* ‘девочка, девушка’ + *арӓм* ‘жена, женщина’, ср. с тат. *хатын-кыз* ‘женщина’ < *хатын* ‘жена’ + *кыз* ‘девочка, девушка’); *çӓршыв* ‘страна’ (= *çӓр-шыв* < *çӓр* ‘земля’ + *шыв* ‘вода’), как правило, не воспринимаются в качестве парных слов.

Следующий круг парных слов сложно назвать устоявшимися единицами чувашского языка. Скорее речь идет об индивидуальных употреблениях речевого порядка, спешно зафиксированных лингвистами:

аспид-çӓлен ‘пресмыкающиеся’ [8, С. 170] < рус. *аспид* + чув. *çӓлен* ‘змея’;

епископ-архиерей ‘священнослужители’ [8, С. 170] < рус. *епископ* + *архиерей*;

йӓрке-норма ‘порядок’ [4, С. 36] < чув. *йӓрке* ‘порядок’ + рус. *норма*;

кӓнеке-журнал собир. ‘книги и журналы’ [9, С. 169] < чув. *кӓнеке* ‘книга’ + рус. *журнал*;

кӓнеке-хаçат собир. ‘книги и газеты’ [9, С. 169] < чув. *кӓнеке* ‘книга’ + рус. *журнал*;

купӓс-баян собир. ‘музыкальные инструменты’ [9, С. 193] < чув. *купӓс* ‘гармонь’ + рус. *баян*;

мина-снаряд [11, С. 342] ‘боеприпасы среднего и крупного калибра’ < рус. *мина* + *снаряд*;

тимӓр-чугун [10, С. 279] ‘железо и его аналоги’ < чув. *тимӓр* ‘железо’ + рус. *чугун*.

Марийскими словарями фиксируется лишь два парных слова с условно русскими компонентами:

сад-пакча ‘фруктовый сад’ [7, Т. 6, С. 125] (см. чув. *сад-пахча*) < рус. *сад* + мар. *пакча* ‘огород’;

целлюлоз-кагаз ‘целлюлозно-бумажный; производящий целлюлозу и бумагу, относящийся к такому производству’ [7, Т. 8, С. 268] < рус. *целлюлоза* ‘целлюлоза’ + мар. *кагаз* ‘бумага’.

В последнем примере русский перевод марийского парного слова условный. Речь в данном случае идет о марийском существительном, но не о прилагательном, как это нашло отражение в русской интерпретации.

Парное слово *гаçет-журнал* ‘газеты и журналы, пресса’ (ср. с чув. *хаçат-журнал*), согласно корпусу марийского языка, включающего более 20 миллионов словоупотреблений [2], фиксируется с 1976 г. Всего же в корпусе отмечено 52 его употребления, по большей части приходящихся на 2000 гг. Между тем данное слово еще не нашло отражения в словарях марийского языка, хотя оно того заслуживает. Маловероятно, что слово *гаçет-журнал* обусловлено чувашским влиянием, скорее всего оно является результатом самостоятельного развития типологически сходных языков.

Единичные фиксации марийских единиц с русскими компонентами коррелируют с количественной представленностью самих парных слов в исследуемых языках. Согласно нашим подсчетам, парные слова в марийском языке составляют 1,2 процента всей лексики, в чувашском языке настоящий показатель равняется 4,7 процентам.

Заключение

Парные слова с новорусскими и опосредованными русским языком европейскими компонентами составляют скорее исключение, чем правило. Представляется, что данное обстоятельство свидетельствует о древности парного словообразования: во-первых, актуальные слова, обусловленные исконной лексикой, уже существуют, а необходимости в новой подобной лексике нет; во-вторых, парное словообразование в сравниваемых языках настолько развито, что в него вовлекаются и новозаимствования.

Вместе с тем анализ материала говорит о том, что композитообразование востребовано в марийском языке в меньшей степени, видимо, вследствие тюркского влияния с его развитыми способами парной деривации.

Сокращения / Abbreviations:

Араб. – арабский язык; букв. – буквально; лат. – латинский язык; мар. – марийский язык; рус. – русский язык; см. – смотрите; собир. – собирательное существительное; ср. – сравните; ср.-греч. – среднегреческий язык; тат. – татарский язык; тж. – то же; чув. – чувашский язык.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Андреев Н. А. Чăваш чĕлхин лексикологийĕ / Н. А. Андреев. – Шупашкар : Чăвашгосиздат, 1961. – 160 с.
2. Корпус марийского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://corp.marii.ru/> (дата обращения: 14.07.2021).
3. Павлов И. П. Парные слова в современном чувашском языке / И. П. Павлов // Исследования по этимологии и грамматике чувашского языка. – Чебоксары, 1988. – С. 56–77.
4. Семенова Г. Н. Именные композиты в чувашском языке / Г. Н. Семенова. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2002. – 158 с.
5. Семенова Г. Н. Словообразование в чувашском языке – II / Г. Н. Семенова, А. М. Иванова // Вестник Чувашского университета. – 2013. – № 1. – С. 167–170.
6. Иванова А. М. Агнонимичные парные слова в чувашском языке / А. М. Иванова // Ашмаринские чтения : Изд-во Чуваш. ун-та. – Чебоксары, 2014. – С. 67–74.
7. Словарь марийского языка : в 10 т. / Мар. ордена «Знак Почета» научн.-исслед. ин-т яз., лит. и истории им. В. М. Васильева. – Йошкар-Ола, 1990–2005.
8. Студенцов О. Р. Инновации в лексике церковно-богослужебных текстов на чувашском языке в переводах И. Я. Яковлева и его школы (1871–1917 гг.) : дис... канд. филол. наук / О. Р. Студенцов. – Чебоксары, 2007. – 329 с.
9. Чăвашла-вырăсла словарь = Чувашско-русский словарь / редактор М. И. Скворцов. – М. : Рус. яз., 1985. – 712 с.
10. Чăваш чĕлхин орфографи словарь / хатĕрленĕ А. А. Алексеев; наука ред. И. П. Павлов, Ю. М. Виноградов. – Шупашкар : Чăваш кĕн. изд-ви, 2002. 398 с.
11. Zheltov P. Reverse Dictionary of Chuvash = Обратный словарь чувашского языка / P. Zheltov, E. Fomin, J. Luutonen. – Helsinki, 2009. – 344 p.

Список литературы на английском / References in English

1. Andreev N. A. Chavash chelhin leksikologije [Lexicology of the Chuvash language] / N. A. Andreev. – Shupashkar : Chevashgosizdat, 1961. – 160 p. [in Chuvash]
2. Korpus marijskogo yazyka [Electronic resource] [Mari Corpus]. – URL: <http://corp.marii.ru/> (data obrashcheniya: 14.07.2021). [in Russian]
3. Pavlov I. P. Parnye slova v sovremennom chuvashskom yazyke [Paired words in the modern Chuvash language] / I. P. Pavlov // Issledovaniya po etimologii i grammatike chuvashskogo yazyka. – Cheboksary, 1988. – P. 56–77. [in Russian]
4. Semenova G. N. Slovoobrazovanie v chuvashskom yazyke – II [Word formation in the Chuvash language – II] / G. N. Semenova, A. M. Ivanova // Vestnik Chuvashskogo universiteta. – 2013. – № 1. – P. 167–170. [in Russian]
5. Semenova G. N. Imennye kompozity v chuvashskom yazyke [Nominal composites in the Chuvash language] / G. N. Semenova. – Cheboksary : Izd-vo Chuvash. un-ta, 2002. – 158 p. [in Russian]
6. Ivanova A. M. Agnonimichnye parnye slova v chuvashskom yazyke / A. M. Ivanova // Ashmarinskie chteniya. – Cheboksary, 2014. – P. 67–74. [in Russian]
7. Slovar' marijskogo yazyka : v 10 t. [Dictionary of the Mari language] / Mar. ordena «Znak Pocheta» nauchn.-issled. in-t yaz., lit. i istorii im. V. M. Vasil'eva. – Yoshkar-Ola, 1990–2005. [in Mari & Russian]
8. Studencov O. R. Innovacii v leksike cerkovno-bogosluzhebnyh tekstov na chuvashskom yazyke v perevodah I. Ya. Yakovleva i ego shkoly (1871–1917 gg.) [Innovations in the vocabulary of church-liturgical texts in the Chuvash language in the translations of I. Ya. Yakovlev and his school (1871–1917)] : dis... PhD in Philology / O. R. Studencov. – Cheboksary, 2007. – 329 p. [in Russian]
9. Chavashla-vyrasla slovar' = Chuvashsko-russkij slovar' [Chuvash-Russian dictionary] / edit. M. I. Skvorcov. – M. : Rus. yaz., 1985. – 712 p. [in Chuvash & Russian]
10. Chavash chelhin orfografi slovare [Spelling dictionary of the Chuvash language] / haterlekene A. A. Alekseev; nauka red. I. P. Pavlov, Yu. M. Vinogradov. – Shupashkar : Chavash ken. izd-vi, 2002. – 398 p. [in Chuvash]
11. Zheltov P. Reverse Dictionary of Chuvash = Obratnyj slovar' chuvashskogo yazyka [Reverse Dictionary of Chuvash] / P. Zheltov, E. Fomin, J. Luutonen. – Helsinki, 2009. – 344 p. [in Chuvash, Russian & English]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.27.3.10>**ОСОБЕННОСТИ РУБРИКАЦИИ ИНФОРМАЦИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ТЕКСТАХ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ ДИЗАЙНУ**

Научная статья

Демидова Е.В. *

ORCID: 0000-0002-0077-4837,

Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия

* Корреспондирующий автор (eva.demidova.85[at]list.ru)

Аннотация

Текстовая часть профессионального тематического сайта для обучения дизайна multifunctional, информативна, структурирована, поэтому представляет собой научный интерес. Профессионально-ориентированный текст имеет лексическую, логическую и грамматическую основы, определенным образом организованные с целью передачи информации.

Функционирование языка на веб-странице обусловлено принципом гипертекста, который призван упростить процесс доступа к данным и как следствие, обеспечить успешную профессиональную коммуникацию. Он дает веб-сайту удобство и логичное структурирование контента, полезные функции для пользователя, включение мультимедийных элементов для контента. В структуре профессионального сайта для дизайнеров, мы наблюдаем следующие информационные блоки: текстовый контент, информация на верхней и нижней страницах сайта; призывы к действию; всплывающие окна на сайте; объявления о работе с сайтом; инфоблоки на карточках товаров; блоки в боковой панели сайта.

Авторы текстовой части веб-сайта посредством профессиональной лексики вербализуют следующие концепты профессиональной реальности дизайнера: «Преимущества в работе дизайнера», «Недостатки в работе дизайнера», «Направления дизайна», «Обязанности дизайнера», «Компетенции дизайнера», «Личностные качества дизайнера», «Уровни профессиональной подготовки», «Творчество».

Ключевые слова: веб-дизайн, гипертекст, профессиональная коммуникация, диалогичность, динамичность, профессиональная компетенция.

ASPECTS OF INFORMATION CATEGORIZATION IN PROFESSIONALLY-ORIENTED TEXTS FOR TEACHING DESIGN

Research article

Demidova E.V. *

ORCID: 0000-0002-0077-4837,

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

* Corresponding author (eva.demidova.85[at]list.ru)

Abstract

The text section of a professional thematic website for teaching design is multifunctional, informative, structured, and therefore presents scientific interest. A professionally-oriented text has a lexical, logical and grammatical basis organized in a certain way for the purpose of transmitting information.

The functioning of the language on a web page is determined by the principle of hypertext, which is designed to simplify the process of accessing data and, as a result, to ensure successful professional communication. It gives the website the convenience and logical structuring of content along with useful user functions and the inclusion of multimedia elements for displaying content. In the structure of a professional website for designers, the following information blocks are observed: text content, information on the top and bottom pages of the site; calls to action; pop-ups; ads for working with the site; information blocks on product cards; blocks in the sidebar of the site.

Through using professional vocabulary, the authors of the text section of the site verbalize the following concepts professional reality of the designer: "the benefits of the work of the designer", "the shortcomings in the work of the designer", "design direction", "the duties of the designer", "the competence of the designer", "personality of the designer", "levels of professional training", "creativity".

Keywords: web design, hypertext, professional communication, dialogics, dynamics, professional competence.

Введение

В сети интернет среди множества разнообразных веб-сайтов присутствуют и профессионально-ориентированные сайты, созданные для обучения профессии, обмена опытом и повышения квалификации.

В современное время, в связи с увеличением спроса на представительство в сети, растет спрос и на качественный дизайн сайтов. Также увеличивается количество веб-дизайнеров, вовлеченных в эту работу. Веб-дизайн – это вид графического дизайна, который направлен на разработку и оформление объектов информационной среды, призванный обеспечить им высокие потребительские и эстетические свойства. Основным объектом для работы веб-дизайнера является веб-сайт. Таким образом, веб-сайт может служить как средством передачи профессиональной информации, так и результатом профессиональной работы дизайнера. Основную смысловую нагрузку несет текст веб-сайта.

Специалисты выделяют несколько типов веб-дизайна: текстовый дизайн, полиграфический дизайн, интерфейсный дизайн, динамический дизайн, смешанный дизайн [28, С.1].

Текстовая часть профессионального тематического сайта для обучения дизайна многофункциональна, информативна, структурирована, поэтому представляет собой научный интерес. Профессионально-ориентированный текст имеет лексическую, логическую и грамматическую основы, определенным образом организованные с целью передачи информации.

Итак, мы предпринимаем попытку проанализировать структуру информационного пространства англоязычного веб-сайта для профессионального обучения дизайну, взаимодействие определенных информационных блоков в нем, принципы рубрикации информации, механизмы передачи и восприятия профессионального знания в тексте. Определим понятие **веб-сайт**. Веб-сайт (*website*: *web* – «паутина, сеть» и *site* – «место, сегмент, часть в сети») определяют как одну или несколько логически связанных между собой веб-страниц [2, С. 3]. Сайт – это информационная единица в интернете, ресурс из веб-страниц, которые объединены общей темой и связаны с помощью ссылок. Веб-сайт есть совокупность документов с **гипертекстовой информацией**, доступной в Интернете [4, С. 4], [5, С. 12].

Поэтому **веб-дизайн** – это процесс создания сайтов, состоящий из технической разработки, создания удобной структуры веб-страницы, графического оформления и передачи информации в сеть. Специалист по веб-дизайну разрабатывает макет, работает над графикой сайта и его интерфейсом. Основные элементы работы в процессе создания дизайна веб-сайта – это графическое редактирование, колористика и типографика [5, С. 12]. Веб-дизайнер – это человек, обладающий художественным вкусом и знаниями интернет-технологий. Он превращает идею заказчика в визуально привлекательный дизайн, а именно создает макеты, строит интерфейс и разрабатывает определенный сценарий коммуникации клиента с сайтом.

Обзор литературы

В работе над веб-страницей веб-дизайна идет многоуровневая работа над лингвистическими аспектами текста [6, С. 12]. Актуальность данной статьи обусловлена тем, что коммуникация с пользователем профессионально-ориентированного сайта требует тщательного изучения. Роль текста в веб-дизайне является ключевой, так как грамотность текста обеспечивает читабельность сайта [7, С. 6]. Помимо информационного наполнения текст сайта обладает также графическими возможностями для формирования эстетического восприятия веб-сайта [20, С. 2], [19, С. 2].

Крепкая связь между веб-сайтом и пользователем помогает ему впоследствии в достижении поставленных целей [4, С. 5]. Профессионально-ориентированные веб-сайты предназначены для деловой коммуникации (извлечения необходимого профессионального знания и достижения определенных задач в профессиональном сообществе) [12, С. 94], [6, С. 10]. Участники сообщества понимают, что обмен знаниями – это необходимое условие для развития успешной деятельности. Основную коммуникативную функцию на веб-странице выполняет текст [7, С. 6].

Профессиональная коммуникация, которая осуществляется посредством веб-сайта, является неременным условием эффективного взаимодействия и обмена профессиональным опытом. Она играет роль определенного посредника между дизайнером, его коллегами и создателем сайта [16, С. 1].

Б.Ю. Городецкий считает, что на пространстве веб-страницы осуществляется концептуализация знаний ее пользователем. В процессе прочтения текста пользователь извлекает из текста некоторую совокупность знаний и перерабатывает, осмысливает и вербализует, где категория знания является ключевой, объединяющей эти два процесса [5, С. 1]. Их успешность характеризует удачную коммуникацию, а «затрудненное понимание» [9, С. 3], влечет за собой коммуникативную неудачу. В ряде лингвистических исследований «коммуникативный дискомфорт» (определение Е.М. Мартыновой) [8, С. 33], [5, С. 32] рассматривается в связи с личностными характеристиками коммуникантов, обстоятельствами общения, трудностями достижения коммуникативных целей, нарушением принципа коммуникативной контактности.

Многие исследователи языка (Б. Ю. Городецкий, И. М. Кобозева, И. Г. Сабурова) считают, что функционирование языка на веб-странице в процессе подготовленной письменной дистантной коммуникации в сети Интернет обусловлено принципом гипертекста, основой технологии существования Сети [5, С. 32]. На пространстве веб-страницы существуют основной линейный текст и высказывания-микротексты (гиперссылки).

Гиперссылки используются для обозначения блоков информации, размещенные на других страницах сайта. Гипертекст призван сделать документ более понятным и удобным в использовании, упростить процесс доступа к данным и как следствие, обеспечить успешную профессиональную коммуникацию [10, С. 10]. Он дает веб-сайту определенные возможности: удобство и логичное структурирование контента, полезные функции для пользователя, включение элементов медиа для разнообразного контента. Чтобы получить информацию, пользователю достаточно нажать на выделенный элемент [1, С. 7], [2, С. 1]. Благодаря публикациям последних лет гипертекст в целом и электронный гипертекст в частности стал самостоятельным и полноправным объектом лингвистического исследования в работах О.В. Барст, М. Визеля, Е.И. Горошко, К.В. Давыдовой, О.В. Дедовой, А.А. Залевской, Е.В. Зыковой и многих других исследователей.

А.Н. Федоренко определяет **профессиональную коммуникацию** как профессионально обусловленный процесс обмена информацией (знанием) между представителями одной профессии, направленный на профессиональное развитие, в ходе которого создаются профессиональные сообщества, характеризующиеся определенными нормами мышления, поведения и взаимодействия между членами сообщества [11, С. 1], [15, С. 1].

В нашем исследовании мы определяем «профессиональное сообщество» как группу людей, состоящую из двух и более человек, регулярно вступающих в личное или виртуальное коммуникативное взаимодействие друг с другом с целью обмена практическим опытом и концептуализации новых профессиональных знаний. Английский язык является наиболее популярным языком профессионального общения. Текстовая и гипертекстовая часть представляется нам наиболее интересной для исследования. Мотивационная функция профессиональной

коммуникации состоит в том, что электронный ресурс мотивирует начинающего веб-дизайнера более качественно выполнять стоящие перед ними задачи. В современном обществе цифровые коммуникации – это «способ построения коммуникаций компании с потребителями, осуществляемый на основе технологий» [11, С. 1].

Информация как на любом сайте, так и на профессиональном сайте транслируется в определенных «информационных блоках» [3, С. 20]. Веб-дизайнеры используют это понятие для блоков на сайте, содержащих информацию, для текстового контента и всплывающих окон [10, С. 50]. В нашей статье в качестве информационных блоков мы берем за основу элементы сайта. На них размещается информация для пользователей о деятельности компании, условиях покупки, доставки или оплаты товара или услуги [19, С. 2].

Нами был проведен лингвистический обзор текстовой составляющей самых востребованных профессиональных англоязычных веб-сайтов для обучения дизайну на английском языке 2018-2021 годов в сети Интернет. По версии Awwwards, в список самых востребованных сайтов 2019-2020 годов входит Stock Photography Then and Now [13, С. 3] от креативного агентства ADVANCED TEAM.

Проанализировав структуру профессионального сайта для дизайнеров, мы наблюдаем определенную рубрикацию информации на абзацы, тезисы, ссылки, смысловые блоки, рубрики, комментарии. Обобщая наш анализ, можно выделить следующие наиболее типичные для всех изучаемых веб-сайтов информационные блоки:

1. *Текстовый контент* (блок, состоящий только из текста; описание профессиональных инструментов веб-сайта) [13, С. 1];
2. *Информация на странице сайта* (контактные данные, иконки с корзиной);
3. *Призывы к действию* (информация о повышении квалификации);
4. *Поп-апы* (всплывающие окна с информацией об акциях компании и веб-формами для заказа);
5. *Объявления о работе с сайтом* (информация о технических неполадках и затруднениях);
6. *Инфоблоки на карточках товаров* (описание условий покупки профессиональных программ и приложений для дизайнеров);
7. *Блоки в сайдбаре* (элементы, расположенные на боковых панелях сайта) [15, С. 4].

Методы сбора фактического материала, описательный и структурный методы позволили нам выделить частотные рубрики профессионально-ориентированных сайтов: *review of worldwide design works* (обзор дизайнерских работ по всему миру), *challenges* (конкурсы), *experience* (обмен опытом), *registration* (регистрация), *invite from a friend-designer* (специальное приглашение от друга-дизайнера), *talent, creativity* (талант, одаренность). Они, как правило, оформлены в гипертекстовые ссылки или рубрицированы (заголовки, тезисы) [23, С. 1].

Сайт *Land-book.com* оформляет заголовки более крупным шрифтом и оформлен в особой цветовой гамме, имеет анимацию: **Grab a popcorn. The new Land-book is ready.** Далее идет раздел *Lead-in: We're super excited to introduce you to our brand new gallery! We reinvented it from top to bottom. Read our story* (здесь шрифт меньшего размера, другой регистр). Вся информация разделена графически и логически на смысловые информационные блоки: рубрики и секции (*gallery, my favs*); подсекции (*all landings, portfolios, blogs, stories, others templates*). В 65 % от общего количества исследуемых сайтов присутствуют информационные блоки с портфолио начинающих и известных дизайнеров для просмотра, обмена опытом, облегчения поиска работы и контакта с работодателем [16, С. 2].

Нередко тексты представляют собой портфолио работника, который добился определенных успехов и может послужить примером успешной профессиональной самореализации:

Peter Demulsant — Interactive developer

http://picodix.me/ PortfoliosTech, Personal, Design, Light Colors, Dark Colors, Big Type. My name is Peter and I am currently living in France. Get in my mood. Experience. 2019/ 2018/ 2017/ 2016.

Building sharp interfaces and interactive experiences on the web for various clients across the world. Constantly learning and trying out new tools and techniques. Senior Interface Developer at Heyday. Part of the frontend team to build and maintain websites and platforms for clients like Mitsubishi, Garage Project, Z Energy... I also focused on processes, documentation and onboarding developer experience (представлен блок содержательно-фактуальной информации).

Interests: *always keen for a good beer, so feel free to say hello. When I am not working, I have others passions I dive into like drone flying and aerial imagery from countries I've had the chance to travel to. Check out my Instagram* (представлен блок эмотивно-окрашенной информации о личностных качествах дизайнера).

Hey Land-bookers! Leave your email to get the most recent websites inspirations right in your inbox. No spam. Ever (блок обратной связи с посетителем сайта).

На сайт *Designshack.net* наблюдается аналогичное структурирование профессиональной информации: рубрикация *Search Design Shack* (поисковая строка), *Articles* (статьи на профессиональные темы), *Gallery About* (фотоработы), *5 Tips for Working With Design Influencers* (профессиональные советы):

Slab serif fonts can be used for a variety of purposes, ranging from general body text to headlines, to display copy. It's a typography variant that has been used widely for digital as well as print purposes, and devices such as Amazon Kindle even use a slab serif as their default font [24, С. 1].

Для данных профессиональных сайтов рубрика профессиональных объявлений характерна и частотна (75 % сайтов): *Children Book. I am Looking for an illustrated children's book designer. This will be seven pages including the cover book. SaaS Product SVG Illustrations. We're a software company looking for a skilled illustrator for the designs on our new marketing pages.*

Текстовая часть исследуемых веб-сайтов (около 50) обладает следующими характеристиками: уникальность (оригинальность и неповторимость контента), оптимизирование под поисковые запросы (ключевые слова в текстах для поисковых роботов). Наиболее частотными комбинациями слов на сайте являются: *design, web-design, video\photo\audio files, content, graphics, resource* (50%); *project, work, usability, creativity, innovative technology, cast, podcast, font, colour, texture, tools, apps* (20%); *winner, nominee, blog, vlog, display, typeface* (15%); *highlight, event, recycling, host,*

photo host, video host (15%). Это позволяет точно определять тематику и направленность сайта, чтобы впоследствии выводить их как наиболее релевантные результаты для членов профессионального сообщества. Тексты, представленные на изучаемых нами сайтах всегда информативны и актуальны с целью привлечения внимания пользователей-членов профессионального сообщества, которые будут обращаться к информационному ресурсу вновь.

Проанализировав лексический состав текстов исследуемых сайтов, мы приходим к выводу, что авторы текста, используя профессиональную лексику, передают информацию о компетенциях дизайнера. Условно передаваемую информацию можно разделить на следующие информационные блоки:

– **«Преимущества в работе дизайнера»**: востребованность профессии, высокая зарплата, гибкий график, творческая работа;

– **«Недостатки в работе дизайнера»**: сложности выхода на хороший уровень оплаты, свободный график работы, нерегулярность заказов, субъективность оценки работы;

– **«Направления дизайна»**: дизайн интерьеров, веб-дизайн (структура и тематика сайта, графический дизайн (создание логотипов, фирменного стиля, навигационных систем), ландшафтный дизайн (создание ландшафта парков, скверов и приусадебных участков), проекты для производства;

– **«Обязанности дизайнера»**: создание конструкций и разработка изображения моделей интерьера, мебели, аксессуаров, компьютерной графики, ландшафта;

– **«Компетенции дизайнера»**: владение классическими и нетрадиционными техниками графики и рисования; знание основ компьютерного дизайна, программ SketchUp, AutoCAD, ArchiCAD, Sweet Home 3D; владение навыками айдентики, экономики и маркетинга проекта; знание второго языка;

– **«Уровни профессиональной подготовки»**: любитель, участник тренинга/ семинара, квалифицированный работник, лауреат;

– **«Личностные качества дизайнера»**: логическое мышление (создание реальных проектов, концептуальное и логическое мышление, индивидуальный стиль (генерирование уникальных идей, внимательность (точность в составлении проекта интерьера, корректное составление макета веб-дизайна), усидчивость (ограничение работы дедлайном), наблюдательность, хорошее воображение, умение нестандартно мыслить, коммуникабельность [26, С. 1];

– **«Творчество»**: структурное мышление, творческий потенциал, творческий рост, развитие, триумф, индивидуальный стиль, нестандартное мышление.

По мнению Оливера Райхенштайна в статье «Веб-дизайн на 95% состоит из типографики» [14, С. 5], типографика – сильнейший инструмент для выражения посыла в веб-дизайне, объединяющий текстовую и визуальную составляющие; свод законов, правил и норм оформления текста, основанных на изучении восприятия набора читателем. Знание и понимание типографики превращают текст в инструмент построения композиции, делают его живым, придают характер и способность передать идею не только при помощи содержания, но и графически. Типографика, в нашем понимании, есть наука об эргономике текста. Изучая веб-страницу, мы обращаем наше внимание на гарнитуру (шрифт), антикву – шрифты с засечками, гротеск – шрифт без засечек, который акцентирует рациональность и помогает создать пространство между буквами. Кегль (высота буквы, включающая в себя нижние и верхние выносные элементы), интерлиньяж (межстрочный интервал), кернинг (расстояние между буквами) дают возможность увеличения удобного прочтения.

Разделение текста на абзацы также делает его удобным для прочтения [9, С. 12]. Наш анализ достоверно демонстрирует, что выравнивание текстового блока традиционно на веб-сайте происходит по левому краю в 85 % блоков. Если текстовые блоки выравнивают по ширине, по центру, по правому краю, то текст не доступен для визуального восприятия.

Основные темы (обзор дизайнерских работ по всему миру, конкурсы, обмен опытом, условие работы на сайте, регистрация и специальное приглашение (invite) от друга-дизайнера) оформлены в гипертекстовые ссылки или рублицированы (заголовки, тезисы).

Например: *Invitation/ Graphical design; / Interactive media design; / Interior design; / Web-design; / Register / Log in* [14, С. 2].

Ресурсы Awwwards.com, Designshack.net (анализ проектов), Behance.net (социальная сеть для дизайнеров), Mobbin.design (приложения и шаблоны), Webdesign-inspiration.com (выставка работ дизайнеров), Bestwebsite.gallery (проекты и портфолио дизайнеров) размещают свою информацию в размерах одной страницы. Вся необходимая информация размещается на одностраничных ресурсах, чтобы не перегружать страницу текстом. В текстовой части информация представляется в процессе взаимодействия с адресатом веб-сайта, присутствует референция, подчеркивается реальность информации, обозначается равнозначность фрагментов информации. Взаимодействие высказываний-гиперссылок с лексической и грамматической структурой разного наполнения способствует логической коммуникативной организации гипертекста на тематическом сайте для дизайна.

В сети Интернет существуют сотни дизайнерских веб-сайтов для обучения, но самыми популярными и востребованными, а также интересными с лингвистической точки зрения для нас являются: <https://land-book.com/> (сайт-портфолио), <https://www.awwwards.com/> – (веб-дизайна и разработка сайтов), <http://www.webdesign-inspiration.com/> (ресурс для работы с фильтрами и цветами), <https://www.thebestdesigns.com/> (каталог работ в сфере веб-дизайна), <https://ru.pinterest.com/>, <https://pttrns.com/> – сайт с шаблонами интерфейса на любой вкус, <https://unsplash.com/> – (сайт мировых фоторабот), <https://dribbble.com/> (веб-портал для дизайнеров), <https://www.behance.net/> – (веб-сайт для дизайнеров, иллюстраторов, художников, фотографов, видеографов, архитекторов), <http://revision.ru/> (сетевой выставочный зал), <http://www.lifeofvids.com/> (сайт видеоработ), <http://www.freepik.com/> (сайт графических ресурсов для дизайнеров) и многие другие сайты.

Проведя обзор профессиональных веб-сайтов для дизайнеров, мы выделяем следующие их типы:

– сайты о дизайне в целом, например, такие как <https://dribbble.com/> (веб-портал для дизайнеров); <https://www.behance.net/> – (веб-сайт для дизайнеров, иллюстраторов, художников, фотографов, видеографов, архитекторов);

– сайты, где представлены портфолио дизайнеров и выставка их работ, ознакомление с творчеством; фотобанки, коллекции цветовых сочетаний, шрифтов. Например: <http://revision.ru/> (сетевой выставочный зал), <https://land-book.com/> (сайт-портфолио), <https://unsplash.com/> – (сайт мировых фоторабот), <http://www.lifeofvids.com/> (сайт видеоработ), <http://www.webdesign-inspiration.com/> (ресурс для работы с фильмами и цветами);

– сайты-онлайн-магазины (необходимое оборудование и материалы для практической прикладной работы в дизайне);

– сайты графических ресурсов для дизайнеров: <https://ru.pinterest.com/>, <https://pttrns.com/> (сайт с необходимыми шаблонами интерфейса), <http://www.freepik.com/> и многие другие;

– сайты – собрание всех медиаресурсов в дизайне: <https://unsplash.com/> – (сайт мировых фоторабот), <http://www.lifeofvids.com/> (сайт видеоработ);

– сайты об организации работы в дизайне для руководителей и фриланса: <https://www.awwwards.com/> – (веб-дизайна и разработка сайтов), <https://www.thebestdesigns.com/> (каталог работ в сфере веб-дизайна);

– сайты, сфокусированные на чем-то конкретном (логотип, узор, стиль);

– сайты, специализирующиеся на работе в какой-то конкретной платформе, такие как Flex Adobe: blogs.adobe.com — блог графического дизайнера Джона Нэка (John Nack);

– сайты о типографике текста на веб-сайте.

По внешнему виду оформления самым популярным является следующий вид сайтов: *promo website*. Он выглядит как сайт-визитка компании или организации. Такой веб-сайт часто представлен в виде одной страницы, на которой представлена вся нужная информация. Профессиональные веб-сайты не являются исключением. Оформление в виде сайта-визитки также чрезвычайно популярно для дизайнерских веб-сайтов. Веб-дизайнер осуществляет большой объем работы и выполняет определенные правила, чтобы вместить весь необходимый контент на одну страницу и не отвлекать внимание клиента на незначительные детали.

Промо-веб-сайты компаний BMW, Volkswagen и многих дизайнерских сайтов помещают информацию в пределах одной страницы. Сайты имеют гармоничное цветовое оформление: черный, красный, белый цвета. Всплывающее меню навигации знакомит пользователя с разделами на сайте: *Test drive, Characteristics, Overview BMW X6, Dealers, Configuration, Contacts*. По центру веб-страницы BMW представлена иллюстрация модели BMW X4 XDrive 30 D и ее технические характеристики (мощность двигателя, максимальная скорость, расход топлива на 100 км, дизайн кузова).

Существуют определенный регламент структуры веб-сайта, его неотъемлемые элементы, которые задают структурированность, гармоничность и логику информации на сайте. Проведя анализ структуры веб-сайтов для дизайнеров, мы наблюдаем присутствие следующих элементов веб-сайта:

– *flyout navigation* – это всплывающее меню навигации, которое содержит несколько ссылок на разные страницы или разделы на веб-сайте;

– *above the fold* (верхняя полоса); для веб-дизайнеров, этот термин означает часть экрана, где размещается основной контент;

– *style tiles* – четкий структурный стиль, состоит из колонок, параллельно, не симметрично подается в виде плиток;

– метро-интерфейс, так называемый «дизайнерский язык Microsoft», характерная черта стиля которого – это акцент на крупном тексте, привлекающем внимание и высококачественная типографика. Использование текстуры в текстовой части сайта также отличный способ для разнообразия дизайна, придания ему тонкости и определенных акцентов.

Него – это общий термин, который используется для обозначения основного изображения на домашней или целевой странице. На профессиональных веб-сайтах для дизайнеров, как правило, наряду с текстовой частью располагают несколько основных изображений: логотип создателя этого тренинга, обучающего сайта.

Mockup – это макет, который демонстрирует, как будет выглядеть будущий сайт. Отличие макета от реального сайта только в том, что макет не функционирует. На профессиональных веб-сайтах мы, как правило, встречаем образцы макетов для разных профессиональных и учебных целей.

Negative space – негативное пространство, свободная область, которая не занята содержанием и образуется между различными элементами на страничке. Термин «негативное пространство» одним из первых стал употреблять американский художник-оформитель Чарли Гослин. Негативное пространство может грамотно конкурировать с позитивным пространством в дизайне (текст) или поддерживать его. Основная задача негативного пространства – не отвлекать внимание от основного содержания [32, С. 6].

Наше исследование показывает, что 95 % анализируемых сайтов наделены функцией *rollover*. *Rollover* – это действие, которое происходит, когда пользователь наводит указатель мыши на определенный элемент, к которому применен эффект ролловера. Действие мыши вызывает изменение внешнего вида элемента в другое изображение, цвет или стиль шрифта [30, С. 6]. Частотным явлением оказывается гармония и соотношение шрифтов на сайте. Веб-дизайнер иногда работает с несколькими шрифтами и подбирает размеры шрифтов друг другу с точки зрения ширины букв. Наиболее частотны системные шрифты (*Arial, Calibri, Trebuchet*). Также присутствует определенная закономерность в подборе количества знаков на одной строке: каждая строка содержит в среднем не более 60 знаков.

Использование форматирования (заголовки, подзаголовки, абзацы, маркированные списки, оптимальная длина которых составляет 3-5 строк) объединяет 85% текстовой части нашей выборки сайтов [29, С. 2]. Также на исследуемых сайтах наблюдается постепенный отказ от макетов с классической сеткой, так как успешным в современном веб-дизайне является применение эффекта сломанной сетки. Сетка на веб-странице сайта есть базовая

структура дизайна из «невидимых» линий, на которых расположены элементы дизайна. Это связывает их в общую систему и рационально поддерживает композицию. [23, С. 6].

Цвет текста и фона всегда различаются на сайте. Серый или пастельный текст на сером фоне не всегда выразителен для посетителя. Поэтому частотным и экспрессивным является контраст цвета и текста: черный и белый (45% сайтов), синий и белый (55%). Чем меньше шрифт, тем более он контрастный.

Тексты, созданные на сайте агентства *Fleava*, *42Entertainment* созданы для вдохновения будущих дизайнеров [22, С. 6]. На сайте наблюдается анимационная рубрикация текста (рубрики *About* и *Our Works*). Рубрика *About* содержит приветственное сообщение pop-up, всплывающее окно с информацией и чат (поддержка, общение со специалистом круглосуточно). Частотной для почти всех анализируемых сайтов, в том числе и *Fleava*, является функция *scroll down, drag, tap, scroll* для более комфортного восприятия профессиональной информации (функции динамичного прокручивания). На сайте присутствует возможность листания страниц (*previous\next*). Для оформления своего сайта его разработчики выбрали черный цвет, на котором размещается текст с классическим шрифтом *Arial* и в белом цвете. Также в оформлении сайта преобладают синий, черный цвета и цвет морской волны. Согласно психологии цвета в рекламе, маркетинге и бизнесе, цвет не только помогает получить более объективную информацию о продукте, но и оказывает мощное психологическое воздействие [33, С. 2].

Для медиа-проектов *Fleava* наряду с черным цветом для вкладок с информацией используются темно-синие оттенки, которые согласно деловому этикету общения используются для проектов, где важна стабильность и надежность.

Текстовая часть сайта тесно связана с иллюстративным материалом на сайте. В данном случае интерактивность коммуникации с пользователем сайта передает иллюстрация обезьяны [28, С. 8]. Иллюстрация обезьяны имеет некоторый интерактивный характер. В зависимости от рубрики, которую открывает пользователь, выражение лица обезьяны меняется, демонстрируя разные эмоции (радость, задумчивость, испуг, гнев, удивление), формируя определенный эмоциональный настрой пользователя.

На сайте Flickr слоган *Find your inspiration* написан самым крупным шрифтом. Далее шрифтом меньшего размера автор приводит еще один слоган: *Join the Flickr Community, home to tens of billions of photos and 2 million groups и самым мелким шрифтом Start for free*. В оформлении данного сайта мы наблюдаем адаптивный дизайн: активное использование анимации (изображена активная клавиша, предполагается, что пользователю нужно нажать на нее, чтобы получить дополнительную информацию) [27, С. 5]. Пользователю предоставляется возможность найти необходимые профессиональные контакты, получить дальнейшую информацию, получить вдохновение и опыт при знакомстве с работами дизайнеров, представленных на сайте. Базовая анимация (изображения осеннего леса, пустыни, саваны, морского побережья, ночного мегаполиса) располагается за текстом и помимо эстетического удовольствия знакомит с творческими работами авторов, поскольку эти иллюстрации являются не просто рисунками, а репродукциями картин известных художников, например: *Bentlo by Ria Putziker, Tree and Morning Mist by Jos Buurman* и др. [25, С. 6]. Нередко фоновым изображением для текста бывает дизайнерский рисунок.

Elle Décor, Hypebeast.com, Icon Design, Wallpaper – ведущие журналы о дизайне и культуре, представляющие собой сайт – интернет – магазин, в котором можно приобрести модные аксессуары, одежду, книги, блокноты, электронные приборы с уникальным кроем, узором, фасоном, дизайном (*manarishi purples camo T-shirt, human-made shirt, Yoshimoto book*). Рубрика *Design* содержит последние новости о разработке инноваций в брендах *Fender, LEGO, MedicomToy* [24, С. 2].

Рубрикация в данных текстах представляет собой деление его на составные части, графическое отделение одной части от другой. Она позволяет сгруппировать информацию в определенные информационные блоки для грамотного распределения и лучшего осмысления информации, например рубрики: *News Insights and Inspiration Responsibility Ad obe Life* и подрубрики: *Insights and Inspiration, Creativity, Digital Trasformation, Trends and research, Leadership, Custom er Stories, Events, Creativity*.

Заключение

Текстовая часть профессионального сайта для обучения дизайну интересна с научной точки зрения, так как она многофункциональна, информативна и четко структурирована. Профессионально-ориентированный текст имеет лексическую, логическую и грамматическую основы для передачи информации.

Функционирование языка на веб-странице обеспечивает гипертекст. Он делает документ более понятным и удобным в использовании, упрощает процесс доступа к данным и обеспечивает успешную профессиональную коммуникацию (Wiki. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Сайт/>).

В структуре профессионального сайта для дизайнеров, мы наблюдаем следующие информационные блоки: текстовый контент, информация на верхней и нижней странице сайта; призывы к действию; всплывающие окна; объявления о работе с сайтом; инфоблоки на карточках товаров; блоки в сайдбаре (Canva.ru. URL: <https://canva.com/ru/>).

Текстовая часть исследуемых вебсайтов (45 сайтов) обладает следующими характеристиками: **уникальность** (оригинальность и неповторимость контента), **оптимизирование под поисковые запросы** (ключевые слова в текстах для поисковых роботов).

Авторы текста на исследуемом нами сайте вербализуют при помощи профессиональной лексики следующие концепты профессиональной реальности дизайнера: «Преимущества в работе дизайнера», «Недостатки в работе дизайнера», «Направления дизайна», «Обязанности дизайнера», «Компетенции дизайнера», «Личностные качества дизайнера», «Уровни профессиональной подготовки», «Творчество». Важный момент на сайтах для веб-дизайнеров – обеспечение подчиненности и взаимозависимости элементов.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса / О.В. Александрова. – Москва: Высшая школа, 1984. – С. 7.
2. Атабекова А. А. Лингвистический дизайн Web-страниц / А. А. Атабекова. Монография – Москва, 2002. – 200 с.
3. Валгина Н.С. Теория текста: учебное пособие / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 250 с.
4. Городецкий Б. Ю. Компьютерная лингвистика: прикладная лингвистика / Б. Ю. Городецкий // Новое в зарубежной лингвистике. Издание XXIV (компьютерная лингвистика). – М., 1989.
5. Городецкий Б.Ю. К типологии коммуникативных неудач / Б.Ю. Городецкий, И.М. Кобозева, И.Г. Сабурова. // Диалоговое взаимодействие и представление знаний. Новосибирск, 1985. – 42 с.
6. Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Специальность 10.01.10. – журналистика. / Л.Р. Дускаева. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – С.-Пб. 2004. – 26 с.
7. Куликова, Е.В. Графические средства как стилистические приемы художественного текста / Е.В. Куликова // Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского. – Симферополь, 2000. – С. 6.
8. Мартынова Е.М. Типология явлений коммуникативного дискомфорта в ситуациях диалога / Е.М. Мартынова. – М, 2000. – 229 с.
9. Пешковский А.М. Избранные труды / А.М. Пешковский. – М., 1959. – 250 с.
10. Трофимова Ю.М. Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации / Ю.М. Трофимова, К.Б. Свойкин, Ю.К. Воробьев и др. // Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева. Теоретические и прикладные аспекты. Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 5. – Саранск, 2003. 192 с.
11. Федоренко А.Н. Продвижение профессионального сообщества с помощью цифровых коммуникаций [Электронный ресурс] / А.Н. Федоренко. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/01SFK417.pdf> (дата обращения: 12.12.2021). – 2017.
12. Ширяева, Т.А. Социокогнитивное моделирование как методологическая основа изучения делового дискурса / Т.А. Ширяева, А.Г. Авшаров // Общероссийский академический научный журнал «Вопросы когнитивной лингвистики». Выпуск 1, 2018. – С. 94.
13. Awwwards [Электронный ресурс]. – URL: <https://awwwards.com> (дата обращения: 10.12.2020).
14. Blog-deposit photos [Электронный ресурс]. – URL: <https://blog-depositphotos-com-ru-luchshie-dizajni-sajtov-2020.html> (дата обращения: 10.12.2020).
15. Canva [Электронный ресурс]. – URL: <https://canva-com-ru> (дата обращения: 10.12.2020).
16. Deadsign [Электронный ресурс]. – URL: <https://deadsign-ru-tipografika-10-tips-on-typography> (дата обращения: 13.11.2020).
17. Dic-academic [Электронный ресурс]. – URL: <https://dic-academic-ru> (дата обращения: 13.01.2021).
18. Evolution [Электронный ресурс]. – URL: <https://evolution-depositphotos-com> (дата обращения: 13.02.2021).
19. Ia net [Электронный ресурс]. – URL: <https://ia-net-topics-the-web-is-all-about-typography-period> (дата обращения: 13.02.2021).
20. Iamtiredonline [Электронный ресурс]. – URL: <https://iamtired-online> (дата обращения: 13.02.2021).
21. Fb.ru [Электронный ресурс]. – URL: <https://fb.ru/article/448319/professionalnye-kommunikatsii/> (дата обращения: 13.02.2021).
22. Fleava.com [Электронный ресурс]. – URL: <https://fleava.com/> (дата обращения: 13.02.2021).
23. Kazedu [Электронный ресурс]. – URL: <https://kazedu.kz/referat/78941/> (дата обращения: 15.02.2021).
24. Reclamare [Электронный ресурс]. – URL: <https://reclamare.ua/blog> (дата обращения: 13.04.2021).
25. Revolution [Электронный ресурс]. – URL: https://revolution.allbest.ru/marketing/00268098_0.html/ (дата обращения: 11.02.2021).
26. Skillbox [Электронный ресурс]. – URL: https://skillbox.ru/media/design/64_sayta_dlya_dizaynerov (дата обращения: 08.02.2021).
27. Skillboxmedia [Электронный ресурс]. – URL: https://skillbox.ru/media/design/64_sayta_dlya_dizaynerov (дата обращения: 09.02.2021).
28. Startluck [Электронный ресурс]. – URL: <https://start-luck.ru/dlya-novichka/chto-takoe-veb-sajt.html/> (дата обращения: 13.02.2021).
29. Umombiz [Электронный ресурс]. – URL: <https://umom.biz/psihologiya-tsveta-v-marketinge> (дата обращения: 14.02.2021).
30. Webstudio [Электронный ресурс]. – URL: <https://webstudio2u.net/ru/> (дата обращения: 06.06.2021).
31. Wikipedia [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Сайт/> (accessed: 5.04.2021) (дата обращения: 05.02.2021).
32. Wpsovet.ru [Электронный ресурс]. – URL: <https://wpsovet.ru/optimizaciya-i-ispravlenie/> (дата обращения: 10.03.2021).

Список литературы на английском / References in English

1. Aleksandrova O.V. Problemy ehkspressivnogo sintaksisa [Problems of expressive syntax] / O.V. Aleksandrova. – Moskva: Vysshaya Shkola, 1984. – 211 p. [in Russian]
2. Atabekova A. A. Lingvisticheskij dizajn web-stranic [Linguistic design of the web-pages] / A. A. Atabekova. – M. Monografiya, 2002. – 200 p. [in Russian]
3. Valgina N. S. Teoriya teksta [Text Theory] / N. S. Valgina. – M.: Logos Uchebnoe posobie, 2003. – 250 p. [in Russian]
4. Gorodeckij B. Ju. Kompyuternaya lingvistika, prikladnaya lingvistika [Computer linguistics, applied linguistics] / B. Ju. Gorodeckij // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Izdanie XXIV [New in foreign linguistics. Edition XXIV]. – 1989. – P. 12-13. [in Russian]
5. Gorodeckij B. Ju. K tipologii kommunikativnyh neudach / B. Ju. Gorodeckij, I. M. Kobozeva, I. G. Saburova // Dialogovoe vzaimodejstvie i predstavlenie-znaniy [Dialogical interaction and embedded knowledge]. Novosibirsk. – 1985. – 42 p. [in Russian]
6. Duskaeva L. R. Dialogicheskaya priroda gazetnyh rechevyh zhanrov [Dialogical nature of newspaper oral genres]: avtoref. dis... PhD in Philology: specialnost 10.01.10-Zhurnalistika / L. R. Duskaeva. – S-Pb., 2004. – 26 p. [in Russian]
7. Kulikova E. V. Graficheskie sredstva kak stilisticheskie priemy hudozhestvennogo teksta [Graphical means as stylistical methods of belle-lettres] // Tavricheskii nacionalnyj universitet im V. Vernadskogo [Tavrich national university n. a. Vernadsky]. – Simferopol, 2000. – P. 6 [in Russian]
8. Martynova E. M. Tipologiya yavlenij kommunikativnogo diskomforta v situacijah dialoga [Typology of the communicative discomfort in dialogical situations] / E. M. Martynova, 2000. – 229 p. [in Russian]
9. Peshkovskij A. M. Izbrannye trudy [Selected works] / A. M. Peshkovskij. – M., 1959. – 250 p. [in Russian]
10. Trofimova Yu. M. Lingvisticheskie i ehkstralingvisticheskie problem kommunikacii. Mordovskij gosudarstvennyj universitet imeni N. P. Ogareva. Teoreticheskie i prikladnye aspekty [Theoretical and applied aspects] / Trofimova Yu. M. et al. // Mezhevuzovskij sbornik nauchnyh trudov, vypusk 5 [Intercollegiate bulletin of treatise] – Saransk, 2003 – 192 p. [in Russian]
11. Fedorenko A. N. Prodvizhenie professionalnogo soobshchestva s pomoshchyu cifrovych kommunikacij [Promotion of the professional society with the help of the digital communication [Electronical resource] / A. N. Fedorenko. – URL: <https://sfk-mn.ru/pdf-01sfk417-pdf-dostup-svobodnyj> (accessed: 12.12.2020). 2017. [in Russian]
12. Shiryaeva T. A. Sociokognitivnoe modelirovanie kak metodologicheskaya osnova izucheniya delovogo diskursa [Socio-cognitive modeling base of studying business discourse] / T. A. Shiryaeva, A. G. Avsharov // Obshcherossijskij akademicheskij nauchnyj zhurnal voprosy kognitivnoj lingvistiki, vypusk 1 [Russian academical scientific bulletin “The aspects of cognitive linguistics”], 2018. – P. 94. [in Russian]
13. Awwwards [Electronic resource]. – URL: <https://awwwards.com> (accessed: 10.12.2020).
14. Blog-deposit photos [Electronic resource]. – URL: <https://blog-depositphotos-com-ru-luchshie-dizajni-sajtov-2020.html> (accessed: 10.12.2020).
15. Canva [Electronic resource]. – URL: <https://canva-com-ru> (accessed: 10.12.2020).
16. Deadsign [Electronic resource]. – URL: <https://deadsign-ru-tipografika-10-tips-on-typography> (accessed: 13.11.2020).
17. Dic-academic [Electronic resource]. – URL: <https://dic-academic-ru> (accessed: 13.01.2021).
18. Evolution [Electronic resource]. – URL: <https://evolution-depositphotos-com> (accessed: 13.02.2021).
19. Ia net [Electronic resource]. – URL: <https://ia-net-topics-the-web-is-all-about-typography-period> (accessed: 13.02.2021).
20. Iamtiredonline [Electronic resource]. – URL: <https://iamtired-online> (accessed: 13.02.2021).
21. Fb.ru [Electronic resource]. – URL: <https://fb.ru/article/448319/professionalnye-kommunikatsii/> (accessed: 13.02.2021).
22. Fleava.com [Electronic resource]. – URL: <https://fleava.com/> (accessed: 13.02.2021).
23. Kazedu [Electronic resource]. – URL: <https://kazedu.kz/referat/78941/> (accessed: 15.02.2021).
24. Reclamare [Electronic resource]. – URL: <https://reclamare.ua/blog> (accessed: 13.04.2021).
25. Revolution [Electronic resource]. – URL: https://revolution.allbest.ru/marketing/00268098_0.html/ (accessed: 11.02.2021).
26. Skillbox [Electronic resource]. – URL: https://skillbox.ru/media/design/64_sayta_dlya_dizaynerov. (accessed: 08.02.2021).
27. Skillboxmedia [Electronic resource]. – URL: https://skillbox.ru/media/design/64_sayta_dlya_dizaynerov (accessed: 09.02.2021).
28. Startluck [Electronic resource]. – URL: <https://start-luck.ru/dlya-novichka/chto-takoe-veb-sajt.html/> (accessed: 13.02.2021).
29. Umombiz [Electronic resource]. – URL: <https://umom.biz/psihologiya-tsveta-v-marketinge> (accessed: 14.02.2021).
30. Webstudio [Electronic resource]. – URL: <https://webstudio2u.net/ru/> (accessed: 06.06.2021).
31. Wikipedia [Electronic resource]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Са́йт/> (accessed: 05.02.2021).
32. Wpsovet.ru [Electronic resource]. – URL: <https://wpsovet.ru/optimizaciya-i-ispravlenie/> (accessed: 10.03.2021).

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.27.3.11>**СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НАЗВАНИЙ РАКЕТ США И РОССИИ**

Научная статья

Гоюшова Л.М. *

ORCID: 0000-0001-8593-8513,

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Москва, Россия

* Корреспондирующий автор (leyla_mazakhirovna[at]bk.ru)

Аннотация

Статья посвящена сопоставительному анализу названий американских и российских ракет. Рассматривается этимология и значение словесных названий ракет двух стран для выявления лингвокультурологических особенностей. Актуальность исследования обусловлена возросшим интересом лингвистов к вопросам военной номинации, а также необходимостью выявить тенденции присвоения словесных названий ракет и использование военной терминологии в сфере профессиональной коммуникации. В процессе исследования автором был проведен сравнительно-сопоставительный анализ названий американских и российских ракет. Для достижения поставленной задачи применялись следующие методы: метод сплошной выборки (отобрано названия 44 американских ракет и 81 российской), статистический метод для подсчета в составлении классификаций, сравнительно-сопоставительный метод для выявления различий и общих характеристик, метод этимологического анализа. Материалом данного исследования послужили списки ракет США и России, опубликованные в различных Интернет-источниках, справочные издания. В результате сопоставительного анализа были выделены классификации названий американских и российских ракет по их этимологии и значению, были выявлены различия и общие тенденции, характерные для двух лингвокультур. Проведенный анализ позволяет заключить, что в двух лингвокультурах наблюдается связь имени с именуемым военным объектом как по техническим характеристикам и назначению, так и внешнему сходству. Практическая значимость заключается в том, что анализ данных аэрононимов и их классификация позволят выявить специфику рассматриваемой группы ономастических единиц. Результаты работы могут быть полезны лингвистам, изучающим сферу профессиональной коммуникации, а также студентам авиационных специальностей.

Ключевые слова: номинация, ономастика, названия ракет, сопоставительный анализ, этимология, летательный аппарат.

COMPARATIVE ANALYSIS OF AMERICAN AND RUSSIAN ROCKET NAMES

Research article

Goyushova L.M. *

ORCID: 0000-0001-8593-8513,

Moscow Aviation Institute, Moscow, Russia

* Corresponding author (leyla_mazakhirovna[at]bk.ru)

Abstract

The article is devoted to the comparative analysis of American and Russian rocket names. The etymology and meaning of the verbal rocket names of the two countries are considered to identify linguistic and cultural features. The relevance of the research is due to the increased interest of linguists in the issues of military nominations, as well as the need to identify trends in the assignment of verbal names of rockets and the use of military terminology in the field of professional communication. In the course of the research, the author conducted a comparative analysis of American and Russian rockets names. To achieve this task, the following methods were used: the continuous sampling method (the names of 44 American rockets and 81 Russian ones were selected), the statistical method for calculating, the comparative method for identifying differences and common characteristics, the method of etymological analysis. The material of this study was the lists of rockets of the United States and Russia, published in various Internet sources, reference publications. As a result of a comparative analysis, classifications of American and Russian rockets names were identified according to their etymology and meaning, differences and common trends of the two linguistic cultures were identified. The analysis allows us to conclude that in two linguistic cultures there is a connection between the name and the named military object both in terms of technical characteristics and purpose, and external resemblance. The practical significance lies in the fact that the analysis of the aeronautonyms and their classification will reveal specific features of this group of onomastic units. The results of the work can be useful for linguists studying the field of professional communication, as well as for students of aviation specialties.

Keywords: nomination, onomastics, rocket names, comparative analysis, etymology, aircraft.

Introduction

The problem of studying the names of American military equipment in comparison with Russian ones is of interest, both from a linguistic and linguistic-cultural point of view and is poorly studied. The issues of the military nomination have become relevant not only in the research field, but also in the mass media. Earlier, we studied the processes of Russian and American aircraft nomination [2], where aircraft designation systems were considered (on the example of airplanes and helicopters). However, it is worth noting that recently there has been a dominance of the «nominal» element of the name of units of military equipment and weapons over the alphanumeric [7, P. 306]. One of the reasons for this trend is that the media actively cover the appearance of military space innovations and analyse their characteristics with military samples of a potential enemy. Verbal names are not secret and can be simple and understandable to a wide audience. It should be highlighted that in 2018 the

Russian Federation Defence Ministry actively attracted Internet users to participate in the voting for the names for new types of weapons that have replenished the lexical and semantic field of "military equipment".

The purpose of this study is to conduct a comparative analysis of American and Russian rockets names.

Methods

To achieve this task, the following methods were used: the continuous sampling method (the names of 44 American rockets and 81 Russian ones were selected), the statistical method for calculating, the comparative method for identifying differences and common characteristics, the method of etymological analysis. The material of this study was taken from the lists of US and Russian rockets published in various Internet sources [13], [15], [20], [21] etc., reference publications [11], [12], [14]. As a result of a comparative analysis, classifications of American and Russian rocket names were identified according to their etymology and meaning, differences and common trends characteristic of the two linguistic cultures were identified.

The theoretical basis of the article was the scientific research on onomastics [4], [9], [16], [18] etc. Proper names occupy an essential place in the vocabulary of any language and play a crucial role in intercultural communication. The study of the structure of proper names in general and aeronautonyms (aircraft names) in particular are represented in the works of Muzyakova M.A. [8], Korotaeva I.E. [6], Yakovleva E. A., Irnazarov E. N. [19], Uskova A.I., Miroshnichenko D.V. [17], Putova I.N. [10], Kalashnikova O.A. [5], Grishko D.K. [3], etc. It should be highlighted that official nomination and slang names of military equipment are under consideration. Moreover, comparative analysis (English and Russian nomination in particular) provides understanding linguocultural peculiarities and reflects the specific historical and social and economic development of each country.

Results

After analysing **the names of Russian rockets**, we identified 11 groups depending on their meaning. The most numerous are the names that reflect external similarities and determine the purpose (33%). Here are examples from each group (the total number of names in this group is indicated in parentheses).

1. Names derived from phytonyms-names of plants (2): "Bagulnik" — a hypersonic anti-aircraft guided missile (after the name of shrubs), "Verba" ("willow") — an experimental ballistic missile.

2. From zoonyms-names of animals (11): "Aist" (stork) — an anti-tank guided missile, "Bars" ("leopard") — an unguided aviation missile, "Belka" (squirrel) — a target missile, "Kondor" (condor) — an aviation anti-submarine missile, "Korshun" (kite) — an aviation anti-ship missile, "Sobol'" (sable) — a target missile, "Sokol" (falcon) — a sea cruise missile, etc.

3. Derived from hydrotoponyms — names of water geographical objects (8): "Alazan" — anti-hail rocket, "Angara" — launch vehicle, "Volga" — ballistic missile, "Dnepr" — launch vehicle, "Yenisei", "Neva" — launch vehicles (projects), etc.

4. The names of minerals and rocks (3): "Amethyst", "Onyx", "Basalt" — anti-ship missiles.

5. From toponyms-names of geographical objects (4): "Armavir" — target rocket, "Rus'" — launch vehicle (project), "Ural", "Yamal" — launch vehicles.

6. From mythonyms — names of fictional objects of any category in myths and legends (2): "Aurora" — a carrier rocket, "Burlak-Diana" — an aircraft carrier rocket (Diana is a Roman goddess who corresponded to the Greek Artemis, the goddess of hunting, childbirth and the moon).

7. From the names of the gun (2): "Pishchal" — a target rocket (the name of a heavy rifle and an artillery piece that were in service with Russian troops in the XV-XVII centuries), "Kop'yo" (spear) — a ballistic missile (project).

8. Names reflecting external similarities, common characteristics and determining the purpose (27): "Cactus" — an experimental ballistic missile, "Karandashik" (pencil) — a solid-fuel rocket Topol — M, "Oblako" (cloud) — a 125 — mm anti-hail missile, "Projektor" (searchlight) — an air-to-ground X — 25 aircraft missile, "Rokot" (boom) — a carrier rocket, "Shkval" (squall) — a high — speed underwater missile, "Energia" (energy) — a superheavy launch vehicle, "Sputnik" (satellite) — a launch vehicle, etc.

9. From the names of natural phenomena (14): "Buran" (blizzard) — a strategic cruise missile, "Burya" (storm) — an intercontinental cruise missile, "Volna" (wave) — a launch vehicle, "Grom" (thunder) — an air-to — ground aviation missile, "Raduga" (rainbow) — a hypersonic laboratory rocket, "Shtil'" (calm sea) — a launch vehicle, "Tsiklon" (cyclone) — a launch vehicle.

10. From cosmonyms — from the names of the outer space zone (5): "Kometa" (comet) — an anti-ship aircraft cruise missile, "Kosmos" (space) — a launch vehicle, "Luna" (the moon) — a launch vehicle, "Neptun" (Neptune) — an experimental tactical missile.

11. From the names of the type of activity, job (3): "Burlak" — a carrier rocket launched from an airplane (burlak — a worker on river vessels), "Kombat" — a 125-mm anti-tank guided missile (kombat — a battalion commander), "Chernomorets" — an aviation torpedo rocket (experienced) — (a sailor of the Black Sea fleet).

The **American names** were divided into 10 groups, the most numerous of which is the names derived from mythonyms (25%), which is considered traditional in the American military nomination.

1. Derived from mythonyms (11): "Ares I" is a heavy — class US launch vehicle (Ares is the name of the ancient Greek god who corresponds to Mars in ancient Roman mythology (flight to Mars is the next goal of the Constellation program after the Moon)) [23], «Atlas» is a family of American launch vehicles for launching military and commercial payloads (the name is given in honor of the titan Atlas from ancient Greek mythology, as well as in honor of the Atlas Corporation) [23], «Athena» — the light American launch vehicle, «Minotaur» is a family of American, fully solid-fuel launch vehicles, «Pegasus» is a light-class cruise launch vehicle with the possibility of air launch (Pegasus is a mythical creature in the form of a winged horse), «Titan» is a family of American military ballistic missiles and launch vehicles based on them (in ancient Greek

mythology, the gods of the second generation)[23], «Thor DSV-2U»— light-class launch vehicle (in Norse mythology, the god of thunder and lightning, protecting gods and people from giants and monsters), «Juno-I»— a four-stage launch vehicle (from the name of the ancient Roman goddess of marriage and birth, was the sister and wife of Jupiter, the king of the gods), «Titan CT-3» (Commercial Titan III) — the American two-stage medium-class launch vehicle (the name is from Roman mythology: the Titans were giants who inhabited the earth even before the creation of humans) [23], "Minotaur-C" former Taurus (the name of the constellation) — a four-stage solid-fuel space launch vehicle, "Sea Dragon"-a hypothetical project to create a two-stage superheavy sea-based launch vehicle.

2. From the anthroponyms (5): "Little Joe" a family of American launch vehicles (the nickname, and also after the name of the dice game) [23], "Thor-Burner" — a light-class launch vehicle, "New Glenn"— a projected two-or three — stage heavy orbital launch vehicle (named after NASA astronaut John Glenn), "New Shepard" — a reusable spacecraft for suborbital flights (named after Alan Shepard — the first American astronaut to make a suborbital flight).

3. Abbreviations (4): "NOTS-EV-1 Pilot" (unofficial name "NOTSNIK")- launch vehicle and anti-satellite weapons, the world's first air-launched launch vehicle (NOTS-Naval Ordnance Test Station; nik—from sputnik) [20].

4. describing the purpose and some characteristics (7): "Vanguard" is a three-stage launch vehicle developed to orbit the satellites (means "out ahead, in the forefront"), "Redstone" is a family of American missiles consisting of combat ballistic missiles, launch vehicles and geophysical missiles (for the Army installation Redstone Arsenal at Huntsville, Alabama, where it was developed; the name referred to the rock and soil at Huntsville), "Thor-Able"— a launch vehicle of the Thor family (the name signified "A" or "first") [23], "Thor-Ablestar" (also known Thor-Epsilon) is a light-class launch vehicle, "Launcher One" is an air launch vehicle, "Space Launch System" (SLS) is an American two-stage superheavy rocket.

5. From cosmonyms (5): "Antares"— a single-use launch vehicle (named after one of the brightest stars), "Nova"-a series of NASA superheavy launch vehicles (from the astronomical term describing the explosion of a star), "Thor-Agena"— the American launch vehicle (for the star Agena in the constellation Centaurus), "Saturn"-a series of American launch vehicles (the name "Saturn" was significant for three reasons: Saturn was the next planet after Jupiter; the planet Saturn appeared brighter than a first-magnitude star, so the association of this name with such a powerful new booster seemed appropriate; and Saturn was the name of an ancient Roman god [23], "Thor Delta" (Delta DM-19; Delta) is a conversion space rocket of a light class (one of the ancient names of the constellation).

6. From the name of the weapon (5): "Magnum"— superheavy launch vehicle, "The Harpoon" is a U.S.-designed subsonic antiship cruise missile that has been in service since 1977 (throwing gun — a spear on a long rope, used when hunting large marine fish and animals), "The MGM-52 Lance" was a road-mobile, short-range ballistic missile designed by the United States, "Tomahawk" a family of American multi-purpose high-precision subsonic cruise torpedoes (KR) of short range strategic and tactical purposes underwater, surface, land and air-based (battle axe of the Indians of North America), "Trident II" is a three-stage, solid-fueled submarine-launched intercontinental-range ballistic missile.

7. From toponyms (1): "Sparta" is a light-class launch vehicle (an ancient state in Greece, a city).

8. From the names of the type of activity, job (3): "Scout" — a family of US light-class launch vehicles (originally-a soldier engaged in field exploration — the name seemed appropriate for a vehicle with payloads performing similar tasks- [23], "The Martin MGM-1 Matador" was the first operational surface-to-surface cruise missile designed and built by the United States (matador in bullfighting — the main fighter delivering a fatal blow to the bull), "Minuteman I" was an intercontinental-range, silo-based ballistic missile (the name comes from the word "minuteman" — a militia of the North American colonists).

9. From zoonyms (2): "Falcon" is a series of launch vehicles. The rocket received its name in honor of the starship "Millennium Falcon" from the fantastic epic "Star Wars"[21], "Falcon Heavy" is a superheavy- class launch vehicle, is one of the largest launch vehicles in the history of world space rocket engineering along with Saturn-5, H-1, the Space Shuttle system and "Energy".

10. From the names of natural phenomena (1): Vulcan (Volcano) is a heavy-class launch vehicle (LV).

Conclusion

The analysis made it possible to draw the following conclusions:

1. The military nomination is inextricably linked to national values, features of the geographical and social environment, national and cultural characteristics and historical events.

2. Some names of military equipment are the result of the inventive imagination of weapons designers, for example, the anti-tank missile "Malyutka" or the solid-fuel rocket "Karandashik" have diminutive suffixes and do not reflect their purpose.

3. The verbal names of missiles are formed mainly by secondary nomination and are considered precedent. They reflect the national linguistic culture and the peculiarities of historical development. The US military nomination is traditionally associated with mythical names, unlike the Russian one. Another difference is the most frequent use of abbreviations in the names of American rockets. Among the selected Russian names there are phytonyms, hydronyms and names of minerals and rocks, while American names include abbreviations and anthroponyms. However, most semantic groups are similar and reflect strong qualities and characteristics, for example, names in honor of dangerous predatory animals and birds, natural phenomena, strategically and historically important geographical objects, etc.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Буркова С.С. Этимология словесных названий российского вооружения / С.С. Буркова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет». - 2021. - № 1(40). - С. 24-28.
2. Гоюшова Л.М. Сопоставительный анализ американских и российских аэроаутономов / Л. М. Гоюшова // Мир науки, культуры, образования. - 2020. - № 6(85). С.504-506.
3. Гришко Д.К. Специфика метафорического именования боевой техники в русском и английском языках / Д.К. Гришко // Язык и межкультурная коммуникация в современных условиях. Сборник научных статей Межвузовской научно-практической конференции. 16 февраля 2017 г., Новосибирск. / Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации. - Новосибирск, 2017. - С. 66-70.
4. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур / Д.И. Ермолович. - М.: Р. Валент, 2001. - 200 с.
5. Калашникова О.А. Метафорическая номинация авиационной лексики английского языка (на материале военно-информационных текстов) [Электронный ресурс] / О.А. Калашникова // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. - 2017. - №38. - С.93-102. - URL: <https://clck.ru/Wtrof> (дата обращения: 20.07.2021).
6. Коротаева И.Э. Классификация ономастических реалий авиационной и космической тематики / И.Э. Коротаева. // Мир науки, культуры, образования. - 2016. - № 6 (61). - С.343-346.
7. Крюкова Е.В. Семантические особенности наименования оружия и техники России и стран НАТО / Е.В. Крюкова // Мир науки, культуры, образования. - 2021. - № 1(86). - С. 305-308.
8. Музякова М.А. Названия военной техники в российском ономастике [Электронный ресурс] / М.А. Музякова // Сборник научных трудов молодых ученых и специалистов. - 2018. - С. 438-442. - URL: <https://clck.ru/WrqFa> (дата обращения: 20.07.2021).
9. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. - М.: Издательство Наука, 1988. - 187 с.
10. Путова И.Н. Английские зооморфные наименования воздушных судов военного назначения в зеркале метафоры / И.Н. Путова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2016. - № 1(55) в 2-х ч. Ч. 2. - С. 161-164.
11. Ракета-носитель «Молния-М» [Электронный ресурс] // Энциклопедия. Министерство обороны Российской Федерации. URL: <https://clck.ru/WfnA7> (дата обращения: 19.07.2021).
12. Ракеты-носители [Электронный ресурс] // Роскосмос. URL: <https://www.roscosmos.ru/33/> (дата обращения: 19.07.2021).
13. Ракеты-носители США [Электронный ресурс] // Википедия. URL: <https://clck.ru/Wfn3J> (дата обращения: 19.07.2021).
14. Словари онлайн [Электронный ресурс]. - URL: <https://slovaronline.com/> (дата обращения: 20.07.2021).
15. Словесные названия российского оружия [Электронный ресурс] // Википедия. - URL: <https://clck.ru/Cx2YY> (дата обращения: 19.07.2021).
16. Суперанская А.В. Теория и методика ономастических исследований / А.В. Суперанская и др. - М.: ЛКИ, 2007. - 256 с.
17. Ускова А.И. Особенности наименования техники и вооружения в военном сленге (на материале русского и английского языков) / А.И. Ускова, Д.В. Мирошниченко // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. - 2015. - №4(18). - С. 51-53.
18. Чернобров А.А. Теория имени: язык – философия – культура. Философские и логико-методологические основы теории номинации / А.А. Чернобров. - Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1999. - 213 с.
19. Яковлева Е.А. Особенности именования образцов оружия и военной техники в актуальном информационном дискурсе / Е.А. Яковлева, Э. Н. Ирназаров // Российский гуманитарный журнал. Том 7. - 2018. - №2. - С.132-140. DOI: 10.15643/libartus-2018.2.5
20. Bille M. NOTSNIK – The secret satellite [Электронный ресурс] / M. Bille, E. Lishock // American Institute of Aeronautics and Astronautics. - 2002.- P1. - doi: 10.2514/6.2002-314 – URL: <https://arc.aiaa.org/doi/abs/10.2514/6.2002-314> (дата обращения: 20.07.2021)
21. List of United States rockets // National Aeronautics and Space Administration Wiki. [Электронный ресурс]. - URL: https://nasa.fandom.com/wiki/List_of_United_States_rockets (дата обращения: 19.07.2021).
22. Missiles of the United States [Электронный ресурс] // Missile Threat CSIS MISSILE DEFENSE PROJECT. - URL: <https://missilethreat.csis.org/country/united-states/> (дата обращения: 20.07.2021).
23. Origins of NASA Names. [Электронный ресурс]. - URL: <https://history.nasa.gov/SP-4402/ch1.htm> (дата обращения: 19.07.2021).
24. SpaceX's rockets and spacecraft have really cool names. But what do they mean? [Электронный ресурс] // Florida today. - URL: <https://clck.ru/WfnHr> (дата обращения: 19.07.2021).

Список литературы на английском / References in English

1. Burkova S.S. Etimologiya slovesnykh nazvaniy rossiyskogo vooruzheniya [Etymology of verbal names of Russian weapons] / S.S. Burkova // Aktual'nyye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki. [Topical issues of modern philology and journalism]. Voronezh: FGBOU VO «Voronezhskiy gosudarstvennyy tekhnicheskyy universitet». - 2021. - № 1 (40). - P. 24-28. [in Russian]
2. Goyushova L.M. Sopostavitel'nyy analiz amerikanskikh i rossiyskikh aeronautonomov [Comparative analysis of American and Russian aeronautonyms] / L. M. Goyushova // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [World of Science, Culture, Education] – 2020. - № 6(85). P. 504-506. [in Russian]
3. Grishko D.K. Spetsifika metaforicheskogo imenovaniya boyevoy tekhniki v russkom i angliyskom yazykakh [Specifics of military machines methaphoric nomination in Russian and English] / D.K. Grishko // YAzyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya v sovremennykh usloviyakh. Sbornik nauchnykh statey Mezhevuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. 16 fevralya 2017 g., Novosibirsk [Language and intercultural communication in modern conditions. Collection of scientific articles of the Interuniversity scientific-practical conference. February 16, 2017, Novosibirsk]. / Novosibirskiy voyennyi institut imeni generala armii I.K. Yakovleva voysk natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii [Novosibirsk Military Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the troops of the National Guard of the Russian Federation]. – Novosibirsk, 2017. - P. 66-70.

4. Yermolovich D.I. Imena sobstvennykh na styke yazykov i kul'tur [Proper names at the junction of languages and cultures] / D.I. Yermolovich. - M.: R. Valent, 2001. - 200 p. [in Russian]
5. Kalashnikova O.A. Metaforicheskaya nominatsiya aviatsionnoy leksiki angliyskogo yazyka (na materiale voyenno-informatsionnykh tekstov) [Metaphorical nomination of the aviation lexicon of the English language (on the material of the military-informational texts)] [Electronic resource] / O.A. Kalashnikova // Inostrannyye yazyki: lingvisticheskiye i metodicheskiye aspekty [Foreign languages: linguistic and methodological aspects.]. - 2017. - №38. - P.93-102. - URL: <https://clck.ru/WrroF> (accessed: 20.07.2021).
6. Korotayeva I.E. Klassifikatsiya onomasticheskikh realiy aviatsionnoy i kosmicheskoy tematiki [Classification of onomastic aviation and space realia] / I.E. Korotayeva. // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [The world of science, culture, education]. - 2016. - № 6 (61). - p.343-346.
7. Kryukova Ye.V. Semanticheskiye osobennosti naimenovaniya oruzhiya i tekhniki Rossii i stran NATO [Semantic features of the names of weapons and equipment of Russia and NATO countries] / Ye.V. Kryukova // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [World of Science, Culture, Education]. - 2021. - № 1(86). - C. 305-308. [in Russian]
8. Muzyakova M.A. Nazvaniya voyennoy tekhniki v rossiyskom onomastikone [Names of military equipment in the Russian onomasticon] [Electronic resource] / M.A. Muzyakova // Sbornik nauchnykh trudov molodykh uchenykh i spetsialistov. - 2018. - P. 438-442. - URL: <https://clck.ru/WrqFa> (accessed: 20.07.2021). [in Russian]
9. Podol'skaya N.V. Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii [Dictionary of Russian onomastic terminology] / N.V. Podol'skaya. - M.: Izdatel'stvo Nauka, 1988. - 187 p. [in Russian]
10. Putova I.N. Angliyskiye zoomorfnyye naimenovaniya vozdukhnykh sudov voyennogo naznacheniya v zerkale metafory [English zoomorphic names of the military aircraft through the prism of metaphor] / I.N. Putova // Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological sciences. Issues of theory and practice]. - 2016. - № 1(55). Vol. 2. - P. 161-164. [in Russian]
11. Raketa-nositel "Molniya-M" [Launch vehicle "Molniya-M"] [Electronic resource] // Encyclopedia. Ministry of Defense of the Russian Federation. URL: <https://clck.ru/WfnA7> (accessed: 19.07.2021). [in Russian]
12. Rakety-nositeli [Booster rockets] [Electronic resource] // Roskosmos. URL: <https://www.roscosmos.ru/33/> (accessed: 19.07.2021). [in Russian]
13. Rakety-nositeli SSHA [US launch vehicles] [Electronic resource] // Wikipedia. - URL: <https://clck.ru/Wfn3J> (accessed: 19.07.2021). [in Russian]
14. Slovarei onlayn [Online dictionaries]. [Electronic resource]. - URL: <https://slovaronline.com/> (accessed: 20.07.2021). [in Russian]
15. Slovesnyye nazvaniya rossiyskogo oruzhiya [Verbal names of Russian weapons] [Electronic resource] // Wikipedia. - URL: <https://clck.ru/Cx2YY> (accessed: 19.07.2021). [in Russian]
16. Superanskaya A.V. Teoriya i metodika onomasticheskikh issledovaniy [Theory and methodology of onomastic research] / A.V. Superanskaya et al.. - M.: LKI, 2007. - 256 p. [in Russian]
17. Uskova A.I. Osobennosti naimenovaniya tekhniki i vooruzheniya v voyennom slenge (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov) [Peculiarities of designation of the equipment and armament in the military slang (based on the material of Russian and English languages)] / A.I. Uskova, D.V. Miroshnichenko // Nauchnyy vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Linguistics and intercultural communication]. - 2015. - №4(18). - P. 51-53. [in Russian]
18. Chernobrov A.A. Teoriya imeni: yazyk – filosofiya – kul'tura. Filosofskiy i logiko-metodologicheskiye osnovy teorii nominatsii [Name theory: language - philosophy - culture. Philosophical and logical-methodological foundations of the theory of nomination] / A.A. Chernobrov. - Novosibirsk: Izd-vo NGPU, 1999. - 213 p. [in Russian]
19. Yakovleva Ye.A. Osobennosti imenovaniya obraztsov oruzhiya i voyennoy tekhniki v aktual'nom informatsionnom disкурse [Features of the naming of weapons and military equipment in contemporary information discourse] / Ye.A. Yakovleva, E. N. Irnazarov // Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal. Tom 7. [Liberal Arts in Russia. Vol. 7. No. 2] - 2018. - №2. - P.132-140. DOI: 10.15643/libartus-2018.2.5 [in Russian]
20. Bille M. NOTSNIK – The secret satellite [Electronic resource] / M. Bille, E. Lishock // American Institute of Aeronautics and Astronautics. - 2002. - doi: 10.2514/6.2002-314 – URL: <https://arc.aiaa.org/doi/abs/10.2514/6.2002-314> (accessed: 20.07.2021)
21. List of United States rockets // National Aeronautics and Space Administration Wiki. [Electronic resource]. - URL: https://nasa.fandom.com/wiki/List_of_United_States_rockets (accessed: 19.07.2021).
22. Missiles of the United States [Electronic resource] // Missile Threat CSIS MISSILE DEFENSE PROJECT. - URL: <https://missilethreat.csis.org/country/united-states/> (accessed: 20.07.2021).
23. Origins of NASA Names. [Electronic resource]. - URL: <https://history.nasa.gov/SP-4402/ch1.htm> (accessed: 19.07.2021).
24. SpaceX's rockets and spacecraft have really cool names. But what do they mean? [Electronic resource] // Florida today. - URL: <https://clck.ru/WfnHr> (accessed: 19.07.2021).

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.27.3.13>**ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ**

Научная статья

Балданова Е.А. *

Забайкальский институт железнодорожного транспорта – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Иркутский государственный университет путей сообщения»,
Чита, Россия

* Корреспондирующий автор (jenny_july[at]mail.ru)

Аннотация

Целью работы является возможность применения дистанционных технологий в изучении иностранных языков, в частности, английскому языку, роль которого в современном мире возрастает. Объектом исследования являются специфичные средства интернет технологий для обучения иностранному языку в эпоху цифровизации. Автор рассматривает такие аспекты темы, как методические принципы и факторы, имеющие концептуальное значение для организации дистанционной системы обучения иностранному языку. Особое внимание уделяется особенностям психологического воздействия виртуальной коммуникации и его положительного влияния на студентов. Научная новизна работы определяется тем, что анализируются обучающие интернет платформы, используемые в процессе дистантного обучения, обоснованы эффективность и преимущества использования дистанционных образовательных технологий, систематизированы методологические подходы и принципы, на которые опирается методика организации образовательного процесса в обучении иностранному языку.

Ключевые слова: иностранный язык, Интернет-ресурсы, коммуникационные технологии, методические принципы, электронное обучение, курс, цифровое обучение.

DISTANT LEARNING OF FOREIGN LANGUAGES

Research article

Baldanova E.A. *

Transbaikal Railway Transport Institute of the Irkutsk Transport University, Chita, Russia

* Corresponding author (jenny_july[at]mail.ru)

Abstract

The aim of the study is the peculiarities of a distant learning of English, the role of which is growing in the modern world. The object of the research is the specific means of Internet technologies for teaching a foreign language in the era of digitalization. The author considers such aspects of the topic as methodological principles and factors that have conceptual significance for the organization of a foreign language distant learning system. Particular attention is paid to the psychological impact of virtual communication and its positive influence on students. The emphasis is made on the forms of communication on the Internet with the creation of a language environment where a foreign language is used in practice. The scientific novelty of the work is the analysis of the training Internet platforms used in the process of distant learning, substantiation of effectiveness and advantages of using distance educational technologies, systematization of methodological approaches and principles in teaching a foreign language.

Keywords: foreign languages, Internet resources, communication technologies, methodological principles, e-learning, discourse, digital learning.

Introduction

The modern world makes many demands on the spheres of production and economics as well as on education. Education also needs adaptation and response to changes in the era instantly. The emerging total digital environment will make it possible to optimize the resources that humanity uses. Digitalization is one of the main trends of our time. Now more and more digital technologies are being introduced into education. Changes in systems of activity, technology and digital culture have influenced on the digitalization of education.

With the development of international business contacts and the expansion of professional cooperation with foreign specialists, the need for specialists who speak foreign languages has increased. The development of new foreign technologies has also needs for specialists knowing English. These specialists are required by an increasing number of companies and institutions, and the existing demand for languages determines the opening of foreign language courses, linguistic centers and other educational institutions offering services for teaching foreign languages [6].

Today the pandemic has brought new requirements to the educational process, and due to the current circumstances in the field of education, attention is paid to distant learning or online education, which involves communication between teachers and students at a distance through computer telecommunication networks. Distant learning is an independent form of learning, in which the interaction of the teacher and students, students with each other is carried out at a distance and reflects all the components inherent in the educational process, such as goals, content, methods, organizational forms, teaching aids [3].

The main part

The theory and practice of teaching foreign languages at the present stage has a specific feature — the teacher is not only a source of knowledge but also acts as a leader and organizer of the learning process which involves helping the student in choosing the required educational direction, as well as the active use of new educational technologies such as materials of

educational portals, electronic textbooks, podcasting, screen casting, blended learning [7]. Distant education in learning foreign languages allows:

- gaining knowledge without visiting an educational institution;
- learn the language on your own using the proposed distance learning courses;
- systematize and deepen existing knowledge;
- prepare for exams in any educational institution.

All components of the educational process in distant learning are implemented by specific means of Internet technologies or other interactive technologies. For example, e-learning is the organization of educational activities using the following:

- a) information contained in databases and used in the implementation of educational programs;
- b) information technology and technical means ensuring its processing;
- c) information and telecommunication networks that ensure the transmission of the specified information via communication lines;
- d) interaction of students and teaching staff [3].

Currently, e-learning abroad is the result of the integration of distance learning and traditional education. In Russia, e-learning is a learning using modern information technologies and the Internet, anywhere, anytime [3]. Today, the classical education system is on the verge of a major strategic transformation brought by the digital revolution. And already at the start, it is important to understand what methods and tools will lead to the fastest reformation of the education system to meet the needs of the modern world, how a classical school can prove its effectiveness and relevance among people of a new reality.

The main trends in digital transformation of education require a flexible approach to the construction of educational programs, the market declares the need for versatile and creative employees who have a portfolio of studied courses as well as the skills and experience in applying the knowledge gained. Digital learning is the process of organizing interaction between educators and learners while moving from goal to result in a digital educational environment, the main means of which are digital technologies, digital tools and digital traces, as the results of educational and professional activities in a digital format [3].

The specificity of the subject “Foreign language” is in its activity basis, which provides for the need to organize the independent activity of students, to provide each student with sufficient practice in the appropriate type of speech activity, in the exercise to form appropriate skills. The long history of the methods development of teaching foreign languages in the world shows that the study of foreign languages is most effective if it is based on three main patterns identified by domestic scientists [4]:

1. When mastering any kind of speech activity, it is necessary to rely on hearing-motor skills, i.e. oral exercises should be the basis of teaching any kind of speech activity.
2. Mastering a foreign language provides for the need to rely on the native language of the trainees, which ensures a conscious and a more solid assimilation consequently.
3. Regardless of the chosen method of learning a foreign language, teaching must be built in such a way that a system of language is formed in the mind of the learner.

Thus, when developing the concept of distant learning in foreign languages, it is necessary to take into account the didactic properties and functions of telecommunications as a technological basis for teaching. On the other hand, the conceptual directions of the didactic organization of such training as an element of the general education system at the modern level has also been taken into consideration. In addition, it is necessary to take into account the specifics of teaching foreign languages, for example, the above-mentioned patterns, which are equally recommended for any training system, and the conceptual provisions of a specific methodological system that are selected when developing for a specific course.

The general conceptual provisions of the pedagogical foundations of distant learning are as follows [4]:

- 1) the basis of teaching foreign languages remotely should be the independent practice of each student in the type of speech activity that he is currently mastering;
- 2) the activities of each student should be built under the guidance of an experienced teacher, i.e. based on interactivity. The educational process should be structured in such a way that the teacher has the opportunity to track, correct, control and evaluate the activities of the students throughout the course systematically;
- 3) the independent activity of the student needs effective feedback both in relation to the educational material used — operational internal feedback, which provides the possibility of self-control, and external feedback when working in groups, during contacts with a teacher;
- 4) during the learning process the student must have a variety of contacts with partners in the course (paired, group, collective), with a server curator or a teacher in addition to the training course;
- 5) the types of independent activities should also be varied: individual, pair, group (learning in small groups on the principle of learning in cooperation — co-regulatory learning), with the entire group of the course (conferences, collective discussions).

The main methodological principles having the conceptual significance for the organization of such a training system are the following:

- the communicative principle, which is ensured not only in contacts with a teacher, but mainly when working in small groups (training in cooperation), when using a variety of problematic tasks, developing joint projects, including international ones, with a native speaker, when working with a variety of information received by students from various databases, conferences of the Internet and regional networks, libraries and scientific, cultural centers of the world;
- the principle of conscience, which provides for relying on a certain system of rules that precede the formation of a skill and give the students an idea of the language system being studied;
- the principle of reliance on the native language of trainees, which should be reflected in the organization of trainees familiarization with new language material when forming an indicative basis for actions;

— the principle of visibility, which provides for various types and forms of visibility: linguistic visibility (selection of authentic texts of speech samples, functional features of the studied language material in a certain cultural environment of the target language country); visual visibility when using multimedia, organizing video conferences; auditory visibility, which provides the need to use certain programs of sound blaster tools, as well as the organization of audio conferences;

— the principle of accessibility, which is ensured in distance courses due to the appropriate development of educational material of different complexity levels as well as due to the interactive mode of operation; interactivity is a key word not only in the general didactic sense in distant learning but it takes on a special meaning when organizing foreign language learning at a distance;

— the principle of a positive emotional background that forms a stable motivation for each student for learning. It is extremely important in the distant learning system and is achieved by the specific organization of the course itself, the system of established relationships in the learning process between the teacher and the students, between the students and it is also been in the ideology of the learning process. In a full-time training system the creation of an atmosphere of goodwill, mutual understanding and trust is of great importance for the success of training, and with a distant learning system it is one of the decisive conditions for success. These principles are of methodological importance for the successful teaching of foreign languages remotely [7].

In our opinion, the following factors are important for organizing the distant learning process:

1. Selection and organization of language material in accordance with the goals and objectives of the course.
2. Structuring the course, its methodological and technological organization.
3. Clear planning of the group's work (organization of small groups, conferences), systematic reporting (individual, group reporting).

4. Organization of systematic consultations with the teacher and the server curator.

5. Establishing and maintaining a positive emotional background in the group as a whole and for each student individually.

Due to restrictive measures and a self-isolation regime during a pandemic, almost all spheres of life of a modern person have changed significantly under the influence of computer and information technologies. This fact concerns the education sector, since the digital transformation of the education system is one of the priority areas of development around the world. In this regard, modern methods and approaches to teaching via the Internet are being developed and tested.

In the available publications and studies, the international Web system is considered primarily from the point of view of its functionality in the life of society and the educational process. Many functions of the Internet include: research, vehicle function, communication, learning, archival, commercial, information and publishing ones. The Internet acts as a means of intercultural communication of students with native speakers of the studied language, with cultural Others, and therefore we consider the Internet from the standpoint of its communication capabilities.

The following forms of communication on the Internet are distinguished: e-mail, teleconferences, instant messaging systems (ICQ, IRC), forums. From the point of view of organizing the communication process, all these communication methods can be divided into 2 groups:

1) on-line communication — ICQ, chat or IRC (Internet Relay Chat) — real-time communication when the interlocutors are simultaneously on the line (synchronous interaction);

2) off-line communication — e-mail, forums, when interlocutors exchange messages at different times (asynchronous interaction) [6].

Let's start our overview of the communications capabilities of the Internet with e-mail. *Electronic mail* is one of the most popular types of computer communication services, used in almost all areas of human production. With its help contacts are established as well as important organizational issues are resolved. E-mail combines the functions of sending paper mail, parcels of ordinary human mail. Along with an e-mail, you can send any file — text (for example, an e-book), graphic (photographs and drawings), sound (message or song in MP3 format) [2].

A *teleconference* service is similar to an e-mail broadcast, in which a single message is sent to one correspondent or to large groups called newsgroups. The entire teleconferencing system is divided into thematic groups. Today there are about 50,000 thematic newsgroups in the world. The main technique for using newsgroups is to ask a question to the world and get an answer or advice from those who have already figured it out. Many qualified professionals around the world (designers, engineers, scientists, doctors, educators, lawyers, writers, journalists, programmers and others) regularly view newsgroups held in groups related to their field of activity [4].

A type of computer communication technology that mimics natural conversation is called instant messaging. There are 2 ways of organizing such systems: dialog (ICQ) and polylog (IRC). *ICQ* (from the English "I seek you") is a kind of Internet pager with a two-way communication. In addition to sending short messages ICQ has other capabilities which include the ability to send files, send voice messages and some others. One of the main advantages of ICQ is the possibility of advanced search for people: by interests, by region, by name, etc. According to various estimates ICQ is used by hundreds of thousands to several million people every day. *IRC (Internet Relay Chat)* is designed for direct communication of several people in real time. IRC is sometimes referred to as chat conferencing or just chat. Unlike the teleconferencing system where communication between the participants in the discussion of a topic is open to the whole world, in the IRC system the communication occurs only within one channel, where only a few people usually take part. In addition, teleconferencing is considered most often about a specific subject, and chat rooms are mostly about communication for the sake of communication. Each user can create their own channel and invite participants in the "conversation" or join one of the currently open channels [1].

As a separate form of communication on the Internet, one can single out communication in the so-called *MUDs* from "multi-user dimension" [5]. It is a role-playing game in which many users are united in one virtual space, which is close to chatting with what happens online, but differs from it in the presence of a goal, that is the desire to win. Gamification is considered today as one of the methodologies that increase the effectiveness of an educational product. Teachers help to

involve the learners into the process, help them to present information correctly and to facilitate perception. Game-based learning or serious games sets educational and developmental, but not entertaining goals, helps to practice skills.

The *BYOD* (Bring-Your-Own-Device) [3] trend originated in the business community and since that time it has taken root in education. The idea is to use student-owned gadgets and digital devices in the educational process. This approach changes the pattern of relationships between teachers and students. Instead of their previous role as a source of information and knowledge, teachers have a new role of an administrator of students who have access to network resources.

A *forum* is a time-delayed communication consisting of a set of statements dedicated to a specific topic. The forum is based on fragmentary messages, it develops its own means of organizing communication and therefore is more focused on the exchange of information. The forums support the topic of communication deliberately: exchange of experience, help in solving problems, discussion of materials [2]. We can add Viber, WhatsApp, Telegram as communication in real time.

Podcast, being one of the most popular ways of learning a language, is very widespread on the Internet. The concept of podcasting has emerged from the widespread adoption of Apple's iPod portable media players. The combination of the two words 'iPod' and 'broadcasting' has given a new concept to podcasting. And the term 'podcasting' refers to a way of distributing audio or video information on the Internet. According to P. Constantine, "podcast is a term that is used to refer to a digital recording of a radio program of files. Podcasts are published on the Internet as MP3 files. Interested listeners have the opportunity to download these files to a personal computer or any type of MP3 player. These files can be listened to anytime, anywhere. You can listen to podcasts multiple times. They can be either short (2 to 3 minutes) or long (up to 1 hour). Students can subscribe to the RRS link "[9].

One of the main methodological mechanisms for the inclusion of students in virtual intercultural communication is the use of the discursive method. Discourse is the product of speech activity, the realization of certain communicative desires, goals in the context of a certain communicative situation, expressed by linguistic and non-linguistic means that are characteristic to this situation. Discourse can be an element of any specific conversation, the use of which concerns any specific objects in a specific setting, in a specific context. It can refer to a specific historical period, a social community, or an entire culture [1]. The discourse method is a way of teaching the perception and production of discourse, i.e. the product of a foreign language speech in the context of a specific communicative situation and in relation to a specific partner [10]. The peculiarity of this method is that it includes all the methods discussed above.

In the preparation process for the implementation of intercultural communication via the Internet, we selected the types of discourses that are relevant to the spheres and situations where intercultural communication can take place. Then we identified and studied situations of informal and official communication in the everyday sphere (meeting with friends in a virtual city, in a virtual cafe, orientation in an unfamiliar place, etc.); occupational and social cultural spheres in which selected discourses are used. We held a discussion where the analysis of the communicators' actions took place from the point of view of their adequacy to the communicative goal and situation of communication. The correctness of the discourse choice and the organization of virtual intercultural communication were also taken into consideration. The organization of this methodological mechanism was based on the use of the project method, which sometimes included all other forms of work.

When implementing a project, especially an intercultural and telecommunication project, it is necessary to study realities, regional geographic comments, communicative clichés, and authentic texts. At the same time, intercultural telecommunication projects make it possible to solve the most difficult and the most essential task that is the creation of a language environment and, on its basis, the creation of the need to use a foreign language in practice. In the scientific and methodological literature [4], an educational telecommunication project is understood as a joint educational, cognitive, creative activity of student partners who have a common problem, goal, methods of activity aimed at achieving a common joint result. The structure of the educational telecommunications project was considered by us as part of the following mandatory components: the goal of the project; time frame of the project; algorithm for the implementation of the project; the most interesting sites used in the project.

The organization of intercultural communication based on the use of Internet resources, on platforms such as

Kahoot [11],

Mentimeter [12],

Miro [13],

Padlet [12],

Zoom [14] is a unique opportunity for us in the sense of creating a real language environment. No other methods and technical means have ever allowed us to create such conditions before.

It is necessary to note some features of the psychological impact of virtual communication, its positive impact on students. First, because of the increasing isolation background and low sociability of the individual in the modern world, the Internet makes it easy to establish contacts in the media environment. The search for a circle of interaction allows you to find the material you are interested in, to get acquainted with different points of view on the problem, to stimulate creativity and your own activity, changing an authoritarian style of communication to a democratic one. Secondly, one of the positive factors of computer communication is the absence of pressure from the stereotypes of a particular dialogue that are developing in a close social environment.

Conclusion

We can conclude that distant learning is the learning at a distance, i.e. in a situation where the learner is distant. New information technologies, including digital ones, open up new opportunities for the development of intellectual, creative, spiritual potencies of a person. They require adequate pedagogical technologies without fitting into the framework of traditional education systems. It becomes obvious that the Internet is becoming the basis of the educational process all over the world. We may say that distant learning has several advantages:

- studying in the student's place of residence, geographically remote from educational institutions;
- choosing a language course at the request of the student;

- choosing the time and pace of training;
- receiving the education for disabled children who do not attend an educational institution.

The teacher's use of the methodological mechanisms described above makes learning more comfortable: students are not afraid of negative assessments, gain self-confidence, and the volume of the material they learn increases; their cognitive activity and independence are growing; the nature of the relationship between them changes, cohesion increases; self and mutual respect grows simultaneously with criticality; students acquire essential communication skills and the ability to assess oneself and others adequately. In addition to the formal linguistic experience acquired through telecommunications, we can say that today the use of Internet resources is the most effective and affordable way of enriching the experience of intercultural communication and mastering intercultural literacy in the context of real communication.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Абрамова, Т. В. Диалогическое единство «просьба - реакция» (на материале русского и английского языков): / автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Абрамова Татьяна Валентиновна. - Воронеж, 2003. - 20 с.
2. Бехтерева, Л. Г. Возможности использования социальных сетей в современном образовательном процессе в вузах [Электронный ресурс] / Л. Г. Бехтерева, Н. Ю. Марголис, В. А. Никитенко. - Текст: непосредственный // Молодой ученый. - 2015. - № 6 (86). - С. 575-578. - URL: <https://moluch.ru/archive/86/16261/> (дата обращения: 13.08.2021).
3. Вайндорф-Сысоева, М. Е. Методика дистанционного обучения: учебное пособие для вузов / М. Е. Вайндорф-Сысоева, Т. С. Грязнова, В. А. Шитова. - Москва: Юрайт, 2017. - 194 с.
4. Волкова, А. Н. Специфика языкового дистанционного обучения / А. Н. Волкова // Иностранные языки в высшей школе: проблемы, опыт, перспективы: Материалы межвузовского научно-методического семинара. - Чита: ЗИП СибУПК, 13 марта 2001. - С.30-36.
5. Жаликенова, Р. С. From the history of the development of methods of teaching foreign languages [Электронный ресурс] / Р. С. Жаликенова. - Текст: непосредственный // Образование и воспитание. - 2019. - № 1 (21). - С. 6-8. - URL: <https://moluch.ru/th/4/archive/114/3901/> (дата обращения: 07.08.2021).
6. Крюкова, О. С. Языковая компетенция и социальная мобильность / О. С. Крюкова, В. В. Фадеев // Социология власти. - 2009. - № 8. - С. 120-126.
7. Кытманова, О. А. Использование интернетов-ресурсов на уроках английского языка / О. А. Кытманова // Технологии обучения иностранным языкам в неязыковых вузах: сборник научных статей. - Ульяновск, 2005. - С. 42-48.
8. Яшина, Т. И. Организация самостоятельной работы по иностранному языку средствами инфокоммуникационных образовательных технологий: монография / Т. И. Яшина; Федеральное агентство по образованию, Владивостокский гос. ун-т экономики и сервиса. - Владивосток: Владивостокский гос. ун-т экономики и сервиса, 2010. - 155 с. : ил., табл.; 21 см.; ISBN 978-5-9736-0153-9
9. Constantine P. Podcasts: another source for listening input / P. Constantine // The Internet TESL Journal. - 2007. - № 13 (1).
10. Fiske J. British Cultural Studies / Fiske J. - In: Channels of discourse. Chapelhill: The University of North California press, 1987.
11. Stepik. Онлайн-технологии в обучении [Электронный ресурс]. - URL: <https://stepik.org/lesson/67848/step/7?unit=44580> (дата обращения: 13.08.2021)
12. Что делать со студентами в онлайн [Электронный ресурс]. - URL: <https://disk.yandex.ru/i/k7SINSIxRk3bNA> (дата обращения: 13.08.2021)
13. Miro. Видео-инструкция. Metodichka Digital [Электронный ресурс]. - URL: https://www.youtube.com/watch?v=k_yAT0dR6kA (дата обращения: 13.08.2021)
14. ZOOM #2: как пользоваться Zoom. Теплица социальных технологий [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.youtube.com/watch?v=oDHFkphHsA4> (дата обращения: 13.08.2021)

Список литературы на английском / References in English

1. Abramova, T. V. Dialogicheskoe edinstvo «pros'ba - reakcija» (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov) [Dialogic unity "request - response" (based on the material of the Russian and English languages)]: / avtoreferat dis. ... PhD in Philology: 10.02.04 / Abramova Tat'jana Valentinovna. - Voronezh, 2003. - 20 p. [in Russian]
2. Behtereva, L. G. Vozmozhnosti ispol'zovanija social'nyh setej v sovremennom obrazovatel'nom processe v vuzah [Possibilities of using social networks in the modern educational process in universities] [Electronic resource] / L. G. Behtereva, N. Ju. Margolis, V. A. Nikitenko. - Tekst: neposredstvennyj // Molodoj uchenyj. - 2015. - № 6 (86). - P. 575-578. - URL: <https://moluch.ru/archive/86/16261/> (accessed: 13.08.2021). [in Russian]
3. Vajndorf-Sysoeva, M. E. Metodika distancionnogo obuchenija: uchebnoe posobie dlja vuzov [Distance learning methodology: textbook for universities] / M. E. Vajndorf-Sysoeva, T. S. Grjaznova, V. A. Shitova. - Moskva: Jurajt, 2017. - 194 p. [in Russian]
4. Volkova, A. N. Specifika jazykovogo distancionnogo obuchenija [Specificity of language distance learning] / A. N. Volkova // Inostrannye jazyki v vysshej shcole: problemy, opyt, perspektivy: Materialy mezhvuzovskogo nauchno-metodicheskogo seminar. - Chita: ZIP SibUPK, 13 marta 2001. - P.30-36. [in Russian]

5. Zhalikenova, R. S. From the history of the development of methods of teaching foreign languages [Electronic resource] / R. S. Zhalikenova. - Tekst: neposredstvennyj // Obrazovanie i vospitanie. - 2019. - № 1 (21). - P. 6-8. - URL: <https://moluch.ru/th/4/archive/114/3901/> (accessed: 13.08.2021).
6. Krjukova, O. S. Jazykovaja kompetencija i social'naja mobil'nost' [Language competence and social mobility] / O. S. Krjukova, V. V. Fadeev // Sociologija vlasti. - 2009. - № 8. - P. 120-126. [in Russian]
7. Kytmanova, O. A. Ispol'zovanie internetov-resursov na urokah anglijskogo jazyka [Language competence and social mobility] / O. A. Kytmanova // Tehnologii obuchenija inostrannym jazykam v nejazykovyh vuzah: sbornik nauchnyh statej. - Ul'janovsk, 2005. - P. 42-48 [in Russian]
8. Jashina, T. I. Organizacija samostojatel'noj raboty po inostrannomu jazyku sredstvami infokommunikacionnyh obrazovatel'nyh tehnologij: monografija [Organization of independent work in a foreign language by means of infocommunication educational technologies: monograph] / T. I. Jashina; Federal'noe agentstvo po obrazovaniju, Vladivostokskij gos. un-t jekonomiki i servisa. - Vladivostok: Vladivostokskij gos. un-t jekonomiki i servisa, 2010. - 155 p. : il., tabl.; 21 sm.; ISBN 978-5-9736-0153-9 [in Russian]
9. Constantine P. Podcasts: another source for listening input / P. Constantine // The Internet TESL Journal. - 2007. - № 13 (1).
10. Fiske J. British Cultural Studies / Fiske J. - In: Channels of discourse. Chapelhill: The University of North California press, 1987.
11. Stepik. Online technologies in teaching [Electronic resource]. - URL: <https://stepik.org/lesson/67848/step/7?unit=44580> (accessed: 13.08.2021) [in Russian]
12. What to do with students online [Electronic resource]. - URL: <https://disk.yandex.ru/i/k7SINSIxRk3bNA> (accessed: 13.08.2021) [in Russian]
13. Miro. Video instruction. Metodichka Digital [Electronic resource]. - URL: https://www.youtube.com/watch?v=k_yAT0dR6kA (accessed: 13.08.2021) [in Russian]
14. ZOOM # 2: how to use Zoom. Social technology greenhouse [Electronic resource]. - URL: <https://www.youtube.com/watch?v=oDHFkphHsA4> (accessed: 13.08.2021)

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.27.3.14>**МЕТАФОРА КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА
(НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКИХ СМИ)**

Научная статья

Кузнецова В.Ю. *

Военный университет, Москва, Россия

* Корреспондирующий автор (vera087[at]mail.ru)

Аннотация

Данная статья посвящена роли метафоры в процессе формирования политического образа руководителя. Актуальность представленной темы обусловлена тем, что в настоящий момент метафора рассматривается как один из наиболее действенных способов формирования оценочного суждения.

Научная новизна исследования состоит в системном анализе метафор, формирующих «позитивный» и «негативный» образ 45-го президента США Дональда Трампа.

В качестве материала исследования были выбраны метафоры из американской прессы, посвященные Дональду Трампу. На основе анализа выбранного материала автор приходит к заключению, что развернутые метафоры конструируют наше мышление, отношение к действительности, манипулируют сознанием.

Все представленные в статье примеры сопровождаются подробными комментариями и будут полезны студентам филологических направлений подготовки.

Ключевые слова: метафора, идеология, манипуляция, образ, культура.

**METAPHOR AS A TOOL FOR FORMING THE IMAGE OF A POLITICAL LEADER
(BASED ON THE AMERICAN MEDIA)**

Research article

Kuznetsova V.Yu. *

Military University, Moscow, Russia

* Corresponding author (vera087[at]mail.ru)

Abstract

This article discusses the role of metaphor in the process of forming a political image of a leader. The relevance of the presented topic lies in the fact that at the moment the metaphor is viewed as one of the most effective ways of forming a value judgment.

The scientific novelty of the study lies in a systematic analysis of metaphors that form a "positive" and "negative" image of the 45th US President Donald Trump.

As the primary research material, the article selects the metaphors from the American press related to Donald Trump. Based on the analysis of the material, the author comes to the conclusion that the expanded metaphors construct our thinking, attitude to reality and manipulate consciousness.

All the examples presented in the article are accompanied by detailed comments and will be useful for students of philological areas of education.

Keywords: metaphor, ideology, manipulation, image, culture.

Введение

Не секрет, что метафора является одним из наиболее сложных объектов научного рассмотрения. Связано это, прежде всего, с ее многогранностью. Изучением метафоры занимаются филологи, ученые-семиотики, искусствоведы, философы. Все это говорит о том, что метафора – это явление достаточно широкое и комплексное.

Интересно, что современная теория метафоры достаточно пристально изучает взаимосвязь таких феноменов как «метафора», «культура», «общественное мнение», «идеология».

Действительно, формирование общественного мнения и идеологии осуществляется через язык, основная задача которого войти в личностную сферу адресата через использование ряда приемов манипуляции. Одним из наиболее эффективных способов манипуляции является именно метафора, т.к. это идеальный инструмент для формирования нужного идеологического мнения.

Современные американские печатные СМИ изобилуют большим количеством развернутых метафор, посвященных 45-му президенту США Дональду Трампу, и это обосновано. Ведь, метафора манипулирует сознанием избирателей и формирует «позитивный» или «негативный» образ политического деятеля.

Методы и принципы исследования

На современном этапе развития науки особое внимание уделяется изучению такого феномена как метафора в политическом дискурсе. Во многих работах метафора рассматривается как средство воздействия [1], [7], [8], анализируется с точки зрения предания большей эмоциональности [5], изучается с точки зрения мотивированности использования в речевом поведении политиков [4], [6], разбирается с позиций взаимодействия языка, мышления и культуры [3]. В представленном исследовании метафора рассматривается как средство создания политического образа 45-го президента США Дональда Трампа.

Идентификация и разбор метафор, описывающих личность Д. Трампа, представляет интерес, как для специалистов-филологов, так и для культурологов, журналистов и политологов, т.к. сквозь призму метафоры можно

сделать вывод о том, какие интересы доминируют в обществе, какая идеология преобладает. Подтверждение этой мысли можно найти в книге М. Джонсона и Дж. Лакоффа «Метафора, которыми мы живем». Ученые подчеркивают, что «...метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, причём не только язык, но и мышление и деятельность. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [11, С. 25].

Образ политического руководителя формируется на основе его «личностных и профессиональных качеств, субъектно-объектных характеристик и отношений, а также вербального и невербального поведения» [2, С. 179].

Фундаментальную роль в формировании образа политического лидера в СМИ играют лингвистические средства. Американские СМИ активно используют лексические инструменты для создания образов разных политиков. Безграничными возможностями в плане создания экспрессивности и образности речи обладает метафора. «Согласно современным философским и лингвистическим представлениям, метафора представляет собой сложный и многогранный когнитивный механизм, комплексную образно-семантическую структуру и эпистемологическую категорию, с помощью которой происходят познание, объяснение, оценка и преобразование мира» [2, С. 179].

Метафора представляет собой механизм воздействия, убеждения и аргументации, выполняя тем самым манипулятивную функцию. Следует также отметить, что политическая метафора, вне зависимости от концептуальной структуры и семантической дифференциации, несет в себе прагматическую нагрузку, за счет которой обеспечивается речевое воздействие на адресата с целью формирования у него либо положительного, либо отрицательного мнения о политике, политической партии или политическом событии. Действительно, в политическом дискурсе метафора выполняет роль инструмента «для осознания, моделирования и оценки политических процессов, как средство воздействия на социальное сознание» [3, С. 7].

Проведенный анализ американских СМИ (The Washington Post, The New Yorker, CBS News) с учетом классификации метафор, предложенной В.Ю. Барбазюк [1], позволил прийти к выводу, что из всего списка проанализированных метафор лидирующую позицию занимает расширенная метафора (т.е. нарративно-поэтическое развитие метафоры).

Основные результаты

Анализ 30 статей позволяет описать основные виды метафор, которые используются для формирования политического образа Дональда Трампа. Выявлены цели и функции метафоры при создании политического портрета 45-го американского президента США. Интересно, что большая часть метафор в статьях, проанализированных в рамках исследования, была направлена на формирование негативного образа политика. Проиллюстрируем вышесказанное.

Самым частотным способом формирования негативного портрета Д.Трампа стало использование развернутых метафор, создающих образ «шута», «клоуна», «мирового злодея», «монстра», «болезни».

— «We're not going to be able to solve our problems if we get distracted by *his sideshows and carnival barkers*» [10] // «Мы не сможем решить наши проблемы, если будем отвлекаться на его шоу и цирковые зазывалки».

— «He is less *the carnival barker than the full cast – the lion, the fire-eater, the clown with the seltzer – all trussed into a single-breasted Brioni suit*» [12] // Он не столько цирковой зазывала, сколько все в одном – и лев, и пожиратель огня, и клоун с сельтерской водой – только в *костюме с односторонним* пиджаком фирмы «Brioni».

— «He came out of reality show television. He's like *a game show person. There's no truth to it. There's no center to it. ... With him, there's no beef there, there's no protein, there's no center*» [9] // «Он вышел из реалити-шоу. Он как человек из игровых шоу. В этом нет правды. В нем нет центра. ... У него нет идеи, нет конструктивности, нет ядра».

— «He reminds me of your *drunk uncle* at a wedding who gets up and starts talking and just loves the crowd and just goes on and on and on and says whatever he can to get a reaction» [9] // Он напоминает мне пьяного дядюшку на свадьбе, который встает, начинает говорить и говорит без остановки все, что может, потому что любит толпу и хочет вызвать реакцию».

Представленные развернутые метафоры призваны представить Д.Трампа как шута и шоумена, основная задача которого привлечь к себе внимание. Более того, подчеркивается, что за дорогим костюмом прячется обычный циркач, который ничего не может кроме ярких фокусов, направленных на привлечение внимания.

Достаточно часто для создания негативного отношения к Д.Трампу его представляют в образе киноперсонажей. Например:

— «*He's like Godzilla*. Everything they throw at *the monster* makes him stronger» [8] // Он как Годзилла. Все, что они бросают в монстра, делает его сильнее.

В данном примере Д.Трамп представлен как гигантский монстр-мутант, который атакует Америку и что, ничего не сможет его остановить.

Рассмотрим еще один пример:

— «Is he like a *Batman villain*? In many ways he is. But our last guy often reminded me of a *Bond villain*» [13] // «Он как злодей из Бэтмена? Во многом он такой. Но наш последний парень часто напоминал мне злодея из Бонда».

В этом отрывке Трамп предстает не только как враг Америки, но и как мировое зло.

Очень много статей, где американский президент предстает в образе «болезни» и «раковой опухоли».

— «Let no one be mistaken Donald Trump's candidacy is *a cancer on conservatism, and it must be clearly diagnosed, excised and discarded*» [14] // «Не стоит заблуждаться. Кандидатура Дональда Трампа — это раковая опухоль консерватизма, и она должна быть четко диагностирована, удалена и с ней должно быть покончено».

— «... The way this election is shaping up, the better analogy might be an *autoimmune disease. Such illnesses result from our body's natural defenses being marshalled against it with destructive results. Trump is exploiting our political immune system to the detriment and potentially grave peril of the republic*. He's taken what actually makes America great,

the systems of government designed to foster public good – the courts, the press, our charity and financial systems – and used them for personal gain at the **body politic's** expense» [9] // «Судя по тому, как складываются эти выборы, лучшей аналогией может быть аутоиммунное заболевание. Такие болезни возникают из-за того, что естественная защита нашего тела направлена против него с разрушительными результатами. Трамп использует нашу политическую иммунную систему во вред и представляет потенциально серьезную опасность для республики. Он взял то, что на самом деле делает Америку великой.... и использовал их для личной выгоды за счет политического тела страны».

В примерах выше использованы метафоры, главная задача которых как можно ярче представить политическую программу Трампа, основная цель которой разрушить экономику страны.

Заключение

Острая политическая борьба, желание завоевать симпатии граждан своей страны и очернить оппонентов ведет к использованию разных инструментов для формирования оценочного суждения и формированию образа политического лидера. Одним из этих инструментов является метафора, которая, обладая неограниченными возможностями, может создать как позитивный, так и негативный образ политика.

Анализ американской прессы на наличие метафор, посвященных Д. Трампу, показал, что большая часть метафор используется для создания негативного образа политика. В американской прессе 45-й президент США представлен как клоун и шоумен, который готов на все, чтобы привлечь внимание аудитории, но не готов принимать конструктивные решения, нацеленные на укрепление страны.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Барбазюк В.Ю. Смысловое развитие метафоры в текстах различных жанров: семиотический и синергетический аспекты интерпретации: дис ... кандидата филол. наук: 10.02.19: защищена 03.12.2013 / Барбазюк Вера Юрьевна – М., 2013 - 180 с.
2. Барышникова Г.В. Метафорическое создание политического образа руководителя России в западных СМИ (на материале англо-американской и французской прессы) / Г.В. Барышникова, И.И. Дубинина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета - №4, 2019 – С.179-185
3. Будаев Э.В. Метафора в политическом интердискурсе / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов – Екатеринбург: УрГПУ, 2006. – 213 с
4. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В.В. Виноградов // История советского языкознания: некоторые аспекты общей теории языка (хрестоматия) . – М.: Высшая школа, 1988 – С. 282-287.
5. Иванов Н.В. Символическая функция языка в аспектах семиогенеза и семиозиса: дис. ... доктора филол. наук: 10.02.19: защищена 2002 / Иванов Николай Викторович – М., 2002. – 377 с.
6. Костомаров В. Г. Наш язык в действии: очерки современной русской стилистики / В.Г. Костомаров - М.: Гардарики, 2005. - 287 с.
7. Франк-Каменецкий И.Г. К вопросу о развитии поэтической метафоры / И.Г. Франк-Каменецкий // От слова к смыслу: Проблемы тропогенеза. – М.: Эдиториал УРСС, 2001 г. – С. 28-80.
8. Шнякина К.В. Дискурсивная динамика образных форм в языке и тексте (семиотический анализ английских и русских пословиц и метафор: автореферат дисс. на ... кандидата филол. наук.: 10.02.19/ Шнякина Кира Вениаминовна – М., 2010. – 20 с.
9. Blake A. The many metaphors for Donald Trump // The Washington Post, 07/05/2017 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2017/05/07/the-many-metaphors-that-describe-donald-trump/> (дата обращения: 28.07.2021)
10. Couch A. Bane Creators on Donald Trump's Inauguration Speech and Why They Voted for Him / Couch A. // The Hollywood reporter, 23/01/2017 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.hollywoodreporter.com/movies/movie-features/bane-creators-donald-trumps-inauguration-speech-why-they-voted-him-967229/> (дата обращения: 28.07.2021)
11. Lakoff G. Metaphors We Live By. / G. Lakoff, M. Johnson. Chicago: University of Chicago Press, 2003. – 256 p.
12. Montopoli B. Obama: I released birth certificate because media has been distracted by sideshows and carnival barkers // CBS News, 27/04/2011 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.cbsnews.com/news/obama-i-released-birth-certificate-because-media-has-been-distracted-by-sideshows-and-carnival-barkers/> (дата обращения: 28.07.2021)
13. Osnos E. The Fearful and the Frustrated Donald Trump's nationalist coalition takes shape - for now. The New Yorker, 31/04/ 2015 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2015/08/31/the-fearful-and-the-frustrated> (дата обращения: 28.07.2021)
14. Perry R. Donald Trump's bid a "cancer on conservatism" / Perry R. // CBS news, 22/07/2015 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.cbsnews.com/news/rick-perry-donald-trump-bid-cancer-on-conservatism/> (дата обращения: 28.07.2021)

Список литературы на английском / References in English

1. Barbazjuk V.Ju. Smyslovoe razvitie metafory v tekstah razlichnyh zhanrov: semioticheskij i sinergeticheskij aspekty interpretacii [Semantic development of metaphor in texts of various genres: semiotic and synergetic aspects of interpretation]: dis ... of PhD in Philology: 10.02.19: defense of the thesis: 03.12.2013 / Barbazjuk Vera Yurievna – М., 2013 - 180 p. [in Russian]
2. Baryshnikova G.V. Metaforicheskoe sozdanie politicheskogo obraza rukovoditelja Rossii v zapadnyh SMI (na materiale anglo-amerikanskoj i francuzskoj pressy) [Metaphoric creation of the political leader of Russia in the Western media

(based on the material taken from Anglo-American and French press)] / G.V. Baryshnikova, I.I. Dubinina // *Izvestija Volgogradskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta* [Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University] - №4, 2019 – P.179-185 [in Russian]

3. Budaev Je.V. Metafora v politicheskom interdiskurse [Metaphor in political interdiscourse] / Je.V. Budaev, A.P. Chudinov – Ekaterinburg: UrGPU, 2006. – 213 p. [in Russian]

4. Vinogradov V.V. Ob osnovnyh tipah frazeologicheskikh edinits v russkom jazyke [On the main types of phraseological units in the Russian language] / V.V. Vinogradov // *Istorija sovetskogo jazykoznanija: nekotorye aspekty obshhej teorii jazyka (hrestomatija)* [History of Soviet linguistics: some aspects of the general theory of language (anthology)] – M.: Vysshaja shkola, 1988 – P. 282-287. [in Russian]

5. Ivanov N.V. Simvolicheskaja funkcija jazyka v aspektah semiogeneza i semiozisa [The symbolic function of language in the aspects of semiogenesis and semiosis]: dis ... of PhD in Philology: 10.02.19: defense of the thesis: 2002 /Ivanov Nikolay Viktorovich – M., 2002 - 377 p. [in Russian]

6. Kostomarov V.G. Nash jazyk v dejstvii: ocherki sovremennoj russkoj stilistiki [Our language in action: essays on contemporary Russian stylistics] / V.G. Kostomarov - M.: Gardariki, 2005. - 287 p. [in Russian]

7. Frank-Kameneckij I.G. K voprosu o razvitii pojeticheskoi metafory [On the development of poetic metaphor] / I.G. Frank-Kameneckij // *Ot slova k smyslu: Problemy tropogeneza* [From Word to Meaning: Problems of Tropogenesis] – M.: Jeditorial URSS, 2001 g. – P. 28-80. [in Russian]

8. Shnjakina K.V. Diskursivnaja dinamika obraznykh form v jazyke i tekste (semioticheskij analiz anglijskikh i russkikh poslovic i metaphor) [Discursive dynamics of figurative forms in language and text (semiotic analysis of English and Russian proverbs and metaphors)]: abstract ... of PhD in Philology: 10.02.19: / Shnjakina Kira Veniaminovna – M., 2010 - 20 p. [in Russian]

9. Blake A. The many metaphors for Donald Trump // *The Washington Post*, 07/05/2017 [Electronic resource]. – URL: <https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2017/05/07/the-many-metaphors-that-describe-donald-trump/> (accessed: 28.07.2021)

10. Couch A. Bane Creators on Donald Trump's Inauguration Speech and Why They Voted for Him / Couch A. // *The Hollywood reporter*, 23/01/2017 [Electronic resource]. – URL: <https://www.hollywoodreporter.com/movies/movie-features/bane-creators-donald-trumps-inauguration-speech-why-they-voted-him-967229/> (accessed: 28.07.2021)

11. Lakoff G. *Metaphors We Live By*. / G. Lakoff, M. Johnson. Chicago: University of Chicago Press, 2003. – 256 p.

12. Montopoli B. Obama: I released birth certificate because media has been distracted by sideshows and carnival barkers // *CBS News*, 27/04/2011 [Electronic resource]. – URL: <https://www.cbsnews.com/news/obama-i-released-birth-certificate-because-media-has-been-distracted-by-sideshow-and-carnival-barkers/> (accessed: 28.07.2021)

13. Osnos E. The Fearful and the Frustrated Donald Trump's nationalist coalition takes shape - for now. *The New Yorker*, 31/04/ 2015 [Electronic resource]. – URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2015/08/31/the-fearful-and-the-frustrated> (accessed: 28.07.2021)

14. Perry R. Donald Trump's bid a "cancer on conservatism" / Perry R. // *CBS news*, 22/07/2015 [Electronic resource]. – URL: <https://www.cbsnews.com/news/rick-perry-donald-trump-bid-cancer-on-conservatism/> (accessed: 28.07.2021)

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.27.3.17>**ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ СОЧЕТАНИЯ С ЛЕКСИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ «FINGERPRINT»:
СПЕЦИФИКА НОМИНАЦИИ**

Научная статья

Шашкова В.Н. *

ORCID: 0000-0003-0977-3061,

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Россия

* Корреспондирующий автор (valentina.shash[at]mail.ru)

Аннотация

В статье выявлены основные механизмы номинации и синтаксические модели, проявляющиеся в составе сложных номинативных единиц с лексическим компонентом «fingerprint». Цель статьи – выявление специфики терминологических словосочетаний с лексическим компонентом «fingerprint» как части терминологической системы, относящейся к криминалистике.

Анализ выявил один доминантный механизм номинации для большинства сложных номинативных единиц с лексическим компонентом «fingerprint», который представляет собой уточнение сигнификативного значения номинативной единицы за счет введения дополнительных лексем. Этот механизм часто сочетается с суффиксацией и конверсией.

Повторяющиеся синтаксические модели, проявляющиеся в сложных номинативных единицах с лексическим компонентом «fingerprint», включают следующие структуры: прилагательное + существительное, существительное + существительное, существительное + of + существительное, существительное в родительном падеже + существительное, глагол + существительное, глагол + предлог / послелог + существительное.

Ключевые слова: номинативная единица, уточнение сигнификативного значения, аффиксация, конверсия, синтаксическая модель, семантический компонент, отпечаток пальца.

**TERMINOLOGICAL WORD COMBINATIONS WITH THE LEXICAL COMPONENT “FINGERPRINT”:
SPECIFICS OF NOMINATION**

Research article

Shashkova V.N. *

ORCID: 0000-0003-0977-3061,

Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia named after V.V. Lukyanov, Orel, Russia

* Corresponding author (valentina.shash[at]mail.ru)

Abstract

The article elicits the major nomination mechanisms and syntactic patterns within complex nominative units with the lexical component “fingerprint”. The aim of the article is to outline the specifics of the terminological word combinations with the lexical component “fingerprint” as part of the terminological system referring to Criminalistics.

The analysis revealed one dominant nomination mechanism for the majority of complex nominative units with the lexical component of “fingerprint”, which is the specification of the significative meaning of a nominative unit due to the introduction of additional lexemes. This mechanism is often coupled with suffixation and conversion.

The regular syntactic patterns manifesting themselves in complex nominative units with the lexical component “fingerprint” include the following structures: Adjective + Noun, Noun + Noun, Noun + of + Noun, Noun in the Genitive case + Noun, Verb + Noun, Verb + preposition / postposition + Noun.

Keywords: nominative unit, specification of significative meaning, suffixation, conversion, syntactic pattern, semantic component, fingerprint.

Introduction

Despite the deep elaborated study of the nomination theory, as practice shows, specification of nomination mechanisms operating in a particular reference zone allows to make wider generalizations concerning the terminology used in Criminalistics in application to fingerprinting. The relevance of the study is conditioned by ambiguity and heterogeneity of the facets for categorization of the lexemes and complex nominative units pertinent to the thematic field “Fingerprinting”, as well as importance of theoretical and applied analysis of semantics and identification of special signs of complex nominative units in the framework of the studied semantic groups in English [5].

The research into the specifics of nomination within the lexical-semantic groups is conducive to outlining the overall trends typical of the language of legal terminology as well as to working out instrumental exercises for specialists acquiring the English language skills when mastering the profession of a lawyer. It conditions the relevance of the research and covers the theoretical aspects as well as entails tangible practical applications of the results.

Methods

The methodological basis of the study was the functional-role approach, which allows to differentiate lexical-semantic groups according to the role of a component of propositional content expressed by a lexeme or complex nominative [7, P. 193], as well as the onomasiological approach aimed at identifying the means and mechanisms of nomination [3].

In the process of the research, the following general scientific methods were used: analysis, synthesis, generalization, classification of the material under study, as well as methods of empirical knowledge: observation, description, comparison.

Linguistic analysis is based on two methods: semantic analysis entailing the study of the meanings of language units, namely identification of synonyms, homonyms, antonyms, polysemantic words, analysis of changes in the meanings of nominative units in their various combinations, and syntactic analysis allowing to outline the regular syntactic models within the complex nominative units with “fingerprint” as a component of a composite term.

Specifics of the Language of Law

The field of law is a special sphere of social life, which has international significance, yet preserves national traditions, specific language and cultural characteristics. Due to the fact that the conditions of human life are constantly changing under the influence of external factors and the desire to improve society, the forms of protecting human rights are also subject to changes, which, in turn, entails linguistic changes in terms operating in a particular field of activity. In addition, the increase in information flows leads to the expansion of existing terminological systems due to the emergence of a large number of new items.

Similar processes are characteristic of law as a separate sphere of public life, since social changes inevitably entail an acceleration of the pace of lawmaking. The need for quick adaptation does not always have a positive effect on the quality of the laws and bylaws that are issued, which often do not meet the requirements imposed on them, including from the point of view of terminology [1, P. 71].

Normative legal terminology is undoubtedly one of the most significant elements of the language of jurisprudence. Its goal is becoming a more accurate and capacious reflection of the phenomena of reality, characteristic of the sphere of law, which is achieved with the help of ordered terminology systems.

Speaking about terminology in the field of law, it is worth first of all referring to the most widely known definitions of the concept of “a legal term”:

1) “the verbal designation of the state-legal concept, with the help of which the content of the regulatory legal order of the state is expressed and consolidated” [2, P. 694];

2) “words (or combinations of words) that are the names of certain legal concepts” [4, P. 21].

The legal terminological system also includes terms used to designate various doctrinal concepts of jurisprudence and other concepts of the legal sphere that are not enshrined in legislation. It also encompasses typical actions of law enforcement officers working in the field. G.T. Chernobel formulated a more universal definition of the concept of a legal term. In his opinion, this is “a word (or phrase), uniformly used in the field of legal relations, which is the name of a defined legal concept and is distinguished by a given monosemicity (that is, strict unambiguity, semantic certainty), functional stability” [6, P. 57]. This definition we accept as the basic one for this paper.

Results

The research was carried out on the empirical data of the three sources: Collocations Dictionary [8], Online OXFORD Collocation Dictionary [10] and Corpus of Contemporary American English (COCA) [9]. The most common types of collocations forming complex nominative units include the following groups:

— Adjective + Noun: *an identifiable fingerprint; a latent fingerprint; a patent fingerprint; a plastic fingerprint; an electronic fingerprint; a genetic fingerprint*.

The first group encompasses the three general types of fingerprints (*latent, patent* and *plastic*) and the relatively new term (*a genetic fingerprint*), all the four distinguished by the surface on which they are left and consequently by the method of procession. *An electronic fingerprint* as a term reflects the storage form. A general characteristic of a fingerprint for forensic scientists is its liability to identification. That is why *an identifiable fingerprint* (11 % of the total of collocations revealed in the study) is one of the most frequent collocations used in the sphere.

— Noun + Noun: *fingerprint identification; fingerprint analysis; fingerprint reader; fingerprint scanner, fingerprint sensor; fingerprint card; DNA fingerprint*.

The examples reveal the prevalent tendency: the key word “fingerprint” is used in preposition to the noun it semantically modifies. The nouns range from words of general semantics indicating the expertise and its aim (*analysis, identification*) to more specific nouns indicating the tools used in fingerprinting and its results (*reader, scanner, card*). The only odd component in this group is DNA fingerprint which is composed of the abbreviation for «deoxyribonucleic acid» in preposition to the keyword «fingerprint». An abbreviation use is rather an exception than a rule in this lexical-semantic group.

Thus, we can conclude that in this lexical-semantic group the first noun, the noun in preposition to the kernel noun, reflects a specific feature of the kernel noun and illustrate such a nomination mechanism as the specification of significative meaning.

— Noun in the possessive case + Noun: *the petitioner's fingerprints; the suspect's fingerprints; the defendant's fingerprints; the accused's fingerprints; the transferee's fingerprints*.

The noun in preposition to «fingerprints» always refers to the subject, to the type of an agent within the semantic proposition. The typical nomination mechanism is the specification of significative meaning. It is coupled with suffixation (*petitioner, defendant, transferee*) or conversion (*suspect, accused*).

— Noun + preposition + Noun: *a set of fingerprints; a pattern of fingerprints; destruction of fingerprints; contamination of fingerprints; comparison of fingerprints, transmission of fingerprints*.

As can be seen from the examples, they all fall under the same pattern: the preposition used in the complex nominative unit is *of*. Besides, all the nouns in preposition to the noun «fingerprints» are verbal nouns by nature. Hence, we can make a conclusion concerning the combination of two nomination mechanisms, namely the specification of significative meaning of the kernel noun by the same lexical item in each collocation (this invariable lexical item is «fingerprints») and conversion which, in its own turn, is coupled with affixation: *contaminate* → *contamination; compare* → *comparison; transmit* → *transmission*.

— Verb + Noun: *to leave fingerprints; to provide fingerprints; to bear fingerprints; to submit (one's) fingerprints (to the police); to bear fingerprints; to find fingerprints; to obtain fingerprints; to register fingerprints; to examine fingerprints; to compare fingerprints; to verify fingerprints; to fingerprint a suspect.*

This group is heterogeneous in its content and is subject to classification according to the major agent the action refers to. A criminal *leaves fingerprints*, citizens, present at the crime scene, may also leave fingerprints. Citizens are asked by law enforcement officers *to provide or to submit fingerprints* for the purpose of their exclusion from the circle of suspects. Objects *bear fingerprints*. Forensic officers *find fingerprints, obtain* them from suspects, *register* and *examine* them. They *compare fingerprints* with those from the database and *verify the fingerprints* taken. It is usually a fingerprint technician who *fingerprint a suspect*. Depending on the part of speech attribution of the lexeme «fingerprint» it can function as a noun collocating with a set of verbs which can be referentially classified according to the agent or as a verb taking as a direct object nominative units which denote an object of fingerprinting.

— Verb + preposition / postposition + Noun: *to examine smth for fingerprints; to look for fingerprints; to dust for fingerprints.*

The important semantic component is expressed by the preposition (postposition in the phrasal verb «to look for») with the meaning of purpose. In all the selected complex nominatives the semantic component of purpose is expressed by the lexeme «fingerprints».

This pattern allows for expansion of the nominative chain: Verb + Noun + preposition + Noun: *to tell gender from fingerprints*. Singular as this example is, it is also illustrative of the potential syntactic patterns: *to tell diseases from fingerprints*.

Conclusion

The conducted research allowed to define a legal term as a word (or a phrase) uniformly used in the sphere of legal relations (not only in regulatory legal documents but also in reference to professional situations and activities). A term makes a legal concept verbally explicit. One of its distinctive characteristics is their monosemantic content.

The analysis revealed the dominant nomination mechanism which regularly manifests itself in the complex nominative units with the lexical component “fingerprint” – that is the specification of significative meaning of a term by adding a descriptive lexeme. This mechanism goes along with affixation and conversion.

The patterns underlying terminological combinations with the lexical component “fingerprint” include the following syntactic types of combinations: Adjective + Noun, Noun + Noun, Noun + of + Noun, Noun in the Genitive case + Noun, Verb + Noun, Verb + preposition / postposition + Noun. Each of the given groups allows for further semantic categorization based on the functional-role principle.

The prospects of this study consist in creating the linguodidactic model of the terms and the terminological combinations pertinent to the reference zone of Criminalistics.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Авакова О. В. Формирование и функционирование английской юридической терминологии в процессе становления государства и права в Англии / О. В. Авакова: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.04. – Москва, 2006. – 208 с.
2. Большой юридический словарь / [В.А. Белов и др.]; Под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. – 2. изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 703 с.
3. Высоцкая Т. Н. Роль когнитивно-ономасиологического метода в изучении терминов [Электронный ресурс] / Т. Н. Высоцкая // Изучение терминов горной промышленности – URL: <http://ir.nmu.org.ua/bitstream/handle/123456789/1074/%D0%92%D1%8B%D1%81%D0%BE%D1%86%D0%BA%0%20%D1%8F-4.pdf?sequence=1>. (дата обращения: 11.08.2021).
4. Савицкий В. М. Язык процессуального закона. Вопросы терминологии / В. М. Савицкий. – М.: Наука, 1987. – 288 с.
5. Хижняк С. П. Межкультурная профессиональная коммуникация юристов: теоретические основы / С. П. Хижняк. – Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2014. – 244 с.
6. Чернобель Г. Т. Теоретические основы упорядочения терминологии / Г. Т. Чернобель // Труды ВНИИСЗ, 1983 – № 27. – С. 57
7. Шашкова В. Н. Анализ средств и механизмов номинации, используемых при описании референтной области «Деятельность сотрудника ОВД» (на материале русского и английского языков) / В. Н. Шашкова // Проблемы лингвистики, методики обучения иностранным языкам и литературоведения в свете межкультурной коммуникации: сборник материалов III Международной научно-практической конференции (26-27 марта 2018 г.) / под ред. О. Ю. Ивановой. – Орёл, 2018. – С. 192-199.
8. Collocations Dictionary [Электронный ресурс] – URL: <https://1735.slovaronline.com/7032-fingerprint> (дата обращения: 11.08.21).
9. Corpus of Contemporary American English [Электронный ресурс] – URL: <https://www.english-corpora.org/coca/>. (дата обращения: 11.08.21).
10. Online OXFORD Collocation Dictionary [Электронный ресурс] – URL: <https://www.freecollocation.com/search?word=fingerprint> (дата обращения: 11.08.21).

Список литературы на английском / References in English

1. Avakova O. V. Formirovaniye i funktsionirovaniye angliiskoi terminologii v protsesse stanovleniya gosudarstva i prava v Anglii [Formation and functioning of legal terminology in the process of state formation and law formation in England] / O. V. Avakova: dissertation of a candidate of sciences (Philology): 10.02.04. – Moscow, 2006. – 208 p. [in Russian]
2. Bol'shoi yuridicheskii slovar' [Comprehensive legal dictionary] / V. A. Belov, etc. Under the editorship of A. Ya. Sukharev, V. E. Krutskikh. – the 2nd edition. – Moscow: INFRA-M, 2003. – 703 p. [in Russian]
3. Vysotskaya T. N. Rol' kognitivno-onomasiologicheskogo metoda v izuchenii terminov [The role of cognitive-onomaseological method in studying terms] / T. N. Vysotskaya // Learning mining terms [Electronic resource] – URL: <http://ir.nmu.org.ua/bitstream/handle/123456789/1074/%D0%92%D1%8B%D1%81%D0%BE%D1%86%D0%BA%0%20%D1%8F-4.pdf?sequence=1>. (accessed: 11.08.2021). [in Russian]
4. Savitskii V. M. Yazyk protsessual'nogo zakona. Voprosy terminologii [The language of professional law. Questions of terminology] / V. M. Savitskii. – Moscow: Nauka, 1987. – 288 p. [in Russian]
5. Khizhnyak S. P. Mezhhkul'turnaya professional'naya kommunikatsiya yuristov: teoreticheskiye osnovy [International professional communication of lawyers] / S. P. Khizhnyak. – Saratov: Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, 2014. – 244 p. [in Russian]
6. Chernobel' G. T. Teoreticheskiye osnovy uporyadocheniya terminologii [Theoretical foundations of sorting terminology] / G. T. Chernobel' // Trudy VNIISZ, 1983 – N 27. – P. 57 [in Russian]
7. Shashkova V. N. Analiz sredstv i mekhanizmov nominatsii, ispol'zuemykh pri opisani referentnoi oblasti "Deyatelnost sotrudnika OVD" (na materiale russkogo i anglijskogo yazykov) [The analysis of nomination means and mechanisms used to describe the reference zone "The Law Enforcement Official's Activities" (as exemplified in Russian and English)] / V. N. Shashkova // Materialy tret'yei Mezhdunarodnoi nauchno-practicheskoi konferentsii "Problemy lingvistiki, metodiki obucheniya i literaturovedeniya v svete mezhhkul'turnoi kommunikatsii [Proceedings of the Third International Scientific and Practical Conference "The Problems of Linguistics, methodology of teaching and the theory of literature in light of intercultural communication"]. – Oryol: Oryol State University named after I. S. Turgenev, 2018. – P. 192-199. [in Russian]
8. Collocations Dictionary [Electronic resource] – URL: <https://1735.slovaronline.com/7032-fingerprint> (accessed: 11.08.21).
9. Corpus of Contemporary American English [Electronic resource] – URL: <https://www.english-corpora.org/coca/>. (accessed: 11.08.21).
10. Online OXFORD Collocation Dictionary [Electronic resource] – URL: <https://www.freecollocation.com/search?word=fingerprint> (accessed: 11.08.21).

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.27.3.19>**ГЕНЕРАЛИЗАЦИЯ И СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ КАК БАЗОВЫЕ ПРОЦЕДУРЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО
ТРАНСФЕРА ЗНАНИЙ**

Научная статья

Циберная О.Ф. *

ORCID: 0000-0001-7742-9225,

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

* Корреспондирующий автор (igoshevaolesya[at]gmail.com)

Аннотация

В рамках настоящей статьи рассматриваются базовые процедуры внутрикультурного трансфера знаний по типу передачи – генерализация и специализация. Цель исследования – уточнение понимания сути данных процедур с учетом типологизации ситуаций трансферизации знаний. В статье также детально описывается методика выявления реализации генерализации и специализации: в основе предложенной методики лежит рассмотрение динамики полевого описания концепта «человек», который выступает в качестве единицы трансфера знаний, в русской и китайской картинах мира. Автор приходит к выводу об универсальности процедур генерализации и специализации для процесса трансфера знаний в русской и китайской языковых картин мира. Научная новизна статьи заключается в описании процедур специализации и обобщения передачи знаний в бытийной сфере познания, ранее подобные исследования не проводились. Результаты исследования могут быть использованы лингвистами-когнитивистами для углубления понимания процесса трансфера знаний, а также учеными, работающими в сфере межкультурной коммуникации и переводоведения для уточнения процесса передачи знаний между носителями разных лингвокультур. Кроме того, статья вносит вклад в развитие сравнительно-исторического языкознания, поскольку рассматривает диахронический аспект когнитивного явления в разных языковых картинах мира.

Ключевые слова: концепт, содержание концепта, трансфер знаний, процедуры трансферизации, языковая картина мира.

**GENERALIZATION AND SPECIALIZATION AS BASIC PROCEDURES OF LINGUOCULTURAL
KNOWLEDGE TRANSFER**

Research article

Tsibernaya O.F. *

ORCID: 0000-0001-7742-9225,

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

* Corresponding author (igoshevaolesya[at]gmail.com)

Abstract

Within the framework of this article, the basic procedures of intra-cultural knowledge transfer are considered: generalization and specialization. The purpose of this study is clarifying the understanding of the essence of these procedures, taking into account the typologization of knowledge transfer situations. The article also describes in detail the method of identifying the implementation of generalization and specialization: the proposed method is based on the consideration of the dynamics of the field description of the concept "man", which acts as a unit of knowledge transfer, in the Russian and Chinese pictures of the world. The author comes to the conclusion about the universality of generalization and specialization procedures for the process of knowledge transfer in the Russian and Chinese language pictures of the world. The scientific novelty of this article lies in the description of the specialization and generalization procedures of the transfer of knowledge in the existential sphere of cognition, such studies have not been conducted before. The research results can be used by cognitive linguists to deepen their understanding of the process of knowledge transfer, as well as by scientists working in the field of intercultural communication and translation to clarify the process of transferring knowledge between carriers of different linguistic cultures. In addition, the article contributes to the development of comparative-historical linguistics, since it examines the diachronic aspect of a cognitive phenomenon in different pictures of the world.

Keywords: concept, concept content, knowledge transfer, transfer procedures, language world view.

Introduction

Following the cultural dynamics, the language is in a process of continuous development. The way in which the knowledge reflected in the language changes can be traced by studying the linguocultural transfer of knowledge. The study of various aspects of the transfer of knowledge is one of the relevant areas of scientific activity not only in the field of linguistics, but also within the framework of other scientific disciplines, such as economics, political science, psychology, etc.

Knowledge transfer can be viewed in broad and narrow senses, depending on the goal and objectives of the study [1, P. 17-19]. The transfer of knowledge within the framework of this work is understood as the natural process of change and adaptation of consciousness fragments of culture representatives, manifested in the content and structural change of the unit of knowledge transfer [2].

Within the framework of the scientific and everyday spheres of knowledge, the transfer of knowledge is implemented in different ways, it has various tracks of development. In addition, the transfer of knowledge can be carried out using a number of procedures, the nomenclature of which is determined by a combination of linguistic and extralinguistic factors. In this work, we consider the features of the implementation of procedures for generalization and specialization of intracultural transfer of

knowledge as a diachronic process of transferring knowledge from generation to generation in the everyday sphere of knowledge in the Russian and Chinese linguistic worldviews.

Results

A concept can be considered as a unit of knowledge transfer, which is possible due to the existence of parallels in the structure of the concept and consciousness [3], [4], [5, P. 15-37]. In this study, the concept of «man» is considered, since it is a basic concept that exists in different linguistic pictures of the world, in particular, it is widely represented in the Russian and Chinese linguistic pictures of the world [6]. Consideration and comparison of the process of intracultural transfer of knowledge in these linguistic pictures of the world is of great interest for the research from the point of view of the ability to trace not only the process itself, but also the features of the influence of similar historical processes on the consciousness of carriers of a particular linguistic culture.

In order to trace the process of concept formation, and at the same time the transfer of knowledge in the national linguistic picture of the world, we have identified three periods of time in the Russian and Chinese linguistic pictures of the world: pre-revolutionary, post-revolutionary and modern. The basis for identifying such periods were significant historical events, definitely reflected in the minds of the carriers of the studied linguocultures [7].

While studying the concept as a unit of knowledge transfer in the Russian and Chinese linguistic pictures of the world, we identified a number of knowledge transfer procedures, where specialization and generalization are used as principal ones.

When searching for the procedures for the transfer of knowledge, we relied on the set of procedures described by M.V. Postovalova for intercultural transfer, according to which additional procedures were identified and described, in particular, generalization and specialization [8]. These are multidirectional procedures, the implementation of which can be traced in the dynamics of the concept content, which manifests itself in a qualitative change in the concept nominative field. Specialization will be called concretization, clarification of the content of a unit of knowledge transfer, observed when the nuclear zone of the concept nominative field is narrowed, and generalization is the expansion of the nuclear zone [3].

These procedures were determined after analyzing changes in the content of the concept considered as a unit of knowledge. First of all, the field structure of the concept content was built at different stages of its formation [9]. Within the framework of each considered synchronous state, the nuclear zone and zones of the near and far periphery of the concept "man" in the Russian and Chinese linguistic pictures of the world are represented by different sets of conceptual features.

The most important thing while considering the dynamics of the conceptual aspect is the change in the nuclear zone.

The analysis of the content of the concept "man" in the Russian linguistic picture of the world shows, therefore, that in the process of transfer of knowledge, the procedure of concretization was first carried out, and only then the generalization procedure: the content of the concept narrowed during the transition from the pre-revolutionary period to the post-revolutionary period and significantly expanded during the transition to the modern state.

Representatives of the concept "Man" were divided into groups according to their conceptual characterizing features. Moreover, one representative could be attributed to several groups.

Thus, the nuclear zone of the concept "man" in the Russian linguistic picture of the world at the pre-revolutionary stage is represented by six conceptual features: "Generalizing concepts" (face, people); "Profession and other occupations" (cook, teacher), "Groups and group relations" (chairman, people, member), "Status" (professor); "Gender" (woman), "Age" (children).

At the post-revolutionary stage, the nuclear zone narrowed down to a group of five conceptual features: "Profession and other occupations" (worker, labor, unemployment); "Groups and group relations" (working class, proletariat, saboteur); "Beliefs" (capitalism); "Generalizing concepts" (people); "Living space" (village).

At the present stage, the nuclear zone of the concept "man" in the Russian linguistic picture of the world has expanded with eight conceptual features: "Generalizing concepts" (people, person); "Personalities" (Sergey); "Profession and other occupations" (teacher); "Groups and group relations" (family, country); "Social role" (president); "Age" (children); "Sphere of activity" (economics); "Attributes" (money).

At the same time, the composition of the peripheral zone has systematically expanded over time.

In the Chinese linguistic picture of the world, the stability of the nuclear zone is observed, expressed by the only conceptual feature "Generalizing concepts" (人 — person). However, it should be noted that the peripheral zone with the transition to each next stage was systematically expanded, which indicates the implementation of the generalization procedure.

Thus, the content of the concept "person" at the pre-revolutionary stage is described by a group of eleven conceptual features "Family" (妇人 — married woman); "Profession and other occupations" (乡人 — peasant); "Interpersonal relationships" (相知 — good friend); "Social role" (客人 — guest); "Beliefs" (僧众 — Buddhist monk); "Groups and group relations" (国人 — compatriots); "Personalities" (张 — surname); "Generalizing concepts" (某人 — a certain person); "Subjective evaluative characteristics of a person" (好人 — a decent person); "Sex" (女人 — woman); "Age" (老大爷 — grandfather).

The increase in the number of conceptual signs at the post-revolutionary stage to thirteen indicates the implementation of the generalization procedure: "Family" (兄弟 — brother); "Profession and other occupations" (编辑人 — editor); "Interpersonal relations" (等人 — companions); "Social role" (代表 — representative, delegate); "Beliefs" (无产阶级革命家 — proletarian revolutionary); "Groups and group relations" (社会 — society); "Status" (贫人 — indigent, poor); "Personalities" (毛 — surname), "Generalizing concepts" (人类 — humanity); "Subjective evaluative characteristics of a person" (英勇 — valiant, heroic); "Sex" (妇女 — woman); "Age" (年幼 — junior, young); "Physical condition" (健全 — healthy, strong).

Further expansion of the content of the concept to 19 conceptual signs indicates the continuation of the generalization procedure implementation: "Family" (亲属 — spouses); "Profession and other occupations" (记者 — journalist); "Interpersonal relations" (敌人 — enemy, adversary); "Social role" (原告 — plaintiff); "Beliefs" (儒家学说 —

Confucianism); "Groups and group relations" (村民委员会 — village committee); "Status" (主人翁 — owner); "Personalities" (孔子 — Confucius); "Generalizing concepts" (人称 — face); "Subjective evaluative characteristics of a person" (嘴尖 — stinging); "Sex" (妇女 — woman); "Age" (青年人 — youth); "Physical condition" (盲人 — blind); "Parts of the body" (脑袋 — head); "Scope of activity" (交通运输 — transportation); "Activity" (学习 — to learn); "Living space" (村 — village); "Attributes" (衣食 — clothing and food); "Abstract concepts" (大德 — virtue, nobility).

The analysis of the data obtained also showed that the implementation of specialization / generalization procedures is possible through the realization of the following modifications: reduction of meaning and semantic augmentation [10]. At the same time, a reduction in meaning is observed in the process of implementing the specialization procedure, which demonstrates a decrease in conceptual features, and semantic augmentation is a generalization procedure, manifested by an increase of the number of conceptual features in the process of development and formation of a concept.

Considering the transfer of knowledge in the Russian and Chinese linguistic pictures of the world, we can note a more obvious dynamics of the content of the concept in the Russian linguistic picture of the world, since it is reflected in the nuclear zone of the concept field structure. Fluctuations in the number of conceptual features are insignificant. In the Chinese linguistic picture of the world we do not see the dynamics in the nuclear zone of the field structure of the concept of a person, but there is a rapid increase in the number of conceptual features in the peripheral zone.

The greater dynamism of the nuclear zone of the concept of "man" in the substantive aspect in the Russian linguistic picture of the world in comparison with the Chinese one testifies, firstly, of the arbitrary influence of the historical events on the consciousness of linguistic culture carriers, and secondly, of the fact that the same procedures can be implemented with various degrees of intensity.

Conclusion

Thus, it can be possible to talk about the implementation of generalization and specialization procedures of intracultural transfer of knowledge according to the type of transfer in the Russian and Chinese language pictures of the world. The order of implementation of these procedures is different, which may be due to the number of peculiarities in the mentality of the Russian and Chinese linguistic culture bearers, as well as extralinguistic factors, such as historically established relations with other nations.

In the future, the researches on the material of other languages are planned, in order to determine the universality of generalization and specialization procedures for the transfer of knowledge according to the type of transfer. In addition, it is necessary to clarify the features of the implementation of these procedures for intercultural transfer of knowledge.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Демьянков, В. З. Языковые следы трансфера знаний / В. З. Демьянков // Когнитивные исследования языка, 2015. – Вып. 23. – С. 17-29.
2. Кассирер, Э. Избранное. Опыт о человеке / Э. Кассирер. М.: Гардарики, 1998. – 784 с.
3. Циберная О. Ф. Сопоставительное исследование внутрикультурного трансфера знаний в русской и китайской языковых картинах мира (на примере концепта «человек» / «人 (rén)»): дис...канд. филол. наук : 10.02.20 : защищена 20.12.19 : утв. 02.10.20 / Циберная Олеся Федоровна. – Челябинск, 2019. – 232 с.
4. Попова З. Д. Язык и национальная картина мира / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2003. – 59 с.
5. Зинченко В. П. Миры и структура сознания / В. П. Зинченко // Вопросы психологии. – 1991. – № 2. – С. 15-37.
6. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64-72.
7. Варбот Ж. Ж. Диахронический аспект проблемы языковой картины мира / Ж. Ж. Варбот // Варбот, Ж. Ж. Исследования по русской и славянской этимологии. – М. – С.-Пб. : Нестор-История, 2003. – С. 123–129.
8. Постовалова В.И. Пути и принципы трансферизации знания в гуманитарных науках / В. И. Постовалова // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии: Коллективная монография / Отв. ред. В. В. Фещенко; Ред. колл.: Н. М. Азарова, С. Ю. Бочавер (отв. секретарь), В. З. Демьянков, М. Л. Ковшова, И. В. Силантьев, М. А. Тарасова (редактор-корректор), Т. Е. Янко. – М.: Культурная революция, 2016. – С. 36-60.
9. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 226 с.
10. Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии: коллективная монография / отв. ред. В. В. Фещенко; ред. колл.: Н. М. Азарова и др. – М. : Культурная революция, 2016. – 500 с.

Список литературы на английском / References in English

1. Dem'yankov V. Z. Yazykovyye sledy transfera znaniy [Linguistic traces of knowledge transfer] / V. Z. Dem'yankov // Kognitivnyye issledovaniya yazyka [Cognitive studies of language]. – 2015. – V. 23. – P. 17-29. [in Russian]
2. Kassirer, E. Izbrannoye. Opyt o cheloveke [Experience about a person] / E. Kassirer. M.: Gardarika. – 1998. – 784 p.
3. Tsibernaya O.F. Sopostavitel'noye issledovaniye vnukul'turnogo transfera znaniy v russkoy i kitayskoy yazykovykh kartinakh mira (na primere kontsepta «chelovek»/«rén (rén)»): [Comparative study of the intracultural transfer of knowledge in the Russian and Chinese language pictures of the world (on the example of the concept "person" / "人 (rén)"):dis...of PhD in Philology : 10.02.20 : defense of the thesis 20.12.10 : approved 02.10.20 / Tsibernaya Olesya Fedorovna. – Chelyabinsk. – 2019. – 232 p. [in Russian]

4. Popova Z. D. YAzyk i natsional'naya kartina mira [Language and national picture of the world] / Z. D. Popova, I. A. Sternin. - Voronezh: Istoki. - 2003. - 59 p. [in Russian]
5. Zinchenko V. P. Miry i struktura soznaniya [Worlds and structure of consciousness] / V. P. Zinchenko // Voprosy psikhologii [Questions of psychology]. - 1991. - № 2. - P. 15-37. [in Russian]
6. Vorkachev S. G. Lingvokul'turologiya, yazykovaya lichnost', kontsept: stanovleniye antropotsentricheskoy paradigmy v yazykoznanii [Linguoculturology, linguistic personality, concept: the formation of an anthropocentric paradigm in linguistics] / S. G. Vorkachev // Filologicheskiye nauki [Philological sciences]. - 2001. - № 1. - P. 64-72. [in Russian]
7. Varbot ZH. ZH. Diakhronicheskiy aspekt yazykovoy kartiny mira [Diachronic aspect of the problem of the linguistic picture of the world] / ZH. ZH. Varbot // Varbot, ZH. ZH. Issledovaniya po russkoy i slavyanskoy etimologii [Research on Russian and Slavic etymology]. - M. - S.-Pb. : Nestor-Istoriya. - 2003. - P. 123-129. [in Russian]
8. Postovalova V. I. Puti i printsipy transferizatsii znaniya v gumanitarnykh naukakh [Ways and principles of knowledge transfer in the humanities] / V. I. Postovalova // Lingvistika i semiotika kul'turnykh transferov: metody, printsipy, tekhnologii: Kollektivnaya monografiya / Otv. red. V. V. Feshchenko; Red. koll. : N. M. Azarova, S. YU. Bochaver (otv. Sekretar'), V. Z. Dem'yankov, M. L. Kovshova, I. V. Silant'yev, M. A. Tarasova (redaktor-korrektor), T. Ye. Yanko. - M. : Kul'turnaya revolyutsiya. - 2016. - P. 36-60. [in Russian]
9. Popova Z. D. Kognitivnaya lingvistika: ucheb. posobiye [Cognitive linguistics: textbook. Allowance] / Z. D. Popova, I. A. Sternin. - M. : AST: Vostok-Zapad. - 2007. - 226 p. [in Russian]
10. Lingvistika i semiotika kul'turnykh transferov: metody, printsipy, tekhnologii: kollektivnaya monografiya [Linguistics and semiotics of cultural transfers: methods, principles, technologies: collective monograph] / otv. red. V. V. Feshchenko; red. kol. : N. M. Azarova i dr. - M. : Kul'turnaya revolyutsiya. - 2016. - 500 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.27.3.21>**ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ИСПАНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

Научная статья

Кузьмина Е.В. *

Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

* Корреспондирующий автор (1688911[at]bk.ru)

Аннотация

В статье анализируется процесс адаптации заимствований в испанской терминологии информационно-коммуникационных технологий. В формировании испанской терминологии ИКТ особое место занимают процессы локализации заимствованных терминологических единиц. Директивный ввод правил адаптации заимствований проводится со стороны Академии испанского языка и Фонда современного испанского языка, которые рекомендуют орфографическую и грамматическую адаптацию и предлагают испанские аналоги некоторым терминам. Анализ корпуса текстов коммуникации специалистов и простых пользователей ИКТ выявил орфографическую и грамматическую вариативность терминологических единиц, а также формирование обширных синонимических рядов, свидетельствующих о процессах развития терминологического аппарата сферы ИКТ.

Ключевые слова: заимствование, термин, глобализация, локализация, адаптация.

PROBLEMS OF ADAPTATION OF BORROWINGS IN SPANISH TERMINOLOGY OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES

Research article

Kuzmina E.V.*

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

* Corresponding author (1688911[at]bk.ru)

Abstract

The article analyzes the process of adaptation of borrowings in the Spanish terminology of information and communication technologies. In the formation of the Spanish ICT terminology, a special place is occupied by the processes of localization of borrowed terminological units. The regulations for the adaptation of borrowings are issued by the Academy of the Spanish Language and the Foundation for Modern Spanish that recommend spelling and grammatical adaptation and offer Spanish analogues for some of the terms. An analysis of the corpus of communication texts of specialists and ordinary ICT users revealed the spelling and grammatical variability of terminological units as well as the formation of extensive synonymic series indicating the processes of development of the terminological apparatus of the ICT sphere.

Keywords: borrowing, term, globalization, localization, adaptation.

Введение

В современной испанистике вопрос формирования терминологии в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) приобретает все большую актуальность в связи с развитием интернет-коммуникации. Основным вызовом при формировании современной терминологии ИКТ стало широкое использование заимствований-англицизмов в речи как специалистов, так и простых пользователей сети Интернет. Особенностью современного процесса заимствования является скорость вхождения заимствований из английского языка в область терминологии ИКТ, их широкое использование и сравнительно медленный процесс регулирования со стороны языковых институтов.

Появление нового глобального информационного пространства, тесное взаимодействие представителей разных культур и научных сообществ приводят к активному пополнению словарного запаса, повышается темп вхождения новой терминологии в специальный узус и всеобщее употребление, изменяются модели формирования новых терминосистем. Заимствования из языка «первоисточника» технологии становятся все более распространённым способом словообразования. Технологии, продукты, новые понятия распространяются по всему миру, а их лексическое оформление стремится к унификации. Такие процессы в современном обществе тесно связаны с разнонаправленными тенденциями: глобализацией и локализацией. Данные процессы затрагивают лингвистическую сферу формирования новых терминологий.

В связи с тем, что в настоящее время новейшие разработки в области ИКТ проводятся транснациональными компаниями, а языком науки и коммуникации для анонсирования новых продуктов ИКТ является английский, становится очевидно, что эти новые понятия приходят в другие языки практически одновременно через английский язык. Исследователи влияния глобализации на формирование национальных терминологий отмечают, что англицизмы переходят в разряд интернациональных терминов и составляют значительную часть от общего числа терминологических единиц новейших национальных терминосистем, тем самым обогащая их. Происходит формирование интернациональных терминологий на основе английского языка и их «локализация» на почвах национальных языков в разных странах. Н. Велиева [12] подчеркивает влияние глобализации на формирование национального самосознания и необходимость ведения языковой и культурной политики. Появляется стремление к более или менее строгой регламентации процессов заимствования в национальных языках, т.е. локализации англоязычной и интернациональной терминологии. Локализация понимается как появление, адаптация и ассимиляция новых терминов и терминологических словосочетаний в языках-реципиентах. Необходимость локализации новых

лексических единиц для формирования национальной терминологии отмечается исследователями на всех уровнях языка: фонетическом, орфографическом, грамматическом, семантическом и прагматическом [11], [6], [8].

Методы и принципы исследования

Для анализа процессов адаптации заимствований в сфере ИКТ в испанской терминологии были отобраны термины с пометой *Inform* 'информатика' или *Telec* 'телекоммуникации' из 23-его издания Словаря Испанского Языка Королевской Академии испанского языка [5] – 142 термина с пометой о происхождении слова. Примеры функционирования данных терминов и их вариантов изучены и проанализированы по корпусу испанского языка XXI века *Corpus del Español del Siglo XXI* [4].

Цель данной статьи – описать особенности адаптации заимствований в терминологии сферы ИКТ с точки зрения регламентирующих институтов (Академии Испанского языка), с одной стороны, и с позиции их функционирования в речи специалистов и простых пользователей, с другой стороны. Для достижения этой цели нами были рассмотрены рекомендации Академии испанского языка по употреблению и адаптации заимствований, выявлены особенности их фиксации в Академическом Словаре испанского [5], а также рассмотрены и проанализированы особенности функционирования заимствованных терминов в корпусе испанского языка XXI и текстах пользователей сети Интернет.

Обсуждение и результаты

Становление терминологии в любом языке – явление чрезвычайно сложное, балансирующее между стихийностью узуса и упорядоченностью, высшим проявлением которой оказывается лексикографическая кодификация. Разработка технических терминологий в испанском языке не имеет длительной истории в силу экстралингвистических обстоятельств. Долгое время испанский язык не имел регулярного и целенаправленного процесса развития терминологии, предпочтение отдавалось заимствованиям из английского языка [1, С.68], [3, С.241]. В Словаре испанского языка [5] было обнаружено 206 терминов с пометой *Inform* 'информатика' или *Telec* 'телекоммуникации', из них 142 единицы имеют информацию о происхождении корня. Вопреки распространённому мнению, что англицизмы преобладают в терминологии информатики и телекоммуникаций, в словаре отмечено лишь 35 терминов из 206 с пометой *Del ingl*, что означает 'заимствование из английского языка'. Подавляющее большинство терминов имеют романское происхождение: латинское – 48 единиц, французское – 13 единиц, испанское 27 – единиц.

Королевская академия испанского языка признает обогащение лексического состава за счёт взаимодействия языков, но выступает против чрезмерного использования заимствований в особенности из английского языка, т.к. в силу естественных языковых характеристик они не соответствуют испанской языковой норме. Академия совместно с Фондом испанского [7] языка регламентирует способы фонетической, орфографической и грамматической адаптации заимствований или предлагает исконные эквиваленты иноязычным терминам.

Согласно рекомендациям Академии некоторые заимствования могут сохранять форму и произношение языка оригинала в особенности, если эти заимствования имеют терминологическое значение и используются в интернациональном масштабе. Такие единицы должны выделяться в печатном тексте курсивом или кавычками на письме от руки так, чтобы было понятно, что данное слово является иностранным и может не подчиняться правилам орфографии и произношения испанского языка. Среди англоязычных заимствований сферы информатики и телекоммуникаций в Словаре отражено всего 12 единиц, которые требуют выделения курсивом. Это единицы измерения данных: *gigabyte* 'гигабайт', *kilobyte* 'килобайт', *megabyte* 'мегабайт' и др. А также такие интернационализмы, как *cracker* 'программист-взломщик', *hardware* 'компьютерное оборудование', *hacker* 'хакер-взломщик', 'специалист в области безопасности информационных систем', *input* 'вход информации', *output* 'выход информации', *software* 'программное обеспечение', *spam* 'спам'. С точки зрения Королевской Академии испанского языка, они пока не прошли процесс адаптации, поэтому их необходимо выделять курсивом в тексте. При анализе функционирования данных единиц в интернет-коммуникации и в корпусе текстов CORPES наблюдается отсутствие графического выделения единиц на письме. Авторы текстов не выделяют курсивом данные заимствования.

Орфографическая адаптация. Заимствования, имеющие орфографические особенности нехарактерные для испанского языка, рекомендуется адаптировать, так например, предлагаются изменения орфографии буквосочетания *ck* на *c*: *crack* > *crac*, *click* > *clíc*; замена *h* на *j* при сохранении произношения /j/: *hit* *jít*, *hockey* > *joquey*; замена *y* на *i*: *ferry* > *ferri*; добавление *e* в начальной позиции перед *s*+согласная: *spray* > *espray*... Буквы *k* и *w* вошли в испанский алфавит, поэтому относительно недавние заимствования слов с этими буквами не требуют обязательного изменения в написании. В сфере функционирования наблюдается вариативность написания подобных буквенных сочетаний: *click* (56 вхождений) – *clíc* (182 вхождения); *jaquer* (13 вхождений) – *jaker* (19 вхождений) – *haker* (187 вхождений); *espm* (47 вхождений) – *spat* (121 вхождение); *tuitero* (12 вхождений) – *twitero* (69 вхождений) – *twittero* (34 вхождения).

Грамматическая адаптация. К грамматической адаптации можно отнести процесс, при котором корень английского происхождения приобретает испанскую флексию и продолжает функционировать в согласно норме. К таким адаптированным заимствованиям английского происхождения относятся глаголы *clíckear* 'делать клик', *zippear* 'архивировать', *hackear* 'устраивать хакерскую атаку', *tuítear* 'писать в Твиттере'... Следуя дальнейшей адаптации иностранный корень может продуцировать существительные по испанским деривационным моделям: *cliqueo*, *zipéo*, *hackeo*, *tuíteo*.

В процессе адаптации англицизмов возникает проблема приобретения грамматического рода именами существительными. В английском языке существительные не имеют данной категории, а, значит, при заимствовании встаёт необходимость выбора рода существительного. Данная проблема изучалась на материале испанского языка в работах Р. Морина и Х. Муньоса-Басольса, [9], [10]. Академия испанского языка в процессе кодификации англицизма

даёт рекомендации по различению рода, но они не всегда однозначны и понятны простым пользователям. Так, *intranet* 'интранет' отмечается как существительное женского рода, а *internet* 'интернет' согласно Словарю, может быть как женского, так и мужского рода. Анализ Корпуса [4] показывает, единица *intranet* употребляется преимущественно с артиклем женского рода. Можно предположить, что испаноязычные пользователи предпочитают руководствоваться семантическим значением, адаптируя англицизм по роду исконного испанского аналога данного понятия *la red* 'сеть'. При выборе рода единицы *el/la internet* наблюдается колебание пользователей. Это явление "переходного рода" отмечается и в некоторых других примерах употребления англицизмов в текстах Корпуса [4]: *el wifi* (18 вхождений) — *la wifi* (14 вхождений) 'сеть WiFi'; *el interfaz* (21 вхождений) — *la interfaz* (287 вхождений) 'интерфейс'.

Семантическая адаптация. Более сложный процесс локализации заимствований происходит на семантическом уровне. Академия совместно с Фондом Современного испанского языка [7] предлагают испанские эквиваленты английским заимствованиям, образованные в основном с помощью семантического калькирования или «переводного заимствования». При таком способе терминологического слово заимствует из другого языка дополнительное значение, характерное для данной отрасли. [3, С.34]: *smart phone* — *teléfono inteligente* 'смартфон', *deep learning* — *aprendizaje profundo* 'глубокое обучение', *blog* — *bitácora* 'блог', *web page* — *página web* 'интернет-страница', *screenshot* — *pantallazo* — *captura de pantalla* 'скриншот'. Подобное переводное заимствование основано на метафорическом переносе. Фактически при переводе используется образный компонент, заключённый в понятие, что возможно только в близких культурах, в которых носители имеют схожие картины мира и способны трактовать метафорический образ.

Кроме предложений нормирующих институтов специалисты и простые пользователи также находят и используют в общении варианты для именования вновь появляющихся понятий сферы ИКТ. Таким способом формируются обширные ряды терминов, которые могут выступать в качестве полных или частичных синонимов в сфере коммуникации. К таким синонимическим рядам можно отнести:

enlace — *link* — *vínculo* — *hipervínculo* — *enlace hipertextual* — *enlace web* — *hiperenlace* 'ссылка, гиперссылка';
sitio web — *sitio* — *sitio digital* — *sitio de Internet* — *website* — *sitio on-line* — *sitio online* — *página web* — *página de Internet* — *página online* — *web* — *página* — *web page* — *página electrónica* — *portal* — *portal de internet* — *portada* — *buscador* (иногда) 'сайт, веб-страница (реже), портал, поисковик (реже браузер)';
blog — *bitácora* — *weblog* — *cuaderno de bitácora* — *ciberbitácora*, *ciberdiario* 'блог';
software malicioso — *malware* — *software malintencionado* — *código maligno* — *código malicioso* — *programa malicioso* — *programa malintencionado* 'вредоносное программное обеспечение' ...

Анализ функционирования данных единиц в текстах Корпуса показывает параллельное употребление синонимичных терминологических вариантов. Терминологические единицы одного ряда могут выступать как полные контекстуальные синонимы. Заимствованный термин-англицизм частотен и формирует словосочетания терминологического характера с испанскими единицами, что показывает ассимиляцию заимствований в терминосистеме ИКТ.

Выводы

Академия испанского языка регулярно фиксирует новые терминологические единицы сферы ИКТ и регламентирует формы адаптации заимствований на орфографическом и грамматическом уровне. Также предлагаются исконные испанские единицы эквивалентные заимствованным аналогам. В сфере функционирования выявляется нестабильность выбора пользователями орфографических и грамматических способов адаптации заимствований. Вариативность на уровне орфографии и грамматической адаптации — специфический признак формирования терминологических единиц сферы ИКТ, говорящий о хаотичном в данный момент освоении заимствований. Предлагаемые Академией испанские эквиваленты для замены англицизмов способствуют появлению синонимических рядов терминов, которые активно используются в коммуникации специалистов. Формирование обширных синонимических рядов свидетельствует о протекающих процессах развития терминологического аппарата сферы ИКТ вне зависимости от регламентирующих действий языковых институтов.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Ивлиева, Е.А. Классификация терминов гибридного типа в испанской компьютерной терминологии [Электронный ресурс] / Е.А. Ивлиева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 4-2 (70). — С. 109–111 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-terminov-gibridnogo-tipa-v-ispanskoy-kompyuternoy-terminologii> (дата обращения: 28.07.2021).
2. Лотте, Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов / Д.С. Лотте; предисл. Т.Л. Канделаки, С.В. Гринёва. — М.: Наука, 1982. — 149 с.
3. Романова, Г.С. К вопросу о терминах в испанском языке / Г.С. Романова // Вестник МГИМО-университета. — 2010. — № 2 (11). — С. 239–246.
4. Corpus del Español del Siglo XXI COPRES XXI. (n.d.) [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.rae.es/recursos/banco-de-datos/corpes-xxi> (дата обращения: 23.07.2021)
5. Diccionario de la lengua Española [Электронный ресурс]. — URL: <https://dle.rae.es/> (дата обращения: 23.07.2021)

6. Efremova L. Structural Peculiarities of IT Terms Containing Proper Nouns (based on English Terminological Dictionaries) / Efremova L., Lashkova G. // News of Saratov University. New Series. Ser. Studies of Language and Literature. Journalism. – 2017 – vol. 17, iss. 3, 273-277. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2017-17-3-273-277>

7. Fundación de Español Urgente (n.d.) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.fundeu.es/> (дата обращения: 23.07.2021)

8. Moreno-Fernández, F. Configuración lingüística de anglicismos procedentes de Twitter en el español estadounidense / Moreno-Fernández, F. & Moreno Sandoval, A. // Revista Signos. Estudios de Lingüística. – 2018 – 51(98), 382-409. DOI: <http://dx.doi.org/10.4067/S0718-09342018000300382>

9. Morin, R. Terminal letters, phonemes, and morphemes in Spanish gender assignment / R.Morin // Linguistics, – 2010 – 48(1), 143-169. DOI: <https://doi.org/10.1515/ling.2010.004>

10. Muñoz-Basols, J. ¿Nos hacemos un/una selfie con la/el tablet? Cross-Linguistic Lexical Influence, Gender Assignment and Linguistic Policy in Spanish / Muñoz-Basols, J. & Salazar, Dr. // Revista Signos. – 2019 – 52(99), 77-108. DOI: <http://dx.doi.org/10.4067/S0718-09342019000100077>

11. Pym, A. Translation technology and its teaching [Электронный ресурс] / A.Пым, A.Перекрестенко, B.Старинк // Tarragona, Spain: Intercultural Studies Group. – 2006 – URL: http://www.intercultural.urv.cat/media/upload/domain_317/arxius/Technology/translationtechnology.pdf (дата обращения: 23.07.2021)

12. Veliyeva, N. Synergetics of the Language, National Consciousness and Culture by Globalization / N.Veliyeva // International Journal of English Linguistics. – 2015 – 5 (3). DOI: <http://dx.doi.org/10.5539/ijel.v5n3p1543>

Список литературы на английском / References in English

1. Ivlieva, E.A. Klassifikacija terminov gibridnogo tipa v ispanskoj komp'yuternoj terminologii [Classification of Hybrid Terms in Spanish Computer Terminology] [Electronic resource] / E.A. Ivlieva // Filologicheskie nauki. Vopro-sy teorii i praktiki. – 2017. – № 4-2 (70). – P. 109–111 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-terminov-gibridnogo-tipa-v-ispanskoj-kompyuternoy-terminologii> (accessed: 23.07.2021) [in Russian]

2. Lotte, D.S. Voprosy zaimstvovaniya i uporyadocheniya inozazychnyh terminov i terminojelementov [Issues of borrowing and ordering foreign language terms and term elements] / D.S. Lotte; predisl. T.L. Kandelaki, S.V. Grineva. – M.: Nauka, 1982. – 149 p. [in Russian]

3. Romanova, G.S. K voprosu o terminah v ispanskom jazyke [On the question of terms in Spanish] / G.S. Romanova // Vestnik MGIMO-universiteta. – 2010. – № 2 (11). – P. 239–246. [in Russian]

4. Corpus del Español del Siglo XXI COPRES XXI. (n.d.) [Electronic resource]. – URL: <https://www.rae.es/recursos/banco-de-datos/corpes-xxi> (accessed: 23.07.2021)

5. Diccionario de la lengua Española [Electronic resource]. – URL: <https://dle.rae.es/> (accessed: 23.07.2021)

6. Efremova L. Structural Peculiarities of IT Terms Containing Proper Nouns (based on English Terminological Dictionaries) / Efremova L., Lashkova G. // News of Saratov University. New Series. Ser. Studies of Language and Literature. Journalism. – 2017 – vol. 17, iss. 3, 273-277. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2017-17-3-273-277> [in Russian]

7. Fundación de Español Urgente (n.d.) [Electronic resource]. – URL: <https://www.fundeu.es/> (accessed: 23.07.2021)

8. Moreno-Fernández, F. Configuración lingüística de anglicismos procedentes de Twitter en el español estadounidense / Moreno-Fernández, F. & Moreno Sandoval, A. // Revista Signos. Estudios de Lingüística. – 2018 – 51(98), 382-409. DOI: <http://dx.doi.org/10.4067/S0718-09342018000300382>

9. Morin, R. Terminal letters, phonemes, and morphemes in Spanish gender assignment / R.Morin // Linguistics, – 2010 – 48(1), 143-169. DOI: <https://doi.org/10.1515/ling.2010.004>

10. Muñoz-Basols, J. ¿Nos hacemos un/una selfie con la/el tablet? Cross-Linguistic Lexical Influence, Gender Assignment and Linguistic Policy in Spanish / Muñoz-Basols, J. & Salazar, Dr.s // Revista Signos. – 2019 – 52(99), 77-108. DOI: <http://dx.doi.org/10.4067/S0718-09342019000100077>

11. Pym, A. Translation technology and its teaching [Electronic resource] / A.Пым, A.Перекрестенко, B.Старинк // Tarragona, Spain: Intercultural Studies Group. – 2006 – URL: http://www.intercultural.urv.cat/media/upload/domain_317/arxius/Technology/translationtechnology.pdf (accessed: 23.07.2021)

12. Veliyeva, N. Synergetics of the Language, National Consciousness and Culture by Globalization. / N.Veliyeva // International Journal of English Linguistics. – 2015 – 5 (3). DOI: <http://dx.doi.org/10.5539/ijel.v5n3p1543>

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.27.3.16>**СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ПРЕЗЕНТАЦИОННОЙ ФУНКЦИИ ДИСКУРСА СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ
(ПРЕДМЕТНАЯ СФЕРА – ИЗУЧЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

Научная статья

Никитина Г.А.^{1*}, Рыжова В.В.²² ORCID: 0000-0003-2941-287X,^{1,2} Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия

* Корреспондирующий автор (dimgalnick2[at]yandex.ru)

Аннотация

В статье рассматривается презентационный дискурс, его определение и особенности. Описываются результаты анализа 100 профилей англоязычных преподавателей английского языка в социальной сети "Instagram". В результате проведенного исследования выделены неотъемлемые составляющие презентационного дискурса социальных сетей и его функции. Описываются результаты комплексного эмпирического исследования рассматриваемой функции на основе анализа основных языковых средств, используемых для создания позитивного образа в русскоязычном и англоязычном презентационном дискурсе, с одной стороны, и качественного и количественного анализа результатов опроса студентов - будущих учителей английского языка и школьников, изучающих английский язык (n=173), нацеленного на выявление наиболее эффективных средств реализации презентационной функции в социальной сети "Instagram" с точки зрения потенциальных пользователей.

Ключевые слова: презентационный дискурс, социальные сети, изучение иностранных языков, презентема.

**REALIZATION OF THE PRESENTATIONAL FUNCTION OF THE SOCIAL NETWORK DISCOURSE
(SUBJECT AREA – ENGLISH LANGUAGE LEARNING)**

Research article

Nikitina G.A.^{1*}, Ryzhova V.V.²² ORCID: 0000-0003-2941-287X,^{1,2} Saratov State University, Saratov, Russia

* Corresponding author (dimgalnick2[at]yandex.ru)

Abstract

The study touches upon the presentational discourse, its definition and peculiarities. The paper describes the results of the analysis of 100 profiles of the English-speaking teachers of the English language in "Instagram". Based on the conducted analysis the integral components of the presentational discourse of social networks and its functions are determined. The authors analyze the main linguistic means used to create a positive image in the Russian-language and English-language presentational discourse. The study pays special attention to the qualitative and quantitative analysis of a survey conducted among students, future English teachers. The empirical part of the study (survey conducted among 173 school and university students) allowed the authors to single out the most effective means of realization of the presentational function from the point of view of the Internet users.

Keywords: presentational discourse, social networks, English language learning, presenteme.

Introduction

The presentational function performed by social networks is the function of creating a positive image of certain objects, processes, personalities, and services. Currently, social networks are widely used by representatives of commercial organizations, private companies and individual businessmen to represent and advertise their services and products, and some individuals create their own image that is attractive to the audience. In this perspective we can clearly see the necessity to carry out a complex linguistic study of the presentational function of the social network discourse. This necessity refers to lexical and grammatical language means used by the users of social networks as well as to non-verbal tools. That is why the study of the presentational function is believed to be relevant.

The object of the present research comprises the means of realization of the presentational function in the discourse of the social network Instagram. The subject of the study, in particular, includes intertextual, graphical, lexical and semantic peculiarities of expression in the presentational discourse.

The purpose of our research is to identify the main features and tools that Instagram users employ to present information about services related to English language teaching.

We claim that the detailed and complex analysis of the expressive means of the presentational discourse of social networks carried out in the study is quite a new research field in modern linguistics. Moreover, the material used for analysis is also quite new and up-to-date: we selected the Instagram accounts devoted to foreign language teaching. Such research appears to be a unique one, since there are not many papers devoted to this particular research object and the subject area. We dare to believe that such papers are quite valuable for the development of modern linguistics that reflects popular social trends and the reality of life, in fact.

Within the framework of this paper, the task is to identify the means of implementing the presentational function of discourse in social networks. To achieve the goal, an attempt was made to analyze the existing approaches to the concept of "discourse".

Thus, along with a generalized analysis of this concept from the point of view of its historical formation and development, as well as modern interpretation (for example, [1, P. 149-150]), we also considered the issue related to the typology of discourse and features of the discourse types under study.

Presentation can be considered an integral quality of discourse. It is one of the basic categories of discourse, which is conditioned by the needs of communication [2, P. 26]. According to O. F. Rusakova, the presentational discourse is an attributive element of any kind of public communication, since a presentation strategy is inherent in each communication [3, P. 141]. In the context of the presentational function of the discourse, the speaker transmits classified and cognitively mastered information (that is important for him) to the communicative environment (personal or institutionalized) [4, P. 148]. The purpose of the transfer is to have a semiotic and linguosemiotic effect.

Within the framework of this paper, we consider the presentational discourse from different points of view.

First, it should be noted that the presentational discourse is a set of socially and situationally conditioned genre norms and rules that are necessary for successful interaction [6, P. 33]. Thus, the presentational nature of the discourse reflects such basic genre features as information value, description, objectivity and realism [6, P. 34]. In addition, a characteristic feature of the presentational discourse is its expressiveness, that is, such features of the structure that attract the attention and interest of the addressee [5, P. 200].

Another feature of this discourse function is its creativity, since in order to become successful the presentational discourse must not only show and tell, but also surprise information receivers [3, P. 143].

Presentation in the discourse includes special communication mechanisms. It involves special verbal and non-verbal means of influence in communication, a system of special semiotic characteristics of communication and special language features.

Secondly, it is necessary to indicate that the presentational function of discourse is a three-part interrelated process that includes:

1) cognitive-nominative fixation of the reality surrounding the speaker or the reality constructed by the communicant himself in his consciousness, given to him in a conceptual and figurative form, that is, in the form of a set of descriptive features that characterize this reality taking into account the individual perception of it,

2) evaluation and selection of descriptive features of fixed concepts and images that are most important for the realization of the speaker's life and communicative needs,

3) use of the results of the selection of descriptive features to determine the goals of influence in the communication process [8, P. 85].

The information transmission channel determines the choice of a certain text form. Presentation is most often used in indirect communication to arouse the interest of a potential client. Thus, the texts are created in such a way as to contain as much information as possible, as well as contact details [6, P. 34].

The presentational discourse has a number of functions:

1. informing, i.e. transmitting up-to-date information to the addressee concerning goods and services;

2. positioning, i.e. demonstration of innovations, competitiveness, main achievements;

3. advertising, i.e. product promotion, increasing awareness;

4. training, i.e. providing diagrams and drawings that clearly demonstrate how to work [6, P. 34].

It should also be noted that the presentational function of the discourse is actualized with the help of special units — presentemes. The term 'presenteme' is offered by the authors of the present research as an equivalent of the corresponding Russian term denoting the smallest information unit of influence, which is a complex sign complex, which, in turn, consists of images of the surrounding reality cognitively mastered by an individual and transmitted to another individual within the framework of communication in order to influence him/her [5, P. 213]. According to O. F. Rusakova, presentemes are both linguo-semiotic formations and non-verbal demonstration signs [3].

These theoretical justifications formed the basis of the present study.

Research methods

The complex of theoretical and methodological methods was used in the present research including the continuous sampling method, semantic and quantitative presenteme analysis as well as a socio-linguistic survey.

To analyze the presentational function of the discourse of social networks, the subject area "English language learning" was chosen. To begin with, we defined what the concept of "subject area" implies. In our opinion, the subject area is a combination of objects, properties and relationships related to one topic, considered within the same context.

Thus, the subject area "English language learning" is a complex of items studied during the analysis of the process of foreign language learning. This process can include teachers, students, coursebooks, additional materials, methods and approaches to teaching, as well as the foreign language itself.

To analyze the presentational function of the social media discourse Instagram, the most popular social network for promoting and advertising services, was chosen. In studying its presentational function, we had a particular look at virtual communicants or influencers. At this stage of our analysis we followed the idea of V. V. Kaziaba who distinguishes four ways of verbal self-presentation in Instagram: self-nomination (user name and account name), self-description, caption for a photo or video, comment [9].

In the course of the study, 100 profiles offering English language teaching services were selected and analyzed using the continuous sampling method.

The analysis was carried out from the point of view of several components:

— account name / profile name (self-nomination);

— profile content;

— the content of the "about me" section (self-description);

— discourse style.

The specific publications were analyzed in terms of their function, the main communicative act realized or the type of information presented in the publication, for example, learning English in groups for beginners or exam preparation.

In this way the analysis of Instagram publications allows us to clarify the details of the proposed information. For example, from some publications we learn about the variety of groups for training according to the age, level of the English language proficiency, and learning goals; or we learn about the regularity of payment, prices for the current period and discounts.

Further on, it is important to stress that not only clearly structured information about the most important issues that may interest potential customers, but also visual images, photos of smiling and happy young people and children contribute to creating a positive image of the company or the entrepreneur.

At the third stage, the Internet survey method was used for the study. Students — future teachers of English (n=120) and high school students learning English (n=53) were provided with the 37 publications under the study. The respondents had to choose three images that would motivate them to learn English and would stimulate their professional growth in the field of foreign language teaching. All advertising images were quite diverse in their content and appearance. The students were asked to interpret their choice, supporting it with arguments. Quantitative and qualitative analysis of the answers was performed.

Results and discussion

Due to the poly-paradigmatic nature of the analyzed concept, there are many interpretations of it that directly depend on the research tasks. Having considered various directions of the discourse study, we can conclude that for the purposes of the present research, the most suitable definition of the discourse is the one according to T.F. van Dyck, who understands discourse as part of socio-cultural interaction, which implies an impact on the spiritual space of the recipient.

The Internet discourse is characterized by particular features that distinguish it among other types [10, P. 184]. Presentational function is one of its peculiarities.

As a result of the analysis of the presentational discourse from different sides, it was concluded that the most complete concept of the presentational discourse is the definition by M. E. Bukeeva. The researcher considers the presentational discourse as a unique communicative situation, which is formed by combination of several types of institutional discourse at once. This ensures the discourse universality, versatility, as well as wide application possibilities [6, P. 31].

Moreover, according to the results of the study, it seems reasonable, in our opinion, to state that the presentational discourse is represented by several genres and is implemented in various types of texts, which implies a variety of forms and ways of distributing information, for example, in social networks.

In addition, it was revealed that the presentational discourse in social networks can be represented by one of its genres — a promotional text. The smallest information unit of influence is called in the present research a presenteme. A presenteme can be found in any discourse type. The process of communication is presented in the form of a sequence of presentemes occurring in time and space both purely semiotic and discursive.

Empirical analysis of the content of Instagram profiles and publications allows us to divide them into several groups by the type of information offered:

- publications, inviting to apply for services of a particular company, teacher;
- examples of exercises, classes, and activities at English lessons;
- invitations for the customers to trial classes, webinars;
- publication of interesting facts about the language, fragments of exercises, texts, tasks to perform;
- publication of questionnaires.

According to the "target audience" criterion, all publications can be divided into those that are addressed to:

- people who want to learn English;
- English language teachers who want to improve their skills;
- teachers of English who want to add to their methodological bank.

The main language tools that the authors of publications use to create a positive image of themselves are:

- adjectives, epithets (*incredible, best, own course, advanced students, modern methods, best textbooks, detailed plan, various genres, free newsletter*, etc.) — 73 %;
- indication of the cost, the price of the service (*this information is usually indicated to show that the price in a particular case is lower than that of others*) — 5.4 %;
- indication of the fast speed of mastering the English language — 8 %;
- use of hyperbole (*millions of subscribers; everything you need*) — 5.4 %;
- use of words with positive emotional coloring (*kids give me hope, must-have, gift, innovation, perspective*) — 92 %.

An important element of the analyzed discourse is the use of exclamation sentences, mottos like «*Все мечтают, а ты действуй!*», «*есть места*», «*учи английский!*», and interrogative sentences «*Кому срочно?*».

All publications, as we have already noted, use not only the verbal component, but also visual images that contribute to the creation of a positive and attractive image of the author, the process.

So, in 41 % of the publications, we found photos of young, happy, smiling people. In 11% of cases, the creators of publications used animated images and drawings, and in another 11 % — images of books.

The analysis of the profile name and the "About me" section allows us to draw a number of conclusions.

First, the user name in most cases contains the keyword *English* (74 % out of 100 accounts, for example, *englishexamangel, everythingamericanenglish, arnelseverydayenglish, skaviani.english*, etc.), and in many cases is structured according to the pattern "englishwith + name" (18 %). Thus, when creating a promotional text, you need to use the first word-association, and also, if possible, resort to layouts that help to get the client's positive attitude.

Secondly, when creating a profile name, advertisers try to specify keywords to interest the consumer. In this study we revealed that the key word was *English* (68 %), which determines the type of services provided. Other keywords are *teacher* —

13 %, coach – 9 %, learn – 7 %, IELTS – 7 %, online – 5 %, which help consumers to immediately identify the main functions of the profile.

Thirdly, when writing the section "About myself", intertextual lexical presentemes are the most popular type of presentation (*confidence, daily, help, free* – 15 %, *improve* – 14 %, *experienced, quality* – 7 %), graphic ones (links to the user's website, emoticons, capital letters) take the second place, making the section more colorful and helping to identify the main points within a large amount of information.

The results of the survey based on the opinion of 120 university students, intending teachers of English (it is an important fact to stress because such respondents could evaluate the publications both from the point of view of language learners and language teachers), and 53 school-students learning English at school (the 10th and the 11th grades) are as follows.

The results presented by the two groups of respondents differ in some aspects. Thus, analyzing the answers of the university students, we can note that the first place is taken by the publication where it is suggested to practice English with a native speaker (*Practice English with a native speaker as your teacher and speak English fluently. Be a confident speaker. Try Cambly for free!*). This advertising content is chosen by 45% of respondents.

The main arguments given by the students show that studying English with a native speaker appears to be the most interesting and encouraging way to practice fluent speech. One important point, stressed by the respondents, is that they want to be taught by a professional teacher, not simply a native speaker without any teaching qualification. The students used such epithets as *effective, profitable, significantly improve*.

The second place is taken by the image, where visitors and guests of the page are invited to learn about teaching English at a US university. As a gift for a subscription, a detailed methodological plan for conducting a lesson is offered. This publication is chosen by 26% of respondents. The reasons to choose the profile of *dasha.linguist* include the teaching experience of the author and a free bonus in the form of a lesson-plan.

The third place is taken by an image that contains an invitation to a conference for English teachers: "*Free on-line conference for teachers of English devoted to Cambridge Exams and modern ways of developing school education*". This publication is chosen by 25% of respondents. The word '*free*' used in one publication twice, as well as the combination of the topics relevant and popular with teachers attracted the attention of the respondents. Some other reasons to choose the publication, mentioned by the student, include simplicity of the design of the post, professional interest and easy instruments offered for those who want to participate in the event.

The remaining 4% of the choices are connected with the rest of the images. A fairly large number of publications did not interest the students in any way.

Further on, the survey was taken among 53 school students of the 8-10th grades. Most part of the pupils (43%) chose the publication which suggested the preparation for the Unified State Exam of English (*Who are in a hurry? February Intensive. The Unified State Exam's format in 30 hours. +systematisation of the language material + analysis of assessment criteria for all types of assignments + expert's advice + 50% discount for a trial*). The respondents explained their choice telling that this advertisement would be especially interesting for school children who would like to pass the examination. Potential learners are attracted by the promise to be prepared within a limited time span (*30 hours*) and by an expert (*expert's advice*). One more important element of the publication attracting the learners' attention is the promise of a discount (*50 % discount*).

The second place (38%) is taken by the publication, that is the most popular one among university students and suggests practicing English with a native speaker. Pupils are impressed by the image of the native speaker since they want to try their hand at speaking fluently with a «*real English-speaking person*».

The third place was taken by a video that contained an advertisement of a course of English for beginners: "*The English language. Simply and easy. English for beginners from scratch. Spoken English in 4 weeks*". This advertising content was chosen by 11% of the respondents. The words '*from scratch*' and '*easy*' used by the speaker grabbed the attention of the school students. The pupils also mentioned such arguments as a very short time span of the course (*in 4 weeks*).

The remaining 8% of the choices are connected with the rest of the images.

Comparing the opinions of the two groups of respondents, we can see that both the school children and university students make their choice on the grounds of the occupational interests particularly important for them at the current moment: school-leaving examination and professional career development correspondingly. Another significant element, attracting attention of the Instagram users, is the opportunity to be taught English by a native speaker and by an expert. Visualization of the limited and comparatively short period allotted for the course is also an important attractive element of the chosen publications.

The only difference between the prevailing answers of school pupils and students of the linguistic department is the fact that 11 % of the pupils are attracted by such presentemes as *easy, simply, for beginners*, whereas students whose level of language proficiency is advanced simply ignore such publications. At the same time, the presenteme '*easy*' influenced the choice of the students as well, but in a different way: the students were attracted by easy tools of event registration offered by the Instagram account.

Thus, we can note that according to the research results, it seems reasonable to state that successful presentational discourse of social networks is primarily realized through all types of presentemes and catching words; secondly, it is supposed to emphasize that the teacher and the audience are close to each other in their ideas and desires; finally, it should directly and clearly implement its basic function, namely to convey relevant information, to show the teacher's achievements and to promote his/her profile/website/channel.

Conclusion

To sum up, we shall point out that theatricality (by which we mean the creation of bright, attention-grabbing verbal and visual images), availability of accurate information and information completeness are the tools that contribute to the implementation of the presentational function of the social network Instagram.

We can say that the first place among the reasons for choosing a particular publication by the Internet user is the way the content of the publication is presented. Thus, in the case with the subject area connected with the English language teaching, it is important for future and practicing teachers to understand whether the information contained in the advertising images is relevant to them. In the same way, school students learning English are attracted either by the simplicity of the course or the professional exam preparation, depending on their language level.

The second place is taken by the design of the publication. Visualization of information is always quite important in the process of assimilation and perception of information. The "visual mess" repels the audience.

We must not forget that much depends on the personality of the author. The ability to motivate subscribers with the level of knowledge and relevance of information, as well as to give certain bonuses for subscriptions, will allow the authors of publications to increase the number of interested subscribers.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Тупилова С. Е. Разграничение понятий "высказывание", "дискурс", "речевой жанр", "тональность" в современной лингвистике / С. Е. Тупилова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – № 3(95). – С. 148-154.
2. Ефименко Т. Н. Репрезентация персуазивности вербальными и невербальными языковыми средствами в презентационном дискурсе / Т. Н. Ефименко, Ю. Е. Иванова // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». – 2014. – №2. – С. 25-31.
3. Русакова О. Ф. Презентационный дискурс / О. Ф. Русакова // Дискурс-Пи. – 2013. – С. 141-143.
4. Олянич А. В. Презентационный дискурс / А. В. Олянич // Дискурс-Пи. – 2015. – С. 148-150.
5. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса: Монография / А. В. Олянич. – М.: Гнозис, 2007. – 407 с.
6. Букеева М. Е. Жанровые признаки презентационного дискурса / М. Е. Букеева // Вестник МГЛУ. – 2013. – № 15 (675). – С. 30-37.
7. Букеева М. Е. Прагмалингвистический анализ презентационного дискурса / М. Е. Букеева // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты. Лингвометодические проблемы и тенденции преподавания иностранных языков в неязыковом вузе: материалы V Международной научно-методической конференции. – Омск, 2019. – С. 17-20.
8. Бойченко Т. В. Гендерный анализ блог-коммуникации с позиции презентационной теории дискурса / Т. В. Бойченко // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2012. – С. 84-93.
9. Казяба В.В. Вербальная самопрезентация немецкоязычных инфлюенсеров в Instagram / В.В. Казяба // Научный диалог. – 2019. – № 9. – С. 88-102.
10. Попп А. В. Особенности создания лингвокультурного контекста в англоязычном интернет-дискурсе (на материале англоязычных форумов) / А. В. Попп, Г. А. Никитина // Языки и культуры: функционально-коммуникативный и лингвопрагматический аспекты : сборник статей по материалам II Международной научно-практической конференции, посвященной памяти С.Г. Стерлигова, Нижний Новгород, 12–13 мая 2021 года. – Н. Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2021. – С. 183-188.

Список литературы на английском / References in English

1. Tupikova, S. E. Razgranichenie ponyatii "vuskazuvanie", "diskurs", "rechevoi zhanr", "tonalnost'" v sovremennoi lingvistike [Delineation of the concepts of "statement", "discourse", "speech genre", "tonality" in modern linguistics] / S. E. Tupikova // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seria: Gumanitarnye nauki. – 2011. – № 3(95). – P. 148-154. [in Russian]
2. Efimenko T. N. Reprezentatsia persyazivnosti verbalnymi i neverbalnymi yazykovymi sredstvami v prezentatsionnom diskurse [Representation of persuasiveness by verbal and non-verbal linguistic means in presentation discourse] / T. N. Efimenko, U. E. Ivanova // Vestnik MGOY. Seria «Lingvistika». – 2014. – №2. – P. 25-31. [in Russian]
3. Rusakova O. F. Prezentatsionnyi diskurs [Presentation discourse] / O. F. Rusakova // Diskurs-Pi. – 2013. – P. 141-143. [in Russian]
4. Olyanich A. V. Prezentatsionnyi diskurs [Presentation discourse] / A.V. Olyanich // Diskurs-Pi - 2015. – P. 148-150. [in Russian]
5. Olyanich A.V. Prezentatsionnaya teoria diskursa: Monografia [Presentation Discourse Theory: Monograph] / A.V. Olyanich. – M.: Gnozis, 2007. – 407 p. [in Russian]
6. Bukeeva M.E. Zhanrovye priznaki prezentatsionnogo diskursa [Genre signs of presentation discourse] / M.E. Bukeeva // Vestnik MGLY. – 2013. – № 15 (675). – P. 30-37. [in Russian]
7. Bukeeva M.E. Pragmalingvisticheskii analiz prezentatsionnogo diskursa [Pragmalinguistic Analysis of Presentation Discourse] / M.E. Bukeeva // Problemy modernizatsii sovremennoogo vysshego obrazovaniya: lingvisticheskiye aspekty. Lingvometodicheskiye problemy i tendentsii prepodavaniya inostrannuh yazukov v neyazukovom vuze: materialy V Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii. – Omsk, 2019. – P. 17-20. [in Russian]
8. Boichenko T.V. Gendernui analiz blog-kommunikatsii s pozitsii prezentatsionnoi teorii diskursa [Gender Analysis of Blog Communication from the Position of Presentation Discourse Theory] / T.V. Boichenko // Izvestia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. – 2012. – P. 84-93. [in Russian]
9. Kaziaba V. V. Verbalnaya samoprezentatsia nemetsko-yazychnykh influenserov v Instagram [Verbal self-presentation of German-speaking influencers on Instagram] / V. V. Kaziaba // Nauchnyi dialog. – 2019. – № 9. – P. 88-102. [in Russian]

10. Popp A.V. Osobennosti sozdania lingvokulturnogo konteksta v angloyazuchnom internet-diskurse (na materiale angloyazuchnuh forumov) [Features of the creation of a linguocultural context in the English-language Internet discourse (based on the material of the English-language forums)] / A.V. Popp, G.A. Nikitina // Yazyki i kul'turi funktsionalno-kommunikativnyi i lingvopragmaticheskii aspekty : sbornik statei po materialam II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyaschennoi pamyati S.G. Sterligova, Nizhnii Novgorod, 12–13 maya 2021 goda. – N. Novgorod: Natsionalnyi issledovatel'skii Nizhegorodskii gosudarstvennyi universitet im. N.I. Lobachevskogo, 2021. – P. 183-188. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.27.3.20>**ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СИНТАГМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ**

Научная статья

Дорошенко Н.С.^{1*}, Литвин М.И.²^{1,2} Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия

* Корреспондирующий автор (vasilevans[at]rambler.ru)

Аннотация

Предметом исследования является грамматический аспект синтагматических отношений фразеологических единиц в немецком языке. В качестве языкового материала для анализа было отобрано 100 наиболее часто употребляемых в немецком языке фразеологических единиц. В результате исследования было выявлено, что в 29 % случаев в их состав входят глаголы – «haben» и «sein». Были исследованы особенности функционирования этих глаголов на грамматическом уровне. Установлено, что с помощью глаголов «haben» и «sein» реализуется не только вербоцентрический принцип моделирования немецкого предложения, но передача лексико-грамматического значения, которая становится возможной благодаря синтагматической связи, возникающей в процессе образования составного именного сказуемого с глаголом «sein». Сложность дифференцирования лексической и грамматической составляющих глагола «haben» связана с тем, что в составе фразеологических единиц он зачастую представляет собой копулятивный глагол, имеющий значение посессивности в денотате, при том, что коннотативный потенциал определяется типом устойчивости фразеологизма.

Ключевые слова: глаголы «haben», «sein», фразеологические единицы, синтагматические отношения, составное именное сказуемое.

**GRAMMATICAL ASPECT OF SYNTAGMATIC RELATIONS OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE
GERMAN LANGUAGE**

Research article

Doroshenko N.S.^{1*}, Litvin M.I.²^{1,2} Baikal State University, Irkutsk, Russia

* Corresponding author (vasilevans[at]rambler.ru)

Abstract

The subject of the study is the grammatical aspect of syntagmatic relations of phraseological units in the German language. For the purposes of analysis, the study selects the 100 most frequently used phraseological units in the German language. The results of the study demonstrate that in 29% of cases they include the verbs "haben" and "sein". The study also investigates the peculiarities of the functioning of these verbs at the grammatical level. It is established that with the help of the verbs "haben" and "sein", not only the verb-centric principle of modeling a German sentence is realized but also the transfer of lexical and grammatical meaning, which becomes possible due to the syntagmatic connection that arises in the process of forming a compound nominal predicate with the verb "sein". The difficulty of differentiating the lexical and grammatical components of the verb "haben" is due to the fact that as part of phraseological units, it is often a copulative verb that has the meaning of possessiveness in the denotation, despite the fact that the connotative potential is determined by the type of stability of the phraseological unit.

Keywords: verbs "haben", "sein", phraseological units, syntagmatic relations, compound nominal predicate.

Многочисленные исследования, предметом которых становятся семантические особенности, лингвистический статус, особенности перевода фразеологической единицы, свидетельствуют о постоянном научном интересе к фразеологии. Фразеологические выражения являются неотъемлемой частью лексического состава современного немецкого языка и находят свое применение во всех функциональных стилях речи.

По утверждению Н. Schemann'a, в подавляющем большинстве в качестве сказуемого в немецких фразеологических единицах присутствует группа глаголов: sein, haben, werden, tun, machen, sitzen/setzen, stellen/stehe, nehmen, geben, laufen, gehen, kommen [8]. О. Н. Тарасова, анализируя исследование В. И. Кудиновой, обращает внимание на то, что ряд глаголов, обладающих свойством широкой семантики, могут быть сгруппированы по следующим значениям: «бытия» — sein, machen, «обладания» -haben, nehmen, geben, «передвижения» — bringen, kommen, gehen, führen [7].

Особую группу представляют глаголы «haben» и «sein», встречающиеся в 29 % проанализированных фразеологических единиц.

Глагол «sein» – неправильный глагол, является одним из наиболее употребительных связочных глаголов. По мнению М. М. Гухмана, он представляет собой «идеальную» связку [3]. Посредством глагола «sein» не только реализуется вербоцентрический принцип моделирования немецкого предложения, но и передается лексико-грамматическое значение благодаря синтагматической связи, возникающей в процессе образования составного именного сказуемого с такими частями речи, как имя существительное, в том числе любая субстантивированная часть речи, имя прилагательное, местоимение, наречие, числительное.

Глагол «sein» встречается более 1000 раз на миллион словоформ корпуса словаря Duden и имеет 5 лексических значений [10]. В широком смысле глагол «sein» относится к глаголам с бытийной семантикой, участвует в образовании временных форм активного и пассивного залога, обладает категорией наклонения. По мнению Ф. С.

Аухадиевой, глагол «sein», являясь связкой, служит, прежде всего, идентификации субъекта в самом широком смысле этого слова и выполняет функцию характеристики субъекта, а также может передавать модальность долженствования [2]. Н. В. Кутепова подчеркивает роль глагола «sein», отмечая его возможности образовывать систему форм и присущие ему многозначность и полифункциональность. Т. А. Бородина отмечает, что глагол «sein» выступает в идентифицирующих высказываниях, фиксирующих существенные изменения объекта идентификации. Под существенными изменениями исследователь понимает ситуацию, когда объект перестает быть самим собой [4]. На примере фразеологической единицы «Im Eimer sein» (erschöpft sein) – быть истощенным (морально и физически), можно проследить характер изменений, в данном случае, отрицательных, ставших последствием высокой утомляемости, передача которых становится возможной благодаря идиоматичности, коннотативному потенциалу.

В составе идиоматических выражений глагол «sein» может выступать в роли составного именного сказуемого в качестве копулятивного глагола в сочетании с предикативом. Морфологический характер предиката позволяет выделить именные и адъективные фразеологизмы. Предикативное существительное и прилагательное характеризует кого-либо как носителя определенных качеств и свойств, указывает пространственно-временные отношения, например, ganz Ohr sein (Ich bin ganz Ohr, я -весь внимание), ein alter Hase sein (Er ist ein alter Hase, он – стрелянный воробей), das schwarze Schaf sein (Er ist das schwarze Schaf, он — белая ворона), im Eimer sein (Sie sind im Eimer, они очень утомлены), der Hahn im Korb sein (быть общим баловнем, быть единственным мужчиной в обществе женщин), eine Flasche sein (быть неспособным делать что-либо, очень плохо в чем-либо разбираться), blau sein (пропускать работу/учебу без уважительной причины), и как элемент пассива-состояния, в сочетании с Partizip II. В этом случае имеет место сложная временная форма, состоящая из вспомогательного глагола «sein», при спряжении стоящего в личной форме, и смыслового глагола в неличной форме – Partizip II или Infinitiv. В следующем примере можно увидеть смысловой глагол в форме страдательного причастия настоящего времени – in etwas verstrickt sein (быть замешанным в чем-то негативном, чаще всего в преступных махинациях), jemandem wie aus dem Gesicht geschnitten sein (быть очень похожим на кого-то внешне).

Глагол «haben» — неправильный глагол, предикативные конструкции с которым широко распространены в немецком языке. Вместе с тем, он довольно часто встречается в составе предложения как самостоятельный глагол, используется как вспомогательный глагол для образования временных форм активного залога. А. В. Гутарова обращает внимание на то, что глагол «haben» является одним из основных глаголов, в семантике которого заключается значение обладания, и часто используется в качестве функционального глагола в аналитических глагольно-именных сочетаниях [5]. Предикативные конструкции с «haben» могут выражать не только посессивность, но и другие характеристики субъекта благодаря его полисемантической природе. Ф. С. Аухадиева отмечает, что помимо семантики обладания, глагол «haben» способствует передаче таких видов отношений между субъектом и объектом, как родственные, дружеские, социальные, отношение целого к части [3]. С. П. Анохина также описывает разнообразный характер посессивных предложений, выделяя три уровня семантики – наличие, качественную характеристику денотата бытующего предмета и внутреннее состояние человека. В свою очередь А. В. Гутарова представляет классификацию, состоящую из 21 группы аналитических глагольных конструкций с семантикой обладания, в том числе, передающих положительные/отрицательные эмоции, процессы, характеристики, желание/нежелание, удачу-неудачу [5].

В составе фразеологических единиц «haben» выступает в качестве глагольного сказуемого, как правило, стоящего в настоящем времени, в активном залоге и изъявительном наклонении и сочетается с существительным в винительном падеже. Сложно разделить лексическую и грамматическую составляющую глагола «haben», поскольку в составе фразеологических единиц он зачастую представляет собой копулятивный глагол, сохраняющий при этом значение посессивности в денотате, в тоже время, коннотативный потенциал определяется типом устойчивости фразеологизма.

Аналогичные затруднения возникают с глаголами составного именного сказуемого «sein» и «werden», которые, по утверждению А. В. Гутаровой, являются, в вещественном отношении «пустым» словом, обладающим способностью обслуживать все имена лексико-семантической группы [5]. С другой стороны, глагол «haben» не становится абсолютно абстрактным, его внутренняя мотивированность, отчасти, может быть определена через исходное сочетание. Таким образом, смысл фразеологической единицы не определяется каждым конкретным словом, в тоже время, «haben» сохраняет семантику обладания, наличия – Tomaten auf den Augen haben (etwas, das alle sehen können, nicht sehen; etwas Offensichtliches nicht bemerken) — замечать что-либо очевидное, что видят другие, иными словами, то есть иметь на это какие-либо причины, препятствующие объективной оценке явления, Haare auf den Zähnen haben (rechthaberisch sein; streitsüchtig sein; leichterregbar sein) – быть склочным, иметь предрасположенность к конфликту, einen Filmriss haben (die Erinnerung verloren haben; plötzlicher Gedächtnisverlust) – иметь провалы в памяти, nicht alle Tassen im Schrank haben (spinnen, verrückt sein; etwas Unverständliches tun; sich unvernünftig verhalten) — вести себя неразумно, иметь склонность к совершению чего-либо, не поддающемуся объяснению, die Nase voll haben — etwas satthaben; von etwas genug haben; von etwas genervt sein; etwas leid sein – иметь что-то в избытке до такой степени, что это раздражает, zwei linke Hände (ungeschickt sein (besonders handwerklich); unbeholfen sein; tollpatschig sein) – быть неуклюжим, беспомощным, не иметь возможности что-либо сделать без посторонней помощи.

Примечательно, что идиоматичность в перечисленных примерах связана с фактом наличия чего-либо у человека, при этом именно наличие – «двух левых рук», «помидоров на глазах», «волос на зубах», «не всех чашек в шкафу», «полного носа», указывает на невозможность взаимодействовать или осуществлять деятельность эффективно. В тоже время, входя в состав фразеологических единиц, глагол «haben» может способствовать передаче противоположной значения – Schmetterlinge im Bauch haben (verliebt sein) – быть влюбленным, иметь чувство легкости, etwas auf dem Kasten haben (besondere Fähigkeiten besitzen; etwas besonders gut können) – быть смышленным, иметь особые способности, Schwein haben (Glück haben) – быть счастливым, получить то, что необходимо для счастья. Таким образом, посредством глагола «haben», передается положительное состояние, характеристика.

Анализ особенностей функционирования глаголов «haben» и «sein» в составе фразеологических единиц в немецком языке позволяет утверждать, что функция рассматриваемых глаголов не сводится только к их роли в предложении как копулятивных глаголов. В составе фразеологических единиц они могут способствовать передаче различных характеристик.

Высокая синтагматическая активность глаголов «haben» и «sein» с другими частями речи, в качестве членов предложения, дает основания для дальнейшей дискуссии о том, являются ли они в полной мере полисемантическими и на каком основании нужно разделять их лексическую и грамматическую составляющую.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Анохина С. П. Языковая репрезентация отношения части и целого в предложениях с финитными глаголами «haben» и «sein» и в конструкции «es gibt» / Анохина С. П. // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2017. – № 2. – С. 5-8.
2. Аухадиева Ф. С. Транспозиционные потенции немецкого глагола «sein» (к проблеме именования семантической категории бытийности) / Аухадиева Ф. С. // Вестник Удмуртского университета. – 2011. – Вып. 2. – С. 36-45.
3. Аухадиева Ф. С. Транспозиция немецкого глагола «haben» (к проблеме именования семантической категории поссесивности) / Аухадиева Ф. С. // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 20. – С. 19-24.
4. Бородин Т. А. Факторы, определяющие структурные свойства идентифицирующих высказываний / Бородин Т. А. // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. – 2015. – № 1-2. – С. 58-60.
5. Гутарова А. В. Классификация немецких аналитических глагольно-именных конструкций с семантикой «обладание» и их перевод на русский язык / Гутарова А. В. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – № 5. – С. 343-346.
6. Кутепова Н. В. Типология глагола «sein» в составе немецких аналитических конструкций / Кутепова Н. В. // Евразийский союз ученых. – 2015. – № 16. – С. 46-47.
7. Тарасова О.Н. Семантика широкозначных глаголов в современном немецком языке / Тарасова О.Н. // Вестник Мордовского университета. – 2008. – № 3. – С. 165-166.
8. Schemann H. Deutsche Idiomatik. – Wörterbuch der deutschen Redewendungen im Kontext / von Hans Schemann. – 2., Aufl. mit vollständig überarbeiteter Einführung. – 2011. – S. 53-60.
9. Häufig verwendete deutsche Redewendungen und Sprichwörter [Электронный ресурс]. – URL: <https://deutschlernerblog.de/redewendungen-bilder-fuer-den-deutschunterricht-zum-herunterladen-und-ausdrucken> / (дата обращения: 05.08.2021).
10. Duden [Электронный ресурс]. – URL: www.duden.de (дата обращения: 05.08.2021)

Список литературы на английском / References in English

1. Anohina S. P. Yazykovaya reprezentaciya otnosheniya chasti i celogo v predlozheniyah s finitnymi glagolami «haben» i «sein» i v konstrukcii «es gibt» [Linguistic representation of the relationship between part and whole in sentences with finite verbs "haben" and "sein" and in the construction "es gibt"] / Anohina S. P. // Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatischeva. – 2017. – № 2. – P. 5-8. [in Russian]
2. Auhadieva F. S. Transpozicionnye potentsii nemeckogo glagola «sein» (k probleme imenovaniya semanticheskoy kategorii bytijnosti) [Transpositional potencies of the German verb "sein" (to the problem of naming the semantic category of beingness)] / Auhadieva F. S. // Vestnik Udmurtskogo universiteta. – 2011. – Iss. 2. – P. 36-45. [in Russian]
3. Auhadieva F. S. Transpoziciya nemeckogo glagola «haben» (k probleme imenovaniya semanticheskoy kategorii possesivnosti) [Transposition of the German verb "haben" (to the problem of naming the semantic category of obsessiveness)] / Auhadieva F. S. // Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2011. – № 20. – P. 19-24. [in Russian]
4. Borodina T. A. Faktory, opredelyayushchie strukturnye svoystva identifikiruyushchih vyskazyvanij [Factors Determining the Structural Properties of Identifying Utterances] / Borodina T. A. // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. – 2015. – № 1-2. – P. 58-60. [in Russian]
5. Gutarova A. V. Klassifikaciya nemeckih analiticheskikh glagol'no-imennykh konstrukcij s semantikoj «obladanie» i ih perevod na russkij yazyk [Classification of German analytical verb-nominal constructions with the semantics of "possession" and their translation into Russian] / Gutarova A. V. // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2019. – № 5. – P. 343-346. [in Russian]
6. Kuteпова N. V. Tipologiya glagola «sein» v sostave nemeckih analiticheskikh konstrukcij [Typology of the verb "sein" in German analytical constructions] / Kuteпова N. V. // Evrazijskij soyuz uchenyh. – 2015. – № 16. – P. 46-47. [in Russian]
7. Tarasova O.N. Semantika shirokoznachnykh glagolov v sovremennom nemeckom yazyke [Semantics of broad verbs in modern German] / Tarasova O.N. // Vestnik Mordovskogo universiteta. – 2008. – № 3. – P. 165-166. [in Russian]
8. Schemann H. Deutsche Idiomatik. – Wörterbuch der deutschen Redewendungen im Kontext [German idioms. – Dictionary of German idioms in context] / von Hans Schemann. – 2., Aufl. mit vollständig überarbeiteter Einführung. – 2011. – P. 53-60. [in German]
9. Häufig verwendete deutsche Redewendungen und Sprichwörter [Frequently used German idioms and proverbs] [Electronic resource]. – URL: <https://deutschlernerblog.de/redewendungen-bilder-fuer-den-deutschunterricht-zum-herunterladen-und-ausdrucken> / (accessed: 05.08.2021). [in German]
10. Duden [Electronic resource]. – URL: www.duden.de (accessed: 05.08.2021) [in German]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.27.3.22>**ДЕФЕКТЫ КРЕОЛИЗОВАННОГО МЕДИАТЕКСТА: НЕЯСНОСТЬ, БЕССОДЕРЖАТЕЛЬНОСТЬ, КАЛАМБУР**

Научная статья

Горина Е.В. *

ORCID: 0000-0001-5927-5023,

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

* Корреспондирующий автор (gorina9[at]yandex.ru)

Аннотация

В статье рассматриваются случаи неудачного взаимодействия частей креолизованного медиатекста, его вербальных и невербальных компонентов. Поскольку иллюстрации в современном медиатексте придают большое значение и понимание креолизованного текста подразумевает одновременное восприятие словесного и изобразительного, то сочетание картинки и текста должно быть особенно взвешенным, ясным для адресата и легким для восприятия. В статье разбираются случаи неясности, каламбурности и бессодержательности, возникших в результате непродуманного сочетания вербальных и невербальных частей текста. Автор приходит к выводу, что ошибки в сопоставлении текстовых и визуальных частей сообщения могут привести к падению имиджа издания, к уменьшению аудитории, снижению доверия медиаплощадке и т.п.

Ключевые слова: медиатекст, литературное редактирование, неясность, бессодержательность, каламбур, креолизованный текст.

DEFECTS OF THE CREOLIZED MEDIA TEXT: VAGUENESS, MEANINGLESSNESS, WORDPLAY

Research article

Gorina E.V. *

ORCID: 0000-0001-5927-5023,

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

* Corresponding author (gorina9[at]yandex.ru)

Abstract

The article examines cases of unsuccessful interaction between the elements of a creolized media text, its verbal and non-verbal components. Since illustrations in the modern media text are of great importance and the understanding of the creolized text implies the simultaneous perception of the verbal and the visual, the combination of the picture and the text should be especially balanced, clear and easy to perceive for the addressee. The article deals with cases of ambiguity, wordplay and meaninglessness that arise as a result of an ill-considered combination of verbal and non-verbal parts of the text. The author comes to the conclusion that errors in the comparison of text and visual elements of the message can lead to a decrease of the image of the publication, its audience, trust in the media platform as a whole, etc.

Keywords: media text, literary editing, obscurity, meaninglessness, wordplay, creolized text.

Введение

Современное медиасообщение имеет сложную структуру, поскольку чаще всего является креолизованным текстом [1], [2], [4], [6]. Наличие невербальных компонентов сегодня обязательно для медиатекста, поскольку любая картинка (фотографии, коллажи, карикатуры, таблицы, схемы, мемы, репродукции, макеты и т. п.), видео или аудиофайлы привлекают и удерживают внимание аудитории [1], [2], [6], [7]. Благодаря невербальным частям текста адресат чаще испытывает эмоции, более охотно делится публикацией в социальных сетях, склонен дочитать текст. Е.Е.Анисимова [1] называет семь функций креолизованных текстов. 1) Символическая (через изображения выражаются абстрактные понятия, например, заметки про открытия астрономов сопровождаются снимками планет, звезд, космических аппаратов и т.п.). 2) Иллюстративная (картинка в этом случае оживляет повествование для читателя, например, в новости об очередях в поликлиниках в период пандемии такую роль сыграет фотография толпы людей, стоящих у входа в медцентр). 3) Аргументирующая (иллюстрация выступает доказательством сказанного в тексте, гарантирует честность автора, часто это скрины документов, архивные фото, снимки найденных вещей и т.п.). 4) Эвфемистическая (в этом случае картинка требует интерпретации от самого читателя, например, новость о выставке «оживших» картин И. И. Шишкина проиллюстрирована его репродукцией, которую интерпретировать следует самому читателю). 5) Имиджевая (в этом случае иллюстрация подчеркивает имидж издания или той сетевой площадки, где публикуется текст и картинка, его сопровождающая, например, каждое издание устанавливает свои границы этического в иллюстрациях). 6) Характерологическая (невербальные компоненты позволяют передать исторический колорит, особенности местности, национальный дух, индивидуальные черты человека и т. п., например, в новости про Сабантуй фотографии покажут национальные костюмы, предметы быта, уникальные блюда и т. д.). 7) Сатирическая (в этом случае картинка рождает заранее продуманный автором комический эффект).

Вербальный текст может быть по-разному объединен с невербальным компонентом. Например, картинка и текст могут быть неразрывно связаны, в этом случае текст без изображения или изображение без текста до конца понятны не будут. Связь иллюстрации и текста может быть частичной, в этом случае картинка дополняет текст, но и без нее адресат поймет авторский замысел. Важно, что в креолизованном тексте восприятие включает в себя одновременное понимание и словесного, и изобразительного, именно поэтому, какой бы ни была креолизация, архитектура текста, сочетание вербального и невербального должно быть гармоничным, ясным для читателя [6], [7]. Все части

публикации работают на выражение основного суждения автора. Если оценивать такой текст с позиции его смысловой структуры, то невербальные компоненты могут играть роль иллюстрации, констатирующего или развивающего тезиса [3], [9].

В данной статье мы обратим внимание на случаи неудачной организации креолизованного текста, рассмотрим примеры неясности, бессодержательности и каламбурности на уровне сочетания вербальных и невербальных компонентов медиатекста [8]. Материалом для исследования послужили материалы информационного агентства (далее ИА) «URA.RU». Стандартное сообщение ИА состоит из основного текста (вербальная часть) и иллюстрации (невербальная часть). Основной текст включает в себя заголовок, лидовый абзац, тело текста, бэкграунд. Невербальный компонент чаще всего представлен в виде фото, коллажа или скрина и всегда сопровождается подписью. Мы покажем примеры неудачного соединения иллюстрации и основного текста. Отметим, что точные ссылки на примеры дефектных текстов мы не даем по этическим соображениям, а также потому, что часть погрешностей была исправлена в результате обсуждения текстов с их авторами.

Ошибки в сочетании вербального и невербального в медиатексте

Неясность. Этот вид погрешности возникает при полном несовпадении сути иллюстрации, подписи к ней и основного текста. В этом случае адресату сложно уловить смысловую связь между картинкой и основным текстом, между картинкой и подписью к ней. Причины такой неясности могут быть различными. Приведем примеры.

К публикации о том, что жители Югры застряли на границе России и Грузии из-за проблем с документами, подобрана фотография губернатора ХМАО Н. В. Комаровой, выступающей на каком-то торжественном мероприятии. При этом в публикации не идет речь о губернаторе и каком-либо торжестве, автор рассуждает только о том, в какие бюрократические передрыги с документами попали югорчане и как долго они не могут пересечь границу. При этом подпись к фото повторяет главную мысль заметки: «Югорчане не могут въехать в Россию с территории Грузии». Конечно, такое сочетание картинки, подписи и текста ставит читателя в тупик. Объяснить роль губернатора в ситуации застрявших на границе югорчан невозможно. По какой причине фото губернатора иллюстрирует новость о сложностях на границе, для читателя остается неясно. Выбор иллюстрации в данном случае построен на ассоциации «ХМАО-Югра- руководитель Комарова», которая, возможно, понятна адресату, но не объясняет логической связи картинки и текста, уводит читателя в сторону от основного суждения автора, загромождает текст, усложняет процесс интерпретации изображения и основного текста.

Покажем еще один пример. Новость посвящена проблемам работников промышленного предприятия одного из городов Свердловской области. Сотрудники предприятия пожаловались на задержку зарплаты, но вместо денег получили угрозу увольнения. Данная публикация сопровождается изображением автобуса, в котором виден водитель и пара пассажиров. Подпись к фото гласит: «На предприятии после заявления работников уже месяц идет проверка». Уловить логическую связь между текстом и фото, между фото и подписью снова невозможно. Предприятие, о котором идет речь в новости, не имеет никакого отношения к транспорту. Предположение, что автобус на снимке возит работников предприятия, тоже не имеет никаких оснований, поскольку в тексте об этом ничего не сказано.

Читатель, сталкиваясь с такими примерами, невольно начинает разгадывать их, ведь понимание креолизованного текста подразумевает работу с изображением и текстом одновременно. Если взаимодействие компонентов креолизованного сообщения читателю неясно, он склонен в целом информацию считать непродуманной, а ее автора непрофессиональным. Коммуникативный конфликт, который рождает неудачное сочетание картинки и текста, отвлекает адресата от сути сообщения, провоцирует на критическое отношение к работе журналистов. Увы, примеров неудачного иллюстрирования встречается много. Думается, это результат непродуманной работы с текстом, невнимательного отношения к различным, но взаимосвязанным частям креолизованного сообщения. Возможно, причиной погрешности становится спешка автора или отсутствие внимания к тексту со стороны бильд-редактора.

Остановимся еще на одном примере. К материалу о финансировании роддомов в России предлагается снимок литровой банки, полной пятирублевых монет, и подпись: «Каждый новорожденный обходится бюджету». Это пример недосказанности, пропуска смыслового звена, что тоже в итоге приводит к неясности. Такие обрывочные формулировки в подписи к иллюстрации часто следствие невнимательности автора. Но также возможно, что к обрывочным предложениям под снимками приводит ограничение на знаки в конкретных частях текста, которое существует в некоторых изданиях. Например, заголовок или подпись к фото не должны превышать 50-70 знаков с пробелами. В этом случае вечно торопящийся журналист может не заметить, что его подпись не входит в оговоренные рамки, и читатель получит неясный компонент текста. В приведенном примере неясность быстро устранилась, если читатель познакомится с основным текстом, в котором указывается точная сумма, которую государство выделяет на новорожденного. Но если наш адресат читает новости поверхностно, обходясь заголовком, фото с подписью и, возможно, лидовым абзацем, то информацию он получит неполную и неясную.

Бессодержательность. Этот вид погрешности возникает из-за повторов информации (дублирование), сообщения об очевидном, крайнего лаконизма, а также из-за бесполезности иллюстрации. Проиллюстрируем указанные случаи.

Повторение информации может быть разным. Во-первых, возможны буквальные повторы иллюстраций. Например, одна и та же картинка дополняет различные новости, которые стоят на сайте рядом. Этот повтор – снова результат невнимательности автора, который не заметил, что выбранная им картинка уже была использована другим автором. Случается, одна и та же иллюстрация повторяется дважды в одном тексте, часто это происходит по техническим причинам. Во-вторых, встречается повтор какой-либо части смысловой структуры текста (главной мысли, тезиса, иллюстрации), дублирование ее в заголовке, лиде, в подписи к фото и в изображении к тексту. Например, заголовок новости сообщает: «Россияне увидят затмение Луны», лидовый абзац повторяет эту мысль («Жители России сегодня смогут увидеть затмение Луны, которое состоится в 22:12 по московскому времени»), то же самое говорится в подписи к фото («Россияне увидят затмение Луны»), а на самом фото изображено объявление:

«Лунное затмение 5 июня 2020 года в 22:12 по Москве». Такое четырехкратное дублирование информации должно если не обидеть адресата, то как минимум оттолкнуть бессодержательностью.

Приведем другой пример бессодержательности. Новость о конфликте между директором департамента информполитики Свердловской области Юлией Прытковой и руководителем «Областной газеты» Дмитрием Поляниным дополняется снимком, на котором герои публикации стоят рядом. При совершенно нейтральном повествовании в самой новости и при отсутствии на снимке других людей подпись к фото уточняет: «Война Юлии Прытковой (справа) и Дмитрия Полянина длится уже более года». Это уточнение «справа» выглядит даже комично и совершенно бессодержательно.

Максимальный лаконизм подписи к фото тоже может привести к бессодержательности. К заметке о начале периода подготовки детей к школе дана фотография девушки, несущей из магазина пакеты, полные покупок. Подпись к фото минимальна и по сути бессодержательна: «Шопинг».

Раскроем еще один пример. Большая статья подробно рассказывает о том, как автолюбителям получить от страховых компаний полную сумму за ремонт авто быстро и без суда и как предпринимателям, живущим за границей, вернуть накопления в Россию и получить налоговую протекцию. Публикация полезная, но объемная и непростая для чтения. Поэтому привлечь к ней внимание адресата могла бы удачная иллюстрация. Однако этот текст сопровождается фото, на котором видна рука человека в деловом костюме, занесенная над неким документом в папке. Вероятно, человек собирается документ подписать. Нельзя сказать, что этот снимок путает читателя, не имеет отношения к содержанию статьи или противоречит ему. В статье идет речь о многих документах, часть из них подписана и уже вступила в действие. Однако такая иллюстрация бессмысленна, она не вызывает никаких эмоций у адресата, она не дополняет текст настолько, чтобы читатель смог найти в ней какую-то новую информацию, она не привлекает внимание, то есть не играет ту роль, которая ей отведена в медиатексте. Такая картинка имеет настолько обобщенный характер, настолько размытое значение, что в ней нет никакого смысла по отношению к тексту, который она сопровождает. Такого рода иллюстрации бессодержательны, бессмысленны, нейтральны, следовательно, бесполезны. Формально текст в этом случае проиллюстрирован, но фактически такое иллюстрирование может оттолкнуть читателя, особенно если привлекательность изображения для него – важный критерий выбора информации.

Каламбур. Сначала уточним, что каламбур в данной статье мы рассматриваем как дефект, а не как выразительное средство. Ошибкой мы считаем непредусмотренный каламбур, не запланированный автором. Каламбур – погрешность, если комический эффект, замеченный адресатом в тексте, нарушает логику текста, мешает восприятию авторской мысли, сбивает читателя с толку. Каламбур может родиться в сочетании изображения и подписи к нему, сочетании изображения и основного текста. Обратимся к примеру.

К новости о страшных пожарах в Курганской области, оставивших многие семьи без жилья, автор ставит изображение пастуха и коров, бредущих через поле. Подпись к фото сообщает: «Рабочая группа определит, какую поддержку получают уральские погорельцы». Так автор проиллюстрировал информацию о том, что губернатор и его помощники, вошедшие в рабочую группу, помогут пострадавшим. Однако читатель получил возможность посмеяться над тем, что в рабочую группу вошли быки и коровы...

Заметим, что креолизованный текст может содержать различные ошибки одновременно. Например, текст с заголовком «После закрытия выставки вооружения Нижний Тагил лишился и отеля Park Inn by Radisson» настраивает читателя на два предмета речи – закрытие выставки и закрытие отеля. Однако в тексте нет ни слова о выставке вооружения, вся заметка посвящена исключительно расторжению договора с отелем. При этом новость иллюстрируется фотографией военного полигона, по которому в клубах пыли движется танк, вокруг видны взрывы, военные машины и солдаты. Подпись к этой фотографии гласит: «Отель мирового бренда работал в городе с сентября 2015 года». Конечно, читатель становится в тупик, ведь невозможно понять, какое отношение выставка вооружений имеет к отелю, как связано изображение танка и сообщение о работе отеля? Читатель может только посмеяться, предположив, что отель пострадал в результате атаки военных. Как видим, в этом тексте допущены сразу две ошибки: неясность и каламбур. Тот факт, что в заголовке заявлены два предмета речи, один из которых в тексте никак не раскрывается, можно рассматривать как нарушение закона тождества, но поскольку предмет речи «выставка вооружений» не получает своего развития, это скорее говорит о неясности в данном тексте.

Заключение

Как показало наше исследование, построение современного креолизованного текста не всегда бывает удачным. Часто невнимательность автора, технические нюансы, непродуманность текста приводят к коммуникативному конфликту между читателем и текстом/его автором. Возможно, ошибки являются следствием спешки (мы знаем, например, что на подготовку заметки в ИА автору отводится 20-25 минут, поэтому выбор иллюстрации занимает крайне мало времени). Кроме того, отсутствие логической связи между вербальными и невербальными компонентами может быть результатом неслаженной работы автора текста и бильд-редактора. Конечно, редко обновляемый, бедный фотобанк – это тоже проблема для издания.

Однако даже при том, что сегодня мы часто встречаем примеры современной медианормы, допускающей большую свободу в плане стилистики, этики и т.п., нежели классическая языковая норма [5], внимание к иллюстрациям все растет. Роль невербального компонента в тексте очевидна даже для непрофессиональных авторов. Ведь ошибки в сочетании текстовых и визуальных частей сообщения часто ведут к падению имиджа издания, уменьшению аудитории, снижению доверия медиаплощадке и т.п. Поэтому анализ погрешностей креолизованного текста представляется нам перспективным и важным. Несомненно, понимание сути погрешности позволяет предупредить ошибку, позаботиться о ее своевременном исправлении.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): учеб. пособие для студентов фак. иностр. яз. вузов / Е. Е. Анисимова. – М. : Академия, 2003. – 128 с.
2. Вашунина И.Р. Креолизация текста как прием реализации манипуляционной стратегии [Электронный ресурс] / И. Р. Вашунина // Преподаватель XXI век. – 2016. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreolizatsiya-teksta-kak-priem-realizatsii-manipulyatsionnoy-strategii-1> (дата обращения: 10.08.2021).
3. Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: Проблемы семиосоциопсихологии / Т. М. Дридзе. – М. : Академия, 1984. – 268 с.
4. Ким М.Н. Технология создания журналистского произведения / М. Н. Ким. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2001 – 319 с.
5. Клушина Н.И. Языковая норма и ее роль в организации общественного сознания / Н. И. Клушина // Известия южного федерального университета. Филологические науки. – 2017. – № 4. – С. 46-55.
6. Лазарева Э. А. Реклама в Интернете как область системных взаимодействий / Э. А. Лазарева // Альманах теоретических и прикладных исследований рекламы. – 2013. – №1 (5). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reklama-v-internete-kak-oblast-sistemnyh-vzaimodeystviy> (дата обращения: 10.08.2021).
7. Лазарева Э.А. Архитектоника дискурса Интернета [Электронный ресурс] / Э .А. Лазарева // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. – 2012. – №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhitektonika-diskursa-interneta> (дата обращения: 10.08.2021).
8. Майданова Л.М. Критика речи и литературное редактирование текстов СМИ : учебное пособие для студентов, обучающихся по направлению 030600 "Журналистика" и специальности 030601 "Журналистика" / Л.М. Майданова. – Федеральное агентство по образованию, Уральский гос. ун-т им. А. М. Горького. – 2-е изд., перераб. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2009. – 240 с.
9. Майданова Л. М. Практикум по современному русскому литературному языку : Для студентов-журналистов / Л. М. Майданова. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1993. - 384 с.
10. Сараева К.И. Архитектоника анонса: иллюстрация как графически-дизайнерский элемент привлечения внимания адресата текста [Электронный ресурс] / К.И. Сараева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2014. – №4 (149). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhitektonika-anonsa-illyustratsiya-kak-graficheski-dizaynerskiy-element-privlecheniya-vnimaniya-adresata-teksta> (дата обращения: 10.08.2021).

Список литературы на английском / References in English

1. Anisimova E. E. Lingvistika teksta i mezhtkul'turnaya kommunikaciya (na materiale kreolizovannykh tekstov): ucheb. posobie dlya studentov fak. inostr. yaz. vuzov [Linguistics of the text and intercultural communication (based on creolized texts): textbook. manual for students fac. foreign lang. universities] / E. E. Anisimova. – M. : Akademiya, 2003. – 128 p. [in Russian]
2. Vashunina I.R. Kreolizatsiya teksta kak priem realizatsii manipulyatsionnoy strategii [Creolization of text as a technique for implementing a manipulation strategy] [Electronic resource] / I. R. Vashunina // Prepodavatel' HKHI vek. – 2016. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreolizatsiya-teksta-kak-priem-realizatsii-manipulyatsionnoy-strategii-1> (accessed: 10.08.2021). [in Russian]
3. Dridze T. M. Tekstovaya deyatel'nost' v strukture social'noj kommunikatsii: Problemy semiosociopsihologii [Textual activity in the structure of social communication: Problems of semiosociopsihologii] / T. M. Dridze. – M., 1984. – 286 p. [in Russian]
4. Kim M.N. Tekhnologiya sozdaniya zhurnalistskogo proizvedeniya [The technology of creating a journalistic work] / M. N. Kim. – SPb.: Izd-vo Mihajlova V.A., 2001 – 319 p. [in Russian]
5. Klushina N.I. Yazykovaya norma i ee rol' v organizatsii obshchestvennogo soznaniya [Language norm and its role in the organization of public consciousness] / N. I. Klushina // Izvestiya yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki. – 2017. – № 4. – P. 46-55. [in Russian]
6. Lazareva E. A. Reklama v Internetе kak oblast' sistemnyh vzaimodeystvij [Advertising on the Internet as an area of systemic interactions] / E. A. Lazareva // Al'manah teoreticheskikh i prikladnykh issledovaniy reklamy. – 2013. – №1 (5). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reklama-v-internete-kak-oblast-sistemnyh-vzaimodeystviy> (accessed: 10.08.2021). [in Russian]
7. Lazareva E.A. Arhitektonika diskursa Interneta [The Architectonics of Internet Discourse] [Electronic resource] / E .A. Lazareva // Ural'skij filologicheskij vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': lingvistika kreativa. – 2012. – №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhitektonika-diskursa-interneta> (accessed: 10.08.2021). [in Russian]
8. Majdanova L.M. Kritika rechi i literaturnoe redaktirovanie tekstov SMI : uchebnoe posobie dlya studentov, obuchayushchihsya po napravleniyu 030600 "Zhurnalistika" i special'nosti 030601 "Zhurnalistika" [Criticism of speech and literary editing of media texts: a textbook for students studying in the direction 030600 "Journalism" and specialty 030601 "Journalism"] / L. M. Majdanova. – Federal'noe agentstvo po obrazovaniyu, Ural'skij gos. un-t im. A. M. Gor'kogo. – 2 edit. – Ekaterinburg : Izd-vo Ural'skogo un-ta, 2009. – 240 p. [in Russian]
9. Majdanova L. M. Praktikum po sovremennomu russkomu literaturnomu yazyku : Dlya studentov-zhurnalistov [Workshop on modern Russian literary language: For student journalists] / L. M. Majdanova. — Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 1993. - 384 p. [in Russian]
10. Saraeva K.I. Arhitektonika anonsa: illyustratsiya kak graficheski-dizajnerskij element privlecheniya vnimaniya adresata teksta [Architectonics of the announcement: illustration as a graphic design element to attract the attention of the addressee of the text] [Electronic resource] / K .I. Saraeva // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie. – 2014. – №4 (149). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhitektonika-anonsa-illyustratsiya-kak-graficheski-dizaynerskiy-element-privlecheniya-vnimaniya-adresata-teksta> (accessed: 10.08.2021). [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.27.3.24>**ФОНОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО КОМИКСА**

Научная статья

Стародубцева Е.А. *

ORCID: 0000-0002-8031-3474,

Московский государственный гуманитарно-экономический университет, Москва, Россия

* Корреспондирующий автор (easma[at]ya.ru)

Аннотация

Комиксы представляют собой так называемый креолизированный текст, сочетание двух частей, разных по своей природе: вербальной и невербальной. Последняя принадлежит к знаковой системе, отличной от естественного языка. Комиксы вобрали в себя черты изобразительного искусства и письменной речи.

Комикс является лингвосоциокультурным феноменом благодаря необычному изложению текста, ярким поворотам, наличию различных специфических, нехарактерных для других жанров выражений.

Использование комплекса лингвистических методов позволило выявить особенности англоязычных комиксов на многих уровнях: лексике, грамматике, синтаксисе и фонетике. При анализе комиксов была отмечена тесная взаимосвязь между графическими и вербальными компонентами комикса, способствующая созданию специфической образности.

Автор исследует функционально-стилистический аспект англоязычных комиксов, а также фонетические и графические средства комикса, которые играют важную роль в создании прагматического потенциала комического текста.

Ключевые слова: комиксы, фонографические средства, ономатопея; фоностилистические особенности.

PHONOSTYLISTIC PECULIARITIES OF ENGLISH-LANGUAGE COMIC BOOKS

Research article

Starodubtseva E.A. *

ORCID: 0000-0002-8031-3474,

Moscow State University of Humanities and Economics Federal State Budget Educational Institution of Inclusive Higher Education Moscow, Russia

* Corresponding author (easma[at]ya.ru)

Abstract

Comics are a so-called creolized text, a combination of two parts that are different in nature: verbal and non-verbal. The latter belongs to a sign system that is different from the natural language. Comics have absorbed the features of fine art and written speech.

The comic strip is a linguo-sociocultural phenomenon due to the unusual presentation of the text, bright turns, the presence of various specific.

The use of theoretical foundations made it possible to identify the features of the English-language comics at many levels: vocabulary, grammar, syntax and phonetics. When analyzing comics, a close relationship between the graphic and verbal components of the comic book was noted, contributing to the enhancement of imagery.

The author tried to investigate the functional and stylistic aspects, the language of the comic book, as well as the phonetic and graphic means of the comic strip that play an important role in creating the pragmatic potential of the comic text.

Keywords: comics, onomatopoeia, phonographic means, phonostylistic peculiarities of comics.

Introduction

The comic strip is a cultural phenomenon represented in the advertising sphere, in cinematography, as well as in magazines. Despite the importance and polarity of comics, there is very little research on them as a phenomenon of linguistic culture. The presented research is carried out through the prism of linguistics, within which this issue has a low degree of development. The research material (comics «Simpsons Comics № 206», «Futurama Comics № 1», «Garfield», «Sin City: That Yellow Bastard № 1», «Naruto Side Story – The Path Shone By The Full Moon's Light», «V for Vendetta № 1», «Age of Ultron № 1», «Gen 13 № 1») [7] allows to come to some conclusions.

While selecting examples for the analysis, the method of corpus analysis was used, which made it possible to establish the frequency of appearing particular features and means. Methods of linguistic and sociolinguistic analysis were used as well, they helped to define phonostylistic, lexical and syntactical peculiarities of comics. This article deals with Phonostylistic peculiarities only.

Traditionally, comics appeared and became especially popular in Europe, especially in France.

This industry originated from the principles of the western school of comics, and the eastern traditions of manga. In turn, the Americans consider comics of their own production practically a national treasure. Festivals and exhibitions are held in honor of the comics. They are also subjects of scientific research and lectures.

The genre of comics is very diverse in its subject matter, and it often becomes the basis of film scripts. Comics subsequently became the art, such as the genre of cinema, photography, painting and literature, which was recorded by the French Academy. Moreover, value of comics is explained by their use for educational purposes and for professional development in the field of various professions.

Comics conquered the entire population, becoming an object of study. In particular, comics are attractive for linguistic research because they reflect an ever-changing language. In addition, comics allow to improve knowledge of a foreign language. Comics become a reflection of the national character. This is due to the fact that they contain phraseological units, features of humor and regional geographic information.

Today comics are read by people of all ages. For example, in America, comics are read by 85% of children and 65% of adults. The plots of children's comics are, in most cases, adventures, and comics for adults are presented in the form of different literary genres: science fiction, detective stories, humorous stories, etc.

Comics are now one of the most popular genres of popular culture around the world, from comic books in the United States to comic books with short strips or miniatures in Europe, from Chinese manhua to Japanese manga.

Historical Review

Since the middle of the twentieth century, comics have become the subject of close study as a result of the synergy of the visual and literary trends in art. This was a prerequisite for the opening of a special center for the study of comics in France.

The content and definition of comics have undergone many changes throughout their history. Today comics have become very popular and, with the advent of comics in various cultures, the question has arisen about their linguistic and paralinguistic characteristics.

From the point of view of linguistics, a comic strip (from the English comic — funny) is a series of drawings with short texts that form a coherent narrative. Appeared in the late 19th century in US newspapers. In the middle of the 20th century, comics are one of the most popular genres of mass culture. Modern comics have mostly lost their comic character, they were replaced by “horror” comics — about crimes, war, as well as comics that simplify the works of the classics.

At its core, a comic strip is a special way of storytelling, the text of which is a sequence of frames, in addition to a drawing, a verbal work, representing the characteristics of a character and enclosed in a special frame, while the drawing and the verbal text enclosed in it provide an organic semantic unity.

The popularity of these comics was also facilitated by the fact that the culture of book publishing improved, completely new technologies for making comics appeared. Over the years, artists and colorists have adapted to the bright colors and good print quality. At about the same time, coloring on the computer began, which later became the predominant technology.

Since the 2000s, the fashion for experimental comics began to wane. Now the overwhelming majority of comics were drawn on a computer, which, on the one hand, greatly facilitated the artist's work, and on the other, it lost its aesthetic and artistic uniqueness. But it is worth noting that some artists have learned to combine digital and traditional art, which leads to an even greater uniqueness and aesthetic value of such comics.

Initially comics were only a phenomenon of mass culture as an entertainment industry, then since the 1960s their artistic form and content have an integral artistic system, unique in their kind, as well as certain artistic criteria.

The word “comics” comes from the English comic, or “humorous”, which, in turn, began to be used at the beginning of the 20th century, when describing daily or weekly newspaper stories in pictures, most often of a humorous nature and called funnies. According to Bart Beaty, “the term has outlived its original meaning” and went beyond humorous stories: “cognitive dissonance can arise when the term “comic” is used to describe works of genres such as tragedy, romance, or story” [Groensteen, 2009: 131]. Moreover, the author notes the discrepancy between the term comic book, “the term refers us to a collection of funny stories, but in fact describes all types of publications and publications containing comics, and more often in magazine than book format”.

Phonostylistic peculiarities of comics

The main object of the study was the verbal components of the comic book, i.e. literal text, which includes the speech of the characters and the author's comment.

In general, the text of the comic can be characterized by brevity and conciseness. This allows the reader to capture the entire text at once. In the comic book, not only drawing, but also text is important.

It is the use of replicas of the characters that contributes to the fact that the author conveys oral speech in writing. Despite the fact that the comic book is considered a written genre, according to some signs, it tends to the oral form, which is associated with the limited space of the frame in which the replicas of the characters are located.

Placing heroes, their environment, and also text in one frame limits the use of long replicas, so the speech of the comic book characters consists of simple phrases and simple syntax. It is worth noting that, unlike cartoons and movies, the limiting factor of which is time, in the comic book the space imposes a limitation.

Comic texts are characterized by relatively simple syntactic structure, which is as close as possible to the spoken language. Since spoken language is simple enough to understand, comics are an entertaining genre. The speech of the heroes is characterized by dialogism, while the author seeks to make the statements of the heroes the most concise and capacious. Using a picture allows you to achieve this effect, because the picture contains a large amount of information. As a result, the syntax of the speech of the comic book characters is similar to the syntax of oral speech.

According to many linguistic studies, the spoken and book versions of the English language are quite diverging in structural terms.

A characteristic feature of the English comic book language at the phonetic level is onomatopoeia (onomatopoeia), which is a reproduction of the sounds of nature and the sounds accompanying some processes (for example, trembling, laughter, whistling, etc.), as well as cries, sounds of animals. However, some scholars believe that onomatopoeia does not carry lexical meanings.

Regarding comics, one can agree with the opinion of A. N. Tikhonov, who claims that although onomatopoeic words do not have a nominative function, they have lexical meanings and are full words [10, C. 74]. Thus, they carry linguistic information and are means of communication.

A distinctive feature of the comic book language is the frequent use of interjections and various onomatopoeic words. Using onomatopoeia, the author conveys more information and expresses the feelings of the characters.

The English language is characterized by such common onomatopoeic words as meow (cat), quack (duck), woof (dog barking), cock-a-doodle-do (rooster crowing). Since these units are in constant form, they are equally understood by all English speakers. Based on this, it can be assumed that onomatopoeia have a socially conscious semantic content.

In English comics, there are not only sounds made by animals, but also onomatopoeic words such as: *BIIIIP!* (car horn), *THIOUIHUIH ...* (alarm sound), *BAOOM!* (blast sound), *WRROOOAMM*, *TTTWRR ...* (motor sound), *PFFIOUUU*, *TA TATATA* (shot sound), *IIK!* (screach), etc.

The use of onomatopoeia serves the purpose of language compression. In addition, its use depends on the theme of the comics, in which fights, collisions, blows, screams, etc. can occur. Phonetically motivated signs are responsible for the quantitative and qualitative characteristics of sound, which makes it possible to "sound" a dumb text and bring it closer in impact to such types of mass culture as cinema and television. This effect is achieved through the use of onomatopoeias — onomatopoeic words. The category of sound becomes a unique textual category that can only function within the semiotic system of comics.

Onomatopoeia is very often regarded as interjection, but interjection and onomatopoeic words are significantly different. Unlike interjections, onomatopoeic words do not express emotions and feelings, they are imitations of specific natural sounds.

According to the majority of scientists, interjections are a category of words that serves to directly express emotions, feelings, expressions of will and calls without naming them. The language of the comic book can be simplified as a "concentrated" mixture of emotional reactions that follow the lines of the characters. Interjections are the most important element of this system and carry a significant stylistic load, visualizing emotional reactions and thereby bringing the comic book text closer to the oral form of communication.

So, interjections are words that directly express the feelings of the characters. In the implementation of the lexical meanings of interjections, the linguistic context, intonation, gestures and facial expressions are important. Typically, comics use lexicalized and individual interjections, but there presents the homonymy of interjections, which is found primarily among emotional interjections, so context is necessary. It should be noted here that such a meaning of interjections and particles directly depends on the context itself, since in other contexts we can see a different meaning, for example:

Table 1. – Interjections in Comics

1	<i>Aww, cripes!</i> (Marvel)
2	<i>Ta-ha. You're a mind-reader, Hisako</i> (Marvel).
3	<i>Hiya!</i> (Marvel)

The first example illustrates the interjection "Aww" widespread on the Internet with the contextual meaning of an irritated, angry exclamation, there is a homonymous interjection expressing tenderness and joy.

The last example is interesting because the English-language "Hiya" is defined in dictionaries as a spoken greeting:

Hiya (exclamation informal) —

1. *an expression said when people who know each other well meet: Hiya, Pete, how're you doing?* [2];
2. *the cool way to say hi* [8].

In the case of Marvel, "Hiya" is used to express a battle cry upon impact, which is rather an occasional meaning of an interjection.

One of the most frequently used interjections is *OK!*.

Interjection words serve to create emotional tension in the recipient, thereby performing an influencing function, and also carry a significant stylistic load, being a means of the character's speech characteristics.

Graphically motivated signs are an essential element of the semiotic system of comics and, unlike phonetically motivated signs, are universal, and some of them have even gone beyond the boundaries of the comic book text and function separately in advertising, the Internet, etc. These include such signs as: frame, bold type, phylactery, motion line, explosion, exclamation or question mark, notes and other symbolic images.

The most common means of graphically expressing text is to highlight words in bold. This is usually used to emphasize the main point.

Table 2. – Means of graphically expressing text

1	— <i>Sorry! I'm no good until my first morning beer!</i>
2	— <i>But it's two in the afternoon!</i>
3	— <i>What? I gotta get to Moe's!</i>
4	— <i>My name is special agent Barker. I'm with the National Security Committee.</i>
5	— <i>Sorry to bother you at this hour, Ms. Fairchild, but it was vital that we reach you today to inform you that you've been accepted into our Gen-13 program.</i>
6	— <i>You guys! Come quick! You gotta see this!</i>
7	— <i>How did it happened?</i>
8	— <i>Woo! Who needs ethics? Not us!</i>
9	— <i>Never had'em, never will!</i>
10	— <i>Nah, I just wanted to let you know that you're an idiot and Leela's a sappy know-it-all!</i>

Examples 1-3 are from Simpsons Comics, 2013. In example 3, we see an indication of the time that it is too late to drink beer, but since the hero only drinks beer with Mo, it must be emphasized that the hero will go to him, and not to the other.

Examples 4 and 5 (Gen-13) emphasize the status of a person, his importance and the name of the program, which is also very important. Therefore, it is important to preserve all these components, since they carry a semantic function.

Examples 6-9 (Futurama Comics) illustrate that font highlighting can also indicate an increased tone of the hero's voice, shows the emotionality of the sentences. In them we see surprise, joy, and disappointment — all these emotions are foiled due to the emphasis in font.

Example 12 shows that sometimes bold typeface is used to draw attention to particular words: proper names, words that especially highlight the hero or just words invented by the character or author of the comic strip, realities are also often highlighted, the equivalent of which is rarely found in another language as in this example of Futurama Comics. It is indicated how the hero characterizes others, their features.

Let us consider other phonographic means. Such means as one of the most striking means of characterizing a character is a common phenomenon presented in the text of the comic. In such cases, phonographic means are used in order to display loud speech, a drawn-out cry and, as a rule, are manifested in a quantitative change in the letter composition of a word.

Table 3. – Phonographic Means

1	— ≡ <i>Whisper! Whisper!</i> ≡ <i>Hunger games</i> ≡ <i>Whisper! Whisper!</i> ≡ <i>Lawsuit</i> ≡ <i>Whisper! Whisper!</i> ≡
2	<i>You can seeeee, by our outfits... That we are all he-eroes...</i> (Marvel)
3	<i>Ah was startin' t' figure you'd forgotten all 'bout me</i> (Marvel).
4	<i>Simplest solution is to boogie at top speed, faster'n they can catch me, 'til the poor dears run out o'gas</i> (Marvel).
5	<i>Ah was startin' t' figure you'd forgotten all 'bout me</i> (Marvel).
6	<i>Hang loose, sugah</i> (Marvel).
7	<i>The mutants aren't a community, punkin</i> (Marvel).

In example 1 from comic strip "Simpsons Comics", we can observe a special sign (≡), which is used to transmit soft sounds, or, as in the example, whisperings.

Another example of phonographic means is singing (example 2).

Often phonographic means are the leading component in reflecting sociolects and vernaculars and change the composition of the word on a qualitative basis. So, when analyzing the material, elisions were found, variants of the final -ing, as well as widespread colloquial forms of words (examples 3-5).

Non-standard spoken "pronunciation" of words is also reflected through phonographic means (examples 6-7).

A comic strip is a rich, creolized text, in which the characters of the heroes, their socio-cultural and speech originality are presented extremely vividly and sometimes exaggerated. Phonographic tools are an integral part of comics and, performing a range of functions, from the representation of colloquial speech to sociocultural and stylistic functions, play an important role in creating the pragmatic potential of the comic text.

Conclusion

The linguistic aspect of studying comics is very diverse and represents a certain complex, consisting of several levels, each of which can be studied separately. The text of the comic is characterized by features typical of a literary text: emotionality, expressiveness, imagery, use of slang, a pronounced individuality of the author and expressive means that enrich the language of the text.

The analysis performed allows us to draw a number of conclusions regarding the peculiarities of the comic book text.

1. Onomatopoeia and interjections in comics reveals similar problems associated with the unformed systems of onomatopoeia and interjections in both languages, differences in the frequency of the use of such lexical units in English and Russian, as well as the presence of

a) onomatopoeia and interjections proper;

b) onomatopoeia and interjections modified by means of phonetic-graphic means.

2. Graphic representation of the phonetic features of colloquial speech, as well as typical deviations from the phonetic norm associated with the emotional and physical state of the character, play an important role in creating the pragmatic potential of the comic book text.

In this study, the main directions of the analysis of the phonostylistic means of comics are outlined, but this problem is not exhausted.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Bateman J. A. Text and Image, A Critical Introduction to the Visual/Verbal Divide / J. A. Bateman. – New York : Routledge, 2014. – 292 p.
2. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/> (дата обращения: 30.08.2021)
3. Eisner, W. Theory of Comics and Sequential Art / W. Eisner. — Tamarac, Florida: Poorhouse Press, 1985., — 164 p.
4. Groensteen T. The System of Comics / T. Groensteen. – Jackson : University Press of Mississippi, 2009. – 188 p.

5. Harvey, R. Comedy At The Juncture Of Word And Image / R. Harvey // The Language of Comics: Word and Image. — Jackson, Mississippi: University Press of Mississippi, 2001., — pp. 75–96.
6. Mey K.-A. L. Pragmatic Aspects of Comics // Concise Encyclopedia of Pragmatics / ed. Jacob L. Mey. — Oxford : Elsevier Ltd., 2009. — P. 80–85.
7. Read Comics Online [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.comicextra.com/> (дата обращения: 30.08.2021)
8. Urban Dictionary [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 30.08.2021)
9. Макклауд С. Суть Комикса [Электронный ресурс] / Макклауд С. // Авторский комикс. — URL: <https://acomics.ru/~understanding-comics/1> (дата обращения: 30.08.2021)
10. Тихонов А. Н. Междометия и звукоподражания – слова? / Тихонов А. Н. // Русская речь, вып. №5. М.: Наука, 1981. С. 72-76.

Список литературы на английском / References in English

1. Bateman J. A. Text and Image, A Critical Introduction to the Visual/Verbal Divide / J. A. Bateman. — New York : Routledge, 2014. — 292 p.
2. Cambridge Dictionary [Electronic resource]. — URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/> (accessed 30.08.2021)
3. Eisner, W. Theory of Comics and Sequential Art / W. Eisner. — Tamarac, Florida: Poorhouse Press, 1985., — 164 p.
4. Groensteen T. The System of Comics / T. Groensteen. — Jackson : University Press of Mississippi, 2009. — 188 p.
5. Harvey, R. Comedy At The Juncture Of Word And Image / R. Harvey // The Language of Comics: Word and Image. — Jackson, Mississippi: University Press of Mississippi, 2001., — pp. 75–96.
6. Mey K.-A. L. Pragmatic Aspects of Comics // Concise Encyclopedia of Pragmatics / ed. Jacob L. Mey. — Oxford : Elsevier Ltd., 2009. — P. 80–85.
7. Read Comics Online [Electronic resource]. — URL: <https://www.comicextra.com/> (accessed 30.08.2021)
8. Urban Dictionary [Electronic resource]. — URL: <https://www.urbandictionary.com/> (accessed 30.08.2021)
9. Makklau C. Sut' Komiksa [The essence of the comic] [Electronic resource] / Makklau C. // Avtorskij komiks. — URL: <https://acomics.ru/~understanding-comics/1> (accessed: 30.08.2021) [in Russian]
10. Tihonov A. N. Mezhdometiya i zvukopodrazhaniya – slova? [Interjections and onomatopoeia - words?] / Tihonov A. N. // Russkaya rech', vyp. №5. M.: Nauka, 1981. P. 72-76. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.27.3.23>**КОНЦЕПТЫ «ЧИНОВНИК», «ГОССЛУЖАЩИЙ» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА**

Научная статья

Лыткина О.И.^{1*}, Долгенко А.Н.²^{1, 2} Московская академия Следственного комитета РФ, Москва, Россия

* Корреспондирующий автор (lytkinaoi[at]yandex.ru)

Аннотация

Статья представляет собой исследование концептов «Чиновник» и «Госслужащий» в русской языковой картине мира. На материале публицистических текстов, толковых и аспектных словарей русского языка, а также Интернет-ресурсов с использованием дефиниционного, контекстуального, описательно-аналитического методов, контент-анализа, приема сплошной выборки, количественного подсчета определяется структура и содержание изучаемых концептов. Сделан вывод о сходстве и различии в функционировании концептов в русской языковой картине мира.

Ключевые слова: русская языковая картина мира, концепт, чиновник, госслужащий.

ON THE CONCEPTS "OFFICIAL" AND "CIVIL SERVANT" IN THE RUSSIAN LINGUISTIC WORLDVIEW

Research article

Lytkina O.I.¹, Dolgenko A.N.² *^{1, 2} Moscow Academy of Investigation Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

* Corresponding author (lytkinaoi[at]yandex.ru)

Abstract

The article is a study of the concepts "Chinovnik" (official) and "gosslužhashchiy" (civil servant) in the Russian linguistic worldview. The study determines the structure and content of the concepts under study through the use of journalistic texts, explanatory, aspect dictionaries of the Russian language, online resources as well as definitional, contextual, descriptive and analytical methods, content analysis, continuous sampling, and quantitative counting. The authors come to conclusion on the similarity and difference in the functioning of concepts in the Russian linguistic worldview.

Keywords: Russian linguistic worldview, concept, official, civil servant.

Введение

Статья посвящена изучению концептов «Чиновник», «Госслужащий» в русской языковой картине мира. Выбор темы обусловлен актуальностью исследования проблемы отражения культуры в языке и описания национальной концептосферы. Особую важность представляет описание ключевых концептов, к которым, без сомнения, относится концепт «Чиновник». Об этом свидетельствуют работы, посвященные конструированию образа чиновника в русской литературе [3], лингвистике [5, 26], исторической науке [6], социологии [4], [20], [24], культурологии [7], психологии, педагогике [27] и т.д., а также сопоставительные исследования концепта «Чиновник» [23], [25].

Несмотря на накопленный опыт в исследовании ключевых концептов в отечественной лингвистике, само понятие концепта требует пояснения, поскольку содержание термина «концепт» определяется в зависимости от отрасли языкознания. В данной работе концепт рассматривается с позиции лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. В качестве рабочего было взято определение, данное Ю.Е. Прохоровым в монографии «В поисках концепта». Итак, концепт — «сложившаяся совокупность правил и оценок организации элементов хаоса картины бытия, детерминированная особенностями деятельности представителей данного лингвокультурного сообщества, закрепленная в их национальной картине мира и транслируемая средствами языка в их общении» [13, С. 159].

Что касается структуры концепта, нам представляется важным утверждение ученых З.Д. Поповой и И.А. Стернина о наличии у трех базовых структурных компонентов концепта: образе, информационном содержании и интерпретационном поле [11, С. 74-80].

Образный компонент в структуре концепта состоит из перцептивного образа, являющегося результатом отражения им окружающей действительности при помощи органов чувств, и когнитивного (метафорического) образа, являющегося результатом метафорического осмысления действительности. Информационное содержание включает когнитивные признаки, «характеризующие его важнейшие дифференциальные черты, обязательные составные части, основную функцию и под.» [11, С. 77]. Интерпретационное поле образуется когнитивными признаками, интерпретирующими основное информационное содержание концепта, которые можно объединить в энциклопедическую, утилитарную, прагматическую, регулятивную, общеоценочную, социально-культурную и др. зоны.

Методы и принципы исследования

В нашем исследовании для описания содержания концептов «Чиновник» и «Госслужащий» были использованы такие методы, как дефиниционный, контекстуальный и метод контент-анализа, прием сплошной выборки, количественного подсчета и описательно-аналитический метод.

Материалом для исследования послужили данные национального корпуса русского языка за последние 10 лет (всего было проанализировано 447 примеров с вхождением лексемы «чиновник» и 141 пример — с вхождением лексемы «госслужащий» из газетного подкорпуса) [8], ассоциативных, толковых и аспектных словарей русского языка [2], [9], [16], [17] и др., а также Интернет-ресурсов.

Основные результаты

Как показал анализ лексикографических источников, понятийная составляющая содержания концепта «Чиновник» представлена такими номинациями, как «государственный служащий», «должностное лицо», «государство».

Образная составляющая, установленная путем анализа лексической сочетаемости лексемы-номинанта концепта и ассоциативных реакций, представлена следующими эпитетами: высокопоставленный, высокого ранга, влиятельный, государственный, крупный, кремлевский, отечественные, российские, особых поручений, федеральные, городские, местные, региональные, из администрации/из мэрии/из Белого дома, в костюме и галстуке. Следует отметить, что список глаголов, употребляющихся с лексемой-номинантом концепта, свидетельствует о том, что чиновник чаще всего связывается в сознании носителей русского языка с источником информации, ср., например: добавил/заявил/написал/отметил/подчеркнул/пообещал/пояснил/призвал/признал/рассказал/сказал/сообщил/считает/утверждает.

Оценочная составляющая представлена самыми многочисленными и разнообразными репрезентантами. К ним относятся 1) существительные: бюрократ, взяточник, жулик, патриот, паразит, феодализм, злоупотребление, вседозволенность; 2) прилагательные: исполнительный, недалекий, невежественный, ушлый, равнодушный, бессовестный, нечист на руку, нерасторопен, неподотчетен закону и общественному контролю; 3) глаголами: признал (вину), заламывает (руки), потребовал (взятку), получил (взятку); 4) наречия: незаконно. См., например, некоторые примеры: «Что там ни говори, а для правильного хода дел в государстве и нанесения настоящей пользы Отечеству чиновник должен быть честен, исполнитель и недалёк»; «Разве не аномален высокого ранга чиновник, руководящий очень ответственной и хрупкой сферой нашей жизни и поражающий всех своим очевидным невежеством!»; «Ну узнает народ, что чиновник — вор»; «В своем заявлении они утверждают, что местные чиновники незаконно отдали в аренду на 30 лет охотничьему клубу земельный участок в Ловозерском районе, где проживают саамы» и т.д. [8].

Как видно из результатов наблюдения, в русской языковой картине мира складывается негативный образ чиновника, ср.: «Само слово *чиновник* в основном функционирует в бытовой сфере и так же, как в прошлые времена, вызывает негативные эмоции, связанные с тем, что многие чиновники выполняют свою работу формально, без живого участия в деле и сочувствия человеку, связаны с коррупцией» [15, С. 619-620].

Вывод подтверждается данными толковых словарей русского языка, которые, как известно, отражают языковую картину мира народа. Например, в толковых словарях С.И. Ожегова и Д.Н. Ушакова вторым значение слова «чиновник» указывается следующее: человек, относящийся к своей работе с казенным равнодушием, без деятельного интереса, бюрократ (перен.) [9], [22].

Интересно отметить, что в синонимическом ряду с доминантой «чиновник» слова с негативной оценкой являются преобладающими, ср., например: буквоед, бумажная душа, бюрократ, волокитчик, канцелярист, канцелярская крыса, крапивное семя, официал, пенсионарий, приказная строка, приказный крючок, сановник, службист, функционер, чернильная душа, чернильная крыса, чинарик, чинодрал, чинуша, ябеда и др. [17].

Сложившаяся традиция восприятия чиновника находит свое выражение в экспрессивных устойчивых оборотах чаще всего с оттенком иронии или неодобрения, например: Чин чина почитай (ирон.); Чин чинарём/ Чин чином (экспрес.); Вывести/выйти в чины (выводить/входить в чины); Не по чину; Кто в чин вошел лисой, тот в чине будет волком и др.

Показательны также многочисленные статьи и интервью о том, почему молодежь выбирает госслужбу вместо того, чтобы заниматься бизнесом. Когда речь идет о злоупотреблениях на госслужбе, употребляется лексема «чиновник», но когда речь идет о реалиях государственной службы функционирует лексема «госслужащий». См., например, ответы губернаторов и специалистов на вопрос журналиста: «... доходы здесь будут ниже, чем в корпоративном секторе, а работать придется больше. Государственная служба, это не легкая прогулка. Бывает, что рабочий день может длиться и двенадцать часов, и больше» [1]; «У госслужащих нет абсолютно никаких благ. Одни запреты: мы за свой счет ездим в райцентр, чтобы сдавать отчеты, заявления населения на матпомощь и пособия» [14]; «Почему молодые люди в России больше хотят стать чиновниками, чем предпринимателями?». Практически каждый ответ респондента представлял попытку развенчания сложившихся стереотипов о чиновниках: «Но глубоко ошибаются те, кто думает, что должность государственного служащего — это некая синекура, теплое местечко, где можно сделать карьеру, ничего по сути не делая»; «...в представлении многих молодых людей работа чиновника «не пыльная», а уровень дохода высокий, что у каждого чиновника персональный автомобиль и многие другие материальные блага»; «Во-вторых, бюрократия в любой стране — это коллективно безответственная, но при этом довольно благополучная сущность. В-третьих, разговоры об «откатах чиновникам» сыграли злую шутку. Некоторые думают, что очень скоро зарплата им станет не нужна» и др. [12].

Таким образом, можно говорить о двух концептах в русской языковой картине мира — «Чиновник» и «Госслужащий», содержание которых совпадает в понятийной составляющей, но различное в интерпретационной и оценочной части. Оценочную часть в структуре концепта «Госслужащий» можно охарактеризовать как нейтральную и даже положительную, о чем свидетельствуют такие репрезентанты, как «сотрудник», «деятельность», «культура»/«речевая культура», «услуга», «страна», «государство», «обязан», «должен служить, работать» и др.

Интерпретационная составляющая концепта «Госслужащий», по результатам сочетаемости имени концепта «Госслужащий», ассоциативных экспериментов и словарей нашего исследования, представлена следующими 1) существительными: бюджетник, зарплата, интеллигенция, ведомство, сокращение, повышение, увольнение, работник, бюджет, гражданин, администрация, РФ, должность, правительство, депутат, реформа, представитель, документ, тарифная ставка и др. 2) прилагательными: заработный, служащий, налоговый, кадровый, государственный, активный, общественный, иностранный, основной, социальный и др.; 3) глаголами: занимать, платить, включить, пребывать, запретить, увеличить и др.; 4) наречием: порядком.

Заключение

Итак, концепты «Чиновник» и «Госслужащий» можно отнести к группе ключевых концептов, позволяющих описать область отношений человека и государства в русской языковой картине мира. Следует говорить о двух концептах – «Чиновник» и «Госслужащий», содержание которых совпадает в понятийной части, но различно в интерпретационной и оценочной.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Гомзикова С. Молодежь выбирает: Пойдем в чиновники! [Электронный ресурс] / Гомзикова С. – URL: <https://svpressa.ru/society/article/298767/> (дата обращения 30.08.2021).
2. Карта слов и выражений русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <https://kartaslov.ru/> (дата обращения 29.08.2021).
3. Кошелев В.А. «Понимать не понимаю, а отвечать могу»: образ русского чиновника у Н.В. Гоголя и писателей «гоголевского направления» / Кошелев В.А. // Литература в школе. 2009. № 2. С. 2-6.
4. Лазукова Е.А. Категории «госслужащие», «чиновничество» и «бюрократия» / Лазукова Е.А. // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2013. – № 18. – С. 52-59.
5. Лыткина О.И. Структура и содержание концепта «чиновник» в наивной картине мира / Лыткина О.И. // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка. Тезисы III Всероссийской научной конференции. Научный редактор А.В. Рудакова. – Воронеж: Истоки, 2017. – С. 62-65.
6. Михайленко Е.И. Проблемы и возможности конструирования образа в исторической науке (на примере образа сибирского чиновника российской империи) / Михайленко Е.И. // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. – 2020. – Т. 7. – № 1 (25). – С. 21-27.
7. Назаренко О.Г. Концепт «чиновник» в текстах отечественной культуры: Автореф. дис. ... кандидата культурологии. – Владивосток, 2007 – 27 с.
8. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 25.08.2021).
9. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Рос. АН, Ин-т рус. яз., Рос. фонд культуры. М.: Азъ, 1992. 955 с.
10. Подцероб М. Почему молодые специалисты хотят быть чиновниками [Электронный ресурс] / Подцероб М. – URL: <https://www.vedomosti.ru/career/articles/2021/07/07/877146-molodie-spetsialisti> (дата обращения 30.08.2021).
11. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / Попова З.Д., Стернин И.А. – Москва: АСТ: «Восток-Запад», 2007. – 314 с.
12. Почему молодые люди в России больше хотят стать чиновниками, чем предпринимателями? // Прямые инвестиции № 2. 2011. С.16-17.
13. Прохоров Ю.Е. В поисках концепта / Прохоров Ю.Е. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 170 с.
14. Работа госслужащего: ожидание и реальность [Электронный ресурс]. – URL: <https://journal.tinkoff.ru/gossluzhba-expectations/> (дата обращения 30.08.2021).
15. Россия. Большой лингвострановедческий словарь / Под общ. ред. Ю.Е. Прохорова. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. 736 с.
16. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php>. Дата последнего обращения (дата обращения 25.08.2021).
17. Сайт синонимов [Электронный ресурс]. – URL: <http://словарь-синонимов.рф/> (Дата обращения 25.08.2021).
18. Сеть словесных ассоциаций [Электронный ресурс]. – URL: <https://wordassociations.net/ru/> (дата обращения 25.08.2021).
19. Сеть словесных ассоциаций [Электронный ресурс]. – URL: <https://wordassociations.net/ru/> (дата обращения 28.08.2021).
20. Славко Т.И. Социальный портрет советского чиновника периода «хрущевской оттепели»: к постановке проблемы исследования / Славко Т.И. // Управление документацией: прошлое, настоящее, будущее = Records management: past, present, future: Материалы III-ей Международной практической конференции, посвященной памяти профессора Т. В. Кузнецовой. – М.: РГГУ, 2017. - С. 287-291.
21. Словарь ассоциаций [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.reright.ru> (дата обращения 25.08.2021).
22. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Д. Н. Ушаков и др.; Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 4: С-Я. М.: Рус. словари, 1994. 1417 с.
23. Тунзцин С. Концепт «Чиновник» в русской языковой картине мира на фоне китайского языка / Тунзцин С. // Вопросы гуманитарных наук. - 2015. - № 1. - С. 51-53.
24. Ханнанова Т.Р. Образ чиновника будущего / Ханнанова Т.Р., Исангулова Д.Р. // Экономика и социум. - 2014. - № 4-6 (13). - С. 525-527.
25. Цайся П. Содержание антиценности в современной китайской культуре: экспериментальное исследование / Цайся П. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. - 2018. - № 13 (807). - С. 225-234.

26. Чернец Е.В. Образ чиновника в языковом сознании / Чернец Е.В. // Вестник Челябинского государственного университета. - 2011. - № 28 (243). - С. 144-146.

27. Чунихина С.Л. Образ чиновника: шесть типов восприятия / Чунихина С.Л. // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. - 2014. - № 47. - С. 193-197.

Список литературы на английском / References in English

1. Gomzikova S. Molodezh' vybiraet: Pojdem v chinovniki [The youth chooses: Let's go to the officials!] [Electronic resource] / S. Gomzikova - URL: <https://svpressa.ru/society/article/298767/> (accessed: 30.08.2021) [in Russian]

2. Karta slov i vyrazhenij russkogo jazyka [Map of words and expressions of the Russian language] [Electronic resource] - URL: <https://kartaslov.ru/> (accessed: 29.08.2021) [in Russian]

3. Koshelev V. A. «Ponimat' ne ponimaju, a otvechat' mogu»: obraz russkogo chinovnika u N.V. Gogolja i pisatelej «gogolevskogo napravlenija» ["I don't understand, but I can answer": the image of a Russian official in N. V. Gogol and the writers of the "Gogol direction"] / Koshelev V. A. // Literatura v shkole [Literature at school]. 2009. № 2, pp. 2-6 [in Russian]

4. Lazukova E. A. Kategorii «gossluzhashhie», «chinovnichestvo» i «bjurokratija» [Categories "civil servants", "officialdom" and "bureaucracy"] / E. A. Lazukova // Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Social'no-ehkonomicheskie nauki [Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Socio-economic sciences]. - 2013. - No. 18. - pp. 52-59 [in Russian]

5. Lytkina O. I. Struktura i sodержanie koncepta «chinovnik» v naivnoj kartine mira [The structure and content of the concept "official" in the naive picture of the world] / O. I. Lytkina // Znachenie kak fenomen aktual'nogo jazykovogo soznaniya nositelja jazyka. Tezisy III Vserossijskoj nauchnoj konferencii. Nauchnyj redaktor A.V. Rudakova [Meaning as a phenomenon of the actual linguistic consciousness of a native speaker. Abstracts of the III All-Russian Scientific Conference. Scientific editor A.V. Rudakova]. - Voronezh: Istoki, 2017. - pp. 62-65 [in Russian]

6. Mikhailenko E. I. Problemy i vozmozhnosti konstruirovaniya obraza v istoricheskij nauke (na primere obraza sibirskogo chinovnika rossijskoj imperii) [Problems and possibilities of constructing an image in historical science (on the example of the image of a Siberian official of the Russian Empire)] / E. I. Mikhailenko // Vestnik Omskogo universiteta. Serija: Istoricheskie nauki [Bulletin of Omsk University. Series: Historical Sciences]. - 2020. - Vol. 7. - № 1 (25). - pp. 21-27 [in Russian]

7. Nazarenko O. G. Koncept «chinovnik» v tekstakh otechestvennoj kul'tury: Avtoref. dis. ... kandidata kul'turologii [The concept of "official" in the texts of national culture: extended abstract of Candidate's thesis. Culturology. / O. G. Nazarenko. - Vladivostok, 2007-27 p. [in Russian]

8. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka [The National Corpus of the Russian language] [Electronic resource]. - URL: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed 25.08.2021) [in Russian]

9. Ozhegov S. I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Explanatory dictionary of the Russian language] / S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova; Russian Culture Fund. Moscow: Az, 1992. 955 p. [in Russian]

10. Podtserob M. Pochemu molodye specialisty khotjat byt' chinovnikami [Why young specialists want to be government officials] [Electronic resource] / M. Podtserob. - URL: <https://www.vedomosti.ru/career/articles/2021/07/07/877146-molodie-spetsialisti> (accessed 30.08.2021) [in Russian]

11. Popova Z. D. Kognitivnaja lingvistika [Cognitive linguistics] / Z. D. Popova, I. A. Sternin - Moscow: AST: "Vostok-Zapad", 2007 - - 314 p. [in Russian]

12. Pochemu molodye ljudi v Rossii bol'she khotjat stat' chinovnikami, chem predprinimateljami? [Why do young people in Russia want to become government officials more than entrepreneurs?] // Прямые инвестиции [Direct Investments] No. 2. 2011, pp. 16-17 [in Russian]

13. Prokhorov Yu. E. V poiskakh koncepta [In search of a concept] / Yu. E. Prokhorov - M.: Flinta: Nauka, 2008. - 170 p. [in Russian]

14. Rabota gossluzhashhego: ozhidanie i real'nost' [The work of a civil servant: expectation and reality] [Electronic resource] - URL: <https://journal.tinkoff.ru/gossluzhba-expectations/> (accessed 30.08.2021) [in Russian]

15. Rossijskaja Bol'shoj lingvostranovedcheskij slovar' [Russia. Large linguistic and cultural dictionary] / edited by Yu. E. Prokhorov. - M.: AST-PRESS BOOK, 2009. 736 p. [in Russian]

16. Russkijj associativnyj slovar'. V 2 t. [Russian associative dictionary. In 2 volumes] / Yu. N. Karaulov, G. A. Cherkasova, N. V. Ufimtseva, Yu. A. Sorokin, E. F. Tarasov [Electronic resource]. - URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php>. The date of the last request (the date of the request is 25.08.2021) [in Russian]

17. Website of synonyms [Electronic resource]. - URL: <http://словарь-синонимов.rf/> (accessed: 25.08.2021) [in Russian]

18. Website of verbal associations [Electronic resource] - URL: <https://wordassociations.net/ru/> (accessed 25.08.2021) [in Russian]

19. Website of verbal associations [Electronic resource] - URL: <https://wordassociations.net/ru/> (accessed 28.08.2021) [in Russian]

20. Slavko T. I. Social'nyj portret sovetskogo chinovnika perioda «khrushhevskojj ottepeli»: k postanovke problemy issledovaniya [Social portrait of a Soviet official during the "Khrushchev thaw": towards the formulation of the research problem] / T. I. Slavko // Upravlenie dokumentaciej: proshloe, nastojashhee, budushhee = Records management: past, present, future: Materialy III-ej Mezhdunarodnoj prakticheskijj konferencii, posvjashhennoj pamjati professora T. V. Kuznecovojj [Documentation management: past, present, future = Records management: past, present, future: proceedings of the III-th International Practical Conference dedicated to the memory of Professor T. V. Kuznetsov]. - M.: Russian State University for the Humanities, 2017. - pp. 287-291 [in Russian]

21. Dictionary of Associations [Electronic resource]. - URL: <http://www.reright.ru> (accessed: 25.08.2021) [in Russian]

22. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: V 4 t. [Explanatory dictionary of the Russian language: In 4 volumes] / D. N. Ushakov et al.; Edited by D. N. Ushakov. Vol. 4: S-Ya. M.: Rus. slovari, 1994. 1417 p. [in Russian]

23. Tunztsin S. Koncept «Chinovnik» v russskojj jazykovojj kartine mira na fone kitajjskogo jazyka [The concept of "Official" in the Russian language picture of the world against the background of the Chinese language] / S. Tunztsin // Voprosy gumanitarnykh nauk [Issues of the humanities]. - 2015. - No. 1. - pp. 51-53 [in Russian]
24. Hannanova T. R. Obraz chinovnika budushhego [The image of an official of the future] / T. R. Khannanova, D. R. Isangulova // Ehkonomika i socium [Economy and society]. - 2014. - № 4-6 (13). - pp. 525-527 [in Russian]
25. Tsaysya P. Soderzhanie anticennosti v sovremennoj kitajjskojj kul'ture: ehksperimental'noe issledovanie [The content of anti-value in modern Chinese culture: an experimental study] / P. Tsaysya // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities]. - 2018. - № 13 (807). - pp. 225-234 [in Russian]
26. Chernets E. V. Obraz chinovnika v jazykovom soznanii [The image of an official in the language consciousness] / E. V. Chernets // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Chelyabinsk State University]. - 2011. - № 28 (243). - pp. 144-146 [in Russian]
27. Chunikhina S. L. Obraz chinovnika: shest' tipov vosprijatija [The image of an official: six types of perception] / S. L. Chunikhina // Lichnost', sem'ja i obshchestvo: voprosy pedagogiki i psikhologii [Personality, family and society: questions of pedagogy and psychology]. - 2014. - No. 47. - pp. 193-197 [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.27.3.26>

МОЗАИКА СЛОВЕСНОГО УДАРЕНИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ АНГЛИЙСКОМ: ВАРИАТИВНОСТЬ ПОСТАНОВКИ И ВОСПРИЯТИЯ

Научная статья

Шевченко Т.И.¹, Романова Е.Ю.² *^{1, 2} Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

* Корреспондирующий автор (catrom[at]rambler.ru)

Аннотация

В статье рассматривается специфика постановки словесного ударения в странах трех концентрических кругов Б. Качру. По данным словарей и корпусных исследований английского языка в странах «внутреннего круга», основные различия в постановке словесного ударения между американским и британским стандартами (2,5% многосложных слов) находят свое отражение и в произносительных нормах Канады, Австралии и Новой Зеландии (примерно 24% лексикона). Для американского английского характерна ямбическая модель ударения в двусложных словах французского происхождения. В канадском английском чаще используются американские модели ударения, чем британские (41,7 к 36,1%), а также исконные канадские со второстепенным ударением (22,2%). В австралийском английском, наоборот, преобладают британские модели (46,6% к 29,7% американским), в то время как австралийские употребляются в 23,7% случаев. Для новозеландского произносительного стандарта характерно частое использование второстепенного ударения. Страны «внешнего круга», представленные регионами Южной Азии и Африки, имеют свою специфику, отличную друг от друга. Так, в индийском английском правила постановки словесного ударения на 70% совпадают с нормами британского эталона, в 30% случаев сказывается влияние языков-субстратов. В английском языке Камеруна и Нигерии часто происходит сдвиг словесного ударения в соответствии с рецессивной тенденцией. Особенности постановки ударения в английском языке стран «расширяющегося круга» отличаются еще большим разнообразием, что подтверждается использованием тонов вместо ударения в китайском английском и преобладанием качественно-количественного ударения в русском варианте английского языка.

Ключевые слова: английское словесное ударение, глобальный английский, языковые контакты, постановка ударения, приемы выделения.

WORD STRESS MOSAIC OF GLOBAL ENGLISH: PLACEMENT AND PERCEPTION VARIANCE

Research article

Shevchenko T.I.¹, Romanova E.Yu.² *^{1, 2} Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

* Corresponding author (catrom[at]rambler.ru)

Abstract

The study presents an overview of word stress variation in global English, arranged according to Kachruvian circles. The “inner circle” description is based on dictionaries and corpora data. The main distinctions between American English and British English in stress placement (2.5% of polysyllabic words) are also reflected in Canadian, Australian and New Zealand varieties, supplemented in each case by identifying national features (around 24% of the lexicon). American English is noted for an iambic pattern in disyllables of French origin. Canadian English demonstrated a slightly higher percentage of American patterns than British (41.7 vs. 36.1%) and a number of original Canadian ones (22.2%), predominantly with secondary stresses. In Australian data British patterns are more common than American (46.6% vs. 29.7%), while specific Australian ones account for 23.7%. New Zealand variety developed a greater number of secondary stresses, whereas Australian English ignored most of them. In the “outer circle” indigenized varieties of South-Asian region, like India and Singapore, are distinct from African varieties in Cameroon and Nigeria. In educated Indian English patterns common with the British standard account for 70% of stresses, while 30% bear the traces of the substrata, being particularly quantity-sensitive. Cameroonian and Nigerian Englishes shift stress either following the recessive tendency without exceptions or the “forward” one. Apart from differences in stress placement speakers of New Englishes are characterized by their choice of prominence cues. The “expanding circle” is still more diverse, as is manifested by Mandarin Chinese English with tone replacing stress, and “Russian Englishes”, defined as possessing a quantitative-qualitative stress. Implications for intercultural communication are suggested.

Keywords: English word stress, global English, language contact, stress placement, prominence cues.

Introduction: language contacts' effect

Social history and language/dialect contacts cause language change, and stress system, although it is a relatively stable part of phonology, changes with time as well. The French language impact starting from the XIth c. onwards, was most dramatic in history resulting in the “hybrid” nature of English lexicon with two competing tendencies: the *recessive tendency*, the Germanic rule, attracting stress to the initial root syllable and the Romance rule of counting from right to left, which together with the alternating *rhythmic tendency* produced new patterns with primary and secondary stresses.

The stress system of English is considered to be rather complex as there are other factors to be taken into account, namely, the morphological structure of the word (the *retentive tendency* in derivatives; affix-neutral and affix-attracting structures), word class (noun or verb), number of syllables. In the database “StressTyp2” which comprises 451 languages of the world, English is defined as “*bound, quantity-sensitive, edge-sensitive, with predominant trochaic rhythm*” [17]. Most of these features are realized in English world-wide but still the diversity of stress patterns and their distribution is immense, which is due to language contacts, viewed in historical perspective [3].

Inner circle

We could start with British English whose standard is canonized in pronunciation dictionaries. Recent studies gave new evidence of slow but constant development of the accentual norms in English [2], [10]. Thus, for instance, 81% of respondents in UK selected the stress on the second syllable in *hos`pitable*, while 19% still voted for *`hospitable*. In American English the stress is still on the first syllable [23, P. 388].

Comparative analysis of British and American stress patterns based on dictionaries yielded 910 cases of primary stress differences which are estimated at 2.5% of polysyllabic words in the lexicon [8] and 1390 cases of both primary and secondary stress placement distinctions [3]. The deviant cases were described as low frequency words, French loans or proper names mainly, with stress on the second syllable in disyllables (*iambic rhythm*) in American English (57.4%): *ba`llet*, *bu`ffet*, *ca`fe*, *Mo`net*, which will correspond to the stress on the first syllable (*trochaic rhythm*) in British English (66.4%): *`ballet*, *`buffet*, *`caf  *. As the statistics shows, there are exceptions to these rules: American verbs finishing with *—ate*, for instance, have stress on the first syllable, just like the British ones: *`probate*, *`deprecate*. *no`tate*, *fi`xate*, *do`nate*; *`notate*, *`fixate*, *`donate*. Verbs with affixes demonstrate both convergence and divergence of forms, with the former prevailing [5].

By applying the list of British-American deviant stress patterns (1390) in the overall analysis of stress patterns in Canadian, Australian and New Zealand national dictionaries, the relative share of either group was estimated. In Canadian English there is a slightly higher percentage of American patterns compared to British ones (41.7 vs. 36.1%), while in Australian English the British patterns come first (46.6% vs. 29.7%). Apart from the British and American patterns each variety developed specific national patterns, not to be found in either major variety. In Canadian English there are up to 22.2% and in Australian as many as 23.7 % of nationally specific patterns. Typically, Canadian patterns have more secondary stresses: *`de`tail*, *`ba`llet*, *`frag`ment*, *`gaso`line*, *`parti`san* [6]. In Australian English, there is an opposite tendency of ignoring secondary stresses, a feature quite unexpected in a long English word: *semi`colon*, *acade`mician*, *cinemato`graphic* [1]. New Zealand, unlike the Australian variety, introduced more secondary stresses and made use of still smaller number of American patterns [4].

The following issues have to be raised in connection with the data presented above:

- the origin of deviant cases (innovations) in stress placement;
- the frequency of the words in which deviant patterns are registered.

The origin of British vs. American differences is traced back to the history of Romance borrowings which have preserved their stress patterns at the time when American standard was established in close contact with other languages and dialects of Europe. Canadian English patterns can be accounted for by the continuing contact with French, while New Zealand is widely attested to experience the impact of the Maori language [4].

Concerning the *frequency of occurrence* of words with deviant patterns, it was claimed by the researchers [8], [3] that the words which were pronounced differently in UK and the USA are of very low frequency. However, anyone who could participate in the cross-dialectal communication had a chance of hearing such common words as *detail*, *address*, *buffet*, *princess*, *secretary*, *research* with varying stress patterns on the two sides of the Atlantic. When three national corpora were checked for the frequency of 1390 words, 79 words on the list proved to be of equal medium frequency in British, American and Canadian speech. That evidenced their functional value in the cross-dialectal communication [6].

Outer circle

In post-colonial varieties of English, based on contacts with South-Asian indigenized languages, there is a combination of features typical of the area and the dominant recessive tendency governed by native English. South-Asian languages are reported to be *quantity-sensitive* [16] and have no word stress in their phonological systems [13], though some authors may disagree on the point [18]. The point is that the recessive tendency is sometimes realized with no exceptions found in native English. Being quantity-sensitive, the South-Asian varieties shift the stress and place it on the syllable which is *heavy* (long vowel or diphthong, or vowel + consonant in coda) or *extra-heavy* (long vowel, diphthong and more than one consonant in coda). Another salient feature is absence of vowel quality *reduction* (though duration may be shorter) in unstressed syllables, which diminishes stressed/unstressed contrast and may cause failure to identify the word.

In *Indian English* stress falls on the first syllable in disyllables except when the second syllable is extra-heavy: *`taboo*, *`mistake*. In three-syllable words the stress also falls on the first syllable except when the second syllable is heavy: *mo`desty*, *char`acter* [16], [20]. But since many people ignore that rule, individual variations are plentiful. Although there is a great deal of similarity and systematicity in the English spoken by educated speakers of Indian English (4% of the population, which makes 50 million, are fluent speakers of English), regional varieties should also be mentioned. In Punjabi English as well as some Tibeto-Burman varieties stress is quantity-sensitive: *ma`chine*, *ex`plore*. In Tamil English stress is quantity-insensitive, and only the initial syllable is stressed, regardless of the weight of the internal ones: *`machine*, *`approve*. In contrast, in many Tibeto-Burman languages of the Northeast India the stress is usually fixed on the final (*ultimate*) syllable. Although variation is great, a few generalizations can be made for Indian English:

— Word stress is insensitive to the syntactic category of words: the following words could be nouns, verbs or adjectives: *`insult*, *`conduct*, *`present*.

— Word stress is predictable on the grounds of quantity-sensitivity: in most cases if the second syllable is not extra-heavy, the stress is on the initial syllable in a disyllabic word: *`cassette*, *`canoe*, *`degree*, *`tattoo*, *`concrete*, *`shampoo*. In trisyllabic words stress is also on the first syllable unless the second syllable is heavy: *mo`desty*, *cha`racter*. Moreover, if a word ends in a diphthong, the final syllable takes the stress: *de`fy*, *a`llow*.

— The segmental composition of the word may be restructured, the vowel length is changed: *`event* [*ˈiːvent*], *compe`t[iː]tion*.

— In compound words the stress is on the first item: *`college canteen*, *`north-east*, *`two-wheeler*.

— In abbreviations the stress is on the first syllable: *`TV*, *`BBC*.

— Numerals ending in *—teen* are stressed initially: *ˈthirteen*, *ˈfourteen*.

In *Singaporean English* lexical stress placement displays similarity and dissimilarity features [19, P. 135–153]:

- Quantity-sensitivity;
- Stress on alternative syllables (rhythmic tendency);
- Primary stress on the final syllable.

We can sum up the South-Asian features which constitute the common core in stress assignment: correlation between stress and the relative weight of syllables (quantity-sensitivity); grammatical class of words (nouns, verbs, adjectives) is not observed. There are also features of *sentence stress* which force every monosyllabic word to be stressed in discourse creating the effect of *syllable-based rhythm*, as well as the Indian English feature of stressing pronouns at the beginning of the sentence and un-English focusing, which impedes comprehensibility. Indian English rhythm which is based on Hindi is found to be less syllable-based than Hong Kong English which is based on Chinese and Malay but it still creates difficulties in speech intelligibility.

Speakers of *African varieties*, *Cameroonian English* and *Nigerian English*, find the stress system of English to be very complex. Their strategies in stress assignment stem from the knowledge of the general rules in English, on the one hand, and rules devised in the indigenization of English, on the other [9]:

— Initial stress to follow the English “backward” (recessive) tendency but with no exception found in native English: *ˈappendix*, *ˈcanoe* [ˈkenu], *ˈelite* [ˈelait], *ˈarena*, *ˈumbrella*, *ˈdiploma*, *ˈmosquito*;

— Noun-verb alternation is a guide to word stress placement: *ˈsuccess*, *ˈadvice*, *ˈapplause* (nouns); *kidˈnap*, *purˈchase* (verbs), the verb *ˈrecord* is an exception;

— Adjectives tend to have initial stress like nouns: *ˈacute*, *ˈextreme*;

— Syllable weight is decisive in the choice of stress place: *multiˈply*, *veriˈfy*, *surˈvey*, *reaˈlize*, *exerˈcize*;

— Rhymes consisting of a vowel + consonant cluster also attract stress: *chaˈllenge*, *orˈchestra*, *Proˈtestant* [9];

— Guyanese speakers pronounce: *baˈrrister*, *miˈnister*, *paˈssenger* [22, P. 583];

— Generalized application of a stress property of an affix: *Aˈrabic*, *rheˈtoric*;

— In derivatives the stress pattern of the base is used (retentive tendency): *adˈmire* – *adˈmirable*, *comˈpare* – *comˈparable*.

Innovative rules:

— A final rhyme with [i] pulls stress to the final position: *bapˈtist*, *teˈnnis*, *bisˈcuit*, *cuˈrry*, *peˈtty*;

— Final rhyme with [n] is stressed: *aspiˈrin*, *vaˈccine*, *marəˈthon*;

— English first names ending in high front vowels: *Charˈlie*, *Neˈlly*;

— Forward stress: *moˈdel*, *fuˈel*, *saˈlad*, *peˈtroll*, *eˈligible*, *paˈlatable*.

Summing up the tendencies presented as “strategies” in choosing stress placement by Cameroonian and Nigerian speakers we can distinguish two: overgeneralization of English-based rules and innovative rules like “forward” stress and [i] and [n] rhymes, also pulling the stress forward [9].

Expanding circle

“Expanding circle” varieties are also called “norm-dependent” compared to “inner circle” varieties which are “norm-providing”, and “outer circle” ones which are “norm-developing” [19]. Since “expanding circle” speakers acquire their knowledge of English and its stress rules from education, at least initially, the problem of target model is relevant, considering the “inner circle” varieties and their distinctions (See above). Brazil, for instance, is known to choose the American variant of pronunciation, while EuroEnglishes are more likely to be loyal to British English. In China and Russia the situation is more complicated: there is a long-standing tradition of teaching British English but nowadays learners are exposed to American culture and accents through media, pop culture, films, travel and other sources. The new input and linguistic experience have their impact: learners in Russia display a mixture of both British and American features of English pronunciation, with the former still prevailing. In China young people are reported to practise “code-mixing” by introducing American-sounding English words into their L1 discourse, thus demonstrating their new modern identities.

Whatever the target model was at the beginning, L1 habits and rules remain the strongest modifying force in shaping Russian learners’ English pronunciation, including stress placement and phonetic cues of stress. Fortunately, in the Russian stress system there are basic features common with English: “dynamic stress” creating stressed/unstressed syllables contrast by changing the force of articulation, i.e. intensity, pitch, duration and vowel quality through reduction in unstressed syllables. Russian stress may fall on any syllable in the word and has to be learned lexically, that is together with its segmental structure. No Russian can enumerate the Russian rules of stress (with the exception of Russian linguists, probably) but one is aware of its distinctive function in certain pairs of words with stress shift, and sensitive to misplacement of stress of regional and social character. Thus, Russians have a cognitive task of watching out for the “correct” stress, unlike the French speakers who did not have that task on account of the fixed stress in French invariably falling on the ultimate syllable in an accent group (not a word stress, actually, as most linguists agree). The specific features of Russian learners in the domain of stress in English are as follows:

— Diminishing the stressed/unstressed contrast by not observing the length of tense vowels in stressed syllables: *ˈgarden*, *ˈleave-taking*;

— Missing an important signal of stressed syllable by pronouncing voiceless plosives in stressed syllables without aspiration: *ˈpaper*, *ˈturbulence*, *ˈcookies*;

— Ignoring the presence of secondary (and tertiary) stresses in long English words, following the culminative function of stress and leaving out its rhythmical function: *demonˈstration*, *accommoˈdation*, *ˈgooseberry*;

— Shifting the stress to the diphthong in the final syllable (quantity-sensitive) in such verbs as *recogˈnize*, *exerˈcise*, *miniˈmize*.

Mandarin Chinese is a tone language which has a syllable-based rhythm, but researchers find that it also has a metrical structure similar to English rhythm in discourse [7], with such specific characteristics that tone performs the function of stress. Experimental measurements of disyllabic words in Mandarin read in citation form evidenced that the initial syllable in disyllables had a full-fledged tone, while the second syllable was read with the so-called “neutral” tone. That brings up the subject of the next section about the phonetics of stress in different languages, i.e. prominence cues and perception cues of stress.

Phonetic cues of stress

In the “inner circle” countries there is an extensive literature on the phonetics of English stress which is widely attested as expressed by such prominence-lending means as intensity, duration, pitch and vowel quality contrasted in stressed and unstressed syllables. However, linguists refer these means to discourse only, i.e. to sentence stress, or phrase stress, while lexical stress marked in the dictionary is considered a potential place which could be realized in speech, when accented. Of special interest is the empirical evidence presented in the publications by Anna Cutler who proved that native speakers (Australian citizens) quickly identified the word in the pair *‘permit – per`mit* by fully relying on the first segmental cues at the beginning of the word: aspiration/absence of aspiration, full-fledged vowel/reduced vowel. In contrast, Dutch listeners were more receptive to prosodic means of pitch and duration [11], [12], [13].

In the “outer circle” varieties phonetic cues of stress may be quite different. In Indian English, for instance, the stressed syllable is pronounced on a low pitch, whereas the native English stress normally attracts high pitch for prominence. The low pitch of Indian speaker may cause misunderstanding and bring out other words as prominent. In the English language, as is well known, accentuation is closely connected with information structure, but that would be a matter of sentence stress. Here we will confine our discussion to lexical stress as a means of word recognition. More relevant to the topic will be the results of the experiment with reading lists of English words. Educated speakers of Indian English whose L1s are Hindi and Malayalam produced 81% of verbs stressed on the antepenultimate syllable (*‘calculate*), while 19% were stressed on the final syllable: *calcu`late*. 69% of nouns were stressed on the penultimate syllable (*calcu`lation*), while 31% on the antepenultimate: *‘calculation*. Individual speakers, however, were inconsistent in their stress patterns usage. The difference between primary and secondary stresses was insignificant. Primary stress could be shifted only to the position of the secondary stress, nowhere else. Acoustically, the results suggest that speakers of Indian English rely on differences (in order of importance) in intensity, spectral balance, duration and pitch slope [15].

Many authors found it difficult to distinguish “outer circle” varieties from “expanding circle” varieties. For Indonesian English speakers, for instance, duration was more relevant as a cue to stress, while native speakers of English distinguished it by pitch and amplitude.

Experiments designed to compare acoustics and perception of English stress in reading by Chinese and native speakers of Canadian English proved that Canadians had higher reliance on pitch and intensity than duration. By comparison, Mandarin Chinese speakers demonstrated that pitch was of higher relevance than intensity and duration; Chinese listeners also had greater sensitivity to pitch contour change. Similar data was reported on perception of stress in Singaporean English [21].

Conclusion

Word stress is an important means of structuring the word, shaping it for word recognition. Its placement and phonetic features are relevant, therefore, for speech intelligibility [14]. At the same time specific rules of stress placement are governed by indigenized languages which come into contact with English, and provide for identity of speakers. Both aspects, intelligibility and identity, are important for intercultural communication.

The present survey demonstrated diversity of world Englishes today, starting from the varieties of “inner circle” among which British English and American English are still the major norm-providing varieties in the domain of stress. Canadian, Australian and New Zealand varieties, however, developed their national norms in which British and American features (close in their percentages) are counterbalanced by specific national features reaching up to 24% of the stress patterns which constitute their identity.

In a similar process of norm-developing, post-colonial countries of the “outer circle” demonstrate greater variability of norms in stress placement based on typologically different languages. Pronunciation dictionaries are not compiled yet but research papers have generalized data on the main tendencies: quantity-sensitive pull towards heavy and extra-heavy syllables; overgeneralizations in following the recessive tendency with no exceptions; non-distinction of grammatical word classes; no vowel quality reduction in unstressed syllables.

In the norm-dependent countries of the “expanding circle” where English is acquired by educating schoolchildren and students, there emerged a problem of the target norm which is complicated (or facilitated) by access to other varieties of English. Nationally specific features of Russian learners’ stress placement are not destructive to international communication. South-Asian tone languages speakers, Mandarin Chinese, for instance, experience greater difficulties in stress placement and its phonetic cues in cross-cultural discourse.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Буряя Е.А. Словесное ударение австралийского варианта английского языка в мультикультурном мире / Буряя Е.А. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия «Языкознание». – 2016. – 1 (740) Лингвистика. – С. 19–34.

2. Левина Т.В. Эволюция акцентной структуры сложных существительных английского языка / Левина Т.В. // Иностранные языки в школе. – 2021. – №1. – С. 21–27.
3. Постникова Л.В. Типология вариантов фонологической системы английского языка / Постникова Л.В., Бурая Е.А. Под ред. Шевченко Т.И. – Тула: Тульский государственный педагогический университет, 2012. – 194 с.
4. Шевченко Т.И. Словесное ударение в пяти национальных вариантах английского языка: ритмические тенденции / Шевченко Т.И., Бурая Е.А. // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. – 2020. – Р. 65–79.
5. Шевченко Т.И. Методы анализа звучащей речи: новые измерения и результаты / Шевченко Т.И., Бурая Е.А., Галочкина И.Е. – 2-е издание. – Дубна: Феникс+, 2020. – 252 с.
6. Shevchenko T.I. Canadian English word stress: A corpora-based study of national identity in a multilingual community / Shevchenko T.I., Pozdeeva D.T. Lecture Notes in Computer Science, LNAI, 10458. – Springer, Cham, 2017. – P. 221–232.
7. Beckman M.E. Tone and Intonation / Hardcastle W.J., Laver J., Gibbon F.E. (eds.) The Handbook of Phonetic Sciences. – 2nd edition. – Chichester: Wiley-Blackwell, 2013. – P. 603–652.
8. Berg T. Stress Variation in British and American English / Berg T. // World Englishes. – 1999. – №18 (2). – P. 123–143.
9. Bobda A.S. Word stress in Cameroon and Nigerian Englishes / Bobda A.S. // World Englishes. – 2010. – №29 (1). – P. 59–74.
10. Crystal D. The Past, Present and Future of English Rhythm / Crystal D. Vaughan Rees M. (ed.). Changes in Pronunciation. – Whitstable: IATEFL, 1996. – P. 8–13.
11. Cutler A. Greater sensitivity to prosodic goodness in non-native than in native listeners / Cutler A. // Journal of the Acoustical Society of America. – 2009. – №125. – P. 3522–3525.
12. Cutler A. Native Listening: Language Experience and the Recognition of Spoken Words / Cutler A. – Cambridge, MA: MIT Press, 2012. – 555 p.
13. Cutler A. Lexical Stress in English / Cutler A. Reed M., Levis J.M. (eds.). The Handbook of English Pronunciation. – Wiley Blackwell, 2015. – P. 106–124.
14. Field J. Intelligibility and the Listener: The Role of Lexical Stress / Field J. // TESOL Quarterly. – 2005. – №39 (3). – P. 399–424.
15. Fuchs R. Placement and Acoustic Realization of Primary and Secondary Stress in Indian English / Fuchs R., Maxwell O. // Proceedings of the 18th International Congress of Phonetic Sciences (ICPhS-2015). – 2015.
16. Gargesh R. South Asian Englishes / Gargesh R., Kachru B.B., Kachru Ja., Nelson C.L. (eds.) The Handbook of World Englishes. – Wiley-Blackwell, 2006. – P. 90–113.
17. Hulst van der H. The study of word accent and stress: past, present and future / Hulst van der H. Word Stress: Theoretical and Typological Issues. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – P. 3–55.
18. Hyman L.M. Do all languages have word accent? / Hyman L.M. Hulst van der H. Word Stress: Theoretical and Typological Issues. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – P. 56–82.
19. Low E.I. English in Southeast Asia / Low E.I., Nelson C.L., Proshina Z.G., Davis D.R. (eds.). The Handbook of World Englishes. – 2nd edition. – Hoboken, N.J.: Wiley-Blackwell, 2020. – 135–153.
20. Pandeu P. Indian English Pronunciation / Pandeu P., Reed M., Levis J.M. (eds.) The Handbook of English Pronunciation. – Chichester: Wiley Blackwell, 2015. – P. 301–319.
21. Tan Yi-Yi. 'Native' and 'Non-Native' Perception of Stress in Singapore English / Tan Yi-Yi. // World Englishes. – №34 (3). – John Wiley and Sons limited, 2015. – P. 355–369.
22. Wells J.C. Accents of English 2: The British Isles / Wells J.C. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982. – 212p.
23. Wells J.C. Longman Pronunciation Dictionary / Wells J.C. – 3rd edition. – Pearson Longman, 2008. – 921 p.

Список литературы на английском / References in English

1. Buraya E.A. Slovesnoye udareniye avstraliyskogo varianta angliyskogo yazyka v multikulturnom mire [Australian English words-stress in a multicultural society] / Buraya E.A. // Vestnik Mosk. gos. lingvist. un-ta. vyp. Seriya yazykoznaniye [Vestnik of Moscow State Linguistic University]. – 2016. – 1 (740) Linguistics. – P. 19–34. [in Russian]
2. Levina T.V. Evolyutsiya aktsentnoy struktury slozhnykh sushchestvitel'nykh angliyskogo yazyka [Evolution of the English compound nouns accentual struture] / Levina T.V. // Inostrannye yazyki v shkole [Foreign Languages for Schools]. – 2021. – №1. – P. 21–27.
3. Postnikova L.V. Tipologiya variantov fonologicheskoy sistemy angliyskogo yazyka [Typology of varieties of English phonological system] / Postnikova L.V., Buraya E.A., Shevchenko T.I. edited by T.I. Shevchenko. – Tula: Tula State Pedagogical University Publishing, 2012. – 194 p.
4. Shevchenko T.I. Slovesnoye udareniye v pyati natsional'nykh variantakh angliyskogo yazyka: ritmicheskie tendentsii [Word stress in five national varieties of English: rhythm trends] / Shevchenko T.I., Buraya E.A. // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9, Filologiya [Moscow University Philology Bulletin]. Series 9, Philology. – 2020. – P. 65–79. [in Russian].
5. Shevchenko T.I. Metody Analiza Zvuchashchey Rechi: Novyye Izmereniya I Rezul'taty [Methods of Spoken Discourse Analysis: New Measurements and Results] / Shevchenko T.I., Buraya, E.A., Galochkina I.E. – 2nd edition. – Dubna: Fenix+, 2020. – 252 p.
6. Shevchenko T.I. Canadian English word stress: A corpora-based study of national identity in a multilingual community / Shevchenko T.I., Pozdeeva D.T. Lecture Notes in Computer Science, LNAI, 10458. – Springer, Cham, 2017. – P. 221–232.
7. Beckman M.E. Tone and Intonation / Hardcastle W.J., Laver J., Gibbon F.E. (eds.) The Handbook of Phonetic Sciences. – 2nd edition. – Chichester: Wiley-Blackwell, 2013. – P. 603–652.

8. Berg T. Stress Variation in British and American English / Berg T. // *World Englishes*. – 1999. – №18 (2). – P. 123–143.
9. Bobda A.S. Word stress in Cameroon and Nigerian Englishes / Bobda A.S. // *World Englishes*. – 2010. – №29 (1). – P. 59–74.
10. Crystal D. The Past, Present and Future of English Rhythm / Crystal D. Vaughan Rees M. (ed.). *Changes in Pronunciation*. – Whitstable: IATEFL, 1996. – P. 8–13.
11. Cutler A. Greater sensitivity to prosodic goodness in non-native than in native listeners / Cutler A. // *Journal of the Acoustical Society of America*. – 2009. – №125. – P. 3522–3525.
12. Cutler A. *Native Listening: Language Experience and the Recognition of Spoken Words* / Cutler A. – Cambridge, MA: MIT Press, 2012. – 555 p.
13. Cutler A. Lexical Stress in English / Cutler A. Reed M., Levis J.M. (eds.). *The Handbook of English Pronunciation*. – Wiley Blackwell, 2015. – P. 106–124.
14. Field J. Intelligibility and the Listener: The Role of Lexical Stress / Field J. // *TESOL Quarterly*. – 2005. – №39 (3). – P. 399–424.
15. Fuchs R. Placement and Acoustic Realization of Primary and Secondary Stress in Indian English / Fuchs R., Maxwell O. // *Proceedings of the 18th International Congress of Phonetic Sciences (ICPhS-2015)*. – 2015.
16. Gargesh R. South Asian Englishes / Gargesh R., Kachru B.B., Kachru Ja., Nelson C.L. (eds.) *The Handbook of World Englishes*. – Wiley-Blackwell, 2006. – P. 90–113.
17. Hulst van der H. The study of word accent and stress: past, present and future / Hulst van der H. *Word Stress: Theoretical and Typological Issues*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – P. 3–55.
18. Hyman L.M. Do all languages have word accent? / Hyman L.M. Hulst van der H. *Word Stress: Theoretical and Typological Issues*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – P. 56–82.
19. Low E.I. English in Southeast Asia / Low E.I., Nelson C.L., Proshina Z.G., Davis D.R. (eds.). *The Handbook of World Englishes*. – 2nd edition. – Hoboken, N.J.: Wiley-Blackwell, 2020. – 135–153.
20. Pandeu P. Indian English Pronunciation / Pandeu P., Reed M., Levis J.M. (eds.) *The Handbook of English Pronunciation*. – Chichester: Wiley Blackwell, 2015. – P. 301–319.
21. Tan Yi-Yi. 'Native' and 'Non-Native' Perception of Stress in Singapore English / Tan Yi-Yi. // *World Englishes*. – №34 (3). – John Wiley and Sons limited, 2015. – P. 355–369.
22. Wells J.C. *Accents of English 2: The British Isles* / Wells J.C. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982. – 212p.
23. Wells J.C. *Longman Pronunciation Dictionary* / Wells J.C. – 3rd edition. – Pearson Longman, 2008. – 921 p.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.27.3.27>СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВОЗВРАТНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В
РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Научная статья

Картавец В.Н.¹, Кузьменко П.Б.^{2*}^{1,2} Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

* Корреспондирующий автор (p.kuzmenko2012[at]yandex.ru)

Аннотация

В настоящей статье рассматриваются русские возвратные глаголы разных типов и их английские соответствия, полученные с помощью параллельного подкорпуса национального корпуса русского языка, с целью исследования характера реализации возвратности в английском языке. Скрытая грамматика формируется на основе смыслов, не получающих явного морфологического выражения в данном языке, в отличие от какого-либо другого языка. Исследование корпусных материалов показало наличие в английском языке скрытой возвратности. Авторы устанавливают основные классы ситуаций, кодируемых скрытым образом, а также выявляют семантические типы глаголов, реализующих возвратность неморфологическим способом и таким образом участвующих в формировании скрытой категории в английском языке.

Ключевые слова: возвратность, скрытая категория, английский язык, лексико-грамматический разряд, возвратные глаголы, возвратные местоимения.

A COMPARATIVE ANALYSIS OF REFLEXIVE CONSTRUCTIONS IN RUSSIAN AND ENGLISH

Research article

Kartavtsev V.N.¹, Kuzmenko P.B.^{2*}^{1,2} Voronezh State University, Voronezh, Russia

* Corresponding author (p.kuzmenko2012[at]yandex.ru)

Abstract

The current article contains an analysis of Russian reflexive verbs of different types and their English correspondences obtained using a parallel subcorpus of the national corpus of the Russian language in order to study the nature of the implementation of reflexivity in the English language. Unlike any other language, in English, covert grammar is formed on the basis of meanings that do not receive an explicit morphological expression. The analysis of corpus materials demonstrates the presence of covert reflexivity in the English language. The authors establish the main classes of situations encoded in a covert way, and also identify the semantic types of verbs that implement reflexivity in a non-morphological way and thus participate in the formation of a covert category in the English language.

Keywords: reflexivity, covert category, English language, lexical and grammatical category, reflexive verbs, reflexive pronouns.

Благодаря трудам Бенджамина Ли Уорфа лингвистика 20 века получила принципиально новое понятие – скрытую грамматику. Концепция скрытой грамматики предполагает наличие в языке скрытых классов слов, группирующихся на основе семантических признаков, не имеющих морфологическое оформление в данном языке, но морфологически выраженных в каком-либо другом языке. Именно на этой концепции основано выделение криптоклассов непредметной именной лексики английского языка, представленное в трудах Воронежской лексико-типологической группы. В том же русле выполнено и наше исследование, направленное на выделение скрытых разрядов глагольной лексики в английском языке [2], [3]. Мы рассматриваем глагольные лексемы, в которых носителем грамматического смысла становится сам корень. Выделение набора морфологически не выраженных грамматических смыслов возможно лишь через обращение к материалу других языков. Инструментом подобного исследования выступает параллельный языковой корпус. В данной работе мы покажем, как Национальный корпус русского языка может использоваться не только в области русистики, но также в области общего языкознания, поскольку он дает возможность комплексного рассмотрения явной и скрытой грамматики в разноструктурных языках.

В качестве системы грамматических смыслов выберем возвратность – морфологически выраженную в русском языке категорию, в рамках которой выделяется особый лексико-грамматический разряд возвратных глаголов. Прототипическая возвратность определяется как «воздействие» человека на самого себя, свою физическую и духовно-мыслительную сферу» [4]. С.Л. Лукина, описывая корреляты русских возвратных глаголов в английском языке, справедливо сосредотачивает внимание на доминирующих в нем аналитических способах выражения. Мы же обратимся к выражению категориального смысла в рамках корня лексемы. Предмет нашего исследования определяет и его цель – систематически рассмотреть английские корреляты русских возвратных глаголов различных типов, в которых возвратность сосредоточена в корне. В качестве основы исследования будем использовать дополняющие друг друга классификации русских возвратных глаголов Н.А. Янко-Триницкой, А.М. Ломова и Ю.П. Князева. При этом отметим, что вслед за Н.А. Янко-Триницкой мы исходим из того, какой семантический актант соответствующего невозвратного глагола – субъект или объект – выражается подлежащим в высказываниях с возвратным глаголом. В соответствии с этим выделяются либо субъектные возвратные глаголы типа *мыться*, либо объектные типа *ломаться* (о вещах).

Для выделения скрытого класса также важно наличие классификатора (см. об этом в работе [1]) – характерной конструкции, в которой употребляется слово и употребление в которой служит косвенным (не морфологическим, а

синтаксическим) маркером скрытого класса. Таким классификатором для глаголов с возвратным значением является непереходная конструкция, условно обозначаемая SV.

Что касается **объектных** возвратных глаголов, то еще в статье Т.М. Чирко и Т.М. Ломовой «Коммуникативный фактор в развитии эргативных значений английского глагола», вышедшей в 1995 году, убедительно показано, что английские эргативные глаголы в составе непереходной конструкции SV реализуют значение, аналогичное значению соответствующих русских возвратных глаголов. Так, например, возвратную семантику русских глаголов *изменяться*, *открываться*, *сломаться* реализуют соответственно не маркированные морфологически английские глаголы *change*, *open* и *break* соответственно [7]. Факт реализации возвратного значения в определенном синтаксическом окружении глаголами с такой морфологией позволяет нам предположить, что в английском языке существует скрытый класс глаголов с возвратным значением, по семантике аналогичный лексико-грамматическому разряду возвратных глаголов в русском языке. Однако для подтверждения данной гипотезы нам необходимо доказать, что морфологически не маркированные глаголы с возвратным значением в английском языке образуют множество, обладающее аналогичной семантической вариативностью. Проще говоря, такие английские соответствия есть не только у русских возвратных глаголов объектного типа, но и также субъектного, причем у различных выделяемых в его рамках семантических вариантов. При этом возвратное значение должно быть сосредоточено в корне глагола, а не приноситься в семантику высказывания контекстуальными средствами.

Обратимся к материалу параллельного русско-английского корпуса НКРЯ и проследим, какие английские соответствия наблюдаются у различных с классификационной точки зрения русских **субъектных** возвратных глаголов.

Собственно возвратные глаголы выделяются А.М. Ломовым в «Основах русской грамматики» и характеризуются совмещением в одном лице семантических ролей агенса и объекта [5]. Здесь русскому глаголу *мыться* соответствуют английские *wash* и *bathe*:

We're just going to the bathhouse to wash.

I'll order that you be fed nourishing food and are given an opportunity to bathe.

Русскому глаголу *одеваться* соответствует английский *dress*:

The English dress very badly, but there is still an obsession with etiquette.

А.М. Ломов также выделяет группу **косвенно-возвратных** глаголов, обозначающих действия, осуществляемые в интересах агенса [5]. В составе этой группы русскому глаголу *готовиться* соответствует английский *prepare*, а русскому *учиться* – английские *learn* и *study*:

I'm only going to help you if you're willing to prepare for the university.

They refused to learn.

Blacks were forbidden to vote in elections, to study in white schools...

Среди **общевозвратных** глаголов, обозначающих, по определению А.М. Ломова, изменения во внутреннем состоянии агенса, в качестве примера им приводится глагол *беспокоиться*. Он также имеет английские корреляты, соответствующие всем условиям принадлежности к скрытому классу – *bother* и *worry*:

The number of customers just don't bother to apply for the rebate.

Sovereign borrowers need not worry about these foreign competitors just yet.

Среди субъектных возвратных глаголов Ю.П. Князев, следуя за идеями Г.А. Золотовой и Е.В. Падучевой, выделяет и группу **автокаузативных** глаголов, обозначающих перемещения/изменения положения агенса в пространстве. Такому автокаузативному глаголу, как *подняться*, в английском языке соответствует глагол *rise*. Другому русскому автокаузативному глаголу *нагнуться*, соответствуют английские *bend* и *stoop*:

The genius of Billy Graham is that he was able to rise above that.

Descend to her level, stoop to her, you can...

He is prepared to bend in whichever direction they wish to bend him.

Выделяемые разными авторами **взаимно-возвратные**, или реципрокальные, глаголы имеют соответствия в английском языке, где реципрокальность не маркирована морфологически или контекстуально. Это, например, глаголы *meet* со значением «встречаться» и *fraternize* – «брататься». Последний русский глагол включен нами в данный разряд на чисто семантических основаниях, поскольку он является производным от имени существительного и не имеет коррелята без -ся. Ниже приведены английские примеры:

In any case, we continued to meet now and then.

It was as if they had climbed out of their opposing trenches and met in No Man's Land among the wire to fraternize.

Аналогично обстоят дела и в группе **активно-безобъектных** глаголов (иначе называемых абсолютными или антипассивными). Одному из прототипических представителей этого класса в русском языке *кусаться* соответствует английский глагол с немаркированной семантикой антипассива *bite*:

He showed no sign of wanting to kick or bite.

Как видим, достаточно разнообразная палитра русских субъектных возвратных глаголов имеет английские немаркированные соответствия, несущие аналогичную категориальную и вариативную (субкатегориальную) семантику.

Этот список может быть дополнен еще одним типом объектных возвратных глаголов – **пассивно-качественных** по терминологии А.М. Ломова, или модальных квазипассивных, как их называет Ю.П. Князев. Такие глаголы обозначают «способность подвергаться воздействию» [5]. Так, русский глагол *мяться* имеет английское соответствие *crease*:

She found that the material tended to crease easily.

Любопытно, что соответствия существуют даже у глаголов, находящихся за рамками классификации по линии субъектности – объектности. Речь идет о глаголах, которые в современном русском языке не имеют соответствующих

коррелятов без -ся, так называемых **reflexiva tantum** [6]. К таким, например, относится глагол *согласиться*, которому соответствует английский *agree*:

Mr. Humphries agreed.

Перейдем к рассмотрению эквивалентов русских невозвратных глаголов с возвратным местоимением *себе/себя* (например, *позволить себе* и пр.).

Такие устойчивые сочетания образуют глаголы, которые можно объединить в несколько семантических групп: пермиссивные глаголы (обозначающие разрешение совершить что-либо, например, *разрешить*), глаголы, обозначающие чувства и когнитивную деятельность (*вообразить* и др.), а также глагол поведения *вести себя*. Рассмотрим каждую группу.

По данным параллельного корпуса русским глаголам *разрешить себе*, *позволить себе* соответствуют глаголы *afford* и *allow*, не имеющие при себе возвратных местоимений:

Legislators simply cannot afford to wait for new leadership in the White House or in the Kremlin.

Almost every advanced economy can allow debt to drift up toward Japanese levels without any great concern about long-term consequences.

Глаголы, называющие чувства и мыслительную деятельность (*чувствовать себя*, *представить себе/себя*, *вообразить себе/себя*) в качестве английских коррелятов имеют лексемы *feel*, *imagine*, *picture*, *fancy*:

If working hours more closely fit our chronobiology, we would work and feel better.

I could imagine the organizers of big events that attract a lot of media attention using software to deny accreditation to entire publications.

I could not picture a father treating a dying child so tyrannically and wickedly.

I fancied that I was pursuing at least my third hare when, as a matter of fact, the first hound was only just giving tongue.

Сочетанию *вести себя* соответствуют лексемы *act* и *behave*:

Autonomy – the dream that robots will one day act as fully independent agents — remains a source of inspiration, innovation, and concern.

Многочисленные примеры из корпуса русского языка показывают, что глаголам в сочетании с местоимениями *себя/себе* соответствуют английские глаголы, передающие значение возвратности в корне без привлечения каких-либо контекстуальных средств.

Таким образом, русским возвратным глаголам различных типов соответствуют в английском языке глаголы, реализующие такую же категориальную семантику посредством корня, что убедительно свидетельствует в пользу нашей гипотезы о наличии в английском языке скрытого класса возвратной лексики.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Борискина О.О. Криптоклассы английского языка / О.О. Борискина. — Воронеж: Истоки, 2011. — 332 с
2. Борискина О.О. Моделирование реципрокной семантики и способы ее идентификации в английском языке: (на материале глагольной лексики) / О. О. Борискина, В. Н. Картавцев // Вестник Томского государственного университета. Сер. Филология. - Томск, 2019. - № 61. - С. 5-19.
3. Картавцев В.Н. О статусе реципрокности в русском языке / В.Н. Картавцев // Известия Смоленского государственного университета. — Смоленск, 2018. - № 2. - С. 156-169.
4. Корнева Е.В. Возвратность как семантическая категория (на материале русского и немецкого языков : автореферат дис. . канд. филол. наук / Е.В. Корнева; Воронеж. гос. ун-т; Воронеж, 1996. -19 с.
5. Ломов А.М. Основы русской грамматики. Морфология и синтаксис : учебное пособие для студентов филологических специальностей вузов / И.П.Распопов, А.М.Ломов. — Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1984. - 350 с.
6. Лукина С.Л. Русские глаголы *reflexiva tantum*: основные характеристики и особенности их перевода на английский язык / С. Л. Лукина, Т. М. Ломова // Известия Воронежского государственного педагогического университета. Сер. Гуманитарные науки. - Воронеж, 2018. - № 4 (281). - С. 204-208.
7. Чирко Т.М. Коммуникативный фактор в развитии эргативных значений английского глагола / Чирко Т.М., Ломова Т.М. // Коммуникативные и прагматические компоненты в лингвистическом исследовании. Воронеж, 1995.

Список литературы на английском / References in English

1. Boriskina O.O. Kriptoklassy anglijskogo jazyka [English cryptoclasses] / O.O. Boriskina. — Voronezh: Istoki, 2011.— 332 p. [in Russian]
2. Boriskina O.O. Modelirovanie reciproknj semantiki i sposoby ee identifikacii v anglijskom jazyke: (na materiale glagol'noj leksiki) [Modeling reciprocal semantics and methods of its identification in English: (based on verbal lexicon)] / O. O. Boriskina, V. N. Kartavcev // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologija. - Tomsk, 2019. - № 61. - P. 5-19. [in Russian]
3. Kartavcev V.N. O statute reciproknosti v russkom jazyke [On the status of reciprocity in Russian] / V.N. Kartavcev // Izvestija Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta.— Smolensk, 2018. - № 2. - P. 156-169. [in Russian]
4. Korneva E.V. Vozvratnost' kak semanticheskaja kategorija (na materiale russkogo i nemeckogo jazykov : avtoreferat dis. . kand. filol. nauk [Recurrence as a semantic category (based on the material of the Russian and German languages: abstract of the thesis. Candidate of philological sciences] / E.V. Korneva; Voronezh. gos. un-t; Voronezh, 1996. -19 p. [in Russian]

5. Lomov A.M. Osnovy russkoj grammatiki. Morfologija i sintaksis : uchebnoe posobie dlja studentov filologicheskikh special'nostej vuzov [Foundations of Russian grammar. Morphology and syntax: a textbook for students of philological specialties of universities] / I.P.Raspopov, A.M.Lomov .— Voronezh : Izd-vo Voronezhskogo universiteta, 1984. - 350 p. [in Russian]
6. Lukina S.L. Russkie glagoly reflexiva tantum: osnovnye harakteristiki i osobennosti ih perevoda na anglijskij jazyk [Russian verbs reflexiva tantum: the main characteristics and features of their translation into English] / S. L. Lukina, T. M. Lomova // Izvestija Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki. - Voronezh, 2018. - № 4 (281). - P. 204-208. [in Russian]
7. Chirko T.M. Kommunikativnyj faktor v razvitii jergativnyh znachenij anglijskogo glagola [The communicative factor in the development of the ergative meanings of the English verb] / Chirko T.M., Lomova T.M. // Kommunikativnye i pragmaticheskie komponenty v lingvisticheskom issledovanii. Voronezh, 1995. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.27.3.25>**СЕМАНТИКА ГОМОСЕКСУАЛЬНЫХ НОМИНАЦИЙ: ДИАХРОННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

Научная статья

Бирюкова И.А. *

ORCID: 0000-0001-7631-4805,

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

* Корреспондирующий автор (irenus_[at]mail.ru)

Аннотация

Статья посвящена диахронному исследованию гомосексуальных номинаций в рамках концептуальной семантики. Автор выделяет фокусы концептуальной структуры, заложенной в основание номинации лексических единиц, и анализирует их распределение с XIV века до настоящего времени. Отмечаются специфические модели семантического развития гомосексуальных номинаций. Полученные данные показывают, что в определенный исторический период имеется ограниченное количество номинативных фокусов, которые доступны для образования исследуемых лексических единиц. Под влиянием социокультурных факторов наблюдаются изменения в распределении гомосексуальных номинаций и продуктивности фокусов. Выявлено, что прежние лексические выражения, отражающие неприязнь и презрение, заменяются на более смягченные и размытые единицы.

Ключевые слова: гомосексуальный, фреймовая семантика, номинативный фокус, диахронический анализ, дисфемизм, пейоратив.

THE SEMANTICS OF HOMOSEXUAL NOMINATIONS: A DIACHRONIC STUDY

Research article

Biryukova I.A. *

ORCID: 0000-0001-7631-4805,

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

* Corresponding author (irenus_[at]mail.ru)

Abstract

The article aims to conduct a diachronic study of homosexual nominations within the framework of conceptual semantics. The author identifies the foci of conceptual structure underlying the nomination of lexical items and analyses their distribution from the 14th century to the present day. Specific patterns of semantic development of homosexual nominations are outlined. The findings show that at a certain historical period a limited amount of nominative foci is available for coining lexical items under study. The distribution of homosexual nominations and the productivity of foci are prone to change under the influence of sociocultural factors. It is shown that former lexical expressions of dislike and contempt are replaced with milder and more ambiguous items.

Keywords: homosexual, frame semantics, nominative focus, diachronic analysis, dysphemism, pejorative.

Introduction

Heterosexuality has been historically regarded as the norm and homosexuality as deviation or even perversion. Homosexual relations used to be a major subject of psychiatry and psychology which considered attraction towards the same sex to be a pathological disorder. With the growth of political correctness and interpretation of the phenomenon in terms of human rights and lifestyle choice homosexuality shifted from the domain of medicine to the area of linguistics.

The development of conceptual structures that could reflect dynamics in social attitude to the phenomenon of homosexuality still remains outside linguistic research, and we therefore intend to fill this gap.

Method

As to the methodology applied in the research, the lexical items are analysed from the viewpoint of frame semantics. The lexical meaning is viewed as a microframe, i. e. a hierarchically organized block of knowledge about the referent which is recorded by language means [1, P. 5]. According to E. G. Belyaevskaya, the essential feature of a human brain is the potential ability to focus (concentrate) on any section of the frame or retract from it, depending on what is currently highlighted as the most important.

The speaker's intention determines which part of the knowledge block will serve as a thought centre and which one will be its background [1, P. 12-14].

The purpose of this work is to conduct diachronic cognitive analysis of lexical units referring to the nominative sphere "Homosexuality". The main sources used in this study are etymological and lexicographical data from Oxford English Dictionary [9], the Routledge Dictionary of Historical Slang [10], the Dictionary of Word origins by J. Ayto [2] (14th – early 20th century), the New Partridge Dictionary of Contemporary Slang and Unconventional English [14], the Dictionary of Contemporary Slang by T. Thorne [15], the Dictionary of Euphemisms by R. Holder [5] and Urban Dictionary [16] (late 20th century – early 21st century).

Discussion and results

Throughout English language history multiple lexical items have been used as identifiers of the frame "Homosexual". Original terms either became obsolete or acquired a derogatory emotional charge to be replaced by other substitutes. Pejoration of semantic meaning is likely to have been caused by constant social discrimination against individuals with non-conforming

sexual behaviour. According to J. Hughes, the word-field of homosexuals is characterized by two large groups: the scholarly items and the low-register slang terms [6, P. 236].

Although homosexuality could be applied to both genders, there is a significant lexical imbalance for female terms. Reticence over explicit nominations of lesbians could be explained by the fact that female homosexuality was often overlooked and mistakenly related to other categories, e.g. prostitution, whereas male homosexuality was regarded as a criminal offence and lead to heavy penalties [6, P. 235-238].

The diachronic analysis shows that some nominations of homosexuals tend to undergo a similar semantic shift, which consists in the extension of the idea of homosexuality to **"any annoying individual"**: *sod(omite)* (XIV, coarse slang since the 19th century) [9], *bugger* (1555, a coarse term of abuse and insult since the 18th century) [9], *fag(got)* (1590, a taboo word since the early 20th century) [2]. The mentioned lexical items used to be loose terms in the Middle Ages and the Renaissance and could refer to all kinds of sexual and moral misdemeanours. The development of pejorative sense was reinforced by emotional charge (contempt or dislike for the referent).

In the Middle Ages homosexuality was viewed as an abomination that violated the Bible's teachings and the principles of human nature. For instance, the meaning of the medieval dysphemism *bugger* (1555-1700s) was shifted from **heresy**, or non-traditional (unorthodox) beliefs to non-traditional sexual practices. The expressions *unnatural (filthiness, familiarity)* (XVII) [11, P. 294], *freak* (1896) [9], *degenerate* (1997) [5] have a **"deficiency"** nominative focus.

The contextual analysis shows that lexical items generated by the focus **"low value"** are equally dysphemistic, i. e. are used as a slur to denote a person. The lexical item *poof* (1850, from "puff") [9] was inspired by the notion that there is something insubstantial about homosexuals [7, P. 202], hence the idea of worthlessness. The most probable motive for the semantic shift from "brushwood" to a "homosexual man" is a metonymical use of "a bundle of sticks" in reference to an old woman [2, P. 208].

Despite being available, pejorative lexical items (e. g. *bugger*, *sodomite*) denoting homosexual behaviour were often avoided and replaced by milder equivalents. For example, G. Chaucer's "Canterbury Tales" feature a pardoner (seller of indulgencies) carrying typical traits of a homosexual: a high-pitched voice, hare-like eyes, a beardless face, beautifully groomed yellow socks. The author intended to create a hypocritical image of the man who sells forgiveness for people's sins by implying that he was womanlike: "I trowe he were a gelding or a mare". (I imagine he was a eunuch or effeminate.) [3, P. 277].

The **"effeminacy"** focus could be traced in later nominations of effeminate partners in a homosexual relationship, such as *wife* (1810) [10], *fairy* (1838) [9], *sissy* (1891, from "sister") [10], *queen* (1924) [9] and diminutives of proper names, e. g. (*Milly*) *Molly* (1709), (*Miss*) *Nancy* (1824) [P. 236], *Mary Ann* (1880) [9], *Jessie* (1923) [9], *Nelly* (1945) [14]. The nicknames represented a cowardly or silly girl and suggested that the referent is weak-spirited or hypersensitive.

The motives for the terms *fairy* and *queen* may seem imperceptible and need explanation. The noun *fairy* suggests the idea of "an imaginary woman", i. e. whose femininity is fictitious and illusory. The original meaning of the noun *queen* referring to a female ruler or the wife of a king was generalized to a woman who has importance or authority in a particular sphere (*queen of the house*, *queen of the feast*). The "important woman" nominative focus of *queen* and its homonymy with the medieval noun *quean* referring to an immoral woman are likely to have contributed to the occurrence of the "male homosexual" meaning (1920s) [6, P. 318], [9].

Contextual analysis of historical data confirmed various instances of the "effeminate" focus group: (1) mild or euphemistic (1929, "Hangover" by M. Lief) "What's those?" "You know – all those *queens*." [9]; (2) humorous (1930, "Vile Bodies" by E. Waugh) "Where's my *Fairy* Prince? Powdering hisself again, I suppose. . . Come here, *Nancy*, and put away the beauty cream" [18, P. 36]; (3) derogatory (1945 "Brideshead Revisited" by E. Waugh) "Come on ... said one to the other, 'we're wasting our time. They're only *fairies*.'" [17, P. 102]. According to modern dictionaries, the words *fairy*, *queen*, *nancy*, *jessie* are regarded as offensive and inappropriate for homosexuals, i. e. are dysphemistic [13].

Alongside with the "effeminate" group we can trace a range of nouns with **"young servant/slave"** idea. The first attested words having the mentioned focus are borrowings from Arabic, Greek and Latin correspondingly: *bardash* (1542-1721, Arab. "slave") [9], *Ganymede* (1591-1708) [9] and *Catamite* (1593) [9]. The mythological names are related to a young cup-bearer who belonged to the god of the sky and thunder (Zeus or Jupiter). The lexical items suggest that the referent was kept for unnatural purposes or maintained in a homosexual relationship. The "young servant/slave" nominative focus was later assimilated in English, which gave rise to new homosexual nominations, like *minion* (1593) [6, P. 238], *kept-boy* (1963) [9], *rent-boy* (1969) [9].

Being unproductive in modern-day English, the idea of servitude was supplanted by the focus **"follower/companion"** with a conceptual shift from slavery to cooperation: *suiterer* (1720) [9], *companion* (1932) [5], *a friend of Dorothy* (1950s, derived from 'the Wizard of Oz') [7, P. 207], *petit ami* (1977, from French "little friend") [5]. The fact that the mentioned items can refer to either sex (both male and female) added to pragmatic advantage of the "follower/companion" focus.

The "young servant" focus contributed to the emergence of nominations with the component **"back"** to describe passive partners in a homosexual relationship. The mentioned focus is marked as stable: *backgammon player* (late XVIII) [7, P. 202], *backdoor man* (2nd half of XX) [15], *rear-gunner* (1980s) [15].

The turn of the 20th century marked the emergence of new nomination foci. The English language developed a few nominations for a male homosexual who adopts an active role with a partner: *wolf* (early XX) [15], *chicken hawk* (1980s) [15], *bear* (1989) [9]. The idea underlying the nouns is **"danger"**, hence the metaphor of predators. Conversely, being **defenceless**, "passive" partners would be referred to as "prey", e. g. *gonsel/gonsil/gunshel/guntzel* (1914-1946, from Yiddish "little goose") [9], *chickens* (1940s) [7, P. 199].

The progression from speaking in an affected manner and using exaggerated (theatrical) gestures to homosexual behaviour is reflected in conceptual structure of the frame "homosexual". The lexical item *camp* emerged from theatrical slang into general use in the 1960s [15] being inspired by the idea **"exaggeration"**, i. e. actions and gestures of exaggerated emphasis.

The association between theatre and effeminate manners is likely to date back to medieval times when female clothes were worn by male actors. The word *drag-queen* (1940s) refers to a male homosexual who frequently wears women's clothing. It has overtones of flamboyant, exhibitionist 'femininity' rather than mere cross-dressing [15].

In addition, exaggeration may be linked with loose and immoral life. It should be noted that diachronic analysis reveals a regular semantic shift from **promiscuity** to homosexuality: *lavender* (XIV, "a washerwoman; a prostitute" > 1928, "a male homosexual") [9], *punk* (1596, "a harlot" > 1904, "a male homosexual") [9], *queen* (1820, "a prostitute" > 1929, "a male homosexual") [9], *gay* (1825-1885, "a prostitute" > 1935, "a homosexual") [9], *tart* (1887, "a female of immoral character, a prostitute" > 1935, "a catamite") [9]. Overlapping of the frames "prostitute" and "homosexual" is achieved by highlighting the semantic components "low moral standards" and "low reputation". In terms of conceptual mapping the disapproval of anyone who leads a loose and immoral life is indicative of the metaphor "a male homosexual = a promiscuous woman".

Another focus that has been attested since the 20th century is **the purple/pink colour** which is detected in names of plants, like *lavender* (1928) [9], *pansy* (1929) [2], *daisy* (XX) [15], *lilac* (XX) [15]. The motive is a metonymic reconsideration of femininity and long-standing feminine associations in dressing and clothing, such as using perfume or wearing purple/pink colour (opposed to "masculine" blue). For instance, the lavender plant was used as a bath perfume or as a material to scent washed fabrics. The other plants of purple colour seem to have been introduced by analogy. The "purple" focus is currently productive and is reflected in the adjective *pink* (1950) [9], which is applied to anything perceived as having connection with homosexual relationship (*pink community*, *pink pound/dollar*, *pink newspaper*). A small number of lexical items retract from the colour type, highlighting bright and pretty appearance: *flamboyant* (XX) [5], *flower* (XX) [5], *butterfly* (1984) [5], hence the nominative focus is "**colourful**".

A large number of lexical items indicate eccentricity in appearance or character that is caused by divergence from traditional ideas about sex and gender, e. g. *odd* (1890s) [10], *queer* (1914) [14], *peculiar* (1963) [5], *curious* (1965) [5], (*having*) *alternative sexuality* (1979) [5], *funny* (1981) [5]. Thus, the homosexual nominations are united by the integral nominative focus "**anomaly**", which has been highly productive since the 20th century. The following lexical items contain a more specific semantic component – "**divergence from being straight**", e. g. (*sexual*) *inversion* (1895) [9], *bent* (1940s, the opposite of "straight") [15], *oblique* (1983) [5]. Despite the fact that the "anomaly" items were intended as euphemisms, strong association with homosexuality occasionally supplanted other meanings (e. g. *queer*).

In comparison with male homosexual nominations, very few names are available to sexual relations between women. The etymologically original words used for the designation of female homosexuality were literary borrowings from Latin and Greek: *tribade* (1601) [6, P. 236], *lesbian* (1870s) [9], *Sapphist* (1902) [6, P. 236] and *Uranian* (1893) [9]. The noun *tribade* alludes to a specific sexual technique suggesting an idea of "**rubbing**" (Greek *tribein* "to rub, wear away"). *Uranian* (from Greek "heavenly") served as an epithet of Aphrodite as born of Uranus and was distinguished from the vulgar Venus of commonplace lust, hence the idea of "**divinity**". The names *Lesbian* and *Sapphic* refer to the ill-reputed isle of Lesbos that became notorious for sexual initiative and shamelessness among women, hence the idea of "**eroticism**". The term *lesbian* has supplanted the other three words and still serves as a source for informal derivatives: *les*, *lez(zie)*, *lesbo*, etc.

The mentioned feminine nominative foci are not currently productive. To name a female homosexual with masculine tendencies a novel nominative focus was introduced: "**aggressiveness**". The examples *bulldyke/bulldike* (1931) [14], *butch* (1941, "a tough youth") [14], *diesel(dyke)* (2004) [16] evoke an image of a tough, mannish, or aggressive person. The "**masculinity**" focus in reference to a lesbian playing the male role is a logical response to the "effeminate" masculine block – *old Tom* (1978) [14], *Magnus Pike* (2003) [14]. Conversely, the "**effeminacy**" focus was transferred to a female context to name a passive and more feminine partner in a lesbian relationship: *femme* (1961, from French "woman") [7, P. 206], *lipstick* (1984, metonymic sense, related to female accessories) [14].

The lexical items *homosexual* (1892), *same-gender (oriented)* (1978) [12] could be united by the integral semantic feature "**same/one**". The term "homosexual" (from *homos* "same" and Latin-based *sexual*) coined by C.G. Chaddock in his translation of Krafft-Ebing's "Psychopathia Sexualis" [6, P. 235] serves as the identifier of the frame under study. The lexical items in the group have a true euphemistic sense. The euphemistic potential is attained by retraction from abnormality or manifestation of sexual passion and by highlighting homogeneity and affiliation with individuals of the same gender. Since the 1950s the entries from "anomaly" and "same/one" group have been increasingly extended to refer to both men and women. It was influenced by the sexual revolution, women's liberation movement and the rise of youth popular culture.

The sexual revolution of the 1960s challenged the former gender norms and brought a new understanding of sexual orientation (bisexuality and transsexuality). P. Hart-Brinson argues that there has been a change in social imagination of homosexuality for the last three decades. Younger Americans coming of age after 1990 view homosexuality as identity, whereas older informants characterize it as behaviour [4]. The social changes contributed to creation of new nominative foci.

Bisexuality was reflected in the semantic components "**doubleness**" – *bi* (1956, from "bisexual") [8], *bicoastal* (1990s) [7, P. 207] and "**switching**" – AC/DC (1959, from "alternating/direct current") [8], *switch-hitter* (1950s) [7, P. 207].

The 'anomaly' idea brought about adjacent nominative foci: "**illness**" – *English disease* (1980) [5], *unhealthy* (1983) [5]; "**left**" – *left-footer* (1960s) [15], *left-handed* (1997) [5]. The lexical items have a euphemistic potential, since an excuse for not conforming to the majority is implied: the lexical meaning suggests abnormal physiological characteristics that can't be altered at a person's will.

Those who were embarrassed to make their sexual preference public could be referred to as *closet case/queen* (1970s) [15], *down-low* (1991) [9]. The motive for the "**hidden**" focus is secrecy that homosexuals have to maintain in order to avoid embarrassment and public disapproval.

The conceptual metaphor "woman as tasty food" was reinterpreted to fit non-traditional sexual relations. Although a woman is usually conceptualized as an object of desire or admiration, reference to a homosexual man with the "**tasty**" focus underscores lack of masculinity: *ginger-beer/ginger* (1959-1968, rhyming slang for 'queer') [9], *twinky/twinkie* (1980, from "twinkie cupcake") [9], *cupcake* (1982) [5], *cake boy* (1990s) [16].

The analysis of the second half of the 20th century revealed an emergence of a large dysphemistic share of phraseological units pertaining to male and female homosexuality. Lexical units vary from mild allusions to anal intercourse (brown) to pejorative nominations of human waste and reproductive organs, e.g. 1) “**brown**” – *brown-hatter* (1950s) [15], *brownie-hound* (1980s) [15], *fudgepacker/ fudgenudger* (1980s, from “fudge”, creamy brown food) [15]; 2) “**feces**” – *turd burglar* (1996) [12], *dung-puncher* (2003) [16]; 3) “**buttocks**” – *anal astronaut* (2004) [15], *ass bandit* (2006) [12]; 4) “**penis**” – *dick smoker* (2003) [16], *cock surfer* (2006) [16]; 5) “**pudendum**” – *muff muncher* (1972) [14], *pussy bumper* (2008) [16]. The “pudendum” focus demonstrates diffusion of homosexual and heterosexual nominations, since the expressions can be applied both to homosexual women and heterosexual men.

Table 1 summarizes the evolution of nominative foci in the lexical field under study. The historical periods correspond to the conception time of a particular nominative focus.

Table 1 – The evolution of nominative foci in the lexical field “Homosexuality”

XIV – XIX	late XIX – early XX	1940s-1960s	1970s – the present
effeminacy (M*)	anomaly	effeminacy (F)	brown (M)
young servant/slave (M)	anomaly (divergence from straight)	masculinity (F)	feces (M)
anomaly (deficiency) (M)	purple/pink colour (M)	tasty (M)	buttocks (M)
heresy (M)	colourful (M)	left	penis (M)
rubbing (F**)	aggressiveness (F)	switching (B***)	pudendum (F)
promiscuity (M)	one/same	doubleness (B)	illness
follower/companion (M)	danger (M)	defencelessness (M)	hidden
back (M)	eroticism (F)	exaggeration (M)	
	divinity (F)		
	low value (M)		

* (M) lexical items referring to male homosexuality only

** (F) lexical items referring to female homosexuality only

*** (B) lexical items referring to bisexuality

Conclusion

The diachronic analysis demonstrated a constant inflow of homosexual nominations, with the majority carrying a pejorative sense. Some lexical items were originally derogatory from the point of their creation due to the place origin (e.g. prison slang) or negative ideas underlying the nomination, while others became subject to dysphemisation due to their frequent use.

As to the distribution of ideas underlying the nominative foci of the frame “Homosexual”, we can conclude that XIV-XIX centuries are characterized by predominance of “effeminacy” and “young slave/servant” ideas with reference to male homosexuals.

The decriminalisation of sodomy and the sexual revolution had an impact on the distribution of nominative foci, which resulted in the following: firstly, reinterpretation of homosexuality through other frames and specification (effeminacy > pink colour, tasty food; young slave/servant > companion) or extension of nominative foci (deficiency > anomaly); secondly, diversification of lexical items for naming specific homosexual types (active / passive homosexuals, gay / lesbian / bisexual); thirdly, forming conceptual oppositions (effeminacy – masculinity); lastly, shift from personal characteristics (weakness, promiscuity) to physiological attributes and processes (body organs and human waste). Taking these tendencies into consideration, we expect further multiplication of nominative foci referring to female homosexuality.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Беляевская Е. Г. Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах (когнитивные основания семантической структуры слова): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1992. – 41 с.
2. Ayto J. Word Origins. The Hidden Histories of English Words from A to Z / Ayto J. 2nd edition. – L.: A & C Black Publishers Ltd, 2005. – 577 p.
3. Chiaro D. Gender and Humour. Interdisciplinary and International Perspectives / Chiaro D., Baccolini R. – Routledge: NY, 2014. – 360 p.
4. Hart-Brinson, P. The Social Imagination of Homosexuality and the Rise of Same-sex Marriage in the United States / Hart-Brinson, P. // Socius: Sociological Research for a Dynamic World, 2016. – Vol. 2. – P. 1-17; DOI: <https://doi.org/10.1177/2378023116630555>
5. Holder R. W. How Not To Say What You Mean: A Dictionary of Euphemisms / Holder R. W. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – 521 p.
6. Hughes J. An Encyclopedia of Swearing: The Social History of Oaths, Profanity, Foul Language, and Ethnic Slurs in the English-Speaking World / Hughes J. – London: M. E. Sharpe, 2006. – 574 p.
7. Morton, M. The Lover’s Tongue: A Merry Romp Through the Language of Love and Sex / Morton, M. Toronto: Insomniac Press, 2009. – 238 p.
8. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс] – URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 08.09.2021)

9. Oxford English Dictionary: OED Online (OED). Oxford University Press (nd). [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.oed.com/> (дата обращения: 08.09.2021)
10. Partridge, E. The Routledge Dictionary of Historical Slang (6th Edition) / Partridge, E. ed. by Jacqueline Simpson. – Routledge, 2006. – 1066 p.
11. Rawson, H. A Dictionary of Euphemisms and other Doubletalk / Rawson, H. NY: Crown Publishers, Inc., 1981. – 312 p.
12. The Corpus of Historical American English (COHA) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.english-corpora.org/coha/> (дата обращения: 08.09.2021)
13. The Oxford Dictionary of English (ODE). Edition: 3rd ed. / edited by Angus Stevenson. – New York: Oxford University Press, 2010. – 2069 p.
14. The Partridge Dictionary of Slang and Unconventional English, in 2 vol. / ed. by Dalzell Victor Eds Staff, Eric Partridge. – Glasgow: Taylor & Francis, 2006. – 2189 p.
15. Thorne, T. Dictionary of contemporary slang / Thorne, T. – London, 2014. – 512 p.
16. Urban Dictionary (UD) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 25.08.2021).
17. Waugh, E. Bridehead Revisited. "Two girls stopped near our table and looked" / Waugh, E. – London: Chapman & Hall LTD, 1945. – 305 p.
18. Waugh, E. Vile bodies / Waugh, E. London: Chapman & Hall, 1965. – 202 p.

Список литературы на английском / References in English

1. Belyaevskaya E. G. Semanticheskaya struktura slova v nominativnom i kommunikativnom aspektah (kognitivnye osnovaniya semanticheskoy struktury slova) [The semantic word structure in nominative and communicative aspects (cognitive motives for word semantic structure)]: abstr. of dis. ... of PhD in Philology. – M., 1992. – 41 p. [in Russian]
2. Ayto J. Word Origins. The Hidden Histories of English Words from A to Z / Ayto J. 2nd edition. – L.: A & C Black Publishers Ltd, 2005. – 577 p.
3. Chiaro D. Gender and Humour. Interdisciplinary and International Perspectives / Chiaro D., Baccolini R. – Routledge: NY, 2014. – 360 p.
4. Hart-Brinson, P. The Social Imagination of Homosexuality and the Rise of Same-sex Marriage in the United States / Hart-Brinson, P. // Socius: Sociological Research for a Dynamic World, 2016. – Vol. 2. – P. 1-17; DOI: <https://doi.org/10.1177/2378023116630555>
5. Holder R. W. How Not To Say What You Mean: A Dictionary of Euphemisms / Holder R. W. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – 521 p.
6. Hughes J. An Encyclopedia of Swearing: The Social History of Oaths, Profanity, Foul Language, and Ethnic Slurs in the English-Speaking World / Hughes J. – London: M. E. Sharpe, 2006. – 574 p.
7. Morton, M. The Lover's Tongue: A Merry Romp Through the Language of Love and Sex / Morton, M. Toronto: Insomniac Press, 2009. – 238 p.
8. Online Etymology Dictionary [Electronic resource] – URL: <https://www.etymonline.com/> (accessed: 08.09.2021)
9. Oxford English Dictionary: OED Online (OED). Oxford University Press (nd). [Electronic resource]. – URL: <http://www.oed.com/> (accessed: 08.09.2021)
10. Partridge, E. The Routledge Dictionary of Historical Slang (6th Edition) / Partridge, E. ed. by Jacqueline Simpson. – Routledge, 2006. – 1066 p.
11. Rawson, H. A Dictionary of Euphemisms and other Doubletalk / Rawson, H. NY: Crown Publishers, Inc., 1981. – 312 p.
12. The Corpus of Historical American English (COHA) [Electronic source]. – URL: <https://www.english-corpora.org/coha/> (accessed: 08.09.2021)
13. The Oxford Dictionary of English (ODE). Edition: 3rd ed. / edited by Angus Stevenson. – New York: Oxford University Press, 2010. – 2069 p.
14. The Partridge Dictionary of Slang and Unconventional English, in 2 vol. / ed. by Dalzell Victor Eds Staff, Eric Partridge. – Glasgow: Taylor & Francis, 2006. – 2189 p.
15. Thorne, T. Dictionary of contemporary slang / Thorne, T. – London, 2014. – 512 p.
16. Urban Dictionary (UD) [Electronic source]. – URL: <http://www.urbandictionary.com/> (accessed: 08.09.2021)
17. Waugh, E. Bridehead Revisited. "Two girls stopped near our table and looked" / Waugh, E. – London: Chapman & Hall LTD, 1945. – 305 p.
18. Waugh, E. Vile bodies / Waugh, E. London: Chapman & Hall, 1965. – 202 p.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.27.3.15>

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТРИЛОГИИ Л.Н. ТОЛСТОГО «ДЕТСТВО. ОТРОЧЕСТВО. ЮНОСТЬ»

Научная статья

Ванслав М.В.^{1*}, Хворостова К.М.², Бедарева А.В.³^{1, 2, 3} Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, Красноярск, Россия

* Корреспондирующий автор (alissaval[at]yandex.ru)

Аннотация

В статье представлен анализ способов передачи реалий при переводе авторами с русского языка на английский язык, а также лексико-семантические особенности текста при выборе приемов передачи реалий на другой язык. Материалом для изучения выбрана автобиографическая трилогия Л.Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность», где представлено отражение культурно-историческое развитие России в реалиях. Учитывая основные трудности при переводе, которые заключаются в сохранении заложенного автором смысла, его стиля и стилистических приемов средств для достижения переводчиком воссоздания содержания исходного текста, следует применять метод стилистического и лексико-семантического анализа. Практическая ценность исследования состоит в применении полученных результатов в переводческой деятельности, которые помогут переводчику, учитывая определенный историко-культурный контекст и авторские особенности, сохранить национальный колорит оригинала произведения.

Ключевые слова: безэквивалентная лексика, реалии, перевод, способы передачи реалий, национальный колорит.

LEXICAL AND SEMANTIC ASPECTS OF TRANSLATING L. N. TOLSTOY'S TRILOGY "CHILDHOOD", "BOYHOOD", AND "YOUTH"

Research article

Vanslav M.V.^{1*}, Khvorostova K.M.², Bedareva A.V.³^{1, 2, 3} Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk, Russia

* Corresponding author (alissaval[at]yandex.ru)

Abstract

The article presents an analysis of the ways of transmitting culture-specific concepts when translating from Russian into English as well as lexical and semantic features of a text when choosing methods of translating culture-specific concepts into another language. L. N. Tolstoy's autobiographical trilogy "Childhood", "Boyhood", "Youth" where the reflection of the cultural and historical development of Russia is presented in culture-specific concepts. Taking into account the main difficulties in translation, which lie in preserving the meaning laid down by the author, his style and stylistic means to achieve the translator's reconstruction of the content of the source text, the article proposes the method of stylistic and lexical-semantic analysis. The practical value of the research lies in the application of the obtained results to translation activities, which will help the translator preserve the national flavor of the original work by taking into account a certain historical and cultural context and original features.

Keywords: non-equivalent vocabulary, culture-specific concepts, translation, ways of transmitting realities, national identity.

Введение

В переводе и лингвострановедении большой интерес представляет проблема лексической безэквивалентности. В научной литературе можно найти множество дефиниций безэквивалентной лексики. Частью безэквивалентной лексики являются реалии, т.е. слова (и словосочетания) называющие объекты характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и исторического колорита, которые в большинстве случаев не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, поэтому не переводятся, требуя особого подхода [1, С.37]. Сохранение в переводе национального и исторического своеобразия произведения национальной литературы в переводе – задача особой трудности. Учитывая, что понятие «перевод реалий» условно, потому что, как правило, реалия неперевода (в словарном порядке) и также, как правило, она передается (в контексте) не путем перевода. В лингвистической теории перевода интерес представляет вопрос о способах передачи слов как названий реалий, а не о «переводе» самих реалий, так как реалия понятие экстралингвистическое и не может переводиться.

Многие лингвисты (такие как В.Г. Томахин, Л.С. Бархударов, А.В. Федоров и др.), изучая данную проблему перевода реалий, дают свои, во многом схожие, схемы способов передачи реалий. В классификацию которых входит транслитерация/транскрипция, калькирование, описание и приблизительный перевод. В отличие от вышеупомянутых лингвистов, С. Влахов и С. Флорин предлагают более подробную классификацию способов передачи реалий, где рассматриваются два основных способа передачи реалий: транскрипцию/транслитерацию и перевод или замены [5]. Существуют следующие приемы перевода или замены: введение неологизма, приблизительный и контекстуальный перевод. К введению неологизма относят: кальки, полукальки, освоение и семантический неологизм. Возможно несколько случаев приблизительного перевода: родо-видовое соответствие, функциональный аналог и описание, объяснение, толкование.

Целью нашей работы является изучение способов передачи реалий и определение наиболее подходящих способов их передачи. В основу нашего исследования были взяты способы передачи реалий по Г.Д. Томахину [1], [2], Л.С.Бархударову [4], А.В. Федорову [2], С. Влахову и С. Флорину [5], [6].

Задачами исследования являются уточнения понятия “безэквивалентная лексика” и “реалия”, изучение классификации реалий, а также рассмотрение способов передачи реалий следующими авторами J. Rosengrant и C.J.Hogarth. Основные методы исследования: лингвострановедческий анализ; сравнительно-сопоставительный анализ оригинала и перевода.

Материалы исследования

В ходе работы нами были проанализированы переводы трилогии, сделанные двумя разными авторами: Розенгрант (J. Rosengrant) и Хогарт (C. J. Hogarth). Некоторые реалии, которые вошли в основу нашего исследования, были у вышеупомянутых авторов переведены по-разному. Для анализа перевода трилогии нами были выбраны переводы двух авторов разных столетий: XIX века (C.J.Hogarth) и XX века (J.Rosengrant), в работах которых наша задача сравнить и проанализировать как переводчики русской классической литературы XIX-XX веков пытались передать максимальную близость перевода к оригиналу и при этом сохранить национальное своеобразие и стиль автора данной трилогии.

Также в процессе исследования мы столкнулись с примерами передачи реалий, представляющими значительный интерес. Для ряда из них, нами были представлены отобранные нами наиболее удачные, на наш взгляд, способы передачи реалий. При выборе способа передачи реалии переводчику необходимо сохранять и стилистические особенности данного периода времени, и характерный стиль автора. Рассмотрим наиболее яркие и интересные примеры передачи реалий:

1. Чтобы проанализировать следующий пример, мы обратились к словарю Ожегова, в котором **кацавейка** – это верхняя распахнутая короткая кофта [7]. Переводчик J. Rosengrant переводит «кацавейка» как **jacket**, то есть передает реалию при помощи приблизительного перевода. А переводчик C.J.Hogarth переводит как **shawl** (шаль, платок), то есть в данном случае реалия передана неверно.

«Подле нее вполуборот сидела Марья Ивановна в чепце с розовыми лентами, в голубой кацавейке и с красным сердитым лицом, ...».

“Beside her, half-turned away, sat Marya Ivanovna, in a cap with rose-coloured ribbons and a blue jacket. Her face, red and angry, ...” (перевод J. Rosengrant).

“Beside her was sitting Maria Ivanovna, in a cap adorned with pink ribbons and a blue shawl. Her face was red and cross, and ...” (перевод C.J.Hogarth).

2. В следующем примере, используются одинаковые способы передачи реалии, то есть приблизительный перевод. Но C.J.Hogarth, на наш взгляд, более удачно передает данную реалию, чем J. Rosengrant, так как **зипун** – крестьянская одежда — кафтан из грубого толстого сукна, обычно без ворота [8].

«Распоясав свой старенький черный кушак, он медленно снял изорванный нанковый зипун, тщательно сложил его и повесил на спинку стула».

“He unfastened his old black belt, removed his tattered nankeen smock, folded it carefully, and hung it over the back of a chair” (перевод J. Rosengrant).

“Unfastening his old black girdle, he slowly divested himself of his torn nankeen kaftan, and deposited it carefully on the back of a chair”. (перевод C.J.Hogarth) [9], [10].

3. В следующем примере передачи реалии «ваточная чуйка» с русского языка на английский один из авторов (J.Rosengrant) использует описание (приблизительный перевод) — **wadded overcoat**, который вполне оправдывает себя, так как в словаре **чуйка** – долгополая мужская одежда, первоначально свободного покроя, позднее — сходная с кафтаном. Что же касается другого автора (C.J.Hogarth), то он перевел реалию, как **padded boots**, то есть в данном случае реалия передана совершенно неверно и приводит к полному искажению текста.

«И для чего непременно хотят меня укутать в шарф и ваточную чуйку?».

“Why must I be bundled up in a scarf and a long wadded overcoat?” (перевод J.Rosengrant).

“Why must I be kept forever muffled up in a scarf and padded boots?” (перевод C.J.Hogarth).

4. В следующем примере, переводчики используют одинаковые способы передачи реалии – описание (приблизительный перевод).

«Молодой гувернер Ивиных, Herr Frost, с позволения бабушки сошел с нами в палисадник, сел на зеленую скамью, живописно сложил ноги, поставив между ними ...».

“Herr Frost, the Ivins’ young tutor, with Grandmamma’s permission, went into the front garden with us, seated on a green bench, crossed his legs picturesquely, placing between them ...” (перевод J. Rosengrant).

“The Ivins’ young tutor, Herr Frost, accompanied us into the little back garden, where he seated himself upon a bench, arranged his legs in a tasteful attitude, rested his brass-knibbed cane between them, ...” (перевод C.J.Hogarth).

В данном случае, J. Rosengrant переводит «палисадник», как **front garden**, а C.J.Hogarth, как **little back garden**. В первом примере перевод более точный, чем во втором. Это подтверждает определение, взятое из словаря Ожегова: **палисадник** — небольшой огороженный садик, цветник перед домом. Во втором же случае перевод не совсем точный, так как искажается смысл и читатель может понять, что это не маленький садик перед домом, а небольшой сад или огород позади дома. Исходя из всего ранее сказанного, мы предлагаем свой вариант перевода — **little front garden**.

Для более наглядного представления анализа способов передачи реалий из автобиографической трилогии Л.Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность», мы представляем диаграммы, которые показывают разницу между переводами Розенгрант (J. Rosengrant) и Хогарт (C.J.Hogarth) [8], [9], [10], [11].

При сопоставлении диаграмм соотношения способов перевода, можно сделать вывод, что в переводах J. Rosengrant и C.J.Hogarth значительное место занимает приблизительный перевод, в то время как употребление транскрипции, транслитерации и неологизма составляет небольшой процент. В переводе J.Rosengrant, по сравнению с другим автором перевода, практически нет реалий, которые не были бы переведены с русского языка на английский, а так же нет неверно переданных реалий. Что касается перевода C.J.Hogarth, то здесь отсутствие перевода (6,6 %) и неверная передача реалий (6,6 %) составляют значительную часть – 13,2%. Из этого следует, что перевод, сделанный J.Rosengrant более качественный, чем перевод C.J.Hogarth. Так как в процессе передачи, ни одна из реалий не потеряла ни исторического, ни национального колорита, который и делает из нейтральной, «неокрашенной» лексической единицы «национально окрашенную», то есть реалию. К сожалению, мы не можем сказать того же и о переводе C.J.Hogarth.

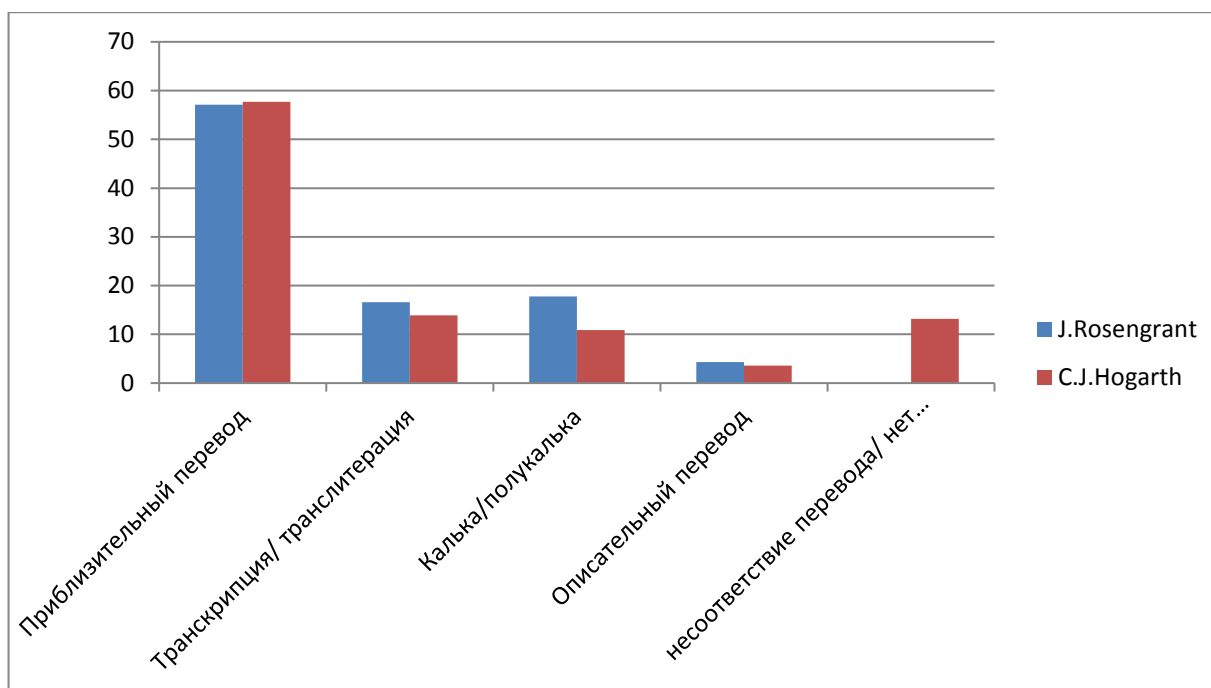

Рисунок 1 – Соотношение способов перевода

Подводя итоги нашего исследования, следует отметить, что перевод, сделанный J.Rosengrant более качественный, чем перевод C.J.Hogarth. В результате умелого сочетания всех способов передачи реалий, Дж.Розенгрант добился того, что произведение полностью сохранило свой национальный колорит и реалии понятны англоязычному читателю. Благодаря сохранению и точной передаче реалий, произведение несет в себе богатую страноведческую информацию о России той эпохи, и эта информация доступна читателю. К сожалению, мы не можем сказать того же и о переводе C.J.Hogarth.

Заключение

Сопоставив и проанализировав имеющиеся в переводческой и лингвострановедческой литературе определения безэквивалентной лексики, были сделаны следующие выводы:

Во-первых, безэквивалентная лексика – это лексические и фразеологические единицы, которые не имеют переводческих эквивалентов в переводимом языке. Хотя данная дефиниция уступает по точности определениям, приведенным выше, однако значительно сужает границы безэквивалентной лексики.

Во-вторых, реалии являются наиболее яркими носителями национального и/или исторического колорита и входят как самостоятельная группа лексических единиц в рамки безэквивалентной лексики. Так как происхождение реалий различно и принадлежат они культурам разных народов, то существует большое количество терминов, которыми различные исследователи обозначали этот пласт лексики.

В-третьих, безэквивалентная лексика представляет собой проблему для переводчиков, так как это слова и выражения, не имеющие эквивалентов в другом языке. Безэквивалентность, однако же, не означает непереводаемость. Каждый язык является достаточным средством для того, чтобы передать содержание, выраженное средствами другого языка. Перевод безэквивалентной лексики – это целое искусство. Различные исследователи дают свои, но во многом схожие, схемы приемов передачи реалий.

Подводя итог вышеизложенному, резюмируем, что переводчик выбирает в каждом конкретном случае, учитывая множество факторов, наиболее подходящий способ передачи безэквивалентной лексики. Перевод данной лексики важен, но сложен и неоднозначен. Но как показывает практика, перевод этой лексики – вполне разрешимая задача.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Томахин, Г.Д. Реалии-американизмы. Пособие по страноведению: учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз./ Г. Д. Томахин. - М.: Высш. шк., 2001. - С. 37-40
2. Томахин, Г.Д. Лингвострановедение. Что это такое? / Г. Д. Томахин // ИЯШ. - 1996. - № 6. - С. 9
3. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Для институтов и факультетов иностранных языков. Учеб. пособие / Федоров, А. В. - 5-е изд. - СПб.: Филологический факультет. СПбГУ; М.: ООО "Издательский Дом "Филология три", 2002. - С. 416
4. Бархударов, Л.С. Язык и перевод; Международные отношения / Бархударов, Л.С. - М., 2015.- С. 239
5. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе / Влахов С., Флорин С. - М.: Валент, 2009. 360 с.
6. Флорин С. Муки переводческие [Электронный ресурс] / Флорин С. - М., 1983. - С. 184. - URL: <http://translatorslair.com/files/Muki-perevodcheskie-Florin.pdf> (дата обращения: 10.02.2021).
7. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Ожегов С. И. И Шведова Н. Ю. Издательство: АТБерг 98, 2010 г. 4-е изд., дополненное. - С. 944
8. Tolstoy L. Childhood, Boyhood, and Youth / Tolstoy L. Ed. & transl. by Judson Rosengrant. - N.Y.: Penguin Classics, 2012. - 336 p.
9. Tolstoy, L. Childhood [Электронный ресурс] / L. Tolstoy ; пер. с рус. С. J. Hogarth. // Project Gutenberg. - URL: <https://www.gutenberg.org/files/2142/2142-h/2142-h.htm/> (дата обращения: 12.02.2021)
10. Tolstoy, L. Boyhood. [Электронный ресурс] / L. Tolstoy ; пер. с рус. С. J. Hogarth. // Project Gutenberg. - URL: <https://www.gutenberg.org/files/2450/2450-h/2450-h.htm> (дата обращения: 12.02.2021).
11. Tolstoy, L. Youth [Электронный ресурс] / L. Tolstoy ; пер. с рус. С. J. Hogarth. // Project Gutenberg. - URL: <https://www.gutenberg.org/files/2637/2637-h/2637-h.htm> (дата обращения: 12.02.2021).
12. Верецагин Е.М. Лингвострановедческая теория слова / Верецагин Е.М., Костомаров, В.Г. - М.: Русский язык, 1980- С. 320
13. Комиссаров, В.Н. Теория перевода. Лингвистические аспекты: Учебник для ВУЗов / В.Н. Комиссаров. - М.: Альянс, 2013. - С. 253
14. Гарбовский, Н.К. Теория перевода: учебник и практикум для академического бакалавриата [Электронный ресурс] / Н. К. Гарбовский. — 3-е изд., испр. и доп. - Москва: Издательство Юрайт, 2018. - 387 с. - (Бакалавр. Академический курс). - ISBN 978-5-534-07251-8. // ЭБС Юрайт [сайт]. - URL: <https://urait.ru/bcode/422777/> (дата обращения: 10.01.2021).
15. Рецкер, Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Рецкер, Я.И. Дополнения и комментарии Д.И. Ермоловича. - М.: «Р. Валент», 2004. - С. 240
16. Чернов, Г.В. К вопросу о передаче безэквивалентной лексики при переводе советской публицистики на английский язык / Чернов, Г.В. - «Ученые записки» 1-ого МГПИИЯ. М., 1958. Т. XVI.- С. 223
17. Швейцер, А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты / А.Д. Швейцер. - М.: КД Либроком, 2019. - С. 216
18. Толстой Л.Н. Детство; Отрочество; Юность / Толстой Л.Н. - М.: Эксмо, 2008. - С. 640 - (Рус. классика).
19. Leo Tolstoy. Childhood. Boyhood. Youth. / Leo Tolstoy. - UK: David Campbell Publishers Ltd., 1991
20. Lev Tolstoi. Childhood. Boyhood. Youth. / Lev Tolstoi. - Moscow: Foreign Languages Publishing House. - 414 p.
21. Collins. Russian-English, English- Russian Dictionary. - Harper Collins Publisher, 2000. - 974 p.
22. Oxford Russian Dictionary. - Oxford: University Press Inc., 2006. - 1344 p.

Список литературы на английском / References in English

1. Tomahin, G.D. Realii-amerikanizmy. [Realities-Americanisms. Country studies guide] Posobie po stranovedeniyu: ucheb. posobie dlya in-tov i fak. inostr. yaz./ G. D. Tomahin. - M.: Vyssh. shk., 2001. - Pp. 37-40 [in Russian]
2. Tomahin, G.D. Lingvostranovedenie. Chto eto takoe? [Linguistic and Regional Studies. What is it?] / G. D. Tomahin // IYASH. - 1996. - № 6. - 9 p. [in Russian]
3. Fedorov, A. V. Osnovy obshchej teorii perevoda (lingvisticheskie problemy) [Fundamentals of General Theory of Translation (linguistic problems)]: Dlya institutov i fakul'tetov inostrannykh yazykov. Ucheb. posobie / Fedorov, A. V. - 5-e izd. - SPb.: Filologicheskij fakul'tet. SPbGU; M.: ООО "Izdatel'skij Dom "FILOLOGIYA TRI", 2002. - 416 p. [in Russian]
4. Barhudarov, L.S. Yazyk i perevod; Mezhdunarodnye otnosheniya [Language and translation; International relationships] / Barhudarov, L.S. - M., 2015. - 239 p. [in Russian]
5. Vlahov S. Neperevodimoe v perevode [Untranslatable in translation] / Vlahov S., Florin S. - M.: Valent, 2009. 360 p. [in Russian]
6. Florin S. Muki perevodcheskie. [Translation flour] / Florin S. - M., 1983. - 184 p. URL: <http://translatorslair.com/files/Muki-perevodcheskie-Florin.pdf> (accessed: 10.02.2021). [in Russian]
7. Ozhegov S. I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij, Izdatel'stvo [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions] / Ozhegov S. I. I Shvedova N. Yu. Atberg 98, 2010. 4 edit., dopolnennoe. - 944 p. [in Russian]
8. Tolstoy L. Childhood, Boyhood, and Youth / Tolstoy L. Ed. & transl. by Judson Rosengrant. - N.Y.: Penguin Classics, 2012. - 336 p.
9. Tolstoy, L. Childhood [Electronic resource] / L. Tolstoy ; transl. from Russ. by C. J. Hogarth. // Project Gutenberg. - URL: <http://https://www.gutenberg.org/files/2142/2142-h/2142-h.htm>. (accessed: 12.02.2021)
10. Tolstoy, L. Boyhood. [Electronic resource] / L. Tolstoy ; transl. from Russ. by C. J. Hogarth. // Project Gutenberg. - URL: <https://www.gutenberg.org/files/2450/2450-h/2450-h.htm> (accessed: 12.02.2021).
11. Tolstoy, L. Youth [Electronic resource] / L. Tolstoy ; transl. from Russ. by C. J. Hogarth. // Project Gutenberg. - URL: <http://https://www.gutenberg.org/files/2637/2637-h/2637-h.htm> (accessed: 12.02.2021)

12. Vereshchagin E.M. Lingvostranovedcheskaya teoriya slova [Linguistic theory of the word] / Vereshchagin E.M. Kostomarov, V.G. – M.: Russkij yazyk, 1980- p. 320 [in Russian]
13. Komissarov, V.N. Teoriya perevoda. Lingvisticheskie aspekty [Translation theory. Linguistic aspects]: Uchebnik dlya VUZov / V.N. Komissarov. - M.: Al'yans, 2013. – p. 253 [in Russian]
14. Garbovskij, N. K. Teoriya perevoda : uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata [Translation Theory: Textbook and Workshop for Academic Bachelor's Degree] [Electronic resource] / N. K. Garbovskij. — 3-e izd., ispr. i dop. — Moskva : Izdatel'stvo Yurajt, 2018. - 387 p. - (Bakalavr. Akademicheskij kurs). - ISBN 978-5-534-07251-8. // EBS Yurajt [site]. - URL: <https://urait.ru/bcode/422777> (accessed: 10.01.2021) [in Russian]
15. Recker, YA.I. Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. Ocherki lingvisticheskoy teorii perevoda [Translation theory and translation practice. Essays on linguistic translation theory] /Recker, YA.I. Add. and comment. D.I. Ermolovicha. – M.: «R. Valent», 2004. - p. 240 [in Russian]
16. Chernov, G.V. K voprosu o peredache bezekvivalentnoj leksiki pri perevode sovetskoj publicistiki na anglijskij yazyk [On the question of the transfer of non-equivalent vocabulary in the translation of Soviet journalism into English] / Chernov, G.V. - «Uchenye zapiski» 1-ogo MGPIYA. M., 1958. Vol. XVI.- p. 223 [in Russian]
17. Shvejcer, A.D. Teoriya perevoda: Status, problemy, aspekty [Translation theory: Status, problems, aspects] / A.D. Shvejcer. - M.: KD Librokom, 2019. – p. 216 [in Russian]
18. Tolstoj L.N. Detstvo; Otrochestvo; Yunost'. [Childhood. Boyhood. Youth] / Tolstoj L.N. - M.: Eksmo, 2008. - P. 640 - (Rus. klassika) [in Russian]
19. Leo Tolstoy. Childhood. Boyhood. Youth. / Leo Tolstoy. - UK: David Campbell Publishers Ltd.,1991
20. Lev Tolstoi. Childhood. Boyhood. Youth. / Lev Tolstoi. - Moscow: Foreign Languages Publishing House. - 414 p.
21. Collins. Russian-English, English- Russian Dictionary. – Harper Collins Publisher, 2000. - 974 p.
22. Oxford Russian Dictionary. – Oxford: University Press Inc., 2006. - 1344 p.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.27.3.5>

ПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИИ МУЖСКОГО РОДА В АНГЛИЙСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТА «THE JUNGLE BOOK» Р. КИПЛИНГА)

Научная статья

Смаков А.С. *

Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Россия

* Корреспондирующий автор (askarsurgut[at]mail.ru)

Аннотация

В данной статье рассматривается категория мужского рода на примере языковых средств ее выражения в английском языке. Категория рода не является ярко выраженной грамматической категорией в английском языке. Однако в художественных произведениях читатель сталкивается с категорией рода персонажей, которая отличается от указанных в грамматических источниках правил. Персонажи, выраженные мужским родом, персонифицируются и выражают характеристики, присущие людям. Материалом исследования послужил англоязычный аутентичный текст произведения “The Jungle Book” (Книга Джунглей) Р. Киплинга, а также два текста перевода, выполненные профессиональными переводчиками Е. Чистяковой-Вэр и Н. Дарузес. Приводятся примеры персонажей, выраженных мужским и женским родом в тексте оригинала, а также адекватность их переноса в язык перевода в реалиях русской культуры.

Ключевые слова: категория рода, мужской род, женский род, существительное, местоимение, глагол, языковые средства выражения, текст, дискурс.

PRESENTATION OF THE MASCULINE GENDER IN AN ENGLISH LITERARY TEXT (BASED ON R. KIPLING'S "THE JUNGLE BOOK")

Research article

Smakov A.S. *

Surgut state pedagogical university, Surgut, Russia

* Corresponding author (askarsurgut[at]mail.ru)

Abstract

The current article examines the masculine gender based on the linguistic means of its expression in the English language. The gender category is not a distinct grammatical category in English. However, in works of fiction, the reader is faced with the gender category of characters that differs from the rules specified in grammatical sources. Such characters, represented by the masculine gender, are personified and express the characteristics inherent in people. R. Kipling's “The Jungle Book” and two professional translations from E. Chistyakova-Ver and N. Daruzes serve as the basis of the study. The article provides examples of characters expressed by masculine and feminine genders in the original text, as well as the adequacy of their translation in relation to the realities of the Russian culture.

Keywords: gender category, masculine gender, feminine gender, noun, pronoun, verb, linguistic means of expression, text, discourse.

Народные и авторские художественные произведения являются одним из источников национального культурного опыта, передающегося из поколения в поколение. Русскоязычные читатели английских произведений знакомятся с грамматическими категориями, например, с категорией рода. При этом в таких текстах встречаются и явления, которые представляют собой отклонения от грамматических правил. Например, такие существительные, как *year* ‘год’, *power* ‘власть’, *death* ‘смерть’ заменяются личными местоимениями мужского и женского рода *he* и *she*, а не *it*.

Категория рода и категория одушевленности/неодушевленности в английском языке всегда функционируют в тесной связи друг с другом. О. Есперсен отчетливо представил различие одушевленных и неодушевленных объектов на примере местоимений *he/she* ‘он/она’, *who* ‘кто, который’, *somebody* ‘кто-то’, *anybody* ‘кто-то’, *nobody* ‘никто’, *everybody* ‘все’, которые относятся к одушевленным объектам, и *it* ‘он, она, оно’, *what* ‘что’, *which* ‘который’, *something* ‘что-то’, *anything* ‘что-нибудь’, *nothing* ‘ничего’, *everything* ‘всё’, которые относятся к неодушевленным объектам [2, С. 277].

Е.М. Попкова в своем исследовании категории одушевленности/неодушевленности отмечает, что рассматриваемая категория является неотъемлемой частью категории рода [6, С. 82].

В.А. Виноградов отмечает, что в русском языке одушевленные объекты могут относиться к неживым (*покойник*), а неодушевленные – к живым (*луна*) [3, С. 106].

В лексикографических источниках английского языка не предлагается никаких сведений о категории рода существительных за исключением отдельных лексем, род которых представлен лексемой *male* или *female* в тексте дефиниции. Во всех остальных случаях действует система, предложенная R. Quirk *et al.* Суть этой системы сводится к следующему разграничению. Все существительные, обозначающие людей (*king*, *sister*), заменяются личными местоимениями мужского или женского рода *he/she*. Род всех существительных, обозначающих неживые организмы (*table*, *phone*), выражается замещением существительных личным местоимением *it*. В сферу употребления местоимения *it* также входят и названия животных (*dog*, *cat*). При этом в случае, если животное представляет ценность для человека, входит в сферу деятельности человека или род животного имеет значение в тексте, используются местоимения мужского и женского рода *he/she* [8, Р. 79].

Чешские лингвисты J. Vachec и L. Duškova продолжают точку зрения R. Quirk *et al*, J. Vachec добавляет, что в тексте автор может целенаправленно изменять категорию рода [10, P. 110].

Российские исследователи Н.Н. Болдырев и И.Г. Серова отмечают, что в рамках гендерного символизма некоторые животные могут метафорически репрезентироваться как мужские и женские [1, С. 43].

На материале художественного текста Р. Киплинга «Книга Джунглей» (The Jungle Book) нами было проведено исследование на предмет языковых средств выражения категории рода персонажей в тексте. В качестве текстов перевода на русский язык были отобраны работы, выполненные профессиональными переводчиками Е. Чистяковой-Вэр и Н. Дарузес. В сборнике рассказов «Книга Джунглей» отдельные рассказы были переведены разными переводчиками. Нами исследовались только рассказы «Братья Маугли», «Охота питона Каа» и «Тигр! Тигр!», касающиеся жизни мальчика Маугли. Нам удалось найти переводы двух авторов, что позволяет нам провести сопоставительный анализ переводческих приемов одних и тех же фрагментов текста.

Из всех существительных, обозначающих действующих лиц в тексте, нами было отобрано 16 персонажей, мужской и женский род которых подтвержден в тексте. Персонажи, замещенные местоимением *it*, в данном исследовании не рассматривались.

Персонажи мужского рода: *father wolf, wolf, jackal, tiger, beast, man, fool, cub, baby, bear, panther, leader, kite, rock snake*.

Персонажи женского рода: *mother wolf, woman*.

Рассмотрим подробнее языковые средства выражения категории рода на примерах из текста.

(1) *Father Wolf* – мужской род – *Отец Волк*

Отец Волк проснулся после дневного отдыха, зевнул, почесался и одну за другой вытянул свои передние лапы...

Пер. Е. Чистяковой-Вэр

... *Father Wolf* woke up from his day's rest, scratched himself, yawned, and spread out his paws...

... *Отец Волк проснулся после дневного отдыха, почесался, зевнул и расправил онемевшие лапы...*

Пер. Н. Дарузес

В тексте оригинала идиоматическое словосочетание *Father Wolf* относится к мужскому роду, о чем свидетельствует употребление притяжательных и возвратных местоимений *his, himself*. Также об этом свидетельствует и лексема мужского рода *father* – “*a male parent of a human being*” [9]. Профессиональные переводчики использовали существительное *Отец Волк* мужского рода, о чем свидетельствуют окончания глаголов прошедшего времени *проснулся, зевнул, почесался, вытянул, расправил*, а также склонение существительных *отец и волк*. В тексте оригинала и перевода значимость персонажа подчеркивается написанием с прописной буквы.

(2) *Mother Wolf* – женский род – *Волчица Мать/Мать Волчица*

Волчица Мать лежала...

Пер. Е. Чистяковой-Вэр

Mother Wolf lay with her big gray nose dropped across her four tumbling, squealing cubs

Мать Волчица дремала...

Пер. Н. Дарузес

В тексте оригинала идиоматическое словосочетание *Mother Wolf* относится к женскому роду, о чем свидетельствует употребление притяжательных местоимений *her*. Также об этом свидетельствует и лексема мужского рода *mother* – “*a female parent of a human being*” [9]. В тексте перевода Е. Чистяковой-Вэр использовано существительное женского рода *Волчица Мать*, а в тексте перевода Н. Дарузес – *Мать Волчица*, что не несет в себе принципиальной разницы. Оба варианта относятся к женскому роду, о чем свидетельствуют окончания глаголов прошедшего времени *лежала и дремала*, а также склонение существительных *волчица и мать*. В тексте оригинала и перевода значимость персонажа подчеркивается написанием с прописной буквы.

(3) *Wolf* – мужской род – *волк*

... каждый вновь женившийся **волк** может отделиться от своей стаи;

Пер. Е. Чистяковой-Вэр

... any **wolf** may, when he marries, withdraw from the Pack he belongs to.

... каждый **волк**, обзаводясь семьей, может покинуть свою Стаю.

Пер. Н. Дарузес

В данном примере отмечается, что для обозначения всех волков в целом без указания на конкретную особь используется существительное мужского рода *wolf*, о чем свидетельствуют личные местоимения *he* в тексте. В текстах перевода использовано существительное мужского рода *волк* – род существительного подчеркивается местоимением *каждый*, причастием *женившийся*, а также склонением существительного в русском языке.

(4) *Jackal, Tabaqui, Dish-licker* – мужской рода – *шакал, Табаки, лизоблюд*

It was the jackal – Tabaqui, the Dish-licker – and the wolves of India despise Tabaqui because he runs about making mischief...

Говорил шакал Табаки, лизоблюд. Волки Индии презирали Табаки за то, что он всем причинял неприятности, сплетничал и поедал тряпье...

Пер. Е. Чистяковой-Вэр

Это был шакал, Лизоблюд Табаки, — а волки Индии презирают Табаки за то, что он рыщет повсюду...

Пер. Н. Дарузес

В тексте оригинала существительное *jackal* относится к мужскому роду, о чем свидетельствует употребление притяжательного местоимения *he*. Также об этом говорит и суффикс *—er* у существительного *Dish-licker*. Оба профессиональных переводчика использовали в русском языке существительное мужского рода *шакал* и *лизоблюд*, их род подчеркивается личным местоимением *он*, окончаниями глаголов прошедшего времени *говорил*, *причинял*, *сплетничал*, *поедал*, *был* в тексте перевода, а также склонением существительного в русском языке. Стоит отметить, что профессиональный переводчик Н. Дарузес подчеркивает значимость прозвища персонажа (*Лизоблюд*) написанием с прописной буквы в тексте перевода, как было указано в тексте оригинала (*Dish-licker*). В тексте перевода Е. Чистяковой-Вэр этому не было придано значения.

(5) *Shere Khan, tiger* – мужской род – *Шер Хан, тигр*

"Shere Khan, the Big One, has shifted his hunting grounds. He will hunt ... he has told me."
Shere Khan was the tiger...

– *Шер Хан переменил место охоты. Он сказал мне...*

Шер Хан был тигр, живший...

Пер. Е. Чистяковой-Вэр

– *Шер-Хан, Большой Тигр, переменил место охоты. Он будет ... он сам сказал.*

Шер-Хан был тигр, который жил...

Пер. Н. Дарузес

В тексте оригинала персонаж *tiger* относится к мужскому роду, о чем свидетельствуют личное и притяжательное местоимения *he* и *his*. В тексте перевода использовано существительное мужского рода *тигр*, род которого выражается рядом языковых средств в тексте перевода: личное и относительное местоимения *он* и *который*, прилагательное *большой*, наречие *сам*, причастие *живший*, окончания глаголов прошедшего времени *переменил*, *сказал*, *был*, *жил*, а также склонением существительного в русском языке.

(6) *Beast* – мужской род – *зверь*

... beast to eat Man except when he is killing ... he must hunt outside the hunting grounds of his pack or tribe.

... зверь убивает его ... он должен охотиться...

Пер. Е. Чистяковой-Вэр

... позволяет зверям охотиться ... зверю нельзя убивать ... где охотится его стая или племя.

Пер. Н. Дарузес

В тексте оригинала существительное *beast* относится к мужскому роду, о чем свидетельствует использование личных и притяжательных местоимений *he* и *his*. Профессиональные переводчики используют существительное мужского рода *зверь* в тексте перевода. Род существительного выражается личным и притяжательным местоимениями *он* и *его*, окончанием глагола *должен*, а также склонением существительного в русском языке.

(7) *Man* – мужской род – *человек*

... Man is the weakest ... it is unsportsmanlike to touch him.

... человека, потому что он самое слабое ... трогать его недостойно охотника.

Пер. Е. Чистяковой-Вэр

... человек – самое слабое ... трогать его недостойно охотника.

Пер. Н. Дарузес

В тексте оригинала существительное *man* относится к мужскому роду, что выражается в тексте использованием местоимения в объектном падеже *him*. Кроме того, значение мужского рода *"an adult male person"* тесно перекликается со значением *"a human being"* [9]. В тексте перевода используется существительное мужского рода *человек*. Род существительного выражается личным и притяжательным местоимениями *он* и *его*, а также склонением существительного в русском языке.

(8) *Woman* – женский род – *женщина*

... a **woman** with heavy copper rings on her wrists and ankles, and she peered at Mowgli under the palm of her hand.

... сказала женщина ... вгляделась в Маугли.

Пер. Е. Чистяковой-Вэр

... сказала женщина ... посмотрела на Маугли.

Пер. Н. Дарузес

В тексте оригинала существительное *woman* относится к женскому роду, о чем свидетельствуют личные и притяжательные местоимения *she* и *her*, а также значение существительного: "*an adult female person*" [9]. В тексте перевода используется существительное женского рода *женщина*. Род существительного выражается окончаниями глаголов прошедшего времени *сказала*, *вгляделась*, *посмотрела*, а также склонением существительного в русском языке.

(9) *Fool* – мужской род – *глупец*

"The **fool** has had no more sense ... has burned his feet," ...

– У этого глупца так мало смысла, что он прыгнул на костер ... обжег себе лапы, – сказал Волк.

Пер. Е. Чистяковой-Вэр

– Этот дурак обжѐг себе лапы.

Пер. Н. Дарузес

В тексте оригинала существительное *fool* относится к мужскому роду, о чем свидетельствует притяжательное местоимение *his* в тексте. В разных текстах перевода используются существительные мужского рода *глупец* и *дурак*. Род существительных выражается личным и указательным местоимениями *он* и *этот*, окончаниями глаголов прошедшего времени *прыгнул* и *обжег*, а также склонением существительного в русском языке.

(10) *Cub* – неопределенный/мужской род – *детеныш*

"Is that a man's **cub**?" ... Bring it here."

– Так это человеческий детеныш ... Дай-ка его сюда.

Пер. Е. Чистяковой-Вэр

– Это и есть человечий детёныш? ... Принеси его сюда.

Пер. Н. Дарузес

... a **cub** to be accepted by the Pack, he must be spoken for ... his father and mother.

... какого-нибудь детеныша в стаю, за его принятие должны высказаться ... его отец или мать.

Пер. Е. Чистяковой-Вэр

... принять детёныша в Стаю, в его пользу должны высказаться...

Пер. Н. Дарузес

В первом случае автор употребляет существительное *cub* с неопределенным местоимением *it*. Во всех остальных случаях – с местоимением мужского рода *he*. Это можно объяснить тем, что в первом случае пол персонажа не имеет значения, кроме того, существительное *cub* обозначает детеныша животного [9], следовательно, такое существительное заменяется неопределенным местоимением *it* в английском языке. Далее в ходе развития действия автор отмечает пол персонажа, поэтому мы сталкиваемся с личным местоимением мужского рода *he*. В текстах перевода используется существительное мужского рода *детеныш*. Род существительного выражается окончанием прилагательного *человечий*, притяжательным местоимением *его*, а также склонением существительного в русском языке.

(11) *Baby* – мужской род – *ребенок*

The **baby** was pushing his way...

Ребенок расталкивал волчат...

Пер. Е. Чистяковой-Вэр

Ребёнок проталкивался...

Пер. Н. Дарузес

В тексте оригинала существительного *baby* относится к мужскому роду, о чем свидетельствует притяжательное местоимение *his*. Профессиональные переводчики используют существительное мужского рода *ребенок*, род которого

выражается окончаниями глаголов прошедшего времени *расталкивал* и *проталкивался*, а также склонением существительного в русском языке.

(12) *Baloo, bear* – мужской род – *Балу, медведь*

... *Baloo, the sleepy brown bear ...*
old *Baloo* ... *he* pleases because *he* eats only
nuts ... *his* hind quarters...

Тогда **Балу**, не принадлежавший к роду волков,
но которого допускают ... старый Балу, сонный
бурый медведь, преподающий волчатам ...
имеющий право ... он ест только орехи ... поднялся
на задние лапы и проревел:

Пер. Е. Чистяковой-Вэр

... **Балу**, ленивый бурый медведь, который
обучает волчат ... старик Балу, который может
бродить ... он ест одни только орехи...

Пер. Н. Дарузес

В тексте оригинала существительное *bear* относится к мужскому роду, о чем свидетельствуют личные и притяжательные местоимения *he* и *his*. Профессиональные переводчики используют существительное мужского рода *медведь*. Род существительного подчеркивается рядом языковых средств: причастия *принадлежавший*, *преподающий* и *имеющий*, относительное местоимений *который*, прилагательные *старый*, *сонный*, *бурый*, *ленивый*, личное местоимение *он*, окончания глаголов прошедшего времени *поднялся* и *проревел*, а также склонение существительного в русском языке.

(13) *Bagheera, Panther* – мужской род – *Багира, пантера*

It was *Bagheera* the *Black Panther*,
... *Bagheera*, and nobody cared to cross *his* path;
for *he* was as cunning...

Это была **Багира**, черная пантера, вся черная ...
знали **Багиру** ... становится ей поперек дороги
... она была хитра ... мужественна ... неудержима...

Пер. Е. Чистяковой-Вэр

Это была **Багира**, чёрная пантера, чёрная вся ...
знали **Багиру** ... становится ей поперёк ... она была
хитра ... отважна ... бесстрашна...

Пер. Н. Дарузес

В тексте оригинала существительное *panther* относится к мужскому роду, о чем свидетельствуют личное и притяжательное местоимения *he* и *his*. В обоих текстах перевода используется существительное женского рода *пантера*. Род существительного выражается такими языковыми средствами, как глагол прошедшего времени *была*, прилагательные *черная*, *хитра*, *мужественна*, *неудержима*, *отважна*, *бесстрашна*, местоименное прилагательное *вся*, личное местоимение *она*, местоимение-существительное *ей*.

(14) *Leader* – мужской род – *вожак*

... every *leader* of every pack when *his* strength goes
from *him* and *he* gets feebler ... *he* is killed by the wolves
and a new *leader* comes up – to be killed in *his* turn.

... для каждого **вожака**, когда его силы уходят
и он все слабеет ... убивает его и не является новый **вожак**
ак, которого...

Пер. Е. Чистяковой-Вэр

... для каждого **вожака** Стаи, когда сила уходит
от него ... убивают его, когда он совсем ослабеет, а на е
го место становится новый вожак ...

Пер. Н. Дарузес

В тексте оригинала существительное *leader* относится к мужскому роду, о чем свидетельствует притяжательное местоимение *his* в тексте. Профессиональные переводчики используют существительное мужского рода *вожак* в тексте перевода. Род существительного выражается рядом языковых средств: личное местоимение *он*, притяжательные местоимения *его*, относительное местоимение *которого*, прилагательное *новый*, а также склонение существительного в русском языке.

(15) *Rann, Kite* – мужской род – *Ранн, коршун*

... *Rann the Kite* balancing and wheeling
as *he* kept ...

... **коршуна Ранна**, который то неподвижно
висел в воздухе, то описывал круги...

Пер. Е. Чистяковой-Вэр

... **коршуна Чилия**, который парил над
джунглями...

Пер. Н. Дарузес

В тексте оригинала существительное *kite* относится к мужскому роду, о чем свидетельствует личное местоимение *he* в тексте. В тексте перевода используется существительное мужского рода *коришун*, род которого выражается окончаниями глаголов прошедшего времени *висел, описывал, парил*, относительным местоимением *который*, а также склонением существительного в русском языке. Однако профессиональные переводчики по неустановленным причинам по-разному перенесли имя собственное персонажа *Rann* в тексте оригинала – *Ранн* и *Чиль* в текстах перевода.

(16) Каа, Rock Snake – мужской род – Каа, питон

– ... *питона* скал *Каа*. *Он* не хуже...

Пер. Е. Чистяковой-Вэр

... *Каа the Rock Snake*. *He* can climb...

– ... *Каа, горного удава*. *Он* умеет лазить...

Пер. Н. Дарузес

В тексте оригинала существительное *rock snake* относится к мужскому роду, о чем свидетельствует личное местоимение *he* в тексте. Профессиональные переводчики используют существительное мужского рода *питон*, род которого выражается личным местоимением *он*, прилагательным *горного*, а также склонением существительного в русском языке.

В ходе исследования установлено, что из 16 исследуемых персонажей в тексте оригинала к мужскому роду относятся 14 существительных, что составляет 88% от общего числа лексем. Идиоматическое словосочетание *Mother Wolf* и существительное *woman* относятся к женскому роду. При переносе существительных в текст перевода категория рода персонажей сохранена у 15 лексем, что составляет 94% от общего числа лексем.

Исключение составляет существительное мужского рода *panther*, мужской род персонажа не удалось сохранить, т.к. существительное *пантера* в тексте перевода относится к женскому роду. Это несовпадение категории рода в двух культурах приводит к искажению смысла взаимоотношений персонажей с главным героем в оригинальном тексте и создает трудности для корректного понимания: в тексте оригинала у главного героя косяк животных, которые занимаются его воспитанием, представлен особями мужского рода, в том числе и пантера *Bagheera*, то есть их взаимоотношения трактуются как «мужской–мужской». Однако в тексте перевода читатель сталкивается с тем, что взаимоотношения представлены в виде «мужской–женский», так как переводчик сохранил название животного *пантера*, которое в русской культуре определяется женским родом. Таким образом, изначальное родовое значение персонажа, задуманное автором, адаптируется к русской культуре при переносе в язык перевода.

Таким образом, среди всех одушевленных существительных, отражающих категорию рода в тексте, подавляющее большинство относится к мужскому роду. Категория рода мужских персонажей в тексте выражена преимущественно личными и притяжательными местоимениями *he, himself*, в отдельных случаях в сложных словах – лексемой *father*, а выражение мужского рода суффиксом *-er* в словах типа *leader* не подтверждается.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Болдырев Н. Н. К лингвистическому обоснованию понятия гендерной интерпретанты / Н. Н. Болдырев, И. Г. Серова // Филологические науки №5. – 2005. – С. 41-48.
2. Есперсен О. Философия грамматики. Общ. ред. и предисловие Б. А. Ильиша / О. Есперсен – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 408 с.
3. Истрина Е. С. Грамматика русского языка / Под ред. В. В. Виноградова. Е. С. Истрина, С. Г. Бархударов. – М. : Издательство Академии Наук СССР, 1952. – 720с.
4. Киплинг Р. Книга Джунглей. Перевод Е.М. Чистяковой-Вэр [Электронный ресурс] / Р. Киплинг – URL: http://az.lib.ru/k/kipling_d_r/text_0070.shtml (дата обращения: 01.07.2021).
5. Киплинг Р. Книга Джунглей. Перевод Н. Дарузес [Электронный ресурс] / Р. Киплинг – URL: <https://bookshake.net/r/knigi-dzhunglej-dzhofez-redyard-kipling> (дата обращения: 01.07.2021).
6. Попкова Е. М. Категория рода в современном английском языке: лингвистический и социокультурный аспекты : дисс. ... канд. филол. наук / Попкова Екатерина Михайловна. – Орехово, 2006.
7. Kipling R. The Jungle Book [Электронный ресурс] / R. Kipling – URL: <https://www.gutenberg.org/files/236/236-h/236-h.htm> (дата обращения: 01.07.2021).
8. Quirk R., Greenbaum S. A University Grammar of English / R. Quirk, S. Greenbaum. – London : Longman, 1972. – 484 p.
9. Shorter Oxford English Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2002. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
10. Zemkova L. Animals and Gender in Present – Day English [Электронный ресурс] / L. Zemkova – URL: http://www.xlinguae.eu/files/XLinguae1_2016_8.pdf (дата обращения: 01.07.2021).

Список литературы на английском / References in English

1. Boldyrev N. N. K lingvisticheskomu obosnovaniju ponjatija gendernoj interpretanty [Towards a linguistic substantiation of the concept of gender interpretations] / N. N. Boldyrev, I. G. Serova // Filologicheskie nauki №5. – 2005. – P. 41-48. [in Russian]
2. Espersen O. Filosofija grammatiki [Philosophy of grammar]. Edit. by B. A. Il'isha / O. Espersen – M. : Editorial URSS, 2002. – 408 p. [in Russian]

3. Istrina E. S. Grammatika russkogo jazyka / Pod red. V. V. Vinogradova. E. S. Istrina, S. G. Barhudarov. – M. : Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1952. – 720 p. [in Russian]
4. Kipling R. Kniga Dzhunglej. Perevod E. M. Chistjakovoj-Vjer [Electronic resource] / R. Kipling – URL: http://az.lib.ru/k/kipling_d_r/text_0070.shtml (assessed: 01.07.2021). [in Russian]
5. Kipling R. Kniga Dzhunglej [The jungle book]. Transl. by N. Daruzes [Electronic resource] / R. Kipling – URL: <https://bookshake.net/r/knigi-dzhunglej-dzhofez-redyard-kipling> (assessed: 01.07.2021). [in Russian]
6. Popkova E. M. Kategorija roda v sovremennom anglijskom jazyke: lingvisticheskiy i sociokul'turnyj aspekty [Gender category in modern English: linguistic and sociocultural aspects]: dis....of PhD in Philology / Popkova Ekaterina Mihajlovna. – Orehovo, 2006.
7. Kipling R. The Jungle Book [Electronic resource] / R. Kipling – URL: <https://www.gutenberg.org/files/236/236-h/236-h.htm> (assessed: 01.07.2021).
8. Quirk R., Greenbaum S. A University Grammar of English / R. Quirk, S. Greenbaum. – London : Longman, 1972. – 484 p.
9. Shorter Oxford English Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2002 (CD-ROM).
10. Zemkova L. Animals and Gender in Present – Day English [Электронный ресурс] / L. Zemkova – URL: http://www.xlinguae.eu/files/XLinguae1_2016_8.pdf (assessed: 01.07.2021).

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.27.3.6>**СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И ИХ РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ**

Научная статья

Егорова В.И. *

Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия

* Корреспондирующий автор (tinkivinki78[at]yandex.ru)

Аннотация

В данной статье рассматриваются вопросы, которые связаны с речевыми жанрами в Интернете. Активное развитие социальных сетей в настоящее время позволяет использовать их в качестве очень мощного инструмента для самопрезентации и рекламы. Автор выделил и описал основные жанры социальных сетей: ВКонтакте, Одноклассники, Мой мир, Instagram, Facebook и др. В связи с развитием социальных сетей сменились и жанры коммуникации. Социальные сети обладают особыми возможностями как для виртуальной социализации, так и для самопрезентации субъектов коммуникации.

Проанализировав популярные социальные сети, были выделены 7 жанров социальных сетей: статус, объявление, анекдот, инструкция, гороскоп, совет и реклама.

Ключевые слова: речевой жанр, социальная сеть, Интернет, виртуальная коммуникация.

SOCIAL NETWORKS AND THEIR SPEECH GENRES

Research article

Egorova V.I. *

South-West State University, Kursk, Russia

* Corresponding author (tinkivinki78[at]yandex.ru)

Abstract

This article discusses issues related to speech genres on the Internet. The active development of social networks currently allows them to be used as a very powerful tool for self-presentation and advertising. The author identifies and describes the main genres of social networks: Facebook Instagram, Odnoklassniki, My World, Instagram, Facebook, etc. Due to the development of social networks, the genres of communication have also changed. Social networks can provide special opportunities both for virtual socialization and for self-presentation of communication subjects.

After analyzing popular social networks, 7 genres of social networks were identified: status, announcement, anecdote, instructions, horoscope, advice, and advertising.

Keywords: speech genre, social network, Internet, virtual communication.

Введение

В последнее время лингвисты все чаще обращают свое внимание на общение в социальных сетях. Социальная сеть — это «платформа, онлайн-сервис или веб-сайт, предназначенный для построения, отражения и организации социальных отношений» [1]. Социальные сети характеризуются различными видами общения: устным и письменным, созданием текстов самостоятельно или повторением других, предоставлением информации о себе в открытом доступе или в частном порядке.

Современное коммуникативное пространство продолжает генерировать новые виды коммуникации, которые могут быть описаны в терминах теории речевых жанров [1], [3], [10], [11]. По мнению В. В. Дементьева, основные положения теории речевых жанров могут быть эффективно использованы для представления современной речевой реальности [2]. Прежде всего, актуальным является изучение речевых жанров в новых глобальных сферах коммуникации — например, отмечается, что интернет-пространство имеет особое значение для описания речежанровой картины современности [2], [8].

Целью исследования является выявление типов речевых жанров, встречающихся в социальных сетях. В основном это жанры текстов, опубликованных в открытом доступе. Под речевым жанром мы понимаем относительно устойчивое высказывание, присущее определенной сфере языка, которое в конкретной коммуникативной среде приобретает узнаваемые черты определенного жанра [3], [4]. Основными методами исследования были выбраны наблюдение и описание, что позволило собрать, проклассифицировать и интерпретировать материал. Мы считаем, что в Интернете появляются новые жанры текстов, а также происходит изменение и трансформация традиционных.

В то же время следует учитывать, что жанры социальных сетей возникают благодаря определенным технологическим возможностям, но с использованием и развитием технологий свойства жанров могут меняться; типы интернет-коммуникации могут более тесно взаимодействовать, трансформироваться и вступать в иерархические отношения [6], [9]: например, сообщения в социальной сети (как и другие виды текстов) могут сопровождаться комментариями, которые, в свою очередь, могут вызывать ответы на них и т.д.

Обсуждение

Instagram, Facebook, ВКонтакте, Одноклассники и другие социальные сети предлагают технологическую платформу для общения с новостями, блогами, комментариями, системами обмена мгновенными сообщениями, для участия в тестировании, опросах, онлайн-играх и многих других. Похоже, что именно «технологический» критерий во многом определил становление, развитие и огромную популярность социальных сетей (ВКонтакте, Instagram, Facebook, Мой Мир, Одноклассники). Кроме того (возможно, это станет или уже стало определяющим фактором),

активное развитие социальных сетей в настоящее время позволяет использовать их в качестве очень мощного инструмента для рекламы и саморекламы-известных личностей, СМИ, товаров и услуг.

Возможности типологизации жанров, присутствующих в пространстве социальных сетей, связаны с поиском адекватной основы для классификации. Существует четыре таких основания:

- 1) цель сообщения;
- 2) семиотический знак ;
- 3) структура;
- 4) предмет исследования.

Коммуникативная цель является одним из наиболее значимых критериев. Например, В.И. Карасик выделил восемь основных жанровых групп в дискурсе социальных сетей на основе базовых интенций:

- 1) демонстративы (самопрезентации с фотографиями себя и своих близких),
- 2) репортативы или репортажи (сообщения о важных новостях, обычно в форме репоста),
- 3) социативы (заметки об интересных явлениях и событиях, часто оформленные в виде тематической группы),
- 4) креативы (предлагаемые сообществу своими или чужими художественными работами),
- 5) агитативы (сообщения, пропагандирующие определенный продукт или образ жизни),
- 6) инструктивы (советы по решению конкретной проблемы),
- 7) прескриптивы или предписания (назидательные послания морального плана),
- 8) аттрактивы (занимательные юмористические сообщения) [7].

Изучив социальные сети, а именно ВКонтакте, Instagram, Facebook, Мой мир и Одноклассники, мы выделили 7 жанров социальных сетей (см. рисунок 1).

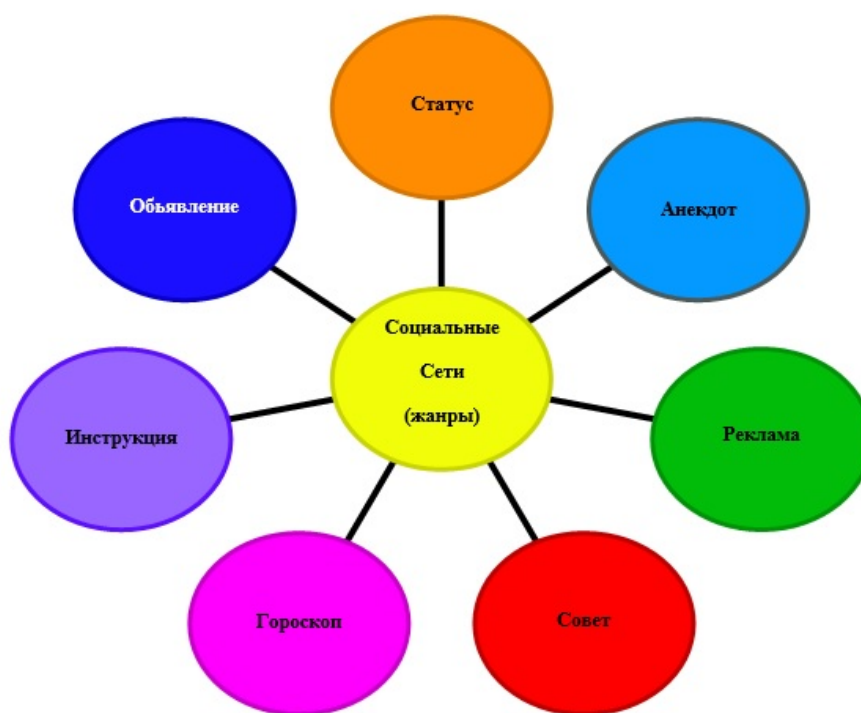

Рис. 1 – Жанры социальных сетей

Основываясь на классификацию В.И. Карасика, мы выделили 6 жанровых групп:

- демонстративы;
- репортативы;
- агитативы;
- инструктивы;
- прескриптивы;
- аттрактивы.

Социативы и креативы, нам не встретились и не были выделены, как отдельные группы.

Основной жанр социальных сетей – демонстратив. К ним относится статус. Это тот же афоризм или какое-то другое устойчивое сочетание слов. Статус может быть в форме диалога или монолога. В любой социальной сети статус расположен в верхней части страницы и отражает эмоциональное, физическое и психическое состояние пользователя. Статус может вызывать комментарии или ответные сообщения, их количество практически не ограничено.

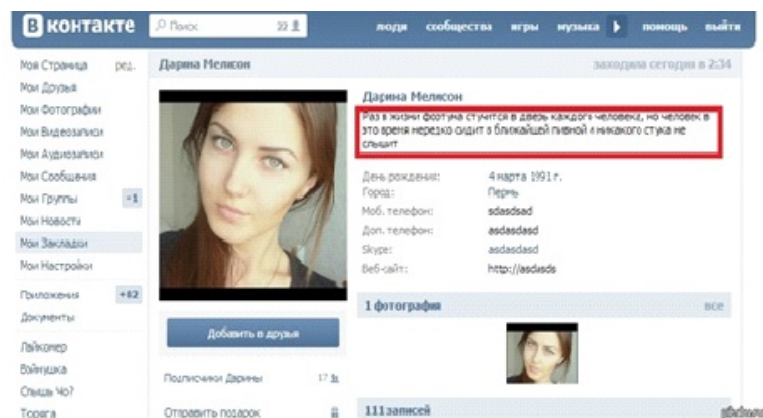

Рис. 2 – Статус в социальной сети ВКонтакте

Отличительной характеристикой любой социальной сети является ее развлекательный характер. Сообщения, которые адресат выкладывает, он адресует это тем людям, которым оно будет интересно. Свой интерес читатели выражают в виде оценок, лайков и комментариев. Например, аттрактивы – анекдот и гороскоп. Анекдот — это маленькая забавная история. Чаще всего анекдот происходит в форме диалога, но эта форма изменилась в социальных сетях и воспроизводится от первого лица или не имеет его вообще.

Рис. 3 – Оформление анекдотов в Одноклассниках

Гороскоп — в астрологии: таблица расположения звезд, которая служит для мистических предсказаний о чьей-либо судьбе. Как правило, это небольшой текст, состоящий из нескольких простых предложений и нацелен на поднятие настроения адресантов.

Рис. 4 – Гороскоп для знака зодиака «Рак» в социальной сети ВКонтакте

Следующий жанр социальных сетей – реклама (агитативы). Реклама — оповещение различными способами для создания широкой популярности у кого-либо или чего-либо с целью привлечения зрителей, потребителей. Реклама может быть представлена в различных формах и видах. В социальных сетях есть списки самых популярных фильмов, реклама продуктов Apple, социальная реклама и многое другое.

Рис. 5 – Реклама Cif в ВКонтакте

Жанр совет (инструктив) — это инструкция, указание на то, как действовать, которая является обращением к кому-либо и выполняет коммуникативную функцию. Совет позволяет улучшить взаимодействие со своими подписчиками и считается самым эффективным приемом воздействия. Мы выделили советы как речевой жанр, потому что в последнее время они активно используются в письменной форме пользователями Интернета. Форма совета может быть разной: обычно это небольшой текст, но может сопровождаться картинками, правками, эдитами, фотографиями и граффити.

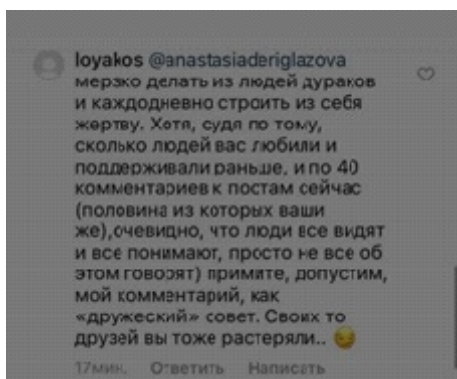

Рис.6 – Пример совета в сети Instagram

Прескриптив или инструкция — это свод правил, устанавливающий порядок и способ выполнения, выполнения чего-либо. Мы нашли варианты этого жанра в виде текста из картинок, схематического изображения.

Рис.7 – Схематическое изображение человека, с обозначением идеальной позы для сна (социальная сеть – Instagram)

И последний жанр – это объявление (репортатив), т.е. уведомление о чем-то. Оно может быть представлено в виде текста с добавлением картинок, граффити, фотографий.

Рис.8 – Рекламное объявление для желающих заниматься йогой (социальная сеть – Instagram)

Результаты

Реализация всех речевых жанров в социальных сетях осуществляется на двух уровнях: вербальном или визуальном, но чаще всего вербально-визуальном, образуя тем самым одно визуальное, смысловое целое, позволяющее положительно воздействовать на адресата.

Исходя из нашего исследования, мы определили наиболее распространенные жанры, встречающиеся в социальных сетях. К ним относятся:

- статус,
- объявления,
- анекдот,
- инструкция,
- гороскоп,
- совет,
- реклама.

Заключение

Речевые жанры социальных сетей включают в себя вербальные и визуальные свойства текста. Они представляют интерес для читателей, для дальнейшего их изучения, так как обладают большими возможностями (реклама, самопрезентация и социализация).

Социальные сети на сегодняшний день представляют собой коммуникативное пространство, где реализуются разные речевые жанры, происходит самопрезентация и социализация коммуникантов, а также рекламируются и продаются различные товары и услуги.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Горошко Е. И. Интернетжанр и функционирование языка в Интернете: попытка рефлексии / Горошко Е. И. // Жанры речи: сб. науч. ст. Вып. 6. Жанр и язык. Саратов: ИЦ «Наука», 2009. С. 11–27.
2. Дементьев В. В. Лингвоэкология через призму речевых жанров: сфера новых «технологических» коммуникаций / Дементьев В. В. // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 2. С. 22–47.
3. Дементьев В. В. Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи / Дементьев В. В. // Вопросы языкознания. 2015. № 6. С. 78–107.
4. Егорова В.И. Внешний образ против вербального в опосредованной коммуникации / Егорова В.И. // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2017. Т. 7. № 4 (25). С. 49–57.
5. Егорова В.И. Карнавальные и обыденные жанры виртуальной коммуникации / Егорова В.И. // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2012. № 1 (11). С. 11–15.
6. Капанадзе Л. А. На границе письменного и устного текста: структура и тенденции развития электронных жанров / Л. А. Капанадзе // Голоса и смыслы. Избранные работы по русскому языку. – М.: Инт рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2005. С. 305–320.
7. Карасик В. И. Жанры сетевого дискурса / Карасик В. И. // Жанры речи. 2019. № 1 (21). С. 49–55.
8. Карпоян С. М. Instagram как особый жанр виртуальной коммуникации / Карпоян С. М. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (54): в 4 ч. Ч. III. С. 84–88.
9. Макаров М. Л. Жанры в электронной коммуникации: Quo vadis? / Макаров М. Л. // Жанры речи: сб. науч. ст. Вып. 4. Жанр и концепт. – Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 2005. С. 336–352.
10. Шмелева Т. В. Жанр в современной медиасфере / Шмелева Т. В. // Жанры речи: сб. науч. ст. Вып. 8. Жанр и творчество. Саратов; М.: Лабиринт, 2012. С. 26–37.
11. Щипицина Л. Ю. Жанры компьютерноопосредованной коммуникации / Щипицина Л. Ю. – Архангельск: Поморский университет, 2009. 238 с.
12. Щурина Ю. В. Жанровое своеобразие социальной сети Instagram / Щурина Ю. В. // Жанры речи. 2016. № 1 (13). С. 156–168.

Список литературы на английском / References in English

1. Goroshko E. I. Internetzhanr i funkcionirovanie yazyka v Internete: popytka refleksii [Internet genre and the functioning of language on the Internet: an attempt at reflection] / Goroshko E. I. // Genres of speech: collection of scientific articles Vol. 6. Genre and language. – Saratov: Pub. Cent. «Nauka», 2009. 3. 11–27. [in Russian]
2. Dementev V. V. Lingvoekologiya cherez prizmu rechevykh zhanrov: sfera novyx «texnologicheskix» kommunikacij [Linguoecology through the prism of speech genres: the sphere of new "technological" communications] / Dement'ev V. V. // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2015. № 2. P. 22–47. [in Russian]
3. Dementev V. V. Teoriya rechevykh zhanrov i aktualnye processy sovremennoj rechi [The theory of speech genres and actual processes of modern speech] / Dementev V. V. // Voprosy yazykoznaniiya. 2015. № 6. P. 78–107. [in Russian]
4. Egorova V.I. Vneshnij obraz protiv verbalnogo v oposredovannoj kommunikacii [External image versus verbal in mediated communication] / Egorova V.I. // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Ser: Lingvistika i pedagogika. 2017. Vol. 7. № 4 (25). P. 49–57. [in Russian]
5. Egorova V.I. Karnavalnye i obydennye zhanry virtualnoj kommunikacii [Carnival and everyday genres of virtual communication] / Egorova V.I. // Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikaciya. 2012. № 1 (11). P. 11–15. [in Russian]
6. Kapanadze L. A. Na granice pismennogo i ustnogo teksta: struktura i tendencii razvitiya elektronnykh zhanrov [On the border of written and oral text: structure and development trends of electronic genres] / Kapanadze L. A. // Voices and meanings. Selected works on the Russian language. – M.: Int rus. yaz. im. V. V. Vinogradova RAN, 2005. P. 305–320. [in Russian]
7. Karasik V. I. Zhanry setevogo diskursa [Genres of network discourse] / Karasik V. I. // Zhanry rechi. 2019. № 1 (21). P. 49–55. [in Russian]
8. Karpoyan S. M. Instagram kak osobyj zhanr virtual'noj kommunikacii [Instagram as a special genre of virtual communication] / Karpoyan S. M. // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov: Gramota, 2015. № 12 (54): in 4 vol. V. III. P. 84–88. [in Russian]
9. Makarov M. L. Zhanry v elektronnoj kommunikacii: Quo vadis? [Genres in Electronic Communication: Quo vadis?] / Makarov M. L. // Genres of speech: collection of scientific articles Vol. 4. Genre and concept. – Saratov: GosUNCz «Kollledzh», 2005. P. 336–352. [in Russian]
10. Shmeleva T. V. Zhanr v sovremennoj mediasfere [Genre in the modern media sphere] / Shmeleva T. V. // Genres of speech: collection of scientific articles Vol. 8. Genre and creativity. – Saratov; M.: Labirint, 2012. P. 26–37. [in Russian]
11. Shhipicina L. Yu. Zhanry kompyuternooposredovannoj kommunikacii [Genres of computer-mediated communication] / Shhipicina L. Yu. – Arxangelsk: Pomorskij universitet, 2009. 238 p. [in Russian]
12. Shhurina Yu. V. Zhanrovoe svoeobrazie social'noj seti Instagram [Genre originality of the social network Instagram] / Shhurina Yu. V. // Zhanry rechi. 2016. № 1 (13). P. 156–168. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.27.3.28>**СТРАТЕГИИ РЕЧЕВОГО АКТА В ДИСКУРСЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА**

Научная статья

Павлова А.В.^{1*}, Голошапова М.В.²¹ ORCID: 0000-0003-2465-4802;² ORCID: 0000-0002-4106-3919;¹ Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия;² Курский государственный университет, Курск, Россия

* Корреспондирующий автор (11_0182[at]mail.ru)

Аннотация

В данной статье рассматривается вопрос о значимости прагматических знаний для изучающих иностранный язык. Для успешной межкультурной коммуникации участники должны обладать прагматическими знаниями, включая знания о структуре и стратегиях речевых актов, знаниями о соответствующем контекстном использовании языковых ресурсов, а также о стратегиях поддержания гармоничных отношений. С целью анализа стратегий речевого акта, используемых в речевом поведении русскоязычных участников, изучающих английский язык, был проведен лингвистический эксперимент. Результаты эксперимента показали, что, по сравнению с носителями языка, участники эксперимента использовали стратегии речевого акта по-другому. Методология, описанная в статье, позволяет организовать комплексный анализ стратегий речевого акта среди изучающих иностранный язык.

Ключевые слова: речевой акт, прагматические знания, межкультурная коммуникация.

SPEECH ACT STRATEGIES IN DISCOURSE OF FOREIGN LANGUAGE LEARNERS

Research article

Pavlova A.V.^{1*}, Goloschapova M.V.²¹ ORCID: 0000-0003-2465-4802;² ORCID: 0000-0002-4106-3919;¹ Southwest State University, Kursk, Russia;² Kursk State University, Kursk, Russia

* Corresponding author (11_0182[at]mail.ru)

Abstract

This article deals with the question about the significance of pragmatic knowledge for foreign language learners. For successful intercultural communication the participants should have pragmatic knowledge including the knowledge about the structure and the strategies of speech acts, the appropriate context usage of language resources, the knowledge about the strategies for sustaining harmonic relations. For the purpose of analyzing the speech act strategies used in the speech behavior of the Russian learners of English a linguistic experiment was carried out. The results of the experiment revealed that the Russian learners of English used speech act strategies in a different way in comparison with the native speakers. The methodology described in the article allows to arrange a complex analysis of speech act strategies of foreign language learners.

Keywords: a speech act, pragmatic knowledge, intercultural communication.

Introduction

In the age of anthropocentric approach to the research of language and language activity there arises a special interest to a person's activity in the circumstances of intercultural communication due to the fact that various problems occur in the communication of representatives of different cultures. These problems derive from the lack of knowledge necessary for efficient communication. For the purpose of finding ways to overcome these problems and reduce intercultural conflicts there is a need to look into the peculiarities of discourse of different cultures.

Following J. Searle and J. Ostin's activity approach to pragmatics [1] we consider the process of communication to be a combination of speech acts performed for a certain aim. From the point of view of linguistic pragmatics the meaning of language units may not correspond to the meaning which these language units have while being in the structure of a speech act. Moreover, the meaning of language units may not correspond to the meaning which the participants of communication process try to express. Cultural differences play a crucial role regarding the above mentioned issues. T. V. Larina admits that "it is necessary to understand in what communicative context speech acts can be used, what their pragmatic meaning is, what speech behavior would be acceptable in any communicative situation" [6, P. 10]. Therefore, it is advisable for language learners to be aware of the strategies of speech acts.

Regarding discourse from the point of intercultural pragmatics it is important to define pragmatic knowledge of the participants of intercultural communication. For successful communication the participants should have pragmatic knowledge [7], [8], [9], [10]. Pragmatic knowledge includes the knowledge about language resources for the realization of various illocutions, the knowledge about conventional and nonconventional ways of speech acts realization, the knowledge about the structure and the strategies of speech acts and the appropriate context usage of language resources, the knowledge about the strategies for sustaining harmonic relations.

Pragmatic norms reflect values of various cultures. Cultural norms reflected in speech acts differ in various languages.

For the purpose of studying people's communicative consciousness it is essential to study communicative categories. The category of politeness is an important controller in the communication process. Linguistic politeness refers to the usage of discourse strategies aimed for sustaining harmonic conditions of communication process. P. Brown and S. Levinson suggested

using the mechanisms of negative and positive politeness [2]. Negative politeness is oriented to creating the distance between communicators. Positive politeness is distinguished by the fact that a speaker and a hearer share equal wishes, aims and values. A participant of the communication process tries to take into account the interlocutor's social "face", its positive and negative sides. V. I. Karasik admits that norms of behavior refer to "sustaining and saving social "face" as self-esteem of a person" [4, P. 42].

Research Method and Procedure

Thus the sphere of our interest is a speech act of request in various communicative situations. We wondered how adequately Russian learners of English choose the appropriate politeness strategies when using a speech act of request.

A speech act of request is a unity of the core of the request and supportive elements. The core contains the essence of the request. Supportive elements contain the motive, the beginning of the conversation and some other communicative acts. A speech act of request implies the expenditure of time, requires efforts from the addressee and limits his/her freedom in a certain way. In order not to threaten the addressee's "negative face" and pay attention to his/her "positive face" supportive speech acts should be used. Supportive speech acts contain positive politeness strategies and negative politeness strategies. Supportive speech acts mainly serve for sustaining harmonic conditions. The frequency of their use varies in different cultures. For making a complex analysis of politeness strategies we used the methodology of defining speech act strategies suggested by T. Hudson, E. Detmer, J. D. Brown [3].

Two groups of the respondents participated in the experiment. The first group included 20 Russian students of the English department of the faculty of foreign languages of Kursk State University (hereinafter Rr). The second group consisted of 20 American students (hereinafter Ar). The respondents were given a card with the description of seven situations in English. The task was to respond to each situation in the written form using a speech act of request. The correlation of the politeness strategies used in the respondents' speech act of request is shown in the table (see table 1).

Table 1 – Request head act strategies used by the Russian respondents (Rr) and the American respondents (Ar)

Strategies	Rr	Ar
1. Preparatory	75%	73,5%
2. Information Request	7%	15%
3. Direct Request	7%	0,5%
4. Want Statement	6,5%	4%
5. Statement of Facts	4,5%	7%

Results

As we can see both Russian and American respondents are inclined to use Preparatory strategy. This strategy implies the inquiry about the possibility of making a speech act of request in a certain situation. The participants of the experiment used the conventional indirect means of expressing request showing respect to the independence of the addressee. This strategy belongs to negative politeness. It should be stated that the Russian respondents didn't use such constructions as *Would you be willing/ Would you happen*.

The Information Request strategy is mainly used by the American respondents. It is a negative politeness strategy.

On the whole, when it concerns request act head strategies, the bilingual speakers' discourse is characterized by either insufficient usage of some strategies (for example, the Information Request strategy, the Statement of Facts strategy) or by the usage of the strategies which are not peculiar for American speakers' discourse (for example, the Direct Request strategy, the Want Statement strategy).

Request supportive move strategies vividly reveal the differences of the two cultures towards request (see table 2).

Table 2 – Request supportive move strategies used by the Russian respondents (Rr) and the American respondents (Ar)

Strategies	Rr	Ar
1. Preliminary Announcement of Request	8%	3,5%
2. Request Grounder	38%	20%
3. Removal of Potential Objections	7%	6%
4. Imposition Minimizer	2%	–
5. Apology	54,5%	17,5%

The strategy of Preliminary Announcement of Request implies a certain attention towards an addressee, a gradual involvement in the situation of request and a creation of a certain atmosphere. Thus this strategy can be regarded as a positive politeness one.

The Russian respondents use the Request Grounder strategy two times more than the American group. They consider it necessary to give an addressee explanations before getting down to the request head act.

The Removal of Potential Objections strategy refers to negative politeness. When using this strategy the respondents emphasize possible inconveniences connected with their request. In this way they admit that they wouldn't apply to the addressee unless some problems arise, for example *I know you are very busy/I understand that you're as busy as a bee*.

The Imposition Minimizer strategy refers to positive politeness as it implies that a request is easily fulfilled, for example *It shouldn't take long/It won't take much time*. This strategy is used only by the Russian respondents.

With respect to the Apology strategy many language means of this strategy used by the Russian respondents contain sincere claims about the inconveniences connected with the request, for example *I'm so embarrassed bothering you/I'm extremely sorry*/. There are no such examples in the responses of the American group.

All the Request supportive move strategies are utilized by the Russian group far more often than by the American group because they reflect the norms of sustaining harmonic relations in the Russian linguoculture. These strategies tend to establish trustworthy relations between an addressee and an addresser and a friendly attitude to the request of the latter one.

Conclusion

The results of the experiment show that the Russian group used speech act strategies with a different frequency in comparison with the American group and in its own way. The deviations from the pragmatic norms revealed in the speech behavior of the Russian learners of English are connected with the influence of a cognitive model of a speech act of request in Russian linguoculture. In the Russian speakers' consciousness there already exists a model of this speech event. Thus while using a speech act of request only language means of the second language are added. According to V. V. Krasnykh "there occurs a transfer of national and cultural stereotypes of behavior peculiar for mother linguoculture on the communication process with representatives of other cultures" [5, P. 318]. In this case the discourse of the Russian learners of English is determined by the strategies which are grammatically correct but realize the Russian interactive model of communication. Speech behavior of bilingual speakers is under the influence of mother language, culture, national consciousness. Bilingual speakers' usage of discourse strategies different from native speakers' ones can lead to negative stereotypes and conflict intercultural communication.

Therefore, in our modern world there arises a necessity to be conscious of differences in the ways and means of language behavior of native and bilingual speakers due to the changes of sociocultural conditions in people's lives, essential changes in the ways and means of communication, the growing amount of intercultural relations. Being aware of the above mentioned differences of language behavior of native and bilingual speakers is crucial for reducing conflicts and improving the efficiency of communication.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Barron A. Acquisition in Interlanguage Pragmatics / A. Barron. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2001. – 398 p.
2. Brown P. Politeness: Some Universals in Language Usage / Brown P., Levinson S. // Goody E.N. (ed.) / Questions and Politeness. – Cambridge: Cambridge University Press, 1978. – P. 56-289.
3. Hudson T. Developing prototypic measures of cross-cultural pragmatics / T. Hudson, E. Detmer, J.D. Brown. – Honolulu: University of Hawaii Press Publ., 1995. – 198 p.
4. Karasik V. I. Normy povedeniya v yazykovoy kartine mira [Norms of behaviour in linguistic worldview] / V. I. Karasik // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics]. 2019. № 4. P. 35–49. [in Russian]
5. Krasnykh V. V. "Svoy" sredi "chuzhykh": mif ili real'nost? ["A friend" among "foes": a myth or reality?] / V. V. Krasnykh. M.: IITDGK "Gnozis", 2003. 375 p. [in Russian]
6. Larina T. V. Kategoriya "vezhlivost'" v angliyskoy i russkoy kommunikativnykh kul'turakh [The category of "politeness" in English and Russian communicative cultures] / T. V. Larina. – M.: Izd-vo Ros. un-ta druzhby narodov, 2003. – 315 p. [in Russian]
7. Pavlova A. V. Rol' pragmatiki v mezhkul'turnom obshchenii [The role of pragmatics in intercultural communication] / A. V. Pavlova // Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [The theory of language and intercultural communication]. – 2010. – №1(7). – P. 79-81. [in Russian]
8. Pavlova A. V. Otsenka pragmalingvisticheskoy osvedomlennosti u izuchayushchikh inostrannyj yazyk [Assessment of foreign language learners' pragmalinguistic competence] / A. V. Pavlova // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication]. – 2012. – № 2. – P. 198-202. [in Russian]
9. Wierzbicka A. Cross-cultural pragmatics: The semantics of human interaction / A. Wierzbicka. – Berlin; New York. Mouton de Gruyter, 1991. – 502 p.
10. Yifeng Y. Pragmatics, perceptions and strategies in Chinese college English learning: dis. ...doc. of philos. – Queensland. Australia, 2012. – 323 p.

ОСОБЕННОСТИ ИНСТАГРАМ КАНАЛА ЧЕЛЯБИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научная статья

Пастухова О.Д.^{1*}, Титова Е.А.²^{1,2} Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

* Корреспондирующий автор (oksana-galaxy7[at]mail.ru)

Аннотация

Статья посвящена анализу особенностей Инстаграм канала Челябинского государственного университета, который является частью университетского дискурса. Методом сплошной выборки были отобраны 200 постов Инстаграм канала, посвященных различным тематикам в период с 2018 по 2021 годы. Сперва был проведен анализ тематических особенностей постов с целью выявления наиболее частотных. Результаты показали, что наиболее частотными темами постов Инстаграм канала ЧелГУ являются образование и культурная жизнь. Далее был проведен анализ особенностей самих постов Инстаграм канала университета с целью выявления визуального компонента и текстовых особенностей. Исследование показало, что невербальный компонент доминирует над вербальным в большей части новостных постов.

Ключевые слова: университетский дискурс, интернет-дискурс, инстаграм.

ON THE FEATURES OF THE CHELYABINSK STATE UNIVERSITY INSTAGRAM ACCOUNT

Research article

Pastukhova O.D.^{1*}, Titova E.A.²^{1,2} Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

* Corresponding author (oksana-galaxy7[at]mail.ru)

Abstract

The article features an analysis of the aspects of the Instagram account of the Chelyabinsk State University, which is part of the university discourse. The study contains 200 posts of the Instagram channel on various topics in the period from 2018 to 2021 selected on the basis of continuous sampling method. First, the study carries out an analysis of the thematic features of the posts was carried out in order to identify the most frequent topics. The results demonstrate that the most frequent topics of the Instagram posts of the ChelSU account are education and cultural life. Next, the study carries out an analysis of the features of the posts themselves in order to identify the visual component and text features. The research shows that the nonverbal component dominates the verbal component in most news-related posts.

Keywords: university discourse, Internet discourse, instagram.

Введение

Университетский дискурс является частью понятия дискурс и включает в себя общение представителей университетского сообщества как в стенах самого университета, так и за его пределами. Однако не существует определенного мнения по поводу того, что представляет собой университетский дискурс.

Ж. Лакан, французский психоаналитик, впервые употребил понятие «университетский дискурс». Он выступил на серии семинаров, где и представил свою концепцию пяти дискурсов, куда вошли такие дискурсы как господский, университетский, капиталистический, исторический и аналитический [8, С. 136-166]. Каждый дискурс представляет собой алгебраическую формулу, которая включает четыре места (место истины, место утраты, место ученика и место мастера) и четыре агента (власть, знание, продукт и субъект). Формула университетского дискурса показывает, что университет представляет собой систему. В этой системе осуществляется процесс взаимодействия мастера (в данном случае преподавателя). В результате этого процесса студент получает знание. Продуктом университетского дискурса является студент, который получает статус субъекта-специалиста [6, С. 131].

В. И. Карасик рассматривает университетский дискурс как тип институционального дискурса. По мнению лингвиста целью университетского дискурса является предоставление человеку возможности получить высшее образование, то есть передать информацию и знания [3]. Так, например, Челябинский государственный университет ставит своей целью «обретение статуса опорного вуза региональной социально-экономической системы для подготовки в условиях университетского образования кадровой элиты, а также лидерство в области предоставления образовательных услуг в Южноуральском регионе» [9]. Цель университетского дискурса по В. И. Карасику совпадает с целью ЧелГУ.

Н. Д. Арутюнова также рассматривает университетский дискурс в рамках институционального дискурса [1].

И. К. Кириллова в диссертационном исследовании пишет, что университетский дискурс включает в себя такие разновидности дискурсов как научный, педагогический, ритуальный, спортивный, студенческий, бытовой, административный [4]. Более того каждый вид университетского дискурса разделяется далее на подтипы в зависимости от цели и задач использования.

В. И. Карасик выделяет критерии, которые помогают определить дискурс как университетский. К ним он относит такие критерии как сфера деятельности, типовые участники, коммуникативная деятельность, хронотоп и корпоративная культура [3]. Коммуникативная деятельность университетского дискурса довольно многообразна, содержательное наполнение которой зависит от сферы и цели общения. Наше исследование посвящено изучению

университетского новостного интернет-дискурса, а именно Инстаграм канала Челябинского государственного университета, который характеризуется оперативностью и информативностью.

Материалом нашего исследования послужили 200 новостных постов в Инстаграм Челябинского государственного университета за период с 2018-2021 гг., отобранные методом сплошной выборки.

Целью исследования является выявление особенностей Инстаграм-канала Челябинского государственного университета.

Результаты и дискуссия

Интернет-коммуникация играет очень большую роль в современном обществе. Все университеты используют сайты и различные социальные сети для информирования преподавателей, студентов, абитуриентов и их родителей о событиях, услугах, предложениях и организации учебного процесса. Социальная сеть Инстаграм – очень популярное медийное пространство, которое дает возможность своему пользователю рассказать о том, что происходит с ним вокруг каждый день. Пользователи могут создавать короткие видео и загружать их в ленту. Инстаграм функционирует как мобильное приложение, то есть можно снимать и сразу выкладывать фото с мобильного устройства [10].

Рассмотрим тематические особенности новостных постов Инстаграм-канала ЧелГУ. При анализе 200 новостных постов были выделены такие тематические группы как образование (31%), культурная жизнь (30%), университет и ботанический сад (22%), студенческие организации (10%), приемная кампания (7%). Данные тематические группы самые распространенные в новостных постах Инстаграм и показывают какие темы интересны аудитории, которая следит за Инстаграм каналом Челябинского государственного университета [2].

В тематической группе «образование» встречаются такие новостные посты как достижения факультетов в сфере образования, участие студентов в научной жизни университета и т. д. Тематическая группа «приемная кампания» подчеркивает необходимость поддерживать информацию об университете для будущих абитуриентов, то есть Инстаграм-канал ЧелГУ нацелен не только на студентов, но также и на абитуриентов. Тематическая группа «культурная жизнь» посвящена новостным постам о праздниках, проводимых в стенах университета, поздравительным сюжетам по поводу различных праздников. В тематической группе «университет и ботанический сад» можно встретить посты о ботаническом саду, который является гордостью университета, о сусликах, которые проживают на территории ЧелГУ, о самом здании и его фотографиях с различных ракурсов и в разные времена года. Тематическая группа «студенческие организации» показывает новости основных организаций, в которых студенты активно принимают участие и добиваются определенных успехов.

Челябинский государственный университет очень активно использует социальную сеть Инстаграм, где очень кратко сообщаются основные новости, которые всегда сопровождаются фотографиями или короткими видео. Такой креолизованный текст доступно и иллюстративно передает информацию пользователям. Без сомнения, креолизованные тексты – это основа развития современной коммуникации, и Инстаграм, в частности, активно способствуют их созданию и распространению. Кроме этого, креолизованные тексты имеют гораздо большую силу воздействия [5]. Благодаря такому способу передачи информации, ЧелГУ становится особенно привлекательным для молодежной аудитории. Более того стоит отметить, что использование изобразительных знаков, а именно фотографий или видео, является обязательными в Инстаграме, в то время как вербальный компонент текста не является обязательным. Визуальный компонент имеет большую нагрузку на аудиторию в сопоставлении с вербальным компонентом [7].

Учитывая особенности социальной сети Инстаграм, стоит отметить отсутствие большого количества вербальной информации. Обычно это короткие, похожие на слоганы фразы и хэштеги с определенной тематикой.

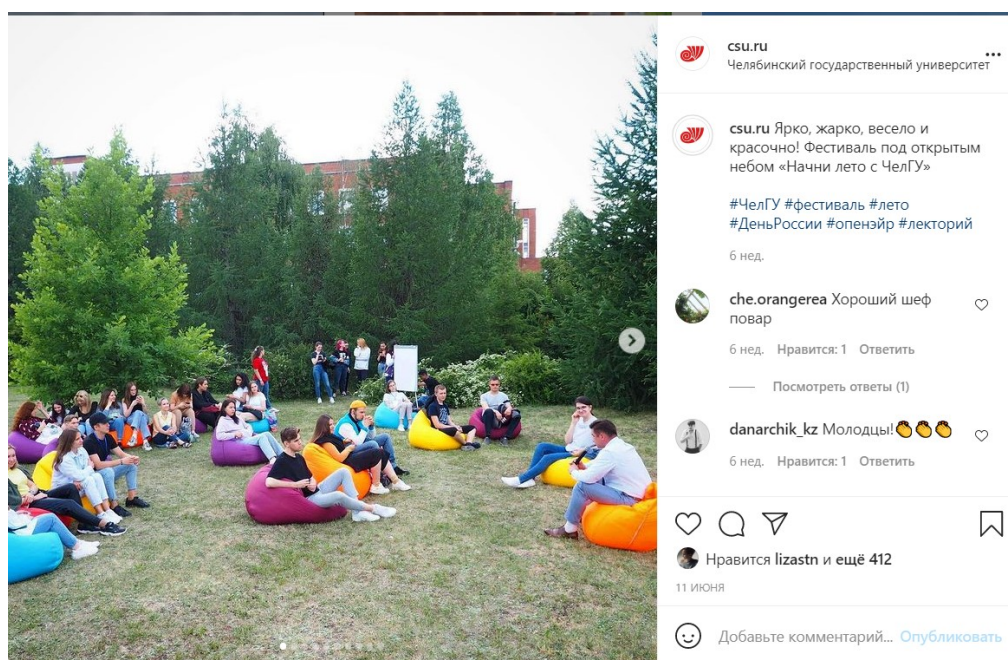

Рис. 1 – Инстаграм пост ЧелГУ «Начни лето с ЧелГУ»

В данном примере мы видим освещение мероприятия, направленное на привлечение абитуриентов, фестиваль «Начни лето с ЧелГУ». Безличное предложение с однородными членами, выраженными позитивно окрашенными, эмоциональными наречиями «Ярко, жарко, весело, красочно!» помогает передать атмосферу и вызывает положительные эмоции у получателей данного информационного сообщения.

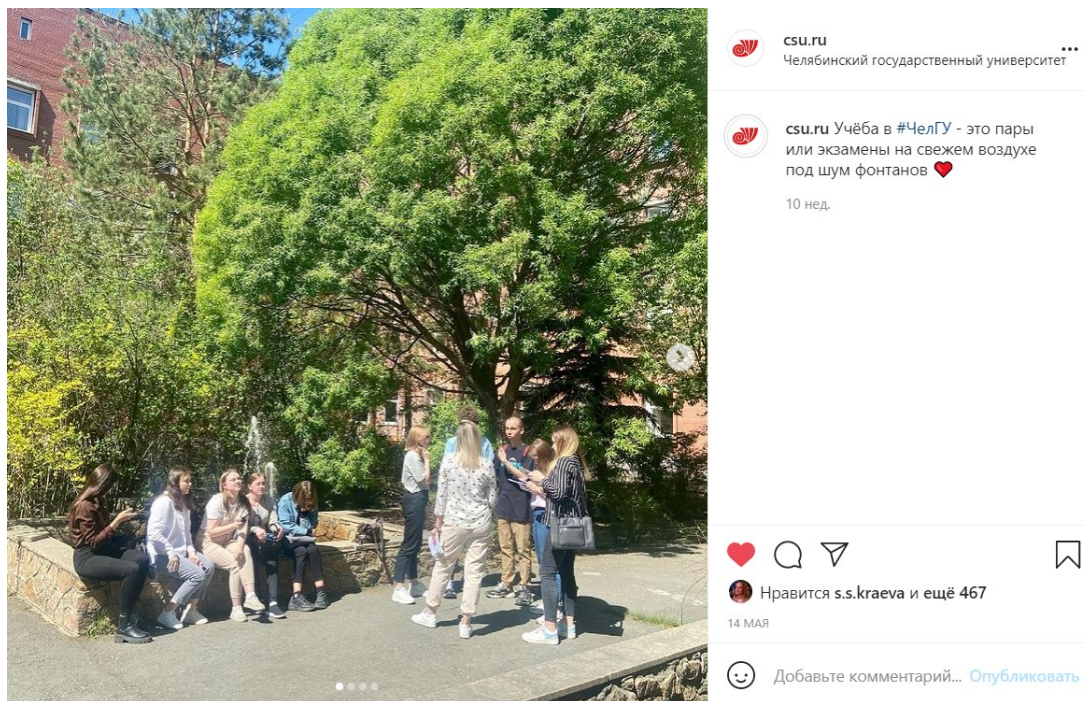

Рис. 2 – Инстаграм пост ЧелГУ «Учеба в ЧелГУ»

Следующий пост опять же имеет очень краткое словесное описание. Здесь стоит отметить использование таких приемов, как вовлечение органов восприятия человека (шум фонтанов) и наличие эмодикона в виде сердечка, что, опять же, направлено на положительную эмоциональную реакцию получателя информации.

Рис. 3 – Инстаграм пост ЧелГУ «Для абитуриентов»

Интерес представляет этот пост, который направлен на привлечение абитуриентов в ЧелГУ. Практически отсутствуют вербальная составляющая, нет никакой дополнительной информации, кроме названия университета на флаге, представленном на фото и хэштегов #поступайвчелгу#ЧелГУ#универ#университет#Челябинск. Также, как это часто бывает в постах в Инстаграм, мы видим эмодиконы в виде сердечек разного цвета. Это привлекает внимание и вызывает положительные эмоции.

Рис. 4 – Инстаграм пост ЧелГУ «Для абитуриентов»

Пост похожего содержания, где внимание привлекает девушка, которая держит руки в форме сердца, указывая на аббревиатуру ЧелГУ у себя на толстовке, есть только хэштеги без дополнительной вербальной информации и разноцветные эмодзи в виде сердечек.

Новостные посты в Инстаграм Челябинского государственного университета отличаются тем, что вербально они более распространены и менее эмоциональны.

Рис. 5 – Инстаграм пост ЧелГУ «Конкурс «Студенческий лидер»

В этом случае мы видим краткое сообщение об успешном участии студентки ЧелГУ в конкурсе «Студенческий лидер». Отсутствуют эмодзи, но эмоциональность передается посредством восклицательного знака – «Поздравляем и гордимся!».

Рис. 6 – Инстаграм пост ЧелГУ «Стипендиальный конкурс»

Пост такого же содержания отмечает заслуги студентов биологического факультета, но здесь присутствуют эмодзи в виде пламени, медалей и звезд.

Более серьезные новости, которые касаются договоренностей ректора университета, С.В. Таскаева с администрацией города, представлены также в виде фото с сопутствующим текстом.

Рис. 7 – Инстаграм пост ЧелГУ «Челябинску не хватает специалистов по деревьям»

Нельзя не обратить внимание на то, что текст довольно большой, что необходимо для передачи всей информации, но он очень ёмкий и структурный. Отсутствуют эмодзи, восклицательные знаки и эмоционально-окрашенные слова, что подчеркивает важность данного поста и придает значимость описанному событию.

Заключение

Таким образом, практически все Инстаграм посты Челябинского государственного университета отличаются краткостью, ёмкостью, эмоциональностью, которая достигается посредством использования эмоционально окрашенных слов, восклицательных знаков и эмодзи с положительной коннотацией. Исключением являются посты, посвященные важным событиям или освещению значимых новостей. Такие посты всегда сопровождаются

фото соответствующего содержания, но не имеют эмодзи или каких-либо других средств, вызывающих эмоциональный ответ, что придает Инстаграм каналу ЧелГУ значимость и подчеркивают статус университета.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
2. Инстаграм ЧелГУ [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.instagram.com/csu.ru/> (дата обращения: 20.07.2021).
3. Карасик В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 5–20.
4. Кириллова И. К. Лингвосомиотика англоязычного университетского дискурса : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 : защищена 11.06.2010 / Кириллова Ирина Константиновна. – Волгоград: ВГУ, 2010. – 200 с.
5. Креолизированный текст как объект исследования [Электронный ресурс]. – URL: <http://lingva-expert.ru/publication/kreolizovannyi-tekst-kak-obekt-issledovaniya/> (дата обращения: 20.07.2021).
6. Лакан Ж. Изнанка психоанализа / Ж. Лакан; пер. с фр. А. Черноглазова. – М. : Гнозис, 2008. – 272 с.
7. Медведева Е. В. Instagram: пространство продвигающей коммуникации / Е. В. Медведева // Медиалингвистика. – 2019. Т. 6. - №3. – С. 369-380.
8. Наумова Е. И. Психоанализ и диалектика. Негативные практики освобождения / Е. И. Наумова. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – С. 136-166.
9. Стратегия развития ЧелГУ [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.csu.ru/about/about/strategy.aspx> (дата обращения: 20.07.2021).
10. Что такое Инстаграм и как им пользоваться [Электронный ресурс]. – URL: <https://скачать-инстаграм.рф/что-такое-instagram-i-kak-im-polzovatsya.html> (дата обращения: 20.07.2021).

Список литературы на английском / References in English

1. Arutyunova N. D. Diskurs [Discourse] / N. D. Arutyunova // Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary] / pod red. V. N. Yarcevoj. – М. : Sov. Enciklopediya [Soviet encyclopedia], 1990. – P. 136–138. [in Russian]
2. Instagram ChelGU [Electronic resource]. – URL: <https://www.instagram.com/csu.ru/> (accessed: 20.07.2021). [in Russian]
3. Karasik V. I. O tipah diskursa [About types of discourse] / V. I. Karasik // Yazykovaya lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs. – Volgograd : Peremena, 2000. – P. 5–20. [in Russian]
4. Kirillova I. K. Lingvosemiotika angloyazychnogo universitetskogo diskursa [Linguosemiotics of English-language university discourse]: dis. ... of PhD in Philology : 10.02.04 : defense of the thesis 11.06.2010 / Kirillova Irina Konstantinovna. – Volgograd: VSU, 2010. – 200 p.
5. Kreolizovannyj tekst kak ob"ekt issledovaniya [Creolized text as an object of research] [Electronic resource]. – URL: <http://lingva-expert.ru/publication/kreolizovannyi-tekst-kak-obekt-issledovaniya/> (accessed: 20.07.2021). [in Russian]
6. Lakan Zh. Iznanka psihoanaliza [The inside of psychoanalysis] / Zh. Lakan; per. s fr. A. Chernoglazova. – М. : Gnozis, 2008. – 272 p. [in Russian]
7. Medvedeva E. V. Instagram: prostranstvo prodvigayushchej kommunikacii [Instagram: a space for promotional communication] / E. V. Medvedeva // Medialingvistika [Medialinguistics]. – 2019. V. 6. - №3. – P. 369-380. [in Russian]
8. Naumova E. I. Psihoanaliz i dialektika. Negativnye praktiki osvobozhdeniya [Psychoanalysis and the Dialectic. Negative practices of liberation] / E. I. Naumova. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – P. 136-166. [in Russian]
9. Strategiya razvitiya ChelGU [Development strategy of CSU] [Electronic resource]. – URL: <https://www.csu.ru/about/about/strategy.aspx> (accessed: 20.07.2021). [in Russian]
10. Chto takoe Instagram i kak im pol'zovat'sya [What is Instagram and how to use it] [Electronic resource]. – URL: <https://skachat'-instagram.rf/что-такое-instagram-i-kak-im-polzovatsya.html> (accessed: 20.07.2021). [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.27.3.12>**ИДЕЙНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТАТАРСКОЙ СОВЕТСКОЙ ДРАМАТУРГИИ 1960-Х ГОДОВ
(НА ПРИМЕРЕ ПЬЕС Ш. ХУСАИНОВА И Т. МИННУЛЛИНА)**

Научная статья

Шарипова А.С. *

ORCID: 0000-0001-5560-4336,

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия

* Корреспондирующий автор (alsu-samigullovna[at]yandex.ru)

Аннотация

Цель статьи – выявить закономерности идейно-эстетического развития татарской советской драматургии 1960-х годов. На примере анализа драмы Ш. Хусаинова «Әни килде» («Мама приехала», 1965) и комедии Т. Миннуллина «Нигез ташлары» («Камни фундамента», 1968) определяются основная тематика, проблематика, система образов, введенных в татарскую сценическую литературу в начале 1960-х годов, и особенности конфликта драматических произведений изучаемого периода. Научная новизна статьи заключается в попытке показать изменения в оценке историографического материала, относящегося к советскому периоду развития татарской литературы. Полученные результаты свидетельствуют о том, что в 1960-х годах в татарской драматургии были сделаны серьезные шаги в переосмыслении художественных взглядов, освободив их от официально утвержденных рамок социалистического канона, и возвращении к лучшим традициям дореволюционной национальной сценической литературы.

Ключевые слова: татарская советская драматургия, Ш. Хусаинов, Т. Миннуллин, конфликт, проблема, герой.

**IDEOLOGICAL AND AESTHETIC FEATURES OF THE SOVIET TATAR DRAMA OF THE 1960S
(BASED ON THE PLAYS OF SH. KHUSAINOV AND T. MINNULLIN)**

Research article

Sharipova A.S. *

ORCID: 0000-0001-5560-4336,

G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia

* Corresponding author (alsu-samigullovna[at]yandex.ru)

Abstract

The aim of the article is to identify the patterns of ideological and aesthetic development of the Soviet Tatar drama of the 1960s. The article features an analysis of Sh. Khusainov's drama "Әни килде" ("Mother has Arrived", 1965) and T. Minnullin's comedies "Нигез ташлары" ("Foundation Stones", 1968), the analysis defines the main themes, problems, the system of images introduced into Tatar playwriting in the early 1960s, and the features of the conflict of dramatic works of the period under study. The scientific novelty of the article lies in attempting to show changes in the assessment of historiographic material related to the Soviet period of the development of Tatar literature. The results obtained indicate that in the 1960s, there were serious steps were taken in rethinking the artistic view of Tatar drama, freeing it from the officially approved framework of the socialist canon and returning to the best traditions of the pre-revolutionary national playwriting.

Keywords: Soviet Tatar drama, Sh. Khusainov, T. Minnullin, conflict, problem, hero.

Введение

Татарская драматургия 1960-х годов является одним из ключевых периодов в истории развития национальной сценической литературы. Характерной особенностью данного этапа можно назвать постепенный отказ от официально утвержденного инварианта советской литературы и возвращение к национальным литературным традициям дооктябрьского периода. Драматургия этой поры «накопила довольно богатое наследие, которое и по численности написанных произведений, и по качеству, жанровому многообразию и особенностям стиля отличается от предшествующих периодов, присущих татарской советской сценической литературе» [1, С. 311].

Методы и принципы исследования

Целью настоящей статьи является выявить закономерности идейно-эстетического развития татарской советской драматургии 1960-х годов. Для достижения вышеуказанной цели поставлены следующие задачи: 1) определить общие тенденции развития литературного процесса 1960-х годов; 2) проанализировать драму Ш. Хусаинова «Әни килде» («Мама приехала», 1965, другое название «Әниемнең ак күлмәге» – «Белое платье матери») и комедию «Нигез ташлары» («Камни фундамента», 1968), наиболее полно отразивших характерные особенности татарской литературы исследуемого периода; 3) сформулировать основные идейно-эстетические особенности татарской советской драматургии 1960-х годов. При подготовке статьи были автором были использованы научные труды таких ученых, как А.Г. Ахмадуллин, М.И. Громова, Д.Ф. Загидуллина, А.М. Закирзянов, Н.Г. Ханзафаров и др. [1], [3], [5], [6] etc. Основными методами исследования являются культурно-исторический и герменевтический методы, метод целостного анализа художественного произведения.

Основные результаты

Вторая половина 1950-х годов, называемая «Хрущевской оттепелью», характеризуется серьезным переосмыслением социальных норм и роли человека в обществе, что в свою очередь, находит отражение в татарской литературе в форме идеи национального возрождения. Д. Загидуллина, изучая литературный процесс 1960-1980 годов, оценивает его «процессом возвращения к национальным традициям, к продолжению модернистских поисков татарской литературы начала XX века», главным условием его реализации стало снятие ограничений в отношении изучения творческого наследия татарских классиков, как, Дардемента, С. Сунчалея, Ш. Бабича, Н. Думава, Ф. Бурнаша и других, а также возвращение в литературный процесс имен М. Джалиля, Х. Туфана и других [5, С. 127]. В этот период татарские театры начали вновь вводить в свой репертуар ранее запрещенные пьесы К. Тинчурина, Ф. Бурнаша, Ш. Усманова, Ф. Сайфи-Казанлы, Г. Ибрагимова. Кроме этого, на литературную арену приходит целая плеяда молодых талантливых драматургов, как Шариф Хусайнов, Хай Вахит, Аяз Гилязов, Ахсан Баян, Ильдар Юзеев, Туфан Миннуллин. Характерные особенности татарской литературы 1960-х годов нашли наиболее полное отражение, в первую очередь, в их творчестве.

По мнению А. Закирзянова, «художественные поиски в татарской драматургии исследуемого периода были тесно связаны с общим литературным процессом, в котором отчетливо чувствовались два направления: первое из них – это увлечение изображением сглаженных жизненных явлений, наивно и однобоко построенными коллизиями, легкими способами разрешения конфликтов, основываясь на образах коммунистов или на партийные предписания, а второе направление характеризуется продолжением лучших традиций многовековой татарской литературы, основанных на национальных и общечеловеческих ценностях, направленных на сохранение образа жизни, традиций, обычаев народа и изображением через них актуальных вопросов эпохи во всей полноте» [7, С. 454]. Постепенно наблюдалась тенденция преобладания второго направления над первым, что привело к формированию новой нравственно-гуманистической концепции, основанной на переосмыслении социальных норм и роли человека в обществе.

Яркой фигурой татарской драматургии исследуемого периода, является народный писатель Республики Татарстан, лауреат Государственной премии имени Г. Тукая, драматург Туфан Миннуллин (1935-2012). Его произведения, написанные 1960-х годах, стали серьезным шагом в переосмыслении художественных взглядов в татарской драматургии советского периода и возрождении лучших традиций дооктябрьской татарской сценической литературы. Как отмечает А. Закирзянов, «он отважно стоит на страже устоев татарской нации, ее образа жизни, обычаев, обрядов и традиций, (...) мощью своего таланта отстаивает мысль о том, что основными качествами, определяющими суть национального менталитета, являются трудолюбие, уважение к старшим, сохранение духовной связи и преемственности между поколениями, верность вековым нравственным канонам, любовь к родной земле» [8, С. 195].

Комедия «Нигез ташлары» («Камни фундамента», 1968) [10], одна из первых пьес Т. Миннуллина, становится серьезным поворотом в татарской советской драматургии в сторону художественного изображения проблемы моральных ценностей, нравственного здоровья нации, духовной преемственности поколений.

Главный герой пьесы Гарифулла, всю жизнь проживший в деревне, и уважаемый односельчанами, решает направить сыновьям срочную телеграмму о своей болезни. Известие собирает детей в родном доме, где их ожидает серьезный разговор с отцом. Обостряя конфликт пьесы, автор ставит перед собой цель раскрыть суть нравственной позиции сыновей Гарифуллы – равнодушного Ханифа, высокомерного Хамита, жадного Халила, не думающего о продолжении рода Халима. Сюжет развивается вокруг темы «отчего дома» и проблемы прочности его фундамента, то есть рода Ахмадиши, которым так гордится Гарифулла. Таким образом, автор заставляет задуматься читателя о смысле жизни, нравственности, прочности родственных связей.

Название комедии «Камни фундамента» несет большую смысловую нагрузку, имеет глубоко символический характер, ассоциируя базовые человеческие ценности (семейные традиции, преемственность поколений, честность, благородность) с архетипом «фундамент дома». Как известно, в мировой культуре XX – начала XXI веков архетип «дом», в котором заложены концепты «семья», «любовь», «родина», выступает одним из основополагающих ценностей, имеющих нравственно-философский аспект [4, С. 9], а в частности «в татарской драматургии 1960-1980 годов отчий дом (йорт – нигез) становится лейтмотивом, сущностные характеристики которого выражены в ориентации на ценности традиционного порядка, в адекватности апробированным, вековым формам народной жизни» [2, С. 18].

Гарифулла в комедии выступает блюстителем незыблемости национальных традиций. «Глубоко народный характер главного героя Гарифуллы представляется как камертон народного духа. Это и мудрость, и нравственная чистота, это и строгость, и решительность, это и острый язык народа» [11, С. 175]. Он представляется носителем народной оценки деяний и жизненных позиций персонажей, через его рассуждения передается идейно-нравственная позиция автора. Отказ Гарифуллы от строительства нового дома воспринимается читателем не как сопротивление к новому, а как стремление к сохранению веками сложившихся национальных традиций, народных устоев, семейных ценностей. Для ее осознания ключевым звеном является заключительная сцена, в которой Гарифулла обращается к своему внуку Флориду. Его монолог подводит итог разыгравшегося конфликта:

«Г а р и ф у л л а. ... Менә син әйт, улым, кешеләргә балалар ни өчен кирәк? Ни өчен без аларны азаплаган үстерәбез? Жанталаша-жанталаша укытабыз. Ни өчен? Җир йөзгә әйбәт нәсел калсын өчен. Минем балам миннән әйбәтрәк булсын өчен. Миннән начар булса, нәрсә булып чыга? Мин үлгәнче үк үлгән бит ул. Әгәрнки, син өй салырга уйласаң, нигез ташларың таза булсын. Мурып беткән таш өстенә өй салып булмый, өй, бүрәләргә искергәнче үк, кыйшаеп, ишелеп төшә. Ә таза нигез ташы өстенә әллә ничә тапкыр өй салырга була. Менә мин дә әтиңне, абылларыңны шуның өчен ачуланам. Алар нык, таза булса, минем нәселнең гомере озын булачак» [9, С. 193]
/ Г а р и ф у л л а. ... Ты мне скажи, сынок: зачем людям нужны дети? Зачем мы вкладываем столько труда, чтобы их вырастить? Обучаем, вкладывая в них душу. Зачем? Чтобы оставить достойное продолжение рода. Чтобы твой

ребенок был лучше тебя. Что получится, если он окажется хуже меня? Его же не станет еще до моей смерти. Если ты задумал построить дом, пусть фундамент будет из прочных камней. Но на изношенном камне не возможно построить дом, он развалится еще до того, как обветшают бревна. А на прочном каменном фундаменте можно построить дом несколько раз. Вот и я поэтому ругаю твоего отца и твоих братьев. Если они будут крепкими, то и жизнь моего рода будет долгой (Здесь и далее перевод автора статьи. – А. Ш.).

Таким образом, Т. Миннуллин в пьесе «Камни фундамента» поднимает злободневные нравственные проблемы не только своего времени, но и актуальные вопросы для татарской нации в целом. Автор с помощью комических приемов говорит о «весьма серьезных вещах», а единство комизма и драматизма, использование элементов тонкого психологизма, применение приемов пьесы-диспута обеспечивают высокую художественность комедии.

Как и в русской литературе, «с завидным упорством и мужеством многие драматурги 60-х – начала 80-х годов, их герои демонстрировали с театральной трибуны пороки системы, преступно разрушающей страну, ее природу, деформирующей человеческое сознание, представление о нравственных ценностях» [3, С. 9]. К таковым относится творчество известного татарского драматурга Шарифа Хусаинова (1929-1999). Как пишет Д. Загидуллина, «его комедия «Профессор кияве» («Зять профессора», 1952), и, в особенности, драма «Әни килде» («Мама приехала», 1965, другое название «Әниемнең ак күлмәге» – «Белое платье матери») начали большой разговор о национальных нравственных канонах, об их искажении и утрате в новое время, и как следствие утрате людьми человеческих качеств» [6, С. 271].

В пьесе события разворачиваются вокруг ситуации, связанной с серьезной болезнью матери. Приехавшая в город Мама случайно попадает на свадьбу своего младшего сына. Собравшиеся на свадьбу дети радостно встречают ее, но, когда узнают о болезни матери, ситуация начинает быстро меняться. Мама, вырастившая десятерых детей, в последние дни своей жизни оказывается в чужом доме в воспитании чужих людей. Таким образом, конфликт пьесы основывается на противоречивых взаимоотношениях матери и детей, родных братьев и сестер.

Ш. Хусаинов в данном произведении смело поднимает значимые социально-нравственные проблемы эпохи, как безнравственность, безответственность, эгоизм, приводит читателя к мысли, что духовное уродство, является, в первую очередь, последствием советской идеологии, основанной на тоталитарном режиме и атеистических взглядах. Поколению советской эпохи противопоставляется старшее поколение, получившее воспитание на народных, религиозных, национальных традициях. Ярким примером этого является образ Ислама, который по характеру является полной противоположностью своей матери, материальное богатство для него превыше всего. Эта мысль подтверждается и репликой внука Мама, безответственного, живущего за счет родителей тридцати двухлетнего Альфреда:

«А л ь ф р е д. Хәзер яшьлар сезнең кебек түгел шул, әби. Без башкачарак яшарга яратабыз» [10, С. 195] / *А л ь ф р е д. Сейчас молодежь не похожа на вас, бабушка. Мы по другому жить хотим.*

Маме, являющейся главным героем драмы, свойственны такие качества, как искренность, выдержанность, доброта, трудолюбие. В отличие от других действующих лиц, она не имеет конкретного имени. Таким образом, уже в начале пьесы становится понятно, что Мама – это типический образ, а ее белое платье – это символ душевной чистоты, высокой нравственности. Как отмечает Д. Загидуллина, в произведении «судьба матери приравнивается к судьбе Родины-Матери, и драматург приглашает зрителя-читателя к разговору об отношениях к Матери – Родине – прошлому. Это удастся через типизацию образа матери, доведения его до уровня символа» [6, С. 282]. Ее обращение к своим детям в финале драмы звучит как завещание всему человечеству:

«А н а. ... Васыятем шул: кеше булыгыз! Куркак җан булудан саклангыз! Кеше куркак булса, үзенең җанын саклап калу өчен теләсә нинди түбәнлеккә бара. Атасын да, анасын да, хәтта Ватанын да сата!...» [10, С. 210] / *(М а м а. ...Завещаю вам: оставайтесь людьми! Не становитесь трусами. Если человек трус, он пойдет на любую низость, чтобы спасти свою душу. И отца, и мать, и даже Родину продаст!*

Отдельные детали, включенные драматургом в сюжет пьесы (свадьба Саяра без ведома и благословения матери, что неприемлемо для татарской культуры; рассказ Гульсум о поисках домашнего адреса родного сына Мама, через справочную службу; рассказ Мама при передаче гостинцев о том, что за последний год ни один из детей не приехал к ней) показывают не только разлад во взаимоотношениях внутри одной семьи, но и являются свидетельством утраты нравственных основ общества, как уважение к родителям, добро, милосердие.

Включенный автором в драму персонаж Альмухамет, 89-летний старик, дополняет образ матери. Он потерял на войне четырех сыновей, и поэтому, старик высоко ценит родственные отношения, дорожит благополучием в семье. Долгие годы он живет со своей невесткой Зулейхой и с благодарностью отзывается о ней. Сравнивая судьбы двух семей, выделяя противоположность их взглядов на семейные ценности, автор закрепляется в своей нравственно-гуманистической концепции произведения.

Таким образом, драма Ш. Хусаинова «Мама приехала», которая отличалась новизной поднятых проблем, оригинальностью основной идеи, стала новым словом в татарской драматургии 1960-х годов.

Заключение

Исходя из вышеизложенного, можно сказать следующее: драма Ш. Хусаинова «Әни килде» («Мама приехала») и комедия Т. Миннуллина «Нигез ташлары» («Камни фундамента») стали серьезным шагом в переосмыслении художественных взглядов в татарской драматургии 1960-х годов, освободив их от официально утвержденных рамок социалистического канона. Как показывает анализ произведений, главная идея татарской советской драматургии 1920-1950-х годов, связанная с призывом к строительству «светлого будущего», в исследуемый период заменяется идеей сохранения в человеке гуманистического начала. Взамен однотипным образам передовиков производства с коммунистическим мировоззрением приходят герои со сложным характером, способные к сильным чувствам, принципиальные, отстаивающие свою точку зрения. Обретает особую значимость проблема осмысления личности в

контексте национальных традиций и ценностей. Утрата нравственности объясняется драматургами историко-политическими обстоятельствами, отказом от вековых национальных традиций, «неписанных» законов быта и бытия. Используемые авторами приемы символической типизации, созданные тайные смыслы становятся способами критической оценки существующих в стране идеологии и порядков.

Таким образом, содержательные и качественные изменения поэтического мира драматических произведений 1960-х годов становятся предпосылкой для постепенной смены инварианта, установленного в 1920-1950 годах в соответствии с канонами социалистического реализма.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Ахмадуллин А. Г. Татарская драматургия: история и проблемы / А. Г. Ахмадуллин. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2012. – 511 с.
2. Батталова А. Д. Эволюция образа дома в татарской драматургии (1960-2000 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02: защищена 28.06.2006 / Батталова Алсу Дамировна. – Казань, 2006. – 28 с.
3. Громова М. И. Русская современная драматургия: учебное пособие для студентов-филологов, учащихся средних заведений гуманитарного профиля / М. И. Громова. – М.: Флинта: Наука. – 160 с.
4. Денисова Т. Н. Концепция героя в русской драматургии 2-ой половины XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01: защищена 25.09.2014 / Денисова Татьяна Николаевна. – Архангельск, 2014. – 22 с.
5. Загидуллина Д. Ф. Авангард в татарской литературе 1960-1980 гг.: причины возникновения и национальные особенности / Д. Ф. Загидуллина // Филология и культура. Philology and culture. – 2014. – № 2 (36). – С. 126–130.
6. Загидуллина Д. Ф. 1960–1980 еллар татар әдәбияты: яңарыш мәйданнары һәм авангард эзләнүләр: монография / Д. Ф. Загидуллина. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2015. – 382 б.
7. Закиржанов Ә. М. Драматургия / Татар әдәбияты тарихы: сигез томда [төз. Р.Ф. Рахмани] / Ә. М. Закиржанов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2014. – 6 т.: 1960–1980 еллар / [фәнни мөх. Д.Ф. Загидуллина, Ә.М. Закиржанов]. – 2018. – 775 б.
8. Закирзянов А. М. Модель татарской деревни в творчестве Т. Миннуллина / А. М. Закирзянов // Социокультурное пространство российской провинции: историческая память и национальная идентичность. Сборник научных материалов IX Международных Стахеевских чтений. – Елабуга, 2019. – С. 194–198.
9. Миңнуллин Т. Ир-егетләр. Пьесалар җыентыгы / Т. Миңнуллин. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1974. – 256 б.
10. Татар драматургиясе (1960-1980 еллар). Сайланма пьесалар. – Казан: Татарстан Республикасы «Хәтер» нәшрияты (TaPIH), 2003. – 495 б.
11. Ханзафаров Н. Г. Татарская комедия / Н. Г. Ханзафаров. – Казань: «ФЭН», 1996. – 266 с.

Список литературы на английском / References in English

1. Ahmadullin A. G. Tatarskaja dramaturgija: istorija i problem [Tatar Drama: history and problems] / A. G. Ahmadullin. – Kazan': Tatar. kn. izd-vo, 2012. – 511 p. [in Russian]
2. Battalova A. D. Jevoľucija obraza doma v tatarskoj dramaturgii (1960–2000 gg.): abstract of PhD in philological: 10.01.02: defense of the thesis 28.06.2006 / Battalova Alsu Damirovna. – Kazan', 2006. – 28 p. [in Russian]
3. Gromova M. I. Russkaja sovremennaja dramaturgija [Russian modern drama]: uchebnoe posobie dlja studentov-filologov, uchashhihsja srednih zavedenij gumanitarnogo profilja / M. I. Gromova. – M.: Flinta: Nauka. – 160 p. [in Russian]
4. Denisova T. N. Koncepcija geroja v russkoj dramaturgii 2-oj poloviny XX veka [The concept of the hero in the Russian drama of the 2nd half of the XX century]: abstract of PhD in philological: 10.01.01: defense of the thesis 25.09.2014 / Denisova Tat'jana Nikolaevna. – Arhangel'sk, 2014. – 22 p. [in Russian]
5. Zagidullina D. F. Avangard v tatarskoj literature 1960-1980 gg.: prichiny vozniknovenija i nacional'nye osobennosti [The avant-garde in the Tatar literature of 1960-1980: the reasons for the emergence and national characteristics] / D. F. Zahidullina // Filologija i kul'tura. Philology and culture. – 2014. – № 2 (36). – P. 126–130. [in Russian]
6. Zahidullina D. F. 1960-1980 ellar tatar әдәбияты: яңарыш мәйданнары һәм авангард эзләнүләр: монография [Tatar literature of the 1960–1980s: renaissance and avant-garde searches: monograph] / D. F. Zahidullina. – Kazan: Tatar. kit. nashr., 2015. – 382 p. [in Russian]
7. Zakirzanov Ә. M. Dramaturgija / Tatar әдәбияты тарихы: sigez tomda [töz. R.F. Rahmani] / Ә. M. Zakiržanov. – Kazan: Tatar. kit. nashr., 2014. – 6 t.: 1960–1980 ellar / [fänni möh. D.F. Zahidullina, Ә.M. Zakirzanov]. – 2018. – 775 p. [in Russian]
8. Zakiržanov A. M. Model' tatarskoj derevni v tvorchestve T. Minnullina [The model of the Tatar village in the works of T. Minnullin] / A. M. Zakiržanov // Sociokul'turnoe prostranstvo Rossijskoj provincii: istoričeskaja pamjat' i nacional'naja identičnost'. Sbornik nauchnyh materialov IX Mezhdunarodnyh Staheevskih čtenij [The socio-cultural space of the Russian province: historical memory and national identity. Collection of scientific materials of the IX International Stakhey Readings]. – Elabuga, 2019. – P. 194–198. [in Russian]
9. Minnullin T. Ir-egetlär. P'esalar җыентыгы [Men. Collection of plays] / T. Minnullin. – Kazan: Tatar. kit. nashr., 1974. – 256 p. [in Russian]
10. Tatar dramaturgijase (1960-1980 ellar). Sajlanma p'esalar [Tatar drama (1960-1980). Selected plays]. – Kazan: Tatarstan Respublikasy «Häter» nashrijaty (TaRIH), 2003. – 495 p. [in Russian]
11. Hanzafarov N. G. Tatarskaja komedija [Tatar comedy] / N. G. Hanzafarov. – Kazan': «FƏN», 1996. – 266 p. [in Russian]